

2024 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафuanов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2024

СОДЕРЖАНИЕ:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.

Почему люди оправдывают насилие:

роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании..... 1–17

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.

Психометрическая проверка методик для оценки когнитивных искажений,

касающихся сексуальных отношений с детьми 18–32

Тухтаева Д.А., Луковцева З.В.

Психологические особенности взрослых, переживших

сексуальное насилие в детском или подростково-юношеском возрасте 33–52

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В., Романова Н.М., Киселев К.А.

Шкала нарушенных потребностей.

Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ 53–71

Гарифулина Э.Ш., Телицына А.Ю.

Уязвимое детство в контексте детского благополучия 72–88

Эльзессер А.С.

Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка 89–106

Гончарова Н.А., Жидкова О.А.

Эмоциональный интеллект и эмпатия в саморегуляции

деятельности сотрудников органов внутренних дел 107–120

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.

Специфические признаки потенциального вовлечения сотрудников

уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

в преступления коррупционной направленности..... 121–139

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Сафуанов Ф.С., Солдатова К.М.

Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания 140–151

Русаковская О.А.

«Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического

метода исследования при изменении гражданско-правового статуса 152–167

Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.

Ценностные ориентации у лиц, совершающих преступления
экономической направленности и в сфере компьютерной информации..... 168–182

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении
особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций
программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2) 183–196

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.

Научно-биографический метод в психологических и правовых исследованиях:
от ретроспективного и многофакторного анализа
до методологического инструментария оценки качества..... 197–213

Смирнов Д.В., Наумов П.Ю.

Организационно-правовые основы управления профессиональным
психологическим отбором в войсках национальной гвардии России..... 214–234

**Bulygina V.G., Ivashkevich N.T., Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M. /
Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т., Рашевская О.Ю., Проничева М.М.**

Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers /
Психофизиологический и психоэндокринный подходы
в зарубежных исследованиях стрессового реагирования у полицейских..... 235–247

Mironova O.I., Ruonala L.A. / Миронова О.И., Руонала Л.А.

Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners /
Модель социально-психологической адаптации
женщин, заключивших брак с иностранцами..... 248–265

CONTENTS:

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.

Why People Justify Violence:

The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance 1–17

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.

Psychometric Properties of the Questionnaires for Assessing

Cognitive Distortions about Sexual Relations with Children..... 18–32

Tukhtaeva D.A., Lukovtseva Z.V.

Psychological Characteristics of Adults Who Have

Experienced Sexual Violence in Childhood or Adolescence 33–52

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V., Romanova N.M., Kiselev K.A.

Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth), OTNS-AY (in Russ.)..... 53–71

Garifulina E.Sh., Telitsyna A.Yu.

Vulnerable Childhood in the Context of Children’s Well-Being 72–88

Elzesser A.S.

Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing 89–106

Goncharova N.A., Zhidkova O.A.

Emotional Intelligence and Empathy in the Self-Regulation

of the Activities of Law Enforcement Officers 107–120

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.

The Specific Signs of the Potential Involvement of Employees

of the Penitentiary System of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes. 121–139

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Safuanov F.S., Soldatova K.M.

Criminally Relevant Affect and Self-Excitation Reaction 140–151

Rusakovskaya O.A.

“Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric

Research Method when Changing Civil Legal Status 152–167

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.

Value Orientations of Persons That Commit Economic Crimes

and Crimes in the Field of Computer Information 168–182

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2) 183–196

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.

Scientific-Biographical Method in Psychological and Legal Research: from Retrospective and Multivariate Analysis to Methodological Tools for Quality Assessment 197–213

Smirnov D.V., Naumov P.Yu.

Organizational and Legal Foundations of the Management Professional Psychological Selection in the National Guard of Russia 214–234

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T., Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.

Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers 235–247

Mironova O.I., Ruonala L.A.

Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners 248–265

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Почему люди оправдывают насилие: роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании

Ананьева О.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: [oananyeva@hse.ru](mailto: oananyeva@hse.ru)

Прусова И.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: [iprusova@hse.ru](mailto: iprusova@hse.ru)

Захарова С.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: [s.zakharova9600@gmail.com](mailto: s.zakharova9600@gmail.com)

Настоящее исследование направлено на изучение роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании. В онлайн-исследовании приняли участие 739 жителей России (381 мужчина и 358 женщин) в возрасте от 18 до 79 лет ($M = 36.8$, $SD = 11.5$). Участникам предлагалось заполнить методики для измерения потребности в когнитивной завершенности, веры в опасный и конкурентный мир, страха смерти, потребности в разделенной реальности и принятия мифов об изнасиловании. Результаты моделирования структурными уравнениями показали, что наибольший вклад в принятие мифов об изнасиловании вносят потребность в порядке (эпистемические мотивационные основания) и вера в конкурентный мир (экзистенциальные мотивационные основания). Представленное исследование позволило выявить ключевые мотивационные основания принятия разных мифов об изнасиловании, что можно использовать для разработки программ, направленных на снижение толерантности к проявлению насилия.

Ключевые слова: мифы об изнасиловании, вера в конкурентный мир, потребность в когнитивной завершенности, вера в опасный мир, страх смерти, гендерное насилие.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитаты: Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А. Почему люди оправдывают насилие: роль мотивационных оснований в поддержке мифов об изнасиловании [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101

Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance

Olga A. Ananyeva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Sofia A. Zakharova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

The purpose of this study was to examine the role of existential, epistemic, and relational motivational foundations in the enactment of rape myths. The online study empirically tested a model in which motivational foundations were included as predictors, rape myth acceptance as dependent variables, socio-demographic characteristics (gender, education, and income level) - control variables. A total of 739 Russian residents (381 men and 358 women) aged 18 to 79 years ($M=36.8$, $SD=11.5$) participated in the online study. Participants were asked to complete questionnaires to measure need for cognitive closure, belief in a dangerous and competitive world, fear of death, shared reality, and acceptance of rape myths. Structural equation modeling showed that the most significant contribution in the support of the rape myth is made by the need for order (epistemic motivational foundations) and belief in a competitive world (existential motivational foundations). The current research shed light on the main motivational foundations of the rape myth acceptance that might be used in the social programs to reduce tolerance towards violence.

Keywords: rape myths, belief in a competitive world, need for cognitive closure, belief in a dangerous world, fear of death, gender-based violence.

Funding. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024.

For citation: Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A. Why People Justify Violence: The Role of Motivational Foundations in Rape Myths Acceptance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17. DOI:10.17759/psylaw.2024140101 (In Russ.).

Введение

По данным статистики МВД о состоянии преступности в России, количество совершенных изнасилований и покушений на изнасилование остается достаточно стабильным на протяжении последних трех лет: 2021 — 3457, 2022 — 3311, 2023 (январь—июнь) — 1551 [2]. По количеству зарегистрированных заявлений в полицию, в 2021 г. наблюдался рост изнасилований и покушений на изнасилование на 32,4% с 2020 г. В этом случае рассматриваются только те случаи, когда пострадавшие от сексуализированного насилия обращались в право-

охранительные органы за помощью, что не всегда находит выражение и в действительности может свидетельствовать о большем количестве таких преступлений.

Согласно теории оправдания системы, ситуация сексуализированного насилия может выступать угрозой существующей системе гендерных отношений [17]. Столкновение с информацией, которая не соотносится с безопасной, справедливой и упорядоченной картиной мира, приводит к необходимости восстановления контроля и предсказуемости существующего устройства [17; 18]. Для этого люди прибегают к рационализации и оправданию статус-кво, что на уровне установок находит выражение в поддержке сексизма, ориентации на социальное доминирование, правого авторитаризма и консерватизма [17]. Помимо ориентации на сохранение традиционной системы гендерных ролей, для объяснения возникающих угроз люди также обращаются к атрибуции вины и ответственности за произошедшее [18]. Например, в ситуации сексуализированного насилия таким защитным механизмом может выступать принятие мифов об изнасиловании [22].

Под мифами об изнасиловании принято считать широко распространенные установки, верования и часто ошибочные суждения о сексуализированном насилии, которые служат для отрицания или оправдания мужской сексуальной агрессии в отношении женщин [9]. Исследователи выделяют категории мифов, которые перекладывают ответственность за случившееся на пострадавшую (мифы «Она этого хотела», «Она сама напросилась»), отрицают изнасилование («Это не было настоящим изнасилованием», «Она солгала»), обесценивают изнасилование («Изнасилование — это обычное дело») или, наоборот, рассматривают изнасилование как нечто редкое и исключительное («Изнасилование — девиантное происшествие») и оправдывают агрессора («Он не имел это в виду») [7; 24]. Несмотря на то, что исследование мифов об изнасиловании продолжается на протяжении 40 лет, наибольший фокус в исследованиях отношения к сексуализированному насилию уделяется связи с легитимирующими статус-кво установками, в частности, с сексизмом, гендерным эссенциализмом и оправданием гендерной системы [20], правым авторитаризмом [21] и ориентацией на социальное доминирование [8]. При этом остается открытым вопрос о причинах и психологических механизмах, объясняющих распространенность таких мифов.

В рамках теории оправдания системы и мотивированного социального познания принятие мифов об изнасиловании, как пример ориентации на сохранение статус-кво, можно рассматривать через перспективу мотивационных оснований. Предполагается, что оправдание статус-кво обусловлено экзистенциальными (избегание потенциальных угроз и обеспечение безопасности), эпистемическими (совладание с ситуацией неопределенности) и реляционными (поддержание отношений с другими людьми) основаниями [17; 27].

Исследования экзистенциальных мотивационных оснований показывают, что вера в опасный и конкурентный мир, страх смерти приводят как к большей представленности установок, закрепляющих неравенство, так и оправданию насилия [11; 13—14; 25; 31]. Причем для веры в опасный мир ключевым основанием выступает поддержка традиционной системы гендерных ролей и норм: для веры в конкурентный мир — это статус и сохранение существующей иерархии в обществе, для страха смерти — подтверждение культурного мировоззрения (согласованность с личными нормами и ценностями) [10; 11; 32]. В этом случае приписывание вины за произошедшее низкостатусной или девиантной группе, нарушающей традиционные нормы или ценности, позволяет восстановить ощущение безопасности и стабильности системы социальных отношений.

При изучении роли эпистемических мотивационных оснований в поддержке установок, легитимизирующих гендерное неравенство и насилие, исследователи обращаются к потребности в когнитивной завершенности [6; 23; 26; 33]. Потребность в когнитивной завершенности позволяет задействовать автоматические стратегии обработки информации, эвристики и экономить когнитивные усилия в ситуации совладания с неопределенностью [26; 29]. В этом случае черно-белое мышление в отношении «плохой жертвы», «нормальных людей, которые не совершают преступлений» или исключительных обстоятельств (посещение социально-неблагополучных районов) для объяснения причин насилия приводит к упорядочиванию и определенности существующей картины мира [12].

Реляционные мотивационные основания, в частности потребность в разделенной реальности, также рассматриваются в качестве предикторов установок, легитимизирующих гендерное неравенство [17] и дискриминацию в отношении женщин [27]. Наличие похожих взглядов и чувств относительно миропорядка и устройства системы гендерных отношений способствует укреплению социальных отношений и реализации потребности в принадлежности [15]. В этом случае представленность в дискурсе определенных мифов об изнасиловании и последующая интернализация конвенциональных взглядов позволяет находить согласие и поддержку в процессе межличностного взаимодействия.

Несмотря на значительный объем работ, посвященных изучению связи установок, оправдывающих гендерное неравенство, и принятия мифов об изнасиловании, в исследовательском поле не представлен комплексный анализ мотивационных оснований отдельных категорий мифов об изнасиловании. Новизна данного исследования заключается в попытке изучения отношения к сексуализированному насилию через призму мотивационных оснований оправдания, поддержки и защиты статус-кво в системе гендерных отношений, так как насилие в отношении женщин может быть инструментом закрепления гендерного неравенства.

Цель настоящего исследования состояла в изучении роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании. Исследовательский вопрос работы: какой вклад вносят эпистемические, экзистенциальные и реляционные мотивационные основания в принятие разных мифов об изнасиловании?

В рамках данного исследования была осуществлена эмпирическая проверка модели, включающей мотивационные основания: экзистенциальные (страх смерти, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир), эпистемические (потребность в когнитивной завершенности) и реляционные (потребность в разделенной реальности) в качестве предикторов; принятие мифов об изнасиловании в качестве зависимой переменной; социально-демографические характеристики (пол, уровень дохода и уровень образования) в качестве контрольных переменных. Выбор контрольных переменных обусловлен различиями в принятии мифов об изнасиловании среди респондентов разного пола, уровня дохода и образования. Результаты предыдущих исследований показывают, что мужчины и люди с низким уровнем образования [19], а также люди с низким уровнем дохода [35] склонны к большему принятию мифов об изнасиловании.

Выборка

В настоящем исследовании приняли участие 739 совершеннолетних россиян (381 (51,6%) мужчин и 358 (48,4%) женщин) в возрасте от 18 до 79 лет ($M = 36,85$; $SD = 11,46$) из разных регионов России. Большая часть респондентов (41,8 %) имели высшее образование, 31,5 % респондентов имели среднее специальное образование (техникум), 11,2 % респондентов —

незаконченное высшее образование или в момент исследования обучались на программах бакалавриата. Медианный доход респондентов по выборке составлял от 20 до 30 тыс. рублей. Большинство респондентов идентифицировали себя как русских (88,9%) и не считали себя религиозными людьми (46,5%).

Процедура

Опрос был проведен в марте 2023 г. на платформе SurveyMonkey, рекрутинг респондентов осуществлялся с помощью ресурса «Яндекс.Толока». За участие в исследовании респонденты получали небольшое денежное вознаграждение. Участников ознакомили с целью и процедурой исследования, после информированного согласия участники приступали к заполнению опроса. Участникам предлагалось заполнить методики на измерение страха смерти, веры в опасный мир, веры в конкурентный мир, потребности в когнитивной завершенности, потребности в разделенной реальности, принятия мифов об изнасиловании, а также указать социально-демографические характеристики.

Методики

Страх смерти измерялся с помощью субшкалы «Страх смерти» из методики «Отношение к смерти» [5; 34], включающей четыре утверждения ($\alpha = ,89$; «Неопределенность того, что произойдет после смерти, беспокоит меня»). Участники исследования отмечали согласие с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Вера в опасный мир измерялась с помощью русскоязычной версии методики, состоящей из пяти утверждений ($\alpha = ,83$; «В нашем обществе существует большая вероятность стать жертвой нападения, ограбления или убийства») [1; 11]. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Вера в конкурентный мир измерялась с помощью русскоязычной версии методики, состоящей из пяти утверждений ($\alpha = ,80$; «Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели») [1; 11]. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»).

Потребность в когнитивной завершенности измерялась посредством шкалы [4, 26] из 12 утверждений в адаптации О. Хухлаева и М. Ясина. Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 6 («Абсолютно согласен»). Методика включает четыре субшкалы: нетерпимость к двусмысленности ($\alpha = ,48$; «Мне не нравятся вопросы, на которые можно ответить по-разному»); потребность в порядке ($\alpha = ,83$; «Мне нравится четкий и структурированный образ жизни»); потребность в завершенности ($\alpha = ,48$; «Я чувствую дискомфорт, когда не понимаю, почему то или иное событие произошло в моей жизни»); потребность в предсказуемости ($\alpha = ,52$; «Я не люблю непредсказуемых ситуаций»). Из-за низких показателей внутренней согласованности некоторых субшкал для дальнейшего анализа была использована только субшкала потребности в порядке, удовлетворяющая допустимому уровню коэффициента надежности ($\alpha > ,60$) [16].

Потребность в разделенной реальности измерялась посредством шкалы [14] из трех утверждений ($\alpha = ,70$; «Я не считаю необходимым соглашаться с тем, как видят мир другие люди»). Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»). Утверждения были перекодированы таким образом, что большие значения переменной соответствовали большей потребности в разделенной реальности.

Принятие мифов об изнасиловании измерялось с помощью адаптированной на русский язык методики [7; 24], состоящей из 21 утверждений и 7 субшкал: «Она этого хотела» (WI, $\alpha = ,84$; «Многие женщины находят принуждение к сексу очень возбуждающим»); «Он не имел это в виду» (MT, $\alpha = ,66$; «Мужчины насилуют из-за постоянного желания секса»); «Изнасилование — это обычное дело» (TE, $\alpha = ,81$; «Если женщина не девственница, то нет проблемы в том, что партнер принуждает ее к сексу»); «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE, $\alpha = ,61$; «Изнасилования чаще происходят в неблагополучных районах»); «Она солгала» (LI, $\alpha = ,75$; «Обвинения в изнасиловании часто используются как способ отомстить мужчинам»); «Это не было настоящим изнасилованием» (NR, $\alpha = ,80$; «Если мужчина не угрожал женщине оружием, принуждая ее к сексу, то это нельзя назвать изнасилованием»); «Она сама напросилась» (SA, $\alpha = ,80$; «Женщине в откровенном наряде не стоит удивляться, если мужчина будет принуждать ее к сексу»). Участники оценивали степень согласия с утверждениями по шкале от 1 («Полностью не согласен») до 7 («Полностью согласен»).

Анализ данных реализован в RStudio с использованием корреляционного и регрессионного анализа [28]. Изучение вклада эпистемических, экзистенциальных и реляционных мотивационных оснований в принятии разных мифов об изнасиловании осуществлялось с помощью моделирования структурными уравнениями [28]. Качество модели оценивалось посредством таких показателей, как сравнительный индекс соответствия ($CFI \geq 0.90$), отношение хи-квадрата к числу степеней свободы ($\chi^2 / df < 3$), индекс Такера—Льюиса ($TLI \geq 0.90$), среднеквадратическая ошибка аппроксимации ($RMSEA < 0,06$), стандартизованный корень среднеквадратического остатка ($SRMR \leq 0,08$) [30].

Результаты

В табл. 1 представлены описательные статистики и корреляции между переменными. На основе корреляционного анализа было установлено, что все категории мифов об изнасиловании положительно связаны друг с другом (коэффициенты корреляции r варьируются от ,34 до ,65) и с верой в конкурентный мир ($r \in [,16; ,36]$); все мифы, за исключением «Она этого хотела», положительно связаны с потребностью в порядке ($r \in [,10; ,19]$); все мифы, за исключением «Это не было изнасилованием», положительно связаны с верой в опасный мир ($r \in [,09; ,16]$). Страх смерти слабо, но положительно связан с категорией «Он не имел это в виду» ($r = ,07$). Все категории мифов отрицательно связаны с полом респондентов (женщины менее склонны выражать согласие с мифами об изнасиловании); мифы «Она этого хотела», «Он не имел это в виду», «Изнасилование — это обычное дело» и «Она сама напросилась» отрицательно связаны с потребностью в разделенной реальности ($-0,09, -0,08, -0,12$ и $-0,13$ соответственно); также мифы «Она этого хотела», «Он не имел это в виду», «Это не было настоящим изнасилованием» и «Она сама напросилась» отрицательно связаны с уровнем образования респондентов ($-0,09; -0,09; -0,12; -0,10$ соответственно).

Для оценки вклада эпистемических, экзистенциальных и реляционных мотивационных оснований в принятии мифов об изнасиловании было реализовано моделирование структурными уравнениями. Конструкты, которые были измерены с помощью шкал, включались в модель как латентные переменные; в качестве контрольных переменных были добавлены социально-демографические характеристики (пол, уровень дохода, уровень образования). Представленная модель показала хорошее соответствие данным $\chi^2(773) = 1896^{***}$; $RMSEA = 0,044 [0,042; 0,047]$; $SRMR = 0,048$; $TLI = 0,901$; $CFI = 0,915$; $AIC = 99431$; $BIC = 100200$. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 1

Описательные статистики, согласованность шкал и корреляции (N = 739)

	M (SD)	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	3,30 (1,43)	,84	1														
2	3,51 (1,32)	,66	,43 ***	1													
3	4,16 (,99)	,81	,35 ***	,65 ***	1												
4	3,47 (3,47)	,61	,35 ***	,44 ***	,53 ***	1											
5	3,63 (3,63)	,75	,59 ***	,42 ***	,36 ***	,41 ***	1										
6	2,73 (2,73)	,80	,55 ***	,50 ***	,34 ***	,51 ***	,57 ***	1									
7	3,72 (1,63)	,80	,51 ***	,47 ***	,43 ***	,42 ***	,50 ***	,59 ***	1								
8	3,77 (1,04)	,83	,05	,13 ***	,17 ***	,19 ***	,10 **	,13 ***	,15 ***	1							
9	4,35 (1,63)	,89	- ,01	,07*	,06	,02	- ,04	- ,03	- ,06	,15 ***	1						
10-	4,66 (1,12)	,83	,15 ***	,15 ***	,14 ***	,09*	,16 ***	,07	,13 ***	,12 ***	,25 ***	1					
11	3,58 (1,16)	,80	,36 ***	,25 ***	,16 ***	,20 ***	,30 ***	,30 ***	,19 ***	,02	,07	,27 ***	1				
12	4,96 (1,11)	,70	- ,09 *	-,08 *	- ,12 **	-,03	- ,07	- ,00	- ,13 ***	- ,06	- ,14 ***	- ,33 ***	- ,18 ***	1			
13			- ,27 ***	-,12 ***	- ,09 *	-,24 ***	- ,33 ***	- ,35 ***	- ,21 ***	- ,01	,17 ***	,00	- ,14 ***	- ,10 **	1		
14	4,01 (1,19)		- ,09 *	-,09 *	- ,04	-,05	- ,07	- ,12 **	- ,10 **	,04	,01	- ,08 *	- ,09 *	- ,02	,14 ***	1	
15	3,62 (2,27)		,02	-,02	- ,03	,02	,05	,05	- ,01	- ,05	- ,13 ***	- ,11 **	,02	,06	- ,13 ***	,21 ***	1

Примечание: переменные — 1. «Она этого хотела»; 2. «Он не имел это в виду»; 3. «Изнасилование — это обычное дело»; 4. «Изнасилование — девиантное происшествие»; 5. «Она солгала»; 6. «Это не было настоящим изнасилованием»; 7. «Она сама напросилась»; 8. Потребность в порядке; 9. Страх смерти; 10. Вера в опасный мир; 11. Вера в конкурентный мир; 12. Разделенная реальность; 13. Пол; 14. Образование; 15. Доход.

«*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$; Пол (1 = Женщины; 0 = Мужчины).

Таблица 2

Результаты моделирования структурными уравнениями

Переменная	WI		LI		TE		DE		MT		NR		SA	
	β (SE)	β_{st}	β (SE)	β_{st}										
Потребность в порядке	,09 (,06)	-,06	,11 (,05) *	,10 *	,18 (,06) **	,13 **	,15 (,04) ***	,23 ***	,20 (,06) ***	,18 ***	,30 (,07) ***	,20 ***	,30 (,07) ***	,19 ***
Страх смерти	-,02 (,03)	-,03	-,01 (,03)	-,02	,01 (,03)	,01	,00 (,02)	,01	,04 (,03)	,06	-,03 (,04)	-,03	-,09 (,04)*	-,10 *
Вера в конкурентный мир	,78 (,13) ***	,35 ***	,50 (,10) ***	,29 ***	,80 (,13) ***	,36 ***	,22 (,06) ***	,22 ***	,45 (,10) ***	,26 ***	,73 (,13) ***	,32 ***	,41 (,13) ***	,16 ***
Вера в опасный мир	,03 (,06)	,02	,06 (,05)	,06	-,15 (,06) *	-,12 *	-,02 (,03)	-,04	,03 (,06)	,03	-,07 (,07)	-,05	,01 (,08)	,01
Разделенная реальность	-,15 (,08)	-,09	-,09 (,06)	-,08	,02 (,08)	,01	,01 (,04)	,01	-,08 (,07)	-,07	-,04 (,08)	-,02	-,21 (,09) *	-,12 *
Пол	-,64 (,09) ***	-,27 ***	-,61 (,08) ***	-,33 ***	-,77 (,09) ***	-,33 ***	-,32 (,06) ***	-,29 ***	-,27 (,08) ***	-,15 ***	-,83 (,10) ***	-,34 ***	-,53 (,11)	-,20
Образование	-,06 (,04)	-,06	-,01 (,03)	-,02	-,11 (,04) **	-,11 **	-,01 (,02)	-,02	-,06 (,04)	-,08	-,10 (,04) *	-,09 *	-,09 (,05)	-,08
Доход	,01 (,02)	,01	,01 (,02)	,03	,04 (,02)*	,08*	-,00 (,01)	-,01	-,00 (,02)	-,01	,04 (,02)	,07	,00 (,02)	,00
R ²	,24		,16		,25		,27		,14		,18		,27	

Примечание: WI — «Она этого хотела»; LI — «Она солгала»; TE — «Изнасилование — это обычное дело»; DE — «Изнасилование — девиантное происшествие»; MT — «Он не имел это в виду»; NR — «Это не было настоящим изнасилованием»; SA — «Она сама напросилась»; Пол (1 = Женщины; 2 = Мужчины); «*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$.

В рамках полученной модели было подтверждено, что ключевым предиктором для принятия разных мифов об изнасиловании является вера в конкурентный мир. Вера в конкурентный мир вносит положительный вклад в поддержку таких мифов, как «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = 0,41$; SE = 0,13; $z = 3,26$; $p = 0,001$), «Она солгала» (LI) ($\beta = 0,50$; SE = 0,10; $z = 5,27$; $p < 0,001$), «Она этого хотела» (WI) ($\beta = 0,78$; SE = 0,13; $z = 6,17$; $p < 0,001$), «Он не имел это в виду» (MT) ($\beta = 0,45$; SE = 0,10; $z = 4,32$; $p < 0,001$), «Это не было настоящим изнасилованием» (NR) ($\beta = 0,73$; SE = 0,13; $z = 5,66$; $p < 0,001$), «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = 0,80$; SE = 0,13; $z = 6,28$; $p < 0,001$), «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE) ($\beta = 0,22$; SE = 0,06; $z = 3,60$; $p < 0,001$).

Потребность в порядке вносит положительный вклад в принятие таких мифов, как «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = 0,30$; $SE = 0,07$; $z = 4,16$; $p < 0,001$), «Она солгала» (LI) ($\beta = 0,11$; $SE = 0,05$; $z = 2,33$; $p = 0,020$), «Он не имел это в виду» (MT) ($\beta = 0,20$; $SE = 0,06$; $z = 3,70$; $p < 0,001$), «Это не было настоящим изнасилованием» (NR) ($\beta = 0,30$; $SE = 0,07$; $z = 4,57$; $p < 0,001$), «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = 0,18$; $SE = 0,06$; $z = 3,07$; $p = 0,002$), «Изнасилование — девиантное происшествие» (DE) ($\beta = 0,15$; $SE = 0,04$; $z = 4,27$; $p < 0,001$).

При этом вера в опасный мир вносит негативный вклад в принятие мифа «Изнасилование — это обычное дело» (TE) ($\beta = -0,15$; $SE = 0,06$; $z = -2,35$; $p = 0,019$), страх смерти — «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = -0,09$; $SE = 0,04$; $z = -2,36$; $p < 0,018$). Потребность в разделенной реальности вносит только отрицательный вклад в поддержку мифа «Она сама напросилась» (SA) ($\beta = -0,21$; $SE = 0,09$; $z = 2,31$; $p = 0,021$) (рис. 1).

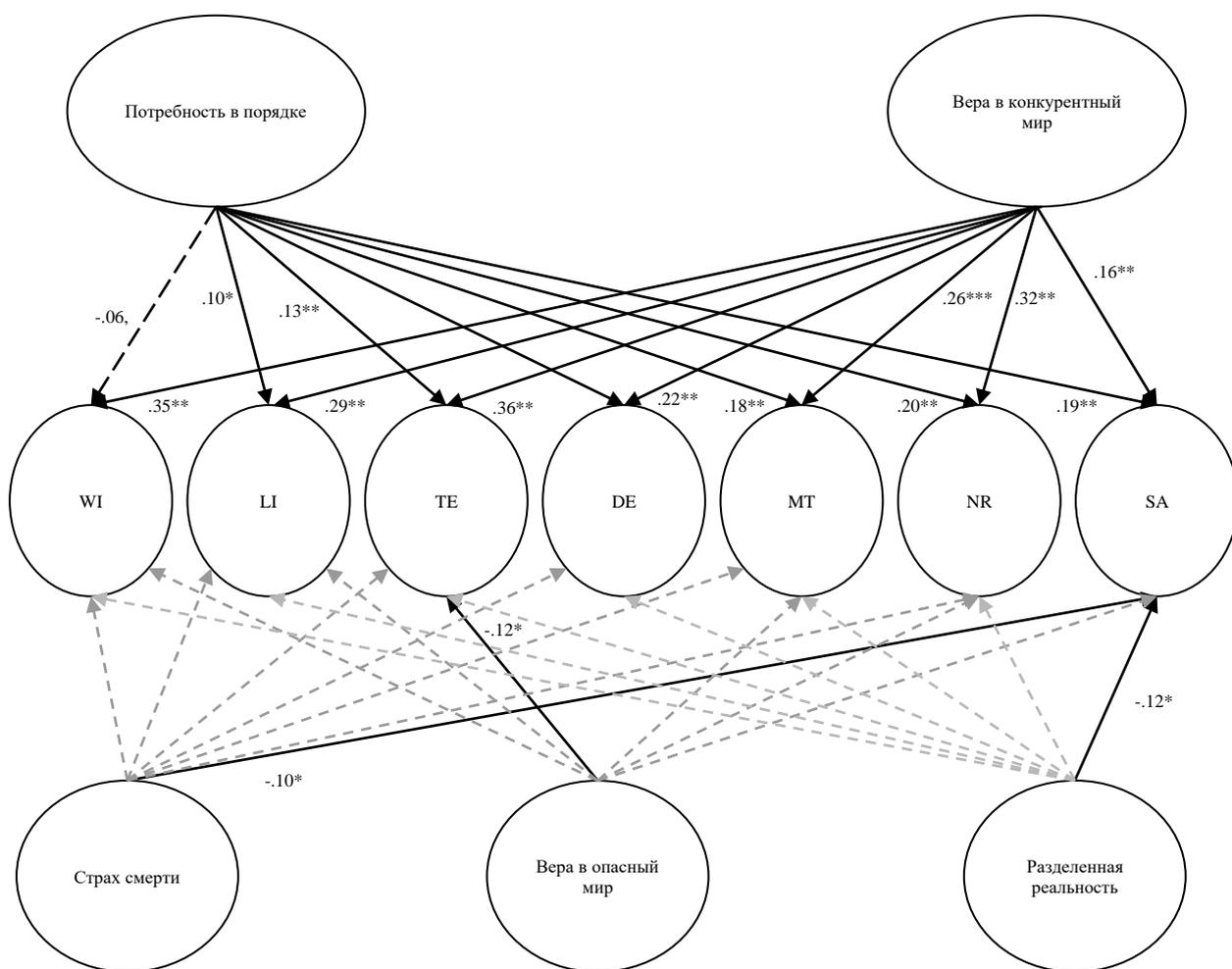

Рис. 1. Эмпирическая модель мотивационных оснований поддержки мифов об изнасиловании: WI — «Она этого хотела»; LI — «Она солгала»; TE — «Изнасилование — это обычное дело»; DE — «Изнасилование — девиантное происшествие»; MT — «Он не имел это в виду»; NR — «Это не было настоящим изнасилованием»; SA — «Она сама напросилась»; коэффициенты отображают стандартизованные β ; «*» — $p < ,05$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,001$; пунктирные линии отображают незначимые связи

Роль социально-демографических переменных в принятии мифов об изнасиловании повторяет результаты прошлых исследований: оправдание насилия в большей степени находит выражение среди мужчин и среди людей с низким уровнем образования [19]. При этом уровень образования оказывает роль в поддержании мифов, которые связаны с отрицанием и оправданием изнасилования. Однако уровень дохода не выступает таким предиктором; напротив, люди с высоким уровнем дохода в большей степени поддерживают миф о том, что «Изнасилование — это обычное дело».

В целом, представленные результаты позволяют утверждать, что эпистемические и экзистенциальные мотивационные основания вносят значимый и независимый вклад в принятие разных мифов об изнасиловании.

Обсуждение результатов

Представленное исследование было направлено на изучение роли экзистенциальных, эпистемических и реляционных потребностей в принятии разных мифов об изнасиловании. Результаты исследования продемонстрировали, что наибольший вклад в принятие мифов об изнасиловании вносят вера в конкурентный мир, потребность в порядке и пол респондентов.

Люди, которые рассматривают мир как дикие джунгли и арену для конкуренции с другими людьми, где выживают сильнейшие, склонны в большей степени разделять и поддерживать разные мифы о сексуализированном насилии, в том числе отрицающие изнасилование, оправдывающие насильника и приписывающие вину пострадавшей стороне. Положительная связь между верой в конкурентный мир и поддержкой мифов о гендерном насилии может быть связана с угрозой статусу и предпочтением гендерной иерархии, что в целом согласуется с результатами предыдущих исследований [31]. Согласно содержанию враждебных сексистских установок женщины могут восприниматься как угроза статусу и власти мужчин, а поэтому насилие со стороны мужчин в отношении женщин может быть использовано для сохранения положения в существующей социальной иерархии. Это также объясняет значимый вклад пола респондентов в поддержку мифов о насилии: мужчины более склонны поддерживать и оправдывать сексуализированное насилие по сравнению с женщинами [19].

Однако не были выявлены значимые связи между верой в опасный мир и принятием большинства мифов. Полученные результаты могут свидетельствовать о специфике воспринимаемой угрозы, в частности, источника угрозы. Вера в опасный мир не предполагает определенного источника угрозы (мир сам по себе является опасным), в то время как содержание мифов об изнасиловании в большинстве случаев включает конкретных акторов, представляющих угрозу (агрессор или пострадавшая). Единственная значимая связь обнаружена между верой в опасный мир и категорией мифов, рассматривающих изнасилование как тривиальное событие. Люди, склонные верить в опасность мира, скорее будут отрицать тривиальность изнасилования, в этом случае подчеркивание исключительности таких событий позволяет восстановить чувство контроля и стабильности системы общественных отношений [17].

Личный страх смерти в рамках представленной модели вносит негативный вклад в поддержку категории мифов «Она сама напросилась», которая рассматривает пострадавшую как «неосторожную» и поэтому подвергшуюся насилию. В этом случае страх смерти может актуализировать эмпатию и страх за других людей и вести к тому, что люди будут менее склонны оправдывать насилие над неосторожными, но безвинными пострадавшими. В то же время такая установка может представлять элемент культурного мировоззрения и, соответ-

ственно, при актуализации мыслей о смерти выступать защитным механизмом для восстановления чувства контроля [10].

Анализ роли эпистемических мотивационных оснований показал значимую положительную взаимосвязь между потребностью в порядке и большинством категорий мифов. Люди, обладающие высокой потребностью в порядке, предпочитают простую и упорядоченную картину мира [33], а мифы об изнасиловании предлагают простую картину, которая позволяет экономить когнитивные ресурсы [9]. К тому же перекладывание ответственности на пострадавших и отрицание изнасилования может подкрепляться представлениями о мире как справедливом и упорядоченном [9; 18]. В таком мире подобные проблемы случаются или в исключительных обстоятельствах (посещение неблагополучных районов), или с низкостатусными группами, которые демонстрируют девиантные формы поведения, или с теми, кто этого заслуживает. При этом потребность в порядке не предсказывает принятие мифа «Она этого хотела». Представленная категория подразумевает активную роль женщины в произошедшем, что может не соотноситься с представлениями о традиционной системе гендерных ролей и, как следствие, не использоваться для совладания с ситуацией неопределенности.

Реляционные мотивационные основания в виде потребности в разделенной реальности вносят негативный вклад в принятие мифа «Она сама напросилась». Чувство общности с другими в этом случае приводит к снижению готовности принимать мифы, в которых причиной выступает неосторожное поведение жертвы. В целом, это соответствует общественным нормам осуждения насилия, представленным в дискурсе и культуре, в отношении незащитных людей [3]. В то же время потребность в разделенной реальности не предсказывает другие мифы, что может свидетельствовать о сензитивности темы для поиска согласия или общего взгляда на проблему.

Выводы

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Теоретическая модель роли эпистемических, экзистенциальных и реляционных потребностей в принятии разных мифов об изнасиловании воспроизводится на российской выборке. Полученный результат свидетельствует о том, что принятие мифов об изнасиловании позволяет реализовывать потребности в безопасности, порядке и разделенной реальности.

2. Вера в конкурентный мир и потребность в порядке выступают ключевыми предикторами принятия большинства мифов об изнасиловании. Принятие мифов об изнасиловании позволяет, прежде всего, снижать воспринимаемую угрозу (экзистенциальные мотивационные основания) и сохранять непротиворечивую и упорядоченную картину отношений между разными группами (эпистемические мотивационные основания). При этом в меньшей степени отмечается реализация потребности в разделенной реальности.

Однако настоящая работа обладает рядом ограничений. Во-первых, низкая надежность субшкал потребности в когнитивной завершенности затрудняет изучение роли других факторов «закрытости» мышления (нетерпимость к двусмысленности, потребность в предсказуемости и завершенности). Во-вторых, существует возможность альтернативного объяснения поддержки мифов, связанного с верой в справедливый мир и восприятием различных источников угроз, предлагающего другие психологические механизмы оправдания насилия и перекладывания ответственности на пострадавших [20; 22]. В-третьих, реляционные основания поддержки установок, легитимизирующих неравенство и насилие, в настоящем исследовании ограничиваются только потребностью в разделенной реальности, не учитывая потребно-

сти в отношениях и принадлежности, которые могут играть большую роль в рассматриваемом контексте [15]. Устранение указанных ограничений в последующих работах позволит провести более глубокий анализ причин популярности представленных мифов и предложить социальные программы, направленные на снижение толерантности к проявлению насилия и повышение психологического благополучия.

Литература

1. Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 2. С. 68–89.
2. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 15.07.2023).
3. Худой мир — или добрая ссора? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraja-ssora> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. doi:10.17759/sps.2021120307
5. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Том 8. № 4 (29). С. 43–55.
6. Baldner C., Pierro A. The Trials of Women Leaders in the Workforce: How a Need for Cognitive Closure can Influence Acceptance of Harmful Gender Stereotypes // Sex Roles. 2019. Vol. 80(9-10). P. 565–577. doi:10.1007/s11199-018-0953-1
7. Balezina M., Zakharova S. Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the Illinois rape myths acceptance scale // Current Psychology. 2023. P. 1–11. doi:10.1007/s12144-023-04666-2
8. Canto J.M., San Martín J., Perles F., Vallejo M. Persons Who Fear Freedom and Equality Are the Ones Who Most Blame Women Who are Victims of Acquaintance Rape // Violence Against Women. 2021. Vol. 27(6-7). P. 731–747.
9. Cooke E.M., Lewis R.H., Hayes B.E., Bouffard L.A., Boisvert D.L., Wells J., Kavish N., Woekene M., Armstrong T.A. Examining the Relationship Between Victimization, Psychopathy, and the Acceptance of Rape Myths // Journal of Interpersonal Violence. 2022. Vol. 37(9-10). P. NP6384–NP6404. doi:10.1177/0886260520966669
10. Dar-Nimrod I. Death Awareness and Terror Management Theory // Existential Concerns and Cognitive-Behavioral Procedures: An Integrative Approach to Mental Health / Menzies R.G., Menzies R.E., Dingle G.A. (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 35–55. doi:10.1007/978-3-031-06932-1_3
11. Duckitt J., Wagner C., Du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(1). P. 75–93. doi:10.1037/0022-3514.83.1.75
12. Gantman A.P., Paluck E.L. What is the psychological appeal of the serial rapist model? Worldviews predicting endorsement // Behavioural Public Policy. 2022. P. 1–16. doi:10.1017/bpp.2022.28

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

13. *Götzsche-Astrup O.* Pathways to violence: do uncertainty and dark world perceptions increase intentions to engage in political violence? // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2021. Vol. 13(2). P. 142–159. doi:10.1080/19434472.2020.1714693
14. *Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not All Ideologies are Created Equal: Epistemic, Existential, and Relational Needs Predict System-Justifying Attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30(6). P. 669–688. doi:10.1521/soco.2012.30.6.669
15. *Higgins E.T.* Shared reality: what makes us strong and tears us apart. New York, NY: Oxford University Press, 2019. 336 p. doi:10.1093/oso/9780190948054.001.0001
16. *Hulin C., Netemeyer R.G., Cudeck R.* Can a reliability coefficient be too high? // *Journal of Consumer Psychology*. 2001. Vol. 10(1). P. 55–58. doi:10.2307/1480474
17. *Jost J.T.* Left and right: the psychological significance of a political distinction. New York, NY: Oxford University Press, 2021. 397 p.
18. *Kay A.C., Jost J.T., Young S.* Victim Derogation and Victim Enhancement as Alternate Routes to System Justification // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16(3). P. 240–246. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
19. *Kazmi S.M.A., Tarar A.H., Nasir A., Iftikhar R.* Victim blaming, prior history to sexual victimization, support for sexually assaulted friends, and rape myths acceptance as predictors of attitudes towards rape victims in the general population of Pakistan // *Egyptian Journal of Forensic Sciences*. 2023. Vol. 13(1). P. 1–10. doi:10.1186/s41935-023-00340-7
20. *Łyś A.E., Studzińska A., Bargiel-Matusiewicz K., Nyúl B., Folkierska-Żukowska M.* Myths Concerning Sexual Violence Toward Women in Poland, Hungary, and Norway in the Context of System Justification Theory: The Role of Beliefs in the Biological Origins of Gender Differences and Ambivalent Sexism // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37(17-18). P. NP16647–NP16669. doi:10.1177/08862605211023487
21. *Łyś A.E., Bargiel-Matusiewicz K., Krasuski T., Studzińska A.* Psychometric properties of the polish updated Illinois rape myth acceptance scale // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42(1). P. 445–459. doi:10.2147/PPA.S101904
22. *Murray C., Calderón C., Bahamondes J.* Modern Rape Myths: Justifying Victim and Perpetrator Blame in Sexual Violence // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20(3). P. 1663. doi:10.3390/ijerph20031663
23. *Oliver A., Navarro-Perez J.J., Tomás J.M., Rodrigo M.F.* Cognitive and personality variables as predictors of sexism against women in Spanish adolescents // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023. Vol. 40(5). P. 1645–1669. doi:10.1177/02654075221133062
24. *Payne D.L., Lonsway K.A., Fitzgerald L.F.* Rape Myth Acceptance: Exploration of Its Structure and Its Measurement Using the Illinois Rape Myth Acceptance Scale // *Journal of Research in Personality*. 1999. Vol. 33(1). P. 27–68. doi:10.1006/jrpe.1998.2238
25. *Polaschek D.L.L., Gannon T.A.* The Implicit Theories of Rapists: What Convicted Offenders Tell Us // *Sexual Abuse*. 2004. Vol. 16(4). P. 299–314. doi:10.1177/107906320401600404
26. *Roets A., Van Hiel A.* Allport's Prejudiced Personality Today: Need for Closure as the Motivated Cognitive Basis of Prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20(6). P. 349–354. doi:10.1177/0963721411424894
27. *Roets A., Van Hiel A., Dhont K.* Is Sexism a Gender Issue? A Motivated Social Cognition Perspective on Men's and Women's Sexist Attitudes toward Own and Other Gender // *European Journal of Personality*. 2012. Vol. 26(3). P. 350–359. doi:10.1002/per.843

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

28. Rosseel Y. Iavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48(2). P. 1–36. doi:10.18637/jss.v048.i02
29. Sankaran S., Kossowska M., Von Hecker U. When do they push the right buttons? Need for closure and the role of perceived control in situations of uncertainty // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 213(5). P. 1–10. doi:10.1016/j.paid.2023.112316
30. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review // *The Journal of Educational Research*. 2006. Vol. 99(6). P. 323–338. doi:10.3200/JOER.99.6.323-338
31. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Antecedents of Men’s Hostile and Benevolent Sexism: The Dual Roles of Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33(2). P. 160–172. doi:10.1177/0146167206294745
32. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Effects of Dangerous and Competitive Worldviews on Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation over a Five-Month Period // *Political Psychology*. 2007. Vol. 28(3). P. 357–371. doi:10.1111/j.1467-9221.2007.00572.x
33. Webber D., Kruglanski A., Molinaro E., Jasko K. Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 107–111. doi:10.1016/j.cobeha.2020.01.004
34. Wong P.T. R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death // *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application* / R.A. Neimeyer (ed.). Taylor & Francis, 2015. P. 121–148.
35. Xue J., Lin K. Chinese University Students’ Attitudes Toward Rape Myth Acceptance: The Role of Gender, Sexual Stereotypes, and Adversarial Sexual Beliefs // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37(5-6). P. 2467–2486. doi:10.1177/0886260520938507

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial’nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt’s Scales]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysheishkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68–89. (In Russ.).
2. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (Accessed 15.07.2023). (In Russ.).
3. Khudoi mir — ili dobraya ssora? [Elektronnyi resurs]. *VTsIOM Novosti = Russian Public Opinion Research Center (JSC “VCIOM”)*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (Accessed 15.07.2023). (In Russ.).
4. Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. “Mne izvestno, chto mne nichego ne izvestno”. Sotsial’no-kognitivnye predposylki podderzhki radikal’nykh vzglyadov [“I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. doi:10.17759/sps.2021120307 (In Russ.).
5. Chistopolskaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Semikin G.I., Ozol S.N., Chubina S.A. Sozdanie kratkikh russkoyazychnykh versii oprosnikov “Otnoshenie k smerti” i “Strakh lichnoi smerti” [Construction of short Russian versions of death attitude profile-revised and fear of personal death scale]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2017. Vol. 8, no. 4 (29), pp. 43–55. (In Russ.).

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

6. Baldner C., Pierro A. The Trials of Women Leaders in the Workforce: How a Need for Cognitive Closure can Influence Acceptance of Harmful Gender Stereotypes. *Sex Roles*, 2019. Vol. 80, no. 9-10, pp. 565–577. doi:10.1007/s11199-018-0953-1
7. Balezina M., Zakharova S. Measuring attitudes towards rape in Russia: translation and validation of the Illinois rape myths acceptance scale. *Current Psychology*, 2023, pp. 1–11. doi:10.1007/s12144-023-04666-2
8. Canto J.M., San Martín J., Perles F., Vallejo M. Persons Who Fear Freedom and Equality Are the Ones Who Most Blame Women Who are Victims of Acquaintance Rape. *Violence Against Women*, 2021. Vol. 27, no. 6-7, pp. 731–747.
9. Cooke E.M., Lewis R.H., Hayes B.E., Bouffard L.A., Boisvert D.L., Wells J., Kavish N., Woekene M., Armstrong T.A. Examining the Relationship Between Victimization, Psychopathy, and the Acceptance of Rape Myths. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 9-10, pp. NP6384–NP6404. doi:10.1177/0886260520966669
10. Dar-Nimrod I. Death Awareness and Terror Management Theory. In Menzies R.G., Menzies R.E., Dingle G.A. (eds.). *Existential Concerns and Cognitive-Behavioral Procedures: An Integrative Approach to Mental Health*. Cham: Springer International Publishing, 2022, pp. 35–55. doi:10.1007/978-3-031-06932-1_3
11. Duckitt J., Wagner C., Du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 1, pp. 75–93. doi:10.1037/0022-3514.83.1.75
12. Gantman A.P., Paluck E.L. What is the psychological appeal of the serial rapist model? Worldviews predicting endorsement. *Behavioural Public Policy*, 2022, pp. 1–16. doi:10.1017/bpp.2022.28
13. Gøtzsche-Astrup O. Pathways to violence: do uncertainty and dark world perceptions increase intentions to engage in political violence? *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2021. Vol. 13, no. 2, pp. 142–159. doi:10.1080/19434472.2020.1714693
14. Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T. Not All Ideologies are Created Equal: Epistemic, Existential, and Relational Needs Predict System-Justifying Attitudes. *Social Cognition*, 2012. Vol. 30, no. 6, pp. 669–688. doi:10.1521/soco.2012.30.6.669
15. Higgins E.T. *Shared reality: what makes us strong and tears us apart*. New York, NY: Oxford University Press, 2019. 336 p. doi:10.1093/oso/9780190948054.001.0001
16. Hulin C., Netemeyer R.G., Cudeck R. Can a reliability coefficient be too high? *Journal of Consumer Psychology*, 2001. Vol. 10, no. 1, pp. 55–58. doi:10.2307/1480474
17. Jost J.T. *Left and right: the psychological significance of a political distinction*. New York, NY: Oxford University Press, 2021. 397 p.
18. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim Derogation and Victim Enhancement as Alternate Routes to System Justification. *Psychological Science*, 2005. Vol. 16, no. 3, pp. 240–246. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
19. Kazmi S.M.A., Tarar A.H., Nasir A., Iftikhar R. Victim blaming, prior history to sexual victimization, support for sexually assaulted friends, and rape myths acceptance as predictors of attitudes towards rape victims in the general population of Pakistan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–10. doi:10.1186/s41935-023-00340-7
20. Łyś A.E., Studzińska A., Bargiel-Matusiewicz K., Nyúl B., Folkierska-Żukowska M. Myths Concerning Sexual Violence Toward Women in Poland, Hungary, and Norway in the Context of System Justification Theory: The Role of Beliefs in the Biological Origins of Gender Differences

- and Ambivalent Sexism. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 17-18, pp. NP16647–NP16669. doi:10.1177/08862605211023487
21. Łyś A.E., Bargiel-Matusiewicz K., Krasuski T., Studzińska A. Psychometric properties of the polish updated Illinois rape myth acceptance scale. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, no. 1, pp. 445–459. doi:10.2147/PPA.S101904
22. Murray C., Calderón C., Bahamondes J. Modern Rape Myths: Justifying Victim and Perpetrator Blame in Sexual Violence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 3, pp. 1663. doi:10.3390/ijerph20031663
23. Oliver A., Navarro-Perez J.J., Tomás J.M., Rodrigo M.F. Cognitive and personality variables as predictors of sexism against women in Spanish adolescents. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023. Vol. 40, no. 5, pp. 1645–1669. doi:10.1177/02654075221133062
24. Payne D.L., Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape Myth Acceptance: Exploration of Its Structure and Its Measurement Using the Illinois Rape Myth Acceptance Scale. *Journal of Research in Personality*, 1999. Vol. 33, no. 1, pp. 27–68. doi:10.1006/jrpe.1998.2238
25. Polaschek D.L.L., Gannon T.A. The Implicit Theories of Rapists: What Convicted Offenders Tell Us. *Sexual Abuse*, 2004. Vol. 16, no. 4, pp. 299–314. doi:10.1177/107906320401600404
26. Roets A., Van Hiel A. Allport's Prejudiced Personality Today: Need for Closure as the Motivated Cognitive Basis of Prejudice. *Current Directions in Psychological Science*, 2011. Vol. 20, no. 6, pp. 349–354. doi:10.1177/0963721411424894
27. Roets A., Van Hiel A., Dhont K. Is Sexism a Gender Issue? A Motivated Social Cognition Perspective on Men's and Women's Sexist Attitudes toward Own and Other Gender. *European Journal of Personality*, 2012. Vol. 26, no. 3, pp. 350–359. doi:10.1002/per.843
28. Rosseel Y. Iavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012. Vol. 48, no. 2, pp. 1–36. doi:10.18637/jss.v048.i02
29. Sankaran S., Kossowska M., Von Hecker U. When do they push the right buttons? Need for closure and the role of perceived control in situations of uncertainty. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 213, no. 5, pp. 1–10. doi:10.1016/j.paid.2023.112316
30. Schreiber J.B., Nora A., Stage F.K., Barlow E.A., King J. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review. *The Journal of Educational Research*, 2006. Vol. 99, no. 6, pp. 323–338. doi:10.3200/JOER.99.6.323-338
31. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Antecedents of Men's Hostile and Benevolent Sexism: The Dual Roles of Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33, no. 2, pp. 160–172. doi:10.1177/0146167206294745
32. Sibley C.G., Wilson M.S., Duckitt J. Effects of Dangerous and Competitive Worldviews on Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation over a Five-Month Period. *Political Psychology*, 2007. Vol. 28, no. 3, pp. 357–371. doi:10.1111/j.1467-9221.2007.00572.x
33. Webber D., Kruglanski A., Molinario E., Jasko K. Ideologies that justify political violence. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 34, pp. 107–111. doi:10.1016/j.cobeha.2020.01.004
34. Wong P.T. R., Reker G.T., Gesser G. Death Attitude Profile-Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. Taylor & Francis, 2015, pp. 121–148.
35. Xue J., Lin K. Chinese University Students' Attitudes Toward Rape Myth Acceptance: The Role of Gender, Sexual Stereotypes, and Adversarial Sexual Beliefs. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 5-6, pp. 2467–2486. doi:10.1177/0886260520938507

Ананьева О.А., Прусова И.С., Захарова С.А.
Почему люди оправдывают насилие:
роль мотивационных оснований
в поддержке мифов об изнасиловании
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 1–17

Ananyeva O.A., Prusova I.S., Zakharova S.A.
Why People Justify Violence:
The Role of Motivational Foundations
in Rape Myths Acceptance
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 1–17

Информация об авторах

Ананьева Ольга Алексеевна, аспирант, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Прусова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, заведующая, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Захарова Софья Алексеевна, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

Information about the authors

Olga A. Ananyeva, Graduate Student, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Irina S. Prusova, PhD in Psychology, Head, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Sofia A. Zakharova, Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5439-5250>, e-mail: s.zakharova9600@gmail.com

Получена 01.09.2023

Принята в печать 10.01.2024

Received 01.09.2023

Accepted 10.01.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Психометрическая проверка методик для оценки когнитивных искажений, касающихся сексуальных отношений с детьми

Демидова Л.Ю.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: demidova.l@serbsky.ru

Корчагин В.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1765-9405>, e-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

Васильев Н.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4930-9901>, e-mail: vasiliev.n@serbsky.ru

Выраженность когнитивных искажений у сексуальных правонарушителей является значимым фактором риска совершения повторных правонарушений. Исследование когнитивных искажений позволяет повысить качество дифференциальной диагностики и экспертной оценки обвиняемых. Целью этого исследования являлась проверка критериальной и конвергентной валидности, а также внутренней согласованности двух шкал для оценки когнитивных искажений: шкала когнитивных искажений дихотомическая (ШКИД) и русскоязычная версия методики «MOLEST scale». Психометрические свойства методик были проверены на выборке из 84 испытуемых мужского пола, из которых 63 — обвиняемые в совершении сексуальных действий в отношении несовершеннолетних (37 с педофилией, 26 без расстройств сексуального предпочтения). Показаны хорошая внутренняя согласованность методик (альфа Кронбаха составила 0,910 и 0,956 соответственно), хорошие критериальная валидность в отношении дифференциальной диагностики педофилии (для обеих методик на уровне значимости $p < 0,01$) и конвергентная валидность ($r = 0,713$; $p = 0$). Предложенные шкалы устойчивы к социальной желательности и могут быть использованы в качестве инструментов вспомогательной диагностики в клинической практике.

Ключевые слова: когнитивные искажения, педофилия, педофильное расстройство, сексуальные правонарушения, шкалы оценки, психометрические свойства.

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.
Психометрическая проверка методик
для оценки когнитивных искажений,
касающихся сексуальных отношений с детьми
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.
Psychometric Properties of the Questionnaires
for Assessing Cognitive Distortions
about Sexual Relations with Children
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 18–32

Для цитаты: Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г. Психометрическая проверка методик для оценки когнитивных искажений, касающихся сексуальных отношений с детьми [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32. DOI:10.17759/psylaw.2024140102

Psychometric Properties of the Questionnaires for Assessing Cognitive Distortions about Sexual Relations with Children

Lyubov Yu. Demidova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: demidova.l@serbsky.ru

Vitaly V. Korchagin

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1765-9405>, e-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

Nikita G. Vasiliev

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4930-9901>, e-mail: vasiliev.n@serbsky.ru

The prevalence of cognitive distortions in sexual offenders is a significant risk factor for reoffending. Investigation of cognitive distortions can improve the quality of differential diagnosis and expert assessment of the accused. The aim of this study was the testing of the criterion and convergent validity, as well as the internal consistency of two scales for assessing cognitive distortions: the Dichotomic Scale of Cognitive Distortions and the Russian version of the MOLEST scale. The psychometric properties of the questionnaires were tested on a sample of 84 male subjects. Many of them (63 subjects) were accused of committing sexual criminal acts against minors (37 with pedophilia, 26 without disorders of sexual preference). The results of the study demonstrate good internal consistency for both the scales (Cronbach's alpha was 0,910 and 0,956, respectively). Evidences of criterion validity for the diagnosis of pedophilia (for both methods at the significance level of $p < 0,01$) and convergent validity ($r = 0,713$; $p = 0$) are given. The proposed scales are resistant to social desirability and can be used as additional diagnostic tools in clinical practice.

Keywords: cognitive distortions, pedophilia, pedophilic disorder, sexual offences, assessment scales, psychometric properties.

For citation: Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G. Psychometric Properties of the Questionnaires for Assessing Cognitive Distortions about Sexual Relations with Children. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 18–32. DOI:10.17759/psylaw.2024140102 (In Russ.).

Введение

Представления о допустимости сексуальных контактов между взрослыми и детьми часто декларируются лицами, совершающими действия против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В зарубежной и отечественной литературе за такими представлениями закрепился термин «когнитивные искажения», подразумевающий широкий спектр идей, способствующих совершению противоправных сексуальных действий [5; 21; 24; 35]. Понятие когнитивных искажений было заимствовано из работ когнитивно-поведенческого направления [28], где оно используется в основном для объяснения аффективных и тревожных расстройств. Использование именно этого термина в контексте объяснения сексуального поведения не является жестко заданным; в литературе встречаются разные варианты обозначения когнитивных процессов, способствующих совершению противоправных сексуальных действий [24], но все они так или иначе восходят к понятию когнитивных схем, введенному Ж. Пиаже, которое следует отнести к наиболее фундаментальным и проработанным [4].

Существует множество точек зрения на этиологию и классификацию искаженных суждений сексуальных правонарушителей. До сих пор неясно, как разграничивать истинные убеждения о допустимости сексуальных отношений с детьми, существовавшие еще до совершения противоправных действий (априорные когнитивные искажения), и апостериорные суждения, в действительности не разделяемые субъектом и использующиеся для самооправдания [1]. Остается недостаточно изученной и связь когнитивных искажений с наличием у правонарушителя педофилии/педофильного расстройства. Результаты одного из немногих, если не единственного, исследования, позволяющего разграничить роль сексуального расстройства и факта совершения сексуального правонарушения, были опубликованы совсем недавно и свидетельствуют о более высокой выраженности когнитивных искажений именно у правонарушителей с педофилией в сравнении с сексуальными правонарушителями без расстройств сексуального предпочтения [16].

Когнитивные искажения рассматриваются как один из подтвержденных факторов риска совершения сексуальных правонарушений [15; 22; 26; 33]. У лиц, совершающих контактные противоправные сексуальные действия, когнитивные искажения выражены в большей степени, чем у неконтактных правонарушителей [31; 36]. Показано также, что когнитивные искажения связаны с нарушениями эмпатии: лица с большей выраженностью искажений являются менее эмпатичными [14]. Когнитивные искажения относятся к изменчивым (динамическим) факторам риска и подвержены трансформации, т. е. могут выступать в качестве мишеней терапии [11; 12], а методики для определения выраженности таких искажений могут использоваться в качестве инструмента оценки эффективности терапевтических вмешательств.

Связь между выраженностью когнитивных искажений и насильственными сексуальными действиями порождает целый ряд вопросов о влиянии таких суждений на способность субъекта к осознанию и регуляции собственных действий. Обсуждается, например, этический вопрос о том, как оценивать способность осознавать общественную опасность своих действий у несовершеннолетних сексуальных правонарушителей, которые сами в прошлом явились жертвами сексуальных посягательств, поскольку пережитый ими в детстве опыт, как предполагается, мог повлиять на критическую оценку сексуальных действий с детьми [9]. Таким образом, изучение когнитивных искажений необходимо для повышения качества дифференциальной диагностики сексуальных правонарушителей и экспертной оценки их поведения в ситуации инкриминируемого деяния.

Для оценки когнитивных искажений разными исследователями используются: информация, полученная из бесед с правонарушителями или клинических/юридических записей о них, сделанных специалистами; небольшие рассказы, предлагаемые правонарушителям для оценки; техники семантического дифференциала; различные шкалы самоотчета [8].

Именно шкалы самоотчета для оценки когнитивных искажений пользуются наибольшей популярностью. К настоящему времени создано немало подобных шкал, в частности «Abel and Becker's Cognitions Scale» [7]; «Hanson Sex Attitude Questionnaire» [19]; «Child Molester Scale» [27]; «MOLEST scale» [13]; «Children and Sexual Activities» [23] и многие другие [17; 34]. Новые методики создаются и в настоящее время. Например, совсем недавно был разработан опросник «Sexual Offenders Against Children Cognitive Distortions» (SOCCDQ) [33].

Во многих случаях такие методики не проходили достаточной психометрической проверки, а работа с ними в процессе проведения судебно-психиатрической экспертизы (где использование таких опросников наиболее актуально) осложняется тем, что получение самоотчета испытуемого по поводу наличия у него когнитивных искажений затруднено, поскольку в судебно-следственной ситуации обследуемый зачастую не заинтересован в раскрытии собственных переживаний. Кроме того, заполнение подобных методик вызывает сложности в связи с высокой табуированностью темы [8]. В этом контексте очень важно, чтобы вопросы в методике не были прямолинейными, а также затрагивали широкий спектр когнитивных искажений. Большинство методик не отвечают этому требованию.

Зачастую испытуемым для оценки предлагаются утверждения, социально ожидаемый ответ на которые очевиден и легко может быть дан при сокрытии обследуемым психопатологических переживаний; часто встречаются неудачные формулировки утверждений от первого лица, что затрудняет получение искреннего ответа. Например, в методике «Abel and Becker's Cognitions Scale» [7] содержатся такие утверждения: «Когда маленький ребенок ходит передо мной раздетым, он старается возбудить меня», «Я показываю свою любовь и привязанность ребенку через секс с ним», а в методике «Hanson Sex Attitude Questionnaire» [19] следующие: «Некоторые дети так хотят секса, что трудно удержаться от контакта с ними», «Отсутствие волос делает детские тела привлекательными».

Кроме того, согласно исследованию T. Gannon с соавторами [17], утверждения только некоторых методик отвечают наиболее популярной концепции имплицитных теорий [35], объясняющей весь спектр известных когнитивных искажений и в настоящее время получающей наибольшую поддержку ученых [1; 10; 29; 32].

Использование инструментов, направленных на оценку когнитивных искажений, является особенно актуальным в связи с высоким уровнем рецидивизма среди сексуальных правонарушителей, который, по результатам метаанализов, составляет до 32—36% в среднем для группы [33], до 50% — среди лиц с педофилией [18] и еще больше у правонарушителей высокого риска [20].

Целью настоящего исследования стала проверка критериальной и конвергентной валидности, а также внутренней согласованности двух методик для оценки когнитивных искажений, которые содержат утверждения о сексуальных отношениях между взрослыми и детьми, а также о готовности детей к сексуальному взаимодействию.

Материалы и методы

Всего было обследовано 84 испытуемых мужского пола. Из них 63 человека — обвиняемые в совершении сексуальных правонарушений в отношении несовершеннолетних, прохо-

дившие стационарную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу на базе ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России: 37 испытуемым в результате обследования был выставлен диагноз педофилии, у 26 испытуемых не было выявлено расстройств сексуального предпочтения. Остальные испытуемые (21 человек) — добровольцы из ординаторов и стажеров центра, ранее не обращавшиеся за психиатрической помощью и на момент обследования не знакомые с сексологической проблематикой; они составили контрольную группу.

Для реализации поставленной цели всем испытуемым предлагалось заполнить две методики, направленные на оценку когнитивных искажений.

1. *Шкала когнитивных искажений дихотомическая (ШКИД)* [3] — авторская методика, разработанная в лаборатории судебной сексологии ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Испытуемым предлагаются на выбор пары утверждений, из которых им надо выбрать то, с каким они в большей степени согласны, и обозначить степень своего согласия по шкале от 1 до 3.

Для создания методики были проанализированы утверждения нескольких анонимных форумов, закрытых в настоящее время, где при активном участии сторонников легализации сексуальных отношений между взрослыми и детьми обсуждались различные аспекты такого взаимодействия. Были выделены основные суждения, к которым прибегали участники форумов с целью оправдания сексуальных отношений с несовершеннолетними. Такой способ отбора утверждений был обусловлен стремлением охватить полный спектр суждений, к которым прибегают лица, совершающие сексуальные действия с детьми. Предполагалось, что выделенные утверждения точнее отражают паттерны мышления сексуальных правонарушителей, чем их же высказывания при очной беседе со специалистом и, тем более, чем их суждения, озвучиваемые в судебно-следственной ситуации, поскольку Интернет позволяет высказываться анонимно. Многие из утверждений, попавших в методику, близки тем, которые часто встречаются в инструментах для оценки когнитивных искажений (например, идеи о стремлении детей к сексуальному взаимодействию и о вреде такого опыта), другие используются для оценки когнитивных искажений, вероятно, впервые (например, утверждения о педофилии, о сексуальных отношениях между детьми).

Для уменьшения вероятности получения социально-желательных ответов к каждому из выделенных утверждений было сформулировано противоположное суждение, зачастую в намеренно утрированной форме. Например, для утверждения о том, что «современные дети порой знают о сексе не меньше взрослых», альтернативным является утверждение о том, что «дети, даже современные, всегда значительно меньше осведомлены в сексуальных вопросах, чем взрослые». Представляется, что с альтернативной версией суждения нельзя уверенно согласиться, поскольку и дети, и взрослые бывают разные. Для утверждения о том, что «ребенок может выглядеть вполне зрелым, поэтому трудно устоять перед сексуальной связью с ним», противоположным является утверждение о том, что «возраст ребенка всегда очевиден, поэтому сексуального желания к нему возникнуть не может». Здесь также представляется затруднительным уверенное согласие с альтернативой, поскольку, если рассуждать не только о маленьких детях, а учитывать также детей раннего пубертатного и пубертатного возраста, скорость полового развития у всех разная и абсолютно категорично говорить об «очевидности» возраста было бы опрометчиво.

Категоричная формулировка альтернативных суждений, как предполагалось, затруднит уверенное согласие с ними даже у лиц, не имеющих сексуальных отклонений и никогда не

совершавших сексуальных правонарушений. В таком случае уверенное согласие со всеми альтернативными утверждениями может являться признаком установочного отношения испытуемого к заполнению методики социально-желательным образом.

2. *Русскоязычная версия методики «MOLEST scale»*. Оригинальный вариант методики был разработан К. Vumby [13]. Шкала состоит из 38 утверждений, каждое из которых испытуемому необходимо оценить по 4-балльной шкале от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Некоторые из пунктов К. Vumby взял из собственного клинического опыта, а часть утверждений была заимствована им из ранее разработанных методик. Перевод методики на русский язык был осуществлен в лаборатории судебной сексологии ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России [2]. Утверждения шкалы были переведены дословно с небольшой грамматической коррекцией.

По имеющимся данным, шкала позволяет хорошо разграничивать растлителей детей от лиц, совершивших сексуальное насилие над взрослыми женщинами, и контрольной группы, а также применяется для оценки прогресса в терапии; поскольку методика содержит утверждения, которые наименее подвержены социальной желательности, она часто используется специалистами в рутинной практике и во многих учреждениях США и Канады включена в батарею оценки сексуальных правонарушителей [6; 8]. Утверждения в методике сформулированы про гипотетические ситуации и гипотетических правонарушителей, что позволяет избежать активной защитной позиции со стороны испытуемого и получить более проективные ответы. Была продемонстрирована хорошая дискриминативная способность методики при оценке выраженности когнитивных искажений у сексуальных правонарушителей в отношении несовершеннолетних, в том числе педофилов, в сравнении с общей популяцией или другими группами правонарушителей [25; 30].

Статистическая обработка и визуализация полученных данных проводились с помощью языка программирования Python версии 3.10.12. Нормальность распределения показателей методик в каждой из групп проверялась с использованием критерия Шапиро—Уилка. Поскольку не во всех выборках данные были распределены по нормальному закону, для дальнейшего анализа были использованы непараметрические критерии сравнения. На первом этапе рассчитывался критерий Краскела—Уоллиса. Для контроля эффекта множественных сравнений попарные сопоставления проводились с помощью теста Дана с коррекцией уровней значимости по методу Беньямини—Хохберга. Для оценки конвергентной валидности использовался коэффициент корреляции Спирмена. Для оценки внутренней согласованности методик рассчитывался коэффициент альфа Кронбаха. Был проведен факторный анализ полученных данных.

Результаты

Показатели внутренней согласованности для обеих методик оказались высокими. Для методики «ШКИД» альфа Кронбаха составила 0,910, для методики «MOLEST scale» — 0,956.

При проведении факторного анализа шкал (применялся анализ методом главных компонент при использовании VARIMAX вращения) по критерию «каменистой осыпи» Кеттела оптимальным факторным решением оказалось однофакторное, а для достижения приемлемого уровня в 70% объясненной дисперсии необходимо было выделить около десятка факторов в каждой из методик, которые сильно перекрывались друг другом и охватывали все утверждения шкал.

Распределение суммарных баллов, полученных испытуемыми разных групп при заполнении методики «ШКИД», представлено на рис. 1. При общегрупповом сравнении были обнаружены значимые различия ($N = 16,6243$; $p = 0,0002$). Дальнейшие попарные сравнения с коррекцией уровня значимости показали, что группа обвиняемых с педофилией значимо отличалась как от группы обвиняемых без расстройств сексуального предпочтения ($p = 0,0011$), так и от контрольной группы ($p = 0,0011$). Группа обвиняемых без расстройств сексуального предпочтения и контрольная группа значимо не отличались друг от друга ($p = 0,8564$).

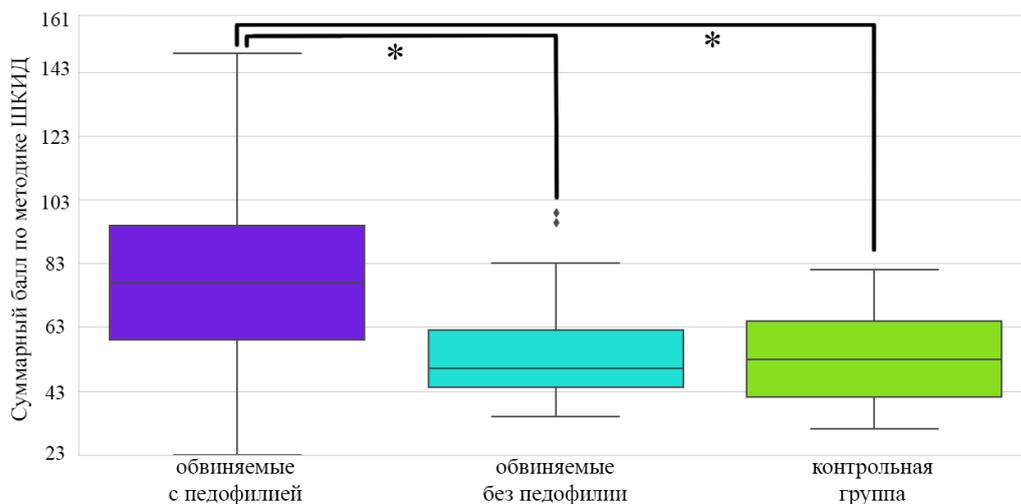

Рис. 1. Распределение суммарного балла по методике «ШКИД» в группах:
«*» — значимые различия между группами

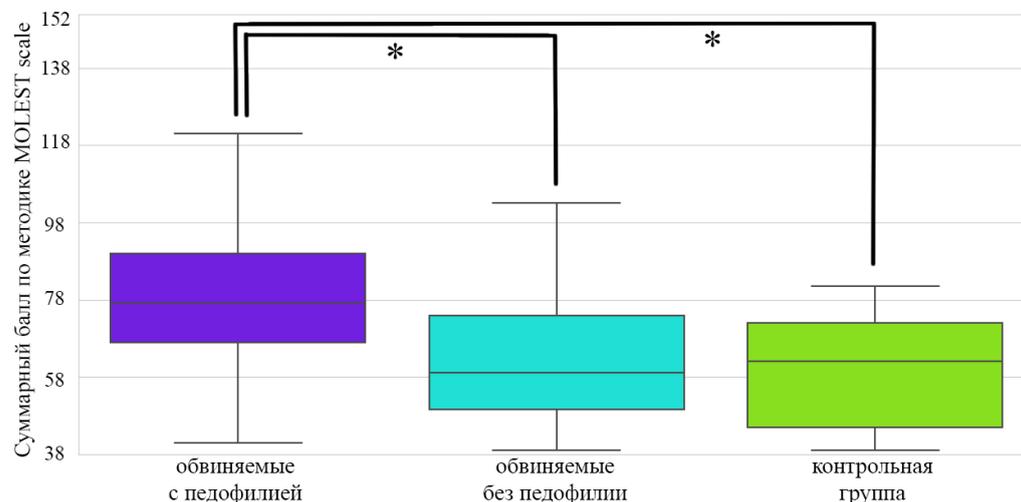

Рис. 2. Распределение суммарного балла по методике «MOLEST scale» в группах:
«*» — значимые различия между группами

Аналогичные результаты были получены при сравнении распределения суммарных баллов по методике «MOLEST scale», которое представлено на рис. 2. При общегрупповом сравнении были обнаружены значимые различия ($N = 14,3399$; $p = 0,0008$). Попарные сравнения с коррекцией уровня значимости показали, что группа обвиняемых с педофилией зна-

чимо отличалась как от группы обвиняемых без расстройств сексуального предпочтения ($p = 0,0064$), так и от контрольной группы ($p = 0,0020$). При этом группа обвиняемых без расстройств сексуального предпочтения и контрольная группа друг от друга значимо не отличались ($p = 0,5024$).

Коэффициент корреляции между суммарными баллами методик «ШКИД» и «MOLEST scale» составил 0,713 ($p = 0,0000$).

Обсуждение

Результаты оценки внутренней согласованности методики «MOLEST scale» в целом соответствуют ранее опубликованным данным. В частности, полученный в данной работе коэффициент альфа Кронбаха составил 0,956 и занимает промежуточное положение между коэффициентом, представленным самим автором методики (0,97 [13]), и коэффициентом, полученным еще в одном исследовании (0,95 [8]). Несколько более низкие коэффициенты согласованности для различных подшкал методики (около 0,85) были обозначены в относительно недавно вышедших тезисах [10].

Не увенчавшаяся успехом попытка выделить факторы в методиках на первый взгляд не согласуется с некоторыми данными по методике «MOLEST scale», полученными ранее. Так, например, T. Gannon [17] с коллегами отмечали, что методика достаточно полно охватывает утверждения из различных имплицитных теорий [35]. Однако в этой работе не проводилось факторного анализа, утверждения методики распределялись по факторам клиницистами. В тех работах, где факторный анализ проводился, выделенные факторы объясняли не более 50% дисперсии [7; 23], что нельзя признать достаточным. Несколько лет назад о своем намерении провести факторный анализ методики заявила группа ученых из Португалии [10], однако статья по результатам исследования пока не опубликована. Трудности обнаружения факторов в обеих методиках свидетельствуют, вероятно, о том, что в когнитивных искажениях нельзя выделить строгой структуры. Когнитивные искажения представляют собой тесно взаимосвязанную систему, в которой возникновение одного суждения повышает вероятность появления другого.

Результаты сравнения суммарных баллов обеих шкал между группами показывают, что выраженность когнитивных искажений связана именно с наличием у испытуемого расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии. Именно у лиц с педофилией когнитивные искажения значимо более выражены в сравнении с остальными группами. Обвиняемые в совершении сексуальных действий с несовершеннолетними, у которых не было обнаружено сексуального расстройства, несмотря на факт совершения правонарушения, по выраженности когнитивных искажений значимо не отличались от контрольной группы. Этот результат согласуется с данными, представленными в недавнем исследовании [16]. Полученные данные подтверждают критериальную валидность методик и говорят о том, что представленные шкалы для оценки когнитивных искажений могут быть полезны в диагностике педофилии. Ранее полученные результаты о повышенном уровне когнитивных искажений среди сексуальных правонарушителей в целом, вероятно, связаны с тем, что в выборке лиц, совершивших сексуальные действия в отношении детей, всегда присутствует довольно большой процент испытуемых с педофилией. Более того, наличие педофилии само по себе является значимым фактором риска совершения сексуальных правонарушений [26], что может объяснять обнаруженную исследователями связь между выраженностью когнитивных искажений и уровнем риска.

Высокий коэффициент корреляции между суммарными баллами методик говорит о конвергентной валидности методики «ШКИД», о том, что обе шкалы оценивают схожий феномен и хорошо работают на русскоязычной выборке.

Подтвердилось предположение о том, что формулировка альтернативных утверждений для методики «ШКИД» в намеренно утрированной форме позволит обнаружить установочное поведение и может свидетельствовать о невалидных результатах конкретного испытуемого. Со всеми альтернативными категоричными суждениями уверенно согласились лишь некоторые испытуемые из группы лиц с педофилией, которые диссимулировали педофильное влечение.

Выводы

Когнитивные искажения, касающиеся сексуальных отношений между взрослыми и детьми, а также о готовности детей к сексуальному взаимодействию, являются характерным признаком педофилии, а не отличительной чертой сексуальных правонарушителей в целом.

Обе исследованные шкалы обладают хорошей внутренней согласованностью, критериальной и конвергентной валидностью, т. е. пригодны для использования в клинической практике для дифференциальной диагностики педофилии.

Результаты шкал не заменяют полноценное клиническое исследование психиатром или сексологом и могут быть использованы лишь в качестве вспомогательного инструмента диагностики педофилии. Баллы, полученные испытуемым, следует интерпретировать с осторожностью, поскольку их широкий диапазон встречается как у лиц с педофилией, так и у испытуемых без расстройств сексуального предпочтения.

Целесообразна дальнейшая проверка психометрических свойств и факторной структуры методик на более широких выборках. Текущие результаты получены на обвиняемых, проходивших стационарную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу, но представленные шкалы могут быть использованы и в условиях амбулаторной экспертизы, поскольку их проведение и обработка не требуют много времени.

Представляется важным в дальнейшем исследовать связь между выраженностью когнитивных искажений и частотой криминальных рецидивов, как при наличии, так и при отсутствии у правонарушителей педофилии, чтобы определить, какая выраженность когнитивных искажений является значимым показателем высокой вероятности совершения повторных противоправных действий.

Литература

1. Демидова Л.Ю. Роль когнитивных искажений в поддержании паттерна сексуального насилия [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 89–99. doi:10.17759/jmfp.2023120110
2. Демидова Л.Ю. Русскоязычная версия методики MOLEST scale (Bumby K., 1996) [Электронный ресурс] // Zenodo. 2023. doi:10.5281/ZENODO.8289981
3. Демидова Л.Ю. Шкала когнитивных искажений дихотомическая (ШКИД) [Электронный ресурс] // Zenodo. 2023. doi:10.5281/ZENODO.8287531
4. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.
5. Серов А.Д. Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологиче-

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.
Психометрическая проверка методик
для оценки когнитивных искажений,
касающихся сексуальных отношений с детьми
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.
Psychometric Properties of the Questionnaires
for Assessing Cognitive Distortions
about Sexual Relations with Children
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 18–32

ская наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 188–196.
doi:10.17759/psyedu.2014060319

6. Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю. Современная диагностика расстройств сексуального предпочтения (международный опыт) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 6. С. 60–69.

7. Abel G.G., Gore D.K., Holland C.L., Camp N., Becker J.V., Rathner J. The measurement of the cognitive distortions of child molesters // Annals of Sex Research. 1989. Vol. 2(2). P. 135–152. doi:10.1007/BF00851319

8. Arkowitz S., Vess J. An evaluation of the Bumby RAPE and MOLEST scales as measures of cognitive distortions with civilly committed sexual offenders // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2003. Vol. 15(4). P. 237–249. doi:10.1177/107906320301500402

9. Arnold B. ‘You, of all people’: the inappropriateness of imputing knowledge of victim harm onto sexually abused child sexual offenders during sentencing // Current Issues in Criminal Justice. 2023. Vol. 35(2). P. 214–233. doi:10.1080/10345329.2022.2160225

10. Baúto R.V., Cardoso J., Leal I. Preliminary validation of Bumby RAPE and MOLEST scales: exploratory factorial analysis // Annals of Medicine. 2021. Vol. 53(S1). P. S130. doi:10.1080/07853890.2021.1896190

11. Bertsch I., Potard C., Réveillère C., Hoang Pham T., Courtois R. Contribution of a cluster approach to identify the profiles of men sentenced for sexual violence according to their risk of reoffending // Journal of Interpersonal Violence. 2023. Vol. 38(3-4). P. 2910–2933. doi:10.1177/08862605221104529

12. Bonta J., Andrews D.A. The psychology of criminal conduct. New York, NY: Routledge, 2017. 470 p.

13. Bumby K.M. Assessing the cognitive distortions of child molesters and rapists: development and validation of the MOLEST and RAPE scales // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 1996. Vol. 8(1). P. 37–54. doi:10.1177/107906329600800105

14. Cartwright A.D., Craig J. Empathy and cognitive distortions in sex offenders participating in community based treatment // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2023. Vol. 67(16). P. 1599–1614. doi:10.1177/0306624X221133000

15. D’Urso G., Parretta S., Cancellieri U.G., Petrucci I. Social-emotional and cognitive risk factors connected with recidivism in sexual offenders: an explorative study // Revista de Cercetare si Interventie Sociala. 2021. Vol. 75. P. 7–27. doi:10.33788/rcis.75.1

16. Eberhaut S., Schmidt A.F., Banse R., Eher R. Child abuse myths are pedophilic myths: cognitive distortions are stronger in individuals convicted of sexual offenses diagnosed with pedophilia compared to those without such diagnosis // Deviant Behavior. 2023. Vol. 44(7). P. 1013–1025. doi:10.1080/01639625.2022.2132548

17. Gannon T.A., Keown K., Rose M.R. An examination of current psychometric assessments of child molesters’ offense-supportive beliefs using Ward’s implicit theories // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2009. Vol. 53(3). P. 316–333. doi:10.1177/0306624X07312791

18. Hall R.C.W., Hall R.C.W. A profile of pedophilia: definition, characteristics of offenders, recidivism, treatment outcomes, and forensic issues // Mayo Clinic Proceedings. 2007. Vol. 82(4). P. 457–471. doi:10.4065/82.4.457

19. *Hanson R.K., Gizzarelli R., Scott H.* The attitudes of incest offenders: sexual entitlement and acceptance of sex with children // *Criminal Justice and Behavior*. 1994. Vol. 21(2). P. 187–202. doi:10.1177/0093854894021002001
20. *Hanson R.K., Lee S.C., Thornton D.* Long term recidivism rates among individuals at high risk to sexually reoffend // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2022. Vol. 36(4). doi:10.1177/10790632221139166
21. *Helmond P., Overbeek G., Brugman D., Gibbs J.C.* A meta-analysis on cognitive distortions and externalizing problem behavior: associations, moderators, and treatment effectiveness // *Criminal Justice and Behavior*. 2015. Vol. 42(3). P. 245–262. doi:10.1177/0093854814552842
22. *Helmus L., Hanson R.K., Babchishin K.M., Mann R.E.* Attitudes supportive of sexual offending predict recidivism: a meta-analysis // *Trauma, Violence & Abuse*. 2013. Vol. 14(1). P. 34–53. doi:10.1177/1524838012462244
23. *Howitt D., Sheldon K.* The role of cognitive distortions in paedophilic offending: Internet and contact offenders compared // *Psychology, Crime & Law*. 2007. Vol. 13(5). P. 469–486. doi:10.1080/10683160601060564
24. *Kettleborough D.G., Merdian H.L.* Gateway to offending behaviour: permission-giving thoughts of online users of child sexual exploitation material // *Journal of Sexual Aggression*. 2017. Vol. 23(1). P. 19–32. doi:10.1080/13552600.2016.1231852
25. *Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P.* Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli // *Brain Research*. 2016. Vol. 1632. P. 127–140. doi:10.1016/j.brainres.2015.12.004
26. *Mann R.E., Hanson R.K., Thornton D.* Assessing risk for sexual recidivism: some proposals on the nature of psychologically meaningful risk factors // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2010. Vol. 22(2). P. 191–217. doi:10.1177/1079063210366039
27. *McGrath M., Cann S., Konopasky R.* New measures of defensiveness, empathy, and cognitive distortions for sexual offenders against children // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 1998. Vol. 10(1). P. 25–36. doi:10.1177/107906329801000104
28. *Murphy W.D.* Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree (eds.). New York: Plenum Press, 1990. P. 331–342. doi:10.1007/978-1-4899-0915-2_19
29. *Paquette S., Longpré N., Cortoni F.* A billion distorted thoughts: an exploratory study of criminogenic cognitions among men who sexually exploit children over the Internet // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2020. Vol. 64(10-11). P. 1114–1133. doi:10.1177/0306624X19873082
30. *Pervan S., Hunter M.* Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // *Applied Psychology in Criminal Justice*. 2007. Vol. 3(1). P. 75–91.
31. *Steel C.M.S., Newman E., O'Rourke S., Quayle E.* A systematic review of cognitive distortions in online child sexual exploitation material offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. Vol. 51(1). doi:10.1016/j.avb.2020.101375
32. *Szumski F., Bartels R.M., Beech A.R., Fisher D.* Distorted cognition related to male sexual offending: The multi-mechanism theory of cognitive distortions (MMT-CD) // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 39. P. 139–151. doi:10.1016/j.avb.2018.02.001

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.
Психометрическая проверка методик
для оценки когнитивных искажений,
касающихся сексуальных отношений с детьми
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.
Psychometric Properties of the Questionnaires
for Assessing Cognitive Distortions
about Sexual Relations with Children
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 18–32

33. Szumski F., Bartoszak D. Cognitive distortions and recidivism in sexual offenders against children // *Problems of Forensic Sciences*. 2021. Vol. 128. P. 191–209. doi:10.4467/12307483pfs.21.011.15881
34. Walton J.S., Duff S.C., Chou S. A brief discussion about measuring child molester cognition with the Sex with Children Scale // *Child Abuse Review*. 2014. Vol. 26(2). P. 91–102. doi:10.1002/car.2361
35. Ward T., Gannon T.A., Keown K. Beliefs, values, and action: the judgment model of cognitive distortions in sexual offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 2006. Vol. 11(4). P. 323–340. doi:10.1016/j.avb.2005.10.003
36. Williams D.J., Arntfield M., Schaal K., Vincent J. Wanting sex and willing to kill: examining demographic and cognitive characteristics of violent “involuntary celibates” // *Behavioral Sciences & the Law*. 2021. Vol. 39(4). P. 386–401. doi:10.1002/bsl.2512

References

1. Demidova L.Yu. Rol' kognitivnykh iskazhenii v podderzhanii patterna seksual'nogo nasiliya [The Role of Cognitive Distortions in Maintaining the Pattern of Sexual Violence] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 89–99. doi:10.17759/jmfp.2023120110 (In Russ.).
2. Demidova L.Yu. Russkoyazychnaya versiya metodiki MOLEST scale (Bumby K., 1996) [Russian version of the MOLEST scale (Bumby K., 1996)] [Elektronnyi resurs]. *Zenodo*, 2023. doi:10.5281/ZENODO.8289981 (In Russ.).
3. Demidova L.Yu. Shkala kognitivnykh iskazhenii dikhrotomicheskaya (ShKID) [Dichotomic Scale of Cognitive Distortions] [Elektronnyi resurs]. *Zenodo*, 2023. doi:10.5281/ZENODO.8287531 (In Russ.).
4. Piaget J. Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1994. 680 p. (In Russ.).
5. Serov A.D. Otsenka kognitivnykh iskazhenii v sfere seksual'nosti u lits, sovershivshikh polovye prestupleniya protiv nesovershennoletnikh [Evaluation of Cognitive Sexual Distortions in Persons Who have Committed Sex Crimes Against Minors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2014. Vol. 6, no. 3, pp. 188–196. doi:10.17759/psyedu.2014060319 (In Russ.).
6. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu. Sovremennaya diagnostika rasstroystv seksual'nogo predpochteniya (mezhdunarodnyi opyt) [Contemporary diagnosis of sexual preference disorders (international practices)]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2017, no. 6, pp. 60–69. (In Russ.).
7. Abel G.G., Gore D.K., Holland C.L., Camp N., Becker J.V., Rathner J. The measurement of the cognitive distortions of child molesters. *Annals of Sex Research*, 1989. Vol. 2, no. 2, pp. 135–152. doi:10.1007/BF00851319
8. Arkowitz S., Vess J. An evaluation of the Bumby RAPE and MOLEST scales as measures of cognitive distortions with civilly committed sexual offenders. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2003. Vol. 15, no. 4, pp. 237–249. doi:10.1177/107906320301500402
9. Arnold B. ‘You, of all people’: the inappropriateness of imputing knowledge of victim harm onto sexually abused child sexual offenders during sentencing. *Current Issues in Criminal Justice*, 2023. Vol. 35, no. 2, pp. 214–233. doi:10.1080/10345329.2022.2160225

10. Baúto R.V., Cardoso J., Leal I. Preliminary validation of Bumby RAPE and MOLEST scales: exploratory factorial analysis. *Annals of Medicine*, 2021. Vol. 53, no. S1, pp. S130. doi:10.1080/07853890.2021.1896190
11. Bertsch I., Potard C., Réveillère C., Hoang Pham T., Courtois R. Contribution of a cluster approach to identify the profiles of men sentenced for sexual violence according to their risk of reoffending. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023. Vol. 38, no. 3-4, pp. 2910–2933. doi:10.1177/08862605221104529
12. Bonta J., Andrews D.A. *The psychology of criminal conduct*. New York, NY: Routledge, 2017. 470 p.
13. Bumby K.M. Assessing the cognitive distortions of child molesters and rapists: development and validation of the MOLEST and RAPE scales. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 1996. Vol. 8, no. 1, pp. 37–54. doi:10.1177/107906329600800105
14. Cartwright A.D., Craig J. Empathy and cognitive distortions in sex offenders participating in community based treatment. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2023. Vol. 67, no. 16, pp. 1599–1614. doi:10.1177/0306624X221133000
15. D’Urso G., Parretta S., Cancellieri U.G., Petruccelli I. Social-emotional and cognitive risk factors connected with recidivism in sexual offenders: an explorative study. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*, 2021. Vol. 75, pp. 7–27. doi:10.33788/rcis.75.1
16. Eberhaut S., Schmidt A.F., Banse R., Eher R. Child abuse myths are pedophilic myths: cognitive distortions are stronger in individuals convicted of sexual offenses diagnosed with pedophilia compared to those without such diagnosis. *Deviant Behavior*, 2023. Vol. 44, no. 7, pp. 1013–1025. doi:10.1080/01639625.2022.2132548
17. Gannon T.A., Keown K., Rose M.R. An examination of current psychometric assessments of child molesters’ offense-supportive beliefs using Ward’s implicit theories. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2009. Vol. 53, no. 3, pp. 316–333. doi:10.1177/0306624X07312791
18. Hall R.C.W., Hall R.C.W. A profile of pedophilia: definition, characteristics of offenders, recidivism, treatment outcomes, and forensic issues. *Mayo Clinic Proceedings*, 2007. Vol. 82, no. 4, pp. 457–471. doi:10.4065/82.4.457
19. Hanson R.K., Gizzarelli R., Scott H. The attitudes of incest offenders: sexual entitlement and acceptance of sex with children. *Criminal Justice and Behavior*, 1994. Vol. 21, no. 2, pp. 187–202. doi:10.1177/0093854894021002001
20. Hanson R.K., Lee S.C., Thornton D. Long term recidivism rates among individuals at high risk to sexually reoffend. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2022. Vol. 36, no. 4. doi:10.1177/10790632221139166
21. Helmond P., Overbeek G., Brugman D., Gibbs J.C. A meta-analysis on cognitive distortions and externalizing problem behavior: associations, moderators, and treatment effectiveness. *Criminal Justice and Behavior*, 2015. Vol. 42, no. 3, pp. 245–262. doi:10.1177/0093854814552842
22. Helmus L., Hanson R.K., Babchishin K.M., Mann R.E. Attitudes supportive of sexual offending predict recidivism: a meta-analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, 2013. Vol. 14, no. 1, pp. 34–53. doi:10.1177/1524838012462244
23. Howitt D., Sheldon K. The role of cognitive distortions in paedophilic offending: Internet and contact offenders compared. *Psychology, Crime & Law*, 2007. Vol. 13, no. 5, pp. 469–486. doi:10.1080/10683160601060564

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.
Психометрическая проверка методик
для оценки когнитивных искажений,
касающихся сексуальных отношений с детьми
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.
Psychometric Properties of the Questionnaires
for Assessing Cognitive Distortions
about Sexual Relations with Children
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 18–32

24. Kettleborough D.G., Merdian H.L. Gateway to offending behaviour: permission-giving thoughts of online users of child sexual exploitation material. *Journal of Sexual Aggression*, 2017. Vol. 23, no. 1, pp. 19–32. doi:10.1080/13552600.2016.1231852
25. Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P. Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli. *Brain Research*, 2016. Vol. 1632, pp. 127–140. doi:10.1016/j.brainres.2015.12.004
26. Mann R.E., Hanson R.K., Thornton D. Assessing risk for sexual recidivism: some proposals on the nature of psychologically meaningful risk factors. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2010. Vol. 22, no. 2, pp. 191–217. doi:10.1177/1079063210366039
27. McGrath M., Cann S., Konopasky R. New measures of defensiveness, empathy, and cognitive distortions for sexual offenders against children. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 1998. Vol. 10, no. 1, pp. 25–36. doi:10.1177/107906329801000104
28. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders. In W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree (eds.). *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. New York: Plenum Press, 1990, pp. 331–342. doi:10.1007/978-1-4899-0915-2_19
29. Paquette S., Longpré N., Cortoni F. A billion distorted thoughts: an exploratory study of criminogenic cognitions among men who sexually exploit children over the Internet. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2020. Vol. 64, no. 10-11, pp. 1114–1133. doi:10.1177/0306624X19873082
30. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders. *Applied Psychology in Criminal Justice*, 2007. Vol. 3, no. 1, pp. 75–91.
31. Steel C.M.S., Newman E., O'Rourke S., Quayle E. A systematic review of cognitive distortions in online child sexual exploitation material offenders. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 51, no. 1. doi:10.1016/j.avb.2020.101375
32. Szumski F., Bartels R.M., Beech A.R., Fisher D. Distorted cognition related to male sexual offending: The multi-mechanism theory of cognitive distortions (MMT-CD). *Aggression and Violent Behavior*, 2018. Vol. 39, pp. 139–151. doi:10.1016/j.avb.2018.02.001
33. Szumski F., Bartoszak D. Cognitive distortions and recidivism in sexual offenders against children. *Problems of Forensic Sciences*, 2021. Vol. 128, pp. 191–209. doi:10.4467/12307483pfs.21.011.15881
34. Walton J.S., Duff S.C., Chou S. A brief discussion about measuring child molester cognition with the Sex with Children Scale. *Child Abuse Review*, 2014. Vol. 26, no. 2, pp. 91–102. doi:10.1002/car.2361
35. Ward T., Gannon T.A., Keown K. Beliefs, values, and action: the judgment model of cognitive distortions in sexual offenders. *Aggression and Violent Behavior*, 2006. Vol. 11, no. 4, pp. 323–340. doi:10.1016/j.avb.2005.10.003
36. Williams D.J., Arntfield M., Schaal K., Vincent J. Wanting sex and willing to kill: examining demographic and cognitive characteristics of violent “involuntary celibates”. *Behavioral Sciences & the Law*, 2021. Vol. 39, no. 4, pp. 386–401. doi:10.1002/bsl.2512

Информация об авторах

Демидова Любовь Юрьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория судебной сексологии, Национальный медицинский исследовательский центр

Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г.
Психометрическая проверка методик
для оценки когнитивных искажений,
касающихся сексуальных отношений с детьми
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 18–32

Demidova L.Yu., Korchagin V.V., Vasiliev N.G.
Psychometric Properties of the Questionnaires
for Assessing Cognitive Distortions
about Sexual Relations with Children
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 18–32

психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: demidova.l@serbsky.ru

Корчагин Виталий Викторович, аспирант, лаборатория судебной сексологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1765-9405>, e-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

Васильев Никита Георгиевич, научный сотрудник, лаборатория судебной сексологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4930-9901>, e-mail: vasiliev.n@serbsky.ru

Information about the authors

Lyubov Yu. Demidova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: demidova.l@serbsky.ru

Vitaly V. Korchagin, Postgraduate Student, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1765-9405>, e-mail: cor4agin.vitalik@yandex.ru

Nikita G. Vasiliev, Researcher, Laboratory of Forensic Sexology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4930-9901>, e-mail: vasiliev.n@serbsky.ru

Получена 08.09.2023
Принята в печать 08.12.2023

Received 08.09.2023
Accepted 08.12.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

**Психологические особенности взрослых,
переживших сексуальное насилие в детском
или подростково-юношеском возрасте**

Тухтаева Д.А.

Первый московский кадетский корпус (ГБОУ ПМКК), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1681-1865>, e-mail: dankin.donuts@gmail.com

Луковцева З.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Актуальность исследования определяется противоречивостью представлений о психологических особенностях лиц, переживших сексуальное насилие в детстве или подростково-юношеском возрасте. Исследование носило поисковый характер и не имело гипотезы. Выборку составили 40 взрослых с опытом сексуального насилия в указанных возрастах. Применялись интервью, «Опросник травматического стресса», «Незаконченные предложения», «Опросник временной перспективы», «Опросник ауто- и гетероагрессии», «Методика исследования самооотношения». Оценивались связи между значениями по шкалам методик (r Спирмена, $p \leq 0,01$). На первый план выступили противоречивость и уязвимость самооотношения, выраженность депрессивных и тревожных переживаний, психологическое отчуждение прошлого, негативное восприятие отношений с родителями. Определена эмоционально-протективная роль мнестико-аттентивного снижения, выявлены ресурсные особенности самооотношения и отношений с окружающими. Обоснована значимость дальнейших исследований пострадавших разных групп половозрастной и нозологической принадлежности, а также сопоставления полученных сведений с характеристиками пострадавших, не обращавшихся за профессиональной помощью.

Ключевые слова: сексуальное насилие, самооотношение, временная перспектива, тревожно-депрессивные переживания, аутоагрессия.

Для цитаты: Тухтаева Д.А., Луковцева З.В. Психологические особенности взрослых, переживших сексуальное насилие в детском или подростково-юношеском возрасте [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 33–52. DOI:10.17759/psylaw.2024140103

Psychological Characteristics of Adults Who Have Experienced Sexual Violence in Childhood or Adolescence

Dana A. Tukhtaeva

The First Moscow Cadet Corps, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1681-1865>, e-mail: dankin.donuts@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

The relevance of the study is determined by the contradictory ideas about the psychological characteristics of people who experienced sexual violence in childhood or adolescence. The study was exploratory in nature and had no hypothesis. The sample consisted of 40 adults with experience of sexual violence at the specified ages. Interviews, “Traumatic Stress Questionnaire”, “Unfinished Sentences”, “Time Perspective Questionnaire”, “Auto- and Heteroaggression Questionnaire”, “Self-Attitude Research Methodology” were used. The relationships between the values were evaluated according to the scales of the methods (Spearman’s r , $p \leq 0.01$). The inconsistency and vulnerability of self-attitude, the severity of depressive and anxious experiences, the psychological alienation of the past, and the negative perception of relationships with parents came to the fore. The emotional-protective role of the mnemonic-attentive decrease is determined, the resource features of self-attitude and relationships with others are revealed. The importance of further studies of victims of different gender, age and nosological affiliation, as well as comparing the information obtained with the characteristics of victims who did not seek professional help, is substantiated.

Keywords: sexual violence, self-attitude, time perspective, anxiety and depression, auto-aggression.

For citation: Tukhtaeva D.A., Lukovtseva Z.V. Psychological Characteristics of Adults Who Have Experienced Sexual Violence in Childhood or Adolescence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 33–52. DOI:10.17759/psylaw.2024140103 (In Russ.).

Введение

Психолого-психиатрические исследования лиц, переживших сексуальное насилие (СН) в детском или подростково-юношеском возрасте, доказали связь между наличием такого опыта и нарушениями психического здоровья/развития. Особую категорию составляют дети, на момент столкновения с насилием уже имевшие психические проблемы, ведь любому ребенку нелегко правильно оценить ситуацию СН, а проблемы с психическим здоровьем или развитием еще больше снижают вероятность адекватного восприятия происходящего и эффективного реагирования на посягательства [6; 7].

Своевременное оказание психологической помощи пострадавшим осложняют высокая латентность СН и отсроченность многих его последствий [2; 18]. Нарушения психического здоровья и/или развития, возникающие непосредственно после СН, изучены лучше, чем формирующиеся постепенно или после латентного периода. Наиболее тесно с опытом СН связаны подростковые проблемы с психическим здоровьем и поведением. Обследование бо-

лее 8000 старшеклассников, столкнувшихся с СН в детстве, показало, что лишь в трети случаев можно говорить о достаточной резильентности. Резильентные пострадавшие имеют нормальные показатели самооценки, успеваемости, психического здоровья, выстраивают здоровые романтические отношения и настроены оптимистично; они сообщают также о надежной поддержке со стороны родителей [23].

Фактором риска развития психических расстройств у переживших СН в раннем детстве выступает высокий уровень самообвинения, как у пострадавших, так и у их родителей (разумеется, речь идет о родителях, не являвшихся посягателями) [17]. Ранний опыт переживания нескольких видов насилия тесно связан с тяжестью симптомов депрессии, суицидального риска и частотой госпитализаций в психиатрический стационар в дальнейшем [19; 20; 21]. Более четверти подростков, находящихся в психиатрических больницах, имеют СН в анамнезе, а совокупная продолжительность их стационарного лечения в пять раз превышает среднюю для пациентов такого возраста; самая выраженная и стойкая симптоматика в сочетании с тяжелыми формами суицидального поведения наблюдается у подвергавшихся СН с раннего детства, особенно если виновником был взрослый член семьи, а не другой ребенок или посторонний [29]. Опыт переживания СН в начальных классах и младшем подростковом возрасте связан с трудностями распознавания мимических выражений гнева и радости [16]. Если посягательства пережиты в подростково-юношеском возрасте, среди психических нарушений на первый план выходят трудности засыпания и поверхностность сна [26].

Опыт раннего СН также связан с проблемами самопроявления и самоощущения во взаимодействии со значимыми людьми. Делинквентные и аддиктивные проявления свойственны скрывающим свои чувства и мысли из опасения обострить ту или иную ситуацию общения («замалчивание себя»); агрессия же отличает склонных терять ощущение самоидентичности и внутренней целостности при общении со значимыми людьми («разделенное Я») [24; 27]. Последний феномен можно рассматривать в свете представлений о травматической диссоциации и посттравматическом стрессовом расстройстве [14]. Российские авторы сообщают, что при высоком уровне посттравматического стресса эмоциональная зрелость и ответственность переживших СН за совершаемые выборы носят диффузный характер [15].

Став взрослыми, пережившие СН испытывают трудности в отношениях с партнерами и собственными детьми, а также в профессиональной самореализации [2; 6; 8; 14; 20; 27]. Наблюдается стойкое снижение самооценки, формируется тревожная или избегающая привязанность к близким, и все это более типично для СН в сравнении с физическим, поскольку в первом случае труднее получить социальную поддержку и сохранить прежние убеждения относительно себя и мира [25; 30]. Анализ систематических обзоров, охватывающих в целом более 4 млн испытуемых, позволил проранжировать преобладающие нарушения психического здоровья у взрослых, подвергшихся СН в детстве: конверсионное расстройство, пограничное расстройство личности, тревожное расстройство и депрессия. Указания на посттравматическое стрессовое расстройство и химические аддикции не столь распространены, но соответствующие исследования отличаются высоким качеством [22]. Подобная картина характерна для подвергшихся СН со стороны мужчин, в остальных же случаях доминирует суицидальное и иное самоповреждающее поведение [19; 20]. Не вполне ясным остается вопрос о сравнительной выраженности у взрослых, переживших СН в детстве или подростково-юношеском возрасте, остаточных проявлений посттравматического стрессового расстройства и разного рода эмоционально-личностных проблем, которые могут достигать уровня клинической значимости, но могут и оставаться в нормативном диапазоне.

Активно исследуются возможности преодоления пережившими СН своих психологических проблем. Показано, что повышению жизнестойкости взрослых женщин, столкнувшихся с ранним СН, способствуют переосмысление случившегося с осознанием виновности и ответственности насильника, дистанцирование от пережитого, построение здоровых межличностных отношений, опора на духовные ценности, восстановление самооценки и самоконтроля. Для некоторых пострадавших приобретение жизнестойкости подразумевает также прощение себя и других, восстановление своей сексуальности, оказание поддержки лицам, имеющим аналогичный опыт [28]. Отечественные авторы выделяют такие ресурсы психологической защищенности взрослых, имеющих ранний опыт переживания СН, как развитая ответственность, высокий уровень жизнестойкости и сбалансированная идентичность [3].

Настоящее исследование задумано для уточнения картины психологических особенностей людей, имеющих детский или подростково-юношеский опыт переживания СН. Учитывая литературные данные, особое внимание мы обращали на выраженность и структуру посттравматических проявлений, состояние эмоционально-личностной сферы и межличностных отношений обследованных. Поскольку исследование носило поисковый характер, гипотеза не выдвигалась.

Методы

Исследование проведено на базе Автономной некоммерческой организации «Тебе поверят», деятельность которой состоит в оказании помощи пережившим СН в детском и подростковом возрасте, профилактике и предотвращении СН. Выборку составили 38 женщин и двое мужчин 21—40 лет, переживших СН в детском или подростково-юношеском возрасте. 15 испытуемых переживали посягательства в течение нескольких месяцев/лет, а 25 сталкивались с СН эпизодически, в среднем 2—3 раза. 33 участника исследования имеют высшее или незаконченное высшее образование и постоянную работу. 26 человек находятся в браке или стабильном партнерстве, 12 имели опыт романтических отношений ранее и лишь двое не состояли в таких отношениях никогда. Дети есть у 17 обследованных.

На первом этапе исследования оценивалась выраженность посттравматических проявлений («Опросник травматического стресса» И.О. Котенева [4]) и определялись сферы жизни, воспринимаемые испытуемыми как наиболее проблемные (методика «Незаконченные предложения» Сакса—Леви [11]). Проводилось интервью, позволившее выявить обстоятельства насилия, представления испытуемых о его последствиях и актуальные жалобы. Сферами, требующими более детального изучения, оказались представления испытуемых о различных этапах своего жизненного пути, агрессия и самоотношение. Поэтому на втором этапе применялись «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо [5; 12; 13], «Опросник ауто- и гетероагрессии» Е.П. Ильина [1] и «Методика исследования самоотношения» С.Р. Панталева [10].

Результаты первого этапа исследования

Полуструктурированное интервью

Наиболее ранние эпизоды СН, пережитого обследованными, пришлось на 3-летний возраст, а самые поздние — на 31-летний. 26 испытуемых впервые столкнулись с СН до 12 лет, остальные — с 13 до 18 лет. Оба испытуемых мужского пола оказались в первой группе. В отношении девяти испытуемых СН в разное время осуществляли разные лица, поэтому суммарное количество упоминаний о насилии по выборке превысило ее объем.

У переживших СН в детстве средний возраст первых посягательств пришелся на 6 лет, причем в основном СН носило многолетний характер. Преобладали прикосновения интимного характера, вагинальные проникновения и оральный секс. Распределение субъектов насилия:

- 8 упоминаний — родной или двоюродный брат;
- по 7 упоминаний — отчим и незнакомец;
- 5 упоминаний — отец;
- 3 упоминания — знакомый семьи;
- по 2 упоминания — муж бабушки и родной дед;
- по одному упоминанию — муж родной тетки и мать.

Шестеро переживших СН в детстве имели опыт насилия со стороны двоих людей (например, отца и брата).

Для остальных испытуемых средний возраст первого столкновения с СН составил 15 лет; многолетнее насилие зафиксировано у пятерых, остальные пережили его однократно или несколько раз. Чаще сообщалось об изнасилованиях или попытках изнасилования, реже — о сексуализированных прикосновениях. Распределение субъектов насилия:

- 4 упоминания — партнер;
- по 2 упоминания — отец и знакомый;
- по одному упоминанию — отчим, двоюродный брат и незнакомец.

В трех случаях СН осуществлялось разными людьми (например, двоюродным братом и знакомым).

Пострадавшие рассказывали о СН другим людям крайне редко и обычно сталкивались при этом с недоверием. Даже если кто-то (например мать) оказывался свидетелем СН или мог о нем догадываться по явным признакам, юридических последствий это не имело; наиболее активным видом вмешательства было некоторое ограничение доступа насильника к пострадавшему. Чаще всего испытуемые решались поделиться с близкими или специалистами, лишь достигнув взрослости.

У некоторых испытуемых с подросткового или юношеского возраста появились жалобы на психическое состояние. Об опыте обращения к психиатру сообщили 22 человека, а 15 из них на момент нашего исследования продолжали медикаментозное лечение с положительным эффектом. Распределение диагнозов: посттравматическое стрессовое расстройство или комплексное посттравматическое стрессовое расстройство, 9 случаев; генерализованное тревожное расстройство, 5 случаев; смешанное тревожное и депрессивное расстройство, 4 случая. Были и диагнозы, поставленные лишь одному испытуемому: расстройство адаптации, биполярное аффективное расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, психологические и поведенческие факторы, связанные с нарушениями или болезнями, классифицированными в других рубриках (формулировки диагнозов приведены по МКБ-10). Среди актуальных жалоб доминировали нарушения качества сна, однако трое испытуемых связали последние с появлением ребенка.

«Опросник травматического стресса» (ОТС) И.О. Котенева

Как показано в табл. 1, среди посттравматических проявлений доминирующими оказались «Нарушения памяти и концентрации внимания». У половины испытуемых этот показатель высок, а медиана расположилась между значениями, интерпретируемыми при обработке результатов по данной методике как средние и высокие [4]. Мнестико-аттентивное снижение, ощущаемое испытуемыми, может играть эмоционально-протективную роль, делая восприя-

тие негативных переживаний (которые, как показывает уровень «Преувеличенного реагирования» и «Притупленности эмоций», способны приобретать значительную остроту) менее отчетливым. Такое снижение можно было бы рассматривать и как следствие проблем со сном, отмеченных большинством опрошенных в ходе интервью. Результаты по соответствующей шкале ОТС обнаружили большую вариабельность в сравнении с другими шкалами, причем пункты данной шкалы охватывают лишь поверхностность сна, кошмарные сновидения и отсутствие бодрости по утрам, а по данным интервью одной из основных жалоб оказались трудности засыпания. Последние можно связать как с общим состоянием нервно-психического напряжения и возбудимости, так и с более или менее осознаваемым страхом перед ночными кошмарами.

Таблица 1

Результаты применения ОТС Котенева И.О.

№ п/п	Наименование шкалы, интерпретация результата (низкий / средний / высокий уровень)	Доля испытуемых, имеющих низкий / средний / высокий результат (%)	Медиана	1-й квартиль	3-й квартиль
1	Нарушения памяти и концентрации внимания ≤ 15 / 16—31 / 32—45	2,5/47,5/50	31,5	26	36,25
2	Вина выжившего ≤ 9 / 10—20 / 21—30	0/55/45	20	17,75	24,25
3	Депрессия ≤ 18 / 19—37 / 38—55	2,5/57,5/40	37	30	41
4	Преувеличенное реагирование ≤ 10 / 11—20 / 21—30	2,5/60/37,5	20	16	22
5	Общая тревожность ≤ 13 / 14—27 / 28—40	0/70/30	23,5	20	28,25
6	Оптимизм ≤ 23 / 24—47 / 48—70	0/77,5/22,5	42	38	47
7	Сверхбдительность ≤ 16 / 17—32 / 33—50	0/77,5/22,5	28	25	31,5
8	Непрощенные воспоминания и галлюцинаторные переживания ≤ 15 / 16—31 / 32—45	2,5/75/22,5	26	22,75	30,25
9	Проблемы со сном ≤ 1 / 2—3 / 4—5	57,5/30/12,5	1,38	−0,06	2,81
10	Агрессия ≤ 13 / 14—27 / 28—40	0/92,5/7,5	19	17	22
11	Приступы ярости ≤ 1 / 2—3 / 4—5	75/22,5/2,5	0,3	−1	1,3
12	Злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами ≤ 2 / 3—5 / 6—7	60/40/0	2	1,6	3
13	Притупленность эмоций ≤ 1 / 2—3 / 4—5	65/35/0	1,2	0,95	2,1

Значимые корреляционные связи (r Спирмена, $p \leq 0,01$)
Депрессия и Общая тревожность ($r = 0,719$)
Притупленность эмоций и Оптимизм ($r = -0,583$)
Депрессия и Притупленность эмоций ($r = 0,565$)
Притупленность эмоций и Непрошенные воспоминания ($r = 0,558$)
Агрессия и Приступы ярости ($r = 0,541$)
Депрессия и Проблемы со сном ($r = 0,514$)
Депрессия и Преувеличенное реагирование ($r = 0,502$)
Депрессия и Вина выжившего ($r = 0,481$)
Нарушения памяти и концентрации внимания и Преувеличенное реагирование ($r = 0,475$)
Общая тревожность и Преувеличенное реагирование ($r = 0,472$)
Депрессия и непрошенные воспоминания ($r = 0,470$)
Общая тревожность и Проблемы со сном ($r = 0,438$)
Общая тревожность и Агрессия ($r = 0,427$)
Общая тревожность и Притупленность эмоций ($r = 0,423$)
Проблемы со сном и Вина выжившего ($r = 0,420$)
Приступы ярости и Злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами ($r = 0,418$)

Примечание: интерпретация результатов проводилась по И.О. Котеневу [4].

Выраженность «Вины выжившего», «Депрессии» и «Преувеличенного реагирования» оказалась высокой более чем у трети обследованных, а медиана совпала с верхним пределом диапазона значений, которые принято рассматривать как средние [4]. Перечисленные шкалы операционализируют комплекс особенностей, характерный для психически травмированных людей: склонность испытывать вину, тоску, безнадежность и видеть угрозу в широком круге вполне рядовых объектов и ситуаций. Значения по шкалам «Общей тревожности», «Сверхбдительности», «Непрошенных воспоминаний и галлюцинаторных переживаний», «Агрессии» соответствуют преимущественно среднему уровню. Значит, тенденцию к фиксации на впечатлениях-триггерах по типу флешбэков и неконтролируемых навязчивых воспоминаний, склонность к недифференцированному беспокойству и готовности к нападению можно считать умеренно выраженными. Уровень «Оптимизма» также в основном соответствует средним значениям. Низкий результат по шкале «Приступы ярости» указывает на то, что испытуемые избегают открытого выражения этого чувства.

Применение коэффициента r Спирмена ($p \leq 0,01$) выявило 9 слабых, 6 средних и одну сильную корреляцию между показателями ОТС. В качестве слабых, средних и сильных рассматривались корреляции, при которых значение r составляло 0,2—0,5, до 0,7 и до 0,9 соответственно. Остальные связи оказались очень слабыми (значение r не достигало 0,2), и при построении плеяды, показанной на рис. 1, мы их не учитывали.

Наибольшее число связей с остальными показателями имеет шкала «Депрессия». Именно эта шкала, а также шкалы «Общая тревожность», «Притупленность эмоций», «Проблемы со сном» и «Преувеличенное реагирование», положительно связанные с ней, образуют «ядро» плеяды. «Притупленность эмоций» имеет тесную обратную связь с уровнем «Оптимизма», что позволяет рассматривать эмоциональное отгораживание от реальности как средство совладания с ситуациями потери надежды на позитивное развитие событий. При этом уровень «Оптимизма» приближается к верхней границе среднестатистического интервала, а «Притупленность эмоций» выражена слабо.

Рис. 1. Значимые связи между показателями, полученными по шкалам ОТС И.О. Котенева: толстыми линиями показаны сильные связи, тонкими — средние и пунктиром — слабые; зеленый цвет соответствует прямым корреляциям, красный — обратным

Уровень «Общей тревожности» оказался вторым по количеству прямых связей с другими показателями — «Проблемами со сном», «Агрессией», «Преувеличенным реагированием». Значит, определяется еще один компонент состояния обследованных, а именно сочетание тревожного возбуждения, настороженности, alertности. При этом уровень «Проблем со сном» прямо коррелирует не только с «Депрессией» и «Общей тревожностью», что предсказуемо, но и с уровнем «Вины выжившего». Вероятно, сокращение продолжительности и/или глубины сна выступает следствием эмоциональной нестабильности, беспокойства, боязни ночных кошмаров.

Не найдено даже опосредованной связи между шкалами «Проблемы со сном» и «Нарушения памяти и концентрации внимания». Значит, мнестико-аттентивные проблемы испытуемых следует рассматривать скорее как защитный механизм (о чем мы уже говорили ранее), чем как простое следствие низкого качества сна.

Что касается уже упомянутой «Агрессии», то она прямо связана с выраженностью «Приступов ярости», а через них и со «Злоупотреблением наркотическими и лекарственными веществами». Вероятно, испытуемые обращаются к ПАВ при возникновении агрессивных переживаний или, наоборот, испытывают и реализуют агрессивные тенденции под воздействием таких веществ.

Методика «Незаконченные предложения» (НП) Сакса—Леви

Ответы обрабатывались по схеме Г.Г. Румянцева [11], предполагающей оценку степени выраженности эмоциональных проблем в каждой из 15 исследуемых сфер по шкале от 0 до 2 баллов (табл. 2). Минимальная оценка присваивалась положительно окрашенным ответам, а

максимальная — ответам, в которых звучали неудовлетворенность, напряженность, острые негативные переживания. Приведем примеры ответов с квантификацией, по Г.Г. Румянцеву:

«Когда я был ребенком, моя семья...»:

- 0 баллов: была дружной, все очень любили друг друга; любила меня;
- 1 балл: была среднестатистической, чуть беднее, чем многие другие; казалась мне обычной семьей;
- 2 балла: не должна была существовать; была для меня небезопасным местом; не была мне семьей.

Таблица 2

Результаты применения НП Сакса—Леви

№ п/п	Наименование шкалы	Доля испытуемых, ответы которых оценены на 0/1/2 балла (%)	Медиана	1-й квартиль	3-й квартиль
1	Чувство вины	12,5/27,5/57	2	1	2
2	Отношение к матери	12,5/35/52,5	2	1	2
3	Отношение к отцу	10/45/45	1	1	2
4	Нереализованные возможности	15/42,5/42,5	1	1	2
5	Страхи и опасения	7,5/57,5/35	1	1	2
6	Отношение к семье	27,5/37,5/35	1	0	2
7	Отношение к себе	12,5/65/22,5	1	1	1
8	Отношение к прошлому	22,5/60/17,5	1	1	1
9	Сексуальные отношения	25/50/25	1	0	1
10	Отношение к вышестоящим	42,5/45/12,5	1	0	1
11	Отношение к будущему	42,5/45/12,5	1	0	1
12	Отношение к лицам противоположного пола	37,5/52,5/10	1	0	1
13	Отношение к подчиненным	67,5/27,5/5	0	0	1
14	Отношение к друзьям	72,5/25/2,5	0	0	1
15	Отношение к сотрудникам	85/15/0	0	0	0

Значимые корреляционные связи (r Спирмена, $p \leq 0,01$)
 Отношение к матери и Отношение к прошлому ($r = 0,459$)
 Отношение к матери и Отношение к семье ($r = 0,448$)
 Отношение к матери и Отношение к подчиненным ($r = 0,446$)
 Отношение к прошлому и Сексуальные отношения ($r = 0,433$)

Примечание: интерпретация результатов проводилась, по Г.Г. Румянцеву [11].

Наиболее проблемными сферами оказались «Чувство вины» (что согласуется с данными ОТС) и «Отношение к матери»; более половины испытуемых дали ответы, отражающие ярко выраженные негативные переживания. Заканчивая предложения, характеризующие «Отношение к отцу», лишь 10% обследованных использовали эмоционально положительные формулировки, основная же масса ответов распределилась поровну между нейтральными и негативными. Более благоприятные результаты получены по сферам «Нереализованные возможности» и «Страхи и опасения». Восприятие «Нереализованных возможностей» выглядит более проблемным по сравнению с «Отношением к прошлому», а «Страхи и опасения» оказа-

лись довольно выраженными, хотя сфера «Отношения к будущему» не имеет явной негативной окрашенности. Иными словами, генерализованное восприятие будущего в целом окрашено положительно, что не отменяет склонности относиться с опаской к некоторым из предстоящих событий.

Наиболее благополучными в восприятии обследованных оказались сферы, связанные с контактами вне семьи (с сотрудниками, друзьями и т. д.). Получен большой разброс ответов по теме «Отношение к семье». Отметим, что соответствующую шкалу образуют пункты, характеризующие отношение не только к родительской, но и к собственной семье. Кроме того, не все участники исследования подверглись СН со стороны ближайших родственников, с которыми проживали вместе. Важно еще, что восприятие испытуемыми собственных сексуальных отношений и лиц противоположного пола оказалось сравнительно позитивным.

Анализ данных с помощью r Спирмена ($p \leq 0,01$) выявил лишь незначительное количество значимых корреляций, и все они оказались слабыми (рис. 2).

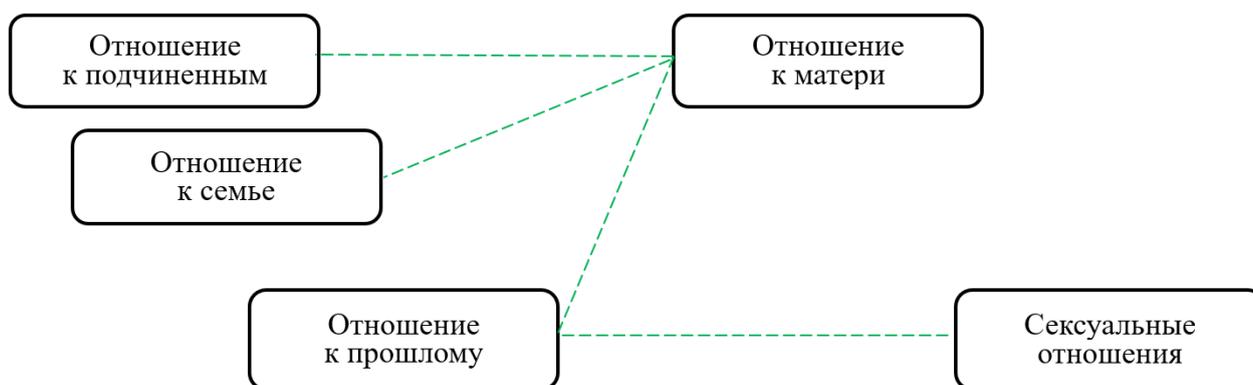

Рис. 2. Значимые связи между показателями, полученными по НП Сакса—Леви (отражены слабые прямые корреляции)

Показатель благополучия в сфере «Отношение к матери» образовал прямые связи с «Отношением к семье», «Отношением к прошлому» (связанным, в свою очередь, с «Сексуальными отношениями») и «Отношением к подчиненным». Последнюю связь можно рассматривать в контексте предположения о том, что опыт отношений с матерью (возможно авторитарной или отстраненной) проецируется на взаимодействие с подчиненными. Показатель благополучия в сфере «Отношение к отцу» не коррелирует с другими показателями; с учетом того, что более трети испытуемых пережили насилие именно со стороны отца/отчима, можно думать об изолированности переживаний, связанных с отцовской фигурой. Впрочем, поскольку обсуждаемые связи оказались слабыми, анализ соответствующих закономерностей можно отнести к задачам дальнейших исследований.

Результаты второго этапа исследования

«Опросник временной перспективы» (ОВП) Ф. Зимбардо

Значения, полученные по каждому из факторов (шкал) ОВП, сравнивались со средними значениями для данной возрастной категории, полученными при адаптации методики [5; 9; 12; 13].

Таблица 3

Результаты применения ОВП Ф. Зимбардо

№ п/п	Наименование фактора (шкалы), интерпретация результата (диапазон, соответствующий среднему уровню)	Доля испытуемых, имеющих результат ниже среднего / средний / выше среднего (%)	Медиана	1-й квартиль	3-й квартиль
1	Негативное прошлое: 1,91—3,09	5/70/25	3,5	3,1	4,1
2	Будущее: 2,86—4,1	5/92,5/2,5	3,62	3,21	3,92
3	Гедонистическое настоящее: 2,86—3,98	10/87,5/2,5	3,2	2,9	3,6
4	Фаталистическое настоящее: 2,07—3,29	2,5/85/12,5	2,67	2,22	3,02
5	Позитивное прошлое: 3,11—4,25	15/85/0	3	2,67	3,44

Примечание: интерпретация результатов проводилась по [5; 12; 13].

Наименее благополучная картина, как показано в табл. 3, получена по шкале «Негативное прошлое»; и медианное значение, и третий квартиль превысили диапазон, соответствующий, согласно литературным данным, среднему уровню для рассматриваемой возрастной группы. Этот результат указывает на значимость переживаний, связанных с негативными воспоминаниями и собственными упущениями, и согласуется с низким значением показателя «Позитивное прошлое», а также выраженностью «Вины выжившего» (табл. 1) и «Чувства вины» (табл. 2). При этом значения, полученные по обсуждаемой шкале, дали наибольший разброс в сравнении с остальными шкалами ОВП. Что касается шкал «Будущее», «Гедонистическое настоящее» и «Фаталистическое настоящее», то результаты по ним в основном соответствуют среднему уровню. Подсчет результатов по «Позитивному прошлому» не выявил в выборке ни одного высокого результата, а медиана расположилась ниже среднего уровня. Следовательно, в картине временной перспективы выражены отторжение собственного прошлого, неготовность воспринимать имеющийся жизненный опыт как источник развития.

Значимых корреляций между показателями, полученными по ОВП, не выявлено (r Спирмена).

«Методика исследования самооотношения» (МИС) С.Р. Пантिलеева

Медианные значения всех полученных параметров попали в интервал от 4 до 7 стенов (табл. 4). При этом третий квартиль по «Самопринятию», «Самоценности» и «Самообвинению» превысил этот интервал, а индивидуальные данные обнаружили большую вариабельность в сравнении с остальными шкалами. Можно говорить о противоречивости самооотношения обследованных: ощущение внутреннего богатства и значимости своей личности, готовность принимать свои черты и побуждения сочетаются со склонностью остро переживать собственные промахи и неудачи. Последняя характеристика не противоречит результатам по шкалам других методик («Вина выжившего», «Чувство вины», «Нереализованные возможности», «Негативное прошлое»). В связи с этим неслучайной видится и сравнительно невысокая «Самопривязанность»: хотя медиана и третий квартиль попали в средний интервал, первый квартиль достиг всего 3 стенов. Ни один из испытуемых не имеет высокого уровня

«Самопривязанности», а соотношение низкого и среднего уровней в выборке составляет примерно 1:2. Можно говорить о недостаточной удовлетворенности обследованных собой, о чрезмерно выраженной готовности менять себя, отказываться от собственных убеждений и интересов.

Таблица 4

Результаты применения МИС С.Р. Панталева

№ п/п	Наименование шкалы	Доля испытуемых, результат которых оказался низким / средним / высоким (%)	Медиана	1-й квартиль	3-й квартиль
1	Самопринятие	22,5/45/32,5	6	4	8
2	Самоценность	15/55/30	6	4	8
3	Самообвинение	10/65/25	6	4,75	7,25
4	Отраженное самоотношение	15/72,5/12,5	5	4	7
5	Внутренняя конфликтность	20/62,5/17,5	5	4	6,25
6	Внутренняя честность	5/92,5/2,5	5	4	6
7	Самоуверенность	15/77,5/7,5	5	4	5
8	Саморуководство	17,5/75/7,5	4	4	5,25
9	Самопривязанность	32,5/67,5/0	5	3	5

Значимые корреляционные связи (r Спирмена, $p \leq 0,01$)
 Внутренняя конфликтность и Самообвинение ($r = 0,769$)
 Самоценность и Самоуверенность ($r = 0,724$)
 Самопринятие и Самообвинение ($r = -0,691$)
 Самопривязанность и Самообвинение ($r = -0,682$)
 Самопривязанность и Внутренняя конфликтность ($r = -0,666$)
 Самопринятие и Самопривязанность ($r = 0,640$)
 Самопринятие и Внутренняя конфликтность ($r = -0,627$)
 Самоценность и Внутренняя конфликтность ($r = -0,581$)
 Самоуверенность и Самообвинение ($r = -0,526$)
 Внутренняя конфликтность и Отраженное самоотношение ($r = -0,509$)
 Самопринятие и Самоуверенность ($r = 0,496$)
 Самопривязанность и Самоуверенность ($r = 0,488$)
 Самоценность и Самопринятие ($r = 0,485$)
 Отраженное самоотношение и Самообвинение ($r = -0,482$)
 Самоценность и Самопривязанность ($r = 0,470$)
 Отраженное самоотношение и Самоуверенность ($p = 0,427$)
 Самоценность и Самообвинение ($r = -0,424$)
 Самоценность и Отраженное самоотношение ($r = 0,411$)
 Саморуководство и Отраженное самоотношение ($r = 0,408$)

Примечание: результаты переводились в стены; 1—3 стена рассматривались как низкий уровень; 4—7 — как средний; 8—10 — как высокий (по С.Р. Панталеу [10]).

Корреляционный анализ (r Спирмена, $p \leq 0,01$) выявил две сильных, 8 средних и 9 слабых связей между параметрами МИС (рис. 3).

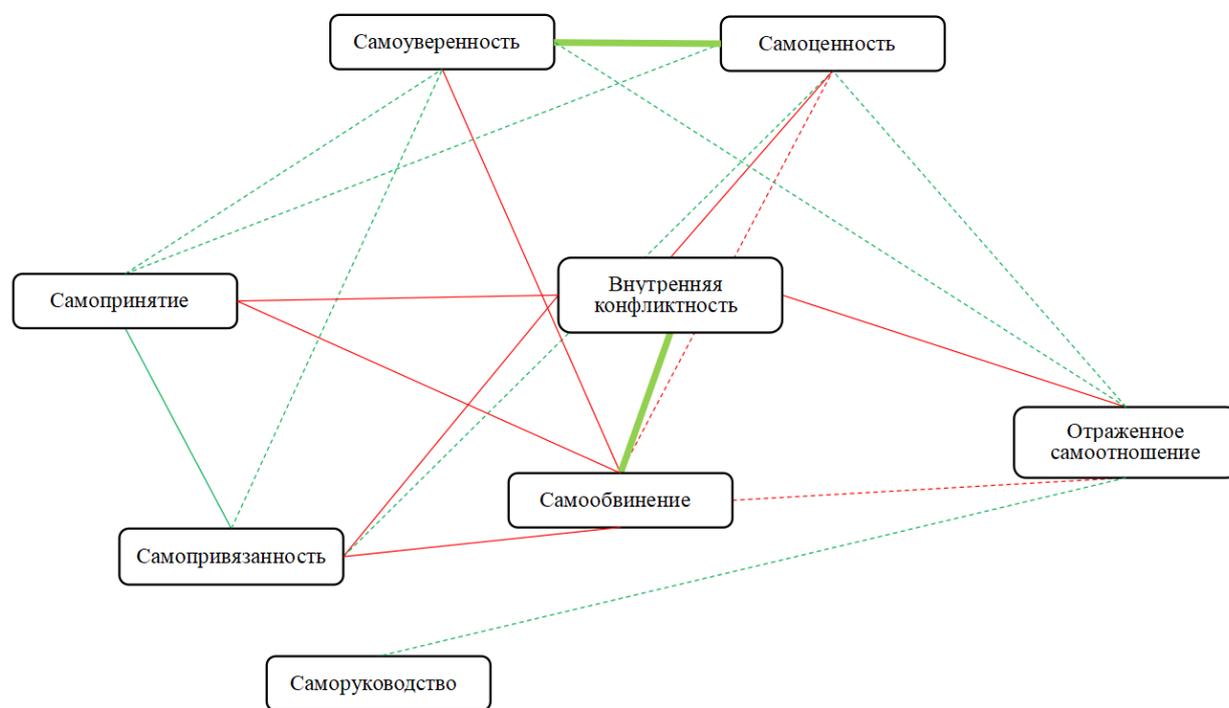

Рис. 3. Значимые связи между показателями, полученными, по МИС С.Р. Панталева: толстыми линиями показаны сильные связи, тонкими — средние и пунктиром — слабые; зеленый цвет соответствует прямым корреляциям, красный — обратным

Первая из двух сильных корреляций отражает прямую связь «Внутренней конфликтности» и «Самообвинения», которые образуют, в свою очередь, наиболее многочисленные и тесные связи с другими компонентами плеяды. Значения по обеим шкалам имеют обратную связь со шкалами «Самопривязанность», «Самопринятие», «Самоценность» и «Отраженное самоотношение». Можно говорить о системообразующей, «ядерной» роли ощущения внутренней противоречивости, склонности сомневаться в себе и чувства вины в структуре самоотношения испытуемых. Выраженность этих особенностей, судя по картине корреляций, сопряжена с неудовлетворенностью собой, недостатком симпатии к самому себе, сомнениями в ценности собственной личности и ожиданием негативного отношения со стороны окружающих. Что касается «Самоуверенности», то ее уровень обратно коррелирует с «Самообвинением» и никак не связан с «Внутренней конфликтностью». Соответственно, сомнения в своих силах и возможностях могут возникнуть у испытуемых с связи с переживанием не столько внутренних конфликтов, сколько вины.

Вторая сильная корреляция, которая также оказалась прямой, связывает «Самоценность», т. е. ощущение богатства и значимости собственного внутреннего мира, и «Самоуверенность», или отношение к себе как к волевому, самостоятельному человеку, достойному признания. Первый показатель образует две обратные связи: среднюю с «Внутренней конфликтностью» и слабую с «Самообвинением». Второй показатель также имеет с «Самообвинением» обратную связь, но она является средней. Возникает вопрос: можно ли считать «Самоценность» и «Самоуверенность» противовесом негативному с точки зрения самоотношения «ядру» плеяды, описанному выше? Этот противовес представляется недостаточно основа-

тельным, ведь показатели «Самоценность» и «Самоуверенность» имеют слабые или вовсе лишь опосредованные связи с остальными компонентами плеяды. Например, «Самоценность» положительно связана с «Саморуководством» через «Отраженное самоотношение», а с «Самопривязанностью» — через «Самопринятие».

Опросник ауто- и гетероагрессии Е.П. Ильина

Применение опросника выявило преобладание аутоагрессивных тенденций над гетероагрессивными (табл. 5), что ожидаемо, если учесть результаты, описанные выше.

Таблица 5

Результаты применения опросника ауто- и гетероагрессии Е.П. Ильина

№ п/п	Наименование фактора (шкалы)	Медиана	1-й квартиль	3-й квартиль
1	Аутоагрессия	4	2	8
2	Гетероагрессия	3,5	2	7

Корреляция между результатами, полученными по двум шкалам данной методики (r Спирмена), оказалась незначимой.

Обсуждение результатов

В целом по выборке на первый план выступают самообвинение, окрашенное острыми переживаниями из-за собственных промахов и неудач, в сочетании с неудовлетворенностью собой. Эти особенности образуют многочисленные связи с другими компонентами самоотношения и могут находить выход в аутоагрессии и/или отказе от собственных убеждений и интересов, но не в открытых проявлениях ярости (причем корреляционный анализ показывает, что такие проявления возможны преимущественно на фоне употребления психоактивных веществ). Можно говорить, следовательно, не только о противоречивости, но и о «хрупкости», уязвимости самоотношения обследованных.

Картина прошлого воспринимается испытуемыми в целом негативно, с оттенком отчуждения имеющегося опыта, неготовности интегрировать его в общую историю жизни; возможна и фиксация на конкретных негативных впечатлениях (в виде, например, флешбэков). Вероятно, отчуждение прошлого выполняет защитную функцию, позволяя обследованным не воспринимать тяжелые времена как часть своего жизненного пути.

Более чем у половины испытуемых в подростковничестве или позднее обнаружили проблемы с психическим здоровьем, потребовавшие медикаментозного лечения. Эмоциональную сферу участников исследования характеризует склонность находиться в состоянии тоски, угнетенности, усматривать угрозу в обыденных ситуациях, испытывать тревожные опасения. Среди классических посттравматических проявлений [14; 15] преобладают снижение мнестических возможностей, недостаток концентрации внимания и, в меньшей степени, проблемы со сном, причем и мнестико-аттентивные, и сомнологические проблемы следует рассматривать, вероятно, в свете представлений о защитных механизмах. Анализ корреляционных связей между разными посттравматическими проявлениями приводит к заключению о системообразующей роли депрессивных и тревожных переживаний.

Негативная окрашенность отношений с собственными родителями, свойственная существенной части выборки, предсказуема. При этом отношение к отцу выглядит психологически изолированным от других систем отношений, а отношение к матери можно рассматривать как системообразующее, поскольку соответствующий параметр связан с отношением к семье в целом и к прошлому, а через него и с сексуальными отношениями.

Наши результаты необходимо рассматривать с учетом того, что выборку составили лица, воспринимающие перенесенное насилие как значимый негативный опыт и обратившиеся в профильный кризисный центр (более того, некоторые имеют также опыт психиатрического лечения). Впрочем, участники большинства подобных исследований также попадают в поле зрения специалистов при обращении в профильные организации/учреждения.

Данные, которые нам удалось получить, не противоречат ранее опубликованным сведениям о предикторах и коррелятах отдаленных психических расстройств у пострадавших от СН (в частности, о выраженном самообвинении, «замалчивании себя», недостатке поддержки со стороны собственных родителей) [17; 24; 27]. Эти характеристики, а также недостаточную интегрированность временной перспективы, противоречивость самоотношения, выраженную аутоагрессию и неспособность к отреагированию гетероагрессии стоит рассматривать как мишени неврачебной психотерапии.

Соотнося наши данные с материалами исследований резильентности и жизнестойкости лиц, подвергшихся СН и иной травматизации [23; 28], можно считать ресурсной способность обследованных к безусловному принятию и одобрению себя, видению собственного будущего в позитивном свете, построению комфортных отношений с друзьями и коллегами. На основании данных корреляционного анализа можно предположить, что имеющееся у испытуемых ощущение богатства и значимости собственного внутреннего мира в перспективе может способствовать и укреплению уверенности в себе, формированию восприятия себя как самостоятельного человека, достойного признания. Кроме того, снижение интенсивности самообвинения могло бы дать большую уверенность в собственных силах и возможностях.

Выводы

Лицам, пережившим СН в детстве или подростково-юношеском возрасте, присущи противоречивость и уязвимость самоотношения. Способность к безусловному принятию и одобрению себя, восприятию своего внутреннего мира как значимого, имеющего ценность, сочетается с выраженным самообвинением и неудовлетворенностью собой, готовностью к отказу от собственных убеждений и интересов.

В эмоциональной жизни обследованных ярко выделяются депрессивные и тревожные переживания, боязливая настороженность в оценке рядовых ситуаций. Эмоционально-протективную роль играют снижение мнестических возможностей и концентрации внимания, «расфокусирующие» восприятие действительности.

Восприятие лицами, подвергшимися СН в детстве или подростково-юношеском возрасте, собственного прошлого характеризуется психологическим отчуждением последнего на фоне фиксации на отдельных тяжелых воспоминаниях и негативной окрашенности темы отношений с собственными родителями.

К психологическим ресурсам, которые целесообразно учитывать при планировании и осуществлении психологической помощи рассмотренной категории лиц, относятся способность последних принимать и ценить свой внутренний мир, видеть собственное будущее в позитивном свете, комфортно чувствовать себя во взаимодействии с друзьями и коллегами.

Говоря о перспективах дальнейших исследований, в первую очередь хотелось бы отметить необходимость сопоставления имеющихся у нас сведений с картиной посттравматических проявлений, самоотношения, временной перспективы и иных необходимых показателей у лиц, переживших СН, но не обращавшихся в связи с этим к специалистам. Идентификация таких случаев вполне осуществима, если предварить применение основного диагностическо-

го инструментария изучением автобиографических воспоминаний испытуемых (например, с помощью «Линии жизни»). Целесообразно также выявить психологические особенности лиц разных групп половозрастной и нозологической принадлежности, имеющих давний опыт СН, причем особого внимания заслуживали бы испытуемые с тревожно-депрессивными состояниями и мнестико-аттентивными жалобами.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб: Питер, 2004. 538 с.
2. Катан Е.А. Жестокое обращение и пренебрежение в детстве определяют отдаленные последствия для психического и физического здоровья взрослых // Оренбургский медицинский вестник. 2020. Том 8. № 3 (31). С. 15–22.
3. Кондакова И.В. Личностные ресурсы психологической защищенности взрослых, переживших насилие в детстве: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2012. 195 с.
4. Котенев И.О. Опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий несения службы сотрудниками ОВД в экстремальных условиях. М.: Академия МВД России, 1996. 40 с.
5. Митина О.В., Сырцова А. Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTPИ): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № 4. С. 67–89.
6. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: Монография (пособие для электронного учебно-методического комплекса) / Под ред. Е.Г. Дозорцевой, Г.В. Семья. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 421 с.
7. Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А. Показатели виктимности у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 132–145. doi:10.17759/psylaw.2021110210
8. Оруджев Н.Я., Поплавская О.В., Черная Н.А. Отдаленные последствия и особенности становления психосексуальности лиц, перенесших сексуальное злоупотребление [Электронный ресурс] // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Том 5. № 3. С. 92–100. doi:10.18413/2658-6533-2019-5-3-0-10
9. Осин Е.Н., Орел Е.А. Возрастная динамика временной перспективы (на материале российских женщин) // Перспективные направления психологической науки: Сборник научных статей. Выпуск 2 / Отв. ред. А.К. Болотова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 85–103.
10. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
11. Румянцев Г.Г. Опыт применения метода незаконченных предложений в психиатрической практике // Исследование личности в клинике и в экстремальных условиях. Л.: НИИ психоневрологии имени В.М. Бехтерева, 1969. С. 266–275.
12. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 41–54.
13. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Том 29. № 3. С. 101–109.
14. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Институт психологии РАН, 2009. 304 с.

15. Харламенкова Н.Е. Эго-идентичность и ее особенности у лиц с разным уровнем пост-травматического стресса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Том 25. № 1. С. 107–111.
16. Caouette J., Cossette L., Hébert M. Do You See What I See? Emotion Recognition Competencies in Sexually Abused School-Aged Children and Non-Abused Children // Journal of Child Sexual Abuse. 2023. Vol. 32(7). P. 813–828. doi:10.1080/10538712.2023.2243926
17. De Champlain A., Tremblay-Perreault A., Hébert M. Gender Differences in Behavioral Problems in Child Victims of Sexual Abuse: Contribution of Self-Blame of the Parent and Child // Journal of Child Sexual Abuse. 2023. Vol. 32(5). P. 536–553. doi:10.1080/10538712.2023.2184740
18. Dunn E.C., Nishimi K., Neumann A., Renaud A., Cecil C.A.M., Susser E.S., Tiemeier H. Time-Dependent Effects of Exposure to Physical and Sexual Violence on Psychopathology Symptoms in Late Childhood: In Search of Sensitive Periods in Development // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2020. Vol. 59(2). P. 283–295. doi:10.1016/j.jaac.2019.02.022
19. Gerke J., Gfrörer T., Mattstedt F.K., Hoffmann U., Fegert J.M., Rassenhofer M. Long-term mental health consequences of female-versus male-perpetrated child sexual abuse // Child Abuse & Neglect. 2023. Vol. 143. P. 106–240. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106240
20. Gewirtz-Meydan A., Godbout N. Between pleasure, guilt, and dissociation: How trauma unfolds in the sexuality of childhood sexual abuse survivors // Child Abuse & Neglect. 2023. Vol. 141. P. 106–195. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106195
21. Giampetruzzi E., Tan A.C., LoPilato A., Kitay B., Riva Posse P., McDonald W.M., Hermita A.P., Crowell A., Hershenberg R. The impact of adverse childhood experiences on adult depression severity and treatment outcomes // Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 333. P. 233–239. doi:10.1016/j.jad.2023.04.071
22. Hailes H.P., Yu R., Danese A., Fazel S. Long-term outcomes of childhood sexual abuse: an umbrella review // The Lancet. Psychiatry. 2019. Vol. 6(10). P. 830–839. doi:10.1016/S2215-0366(19)30286-X
23. Hébert M., Amédée L.M., Théorêt V., Petit M.P. Diversity of adaptation profiles in youth victims of child sexual abuse // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2022 Vol. 14(S1). P. S41–S49. doi:10.1037/tra0001090
24. Hébert É., Fortin L., Fortin A., Paradis A., Hébert M. The Associations between Self-Silencing and Delinquency in Adolescent Who Experienced Child Sexual Abuse // Journal of Child Sexual Abuse. 2023. Vol. 32(4). P. 438–454. doi:10.1080/10538712.2023.2177222
25. Hoell A., Kourmpeli E., Dölling D., Horten B., Meyer-Lindenberg A., Dreßing H. Ein Schritt ins Dunkle: Pilotstudie zu Prävalenz, situativem Kontext und Folgen sexualisierter Gewalt gegen Kinder und Jugendliche in Deutschland [Going Beyond the Known: Pilot Study on Prevalence, Situational Context and Consequences of Sexual Abuse of Children and Adolescents in Germany] // Psychiatrische Praxis. 2023. Vol. 50(4). P. 182–188. doi:10.1055/a-1960-4795
26. Langevin R., Pennestri M.H., Hershon M., Pirro T., Hébert M. The association between childhood sexual abuse and subjective sleep in adolescent girls // Journal of Clinical Sleep Medicine. 2023. Vol. 19(11). P. 1933–1939. doi:10.5664/jcsm.10736
27. Mitchell J.M., Becker-Blease K.A., Soicher R.N. Child Sexual Abuse, Academic Functioning and Educational Outcomes in Emerging Adulthood // Journal of Child Sexual Abuse. 2021. Vol. 30(3). P. 278–297. doi:10.1080/10538712.2020.1847228

28. Pond R., Gillmore C., Blanchard N. Lived experiences of resilience for women who have experienced childhood sexual abuse: A systematic review of qualitative studies // *Child Abuse & Neglect*. 2023. Vol. 140. P. 106–152. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106152
29. Robin M., Schupak T., Bonnardel L., Polge C., Couture M.B., Bellone L., Shadili G., Essad-ek A., Corcos M. Clinical Stakes of Sexual Abuse in Adolescent Psychiatry // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20(2). P. 10–71. doi:10.3390/ijerph20021071
30. Schnittker J. What makes sexual violence different? Comparing the effects of sexual and non-sexual violence on psychological distress // *Mental Health*. 2022. Vol. 2. P. 100–115. doi:10.1016/j.ssmmh.2022.100115

References

1. Ilin E.P. *Psikhologiya individual'nykh razlichii*. Saint Petersburg: Piter, 2004. 538 p. (In Russ.).
2. Katan E.A. Zhestokoe obrashchenie i prenebrezhenie v detstve opredelyayut otdalennye posledstviya dlya psikhicheskogo i fizicheskogo zdorov'ya vzroslykh [Abuse and neglect in childhood have far emerging consequences for mental and somatic health for adults]. *Orenburgskii meditsinskii vestnik = Orenburg Medical Herald*, 2020. Vol. 8, no. 3 (31), pp. 15–22. (In Russ.).
3. Kondakova I.V. Lichnostnye resursy psikhologicheskoi zashchishchennosti vzroslykh, perezhivshikh nasilie v detstve: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2012. 195 p. (In Russ.).
4. Kotenev I.O. Oprosnik travmaticheskogo stressa dlya diagnostiki psikhologicheskikh posledstviy neseniya sluzhby sotrudnikami OVD v ekstremal'nykh usloviyakh. Moscow: Akademiya MVD Rossii Publ., 1996. 40 p. (In Russ.).
5. Mitina O.V., Syrtsova A. Oprosnik po vremennoi perspektive F. Zimbardo (ZTPI): rezul'taty psikhometricheskogo analiza russkoyazychnoi versii [Zimbardo time perspective inventory (ZTPI): results of Russian version psychometrics analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2008, no. 4, pp. 67–89. (In Russ.).
6. Dozortseva E.G., Semya G.V. (eds.). *Nasilie v otnoshenii detei. Rabota s sem'ei i rebenkom: Monografiya (posobie dlya elektronnoho uchebno-metodicheskogo kompleksa)*. Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2022. 421 p. (In Russ.).
7. Nuckova E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Chibisova I.A. Pokazateli viktimnosti u nesovershennoletnikh poterpevshikh ot seksual'nogo nasiliya i zloupotrebleniya [Indices of Victimization in Minor Victims of Sexual Violence and Abuse] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 132–145. doi:10.17759/psylaw.2021110210 (In Russ.).
8. Orujev N.Ya., Poplavskaya O.V., Chernaya N.A. Otdalennye posledstviya i osobennosti stanovleniya psikhoseksual'nosti lits, perenessikh seksual'noe zloupotreblenie [Long-term effects and development of psychosexuality in people – victims of sexual abuse] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnye rezul'taty biomeditsinskikh issledovaniy = Research Results in Biomedicine*, 2019. Vol. 5, no. 3, pp. 92–100. doi:10.18413/2658-6533-2019-5-3-0-10 (In Russ.).
9. Osin E.N., Orel E.A. Vozrastnaya dinamika vremennoi perspektivy (na materiale rossiiskikh zhenshchin). In Bolotova A.K. (ed.). *Perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi nauki: Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 2*. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2012, pp. 85–103. (In Russ.).
10. Pantileev S.R. *Metodika issledovaniya samootnosheniya*. Moscow: Smysl, 1993. 32 p. (In Russ.).

11. Rumyantsev G.G. Opyt primeneniya metoda nezakonchennykh predlozhenii v psikhiatricheskoi praktike. Issledovanie lichnosti v klinike i v ekstremal'nykh usloviyakh. Leningrad: NII psikhonevrologii imeni V.M. Bekhtereva Publ., 1969, pp. 266–275. (In Russ.).
12. Syrtsova A., Mitina O.V. Vozrastnaya dinamika vremennykh orientatsii lichnosti. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2008, no. 2, pp. 41–54. (In Russ.).
13. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Adaptatsiya oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of Zimbardo Time Perspective Inventory]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2008. Vol. 29, no. 3, pp. 101–109. (In Russ.).
14. Tarabrina N.V. Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2009. 304 p. (In Russ.).
15. Kharlamenkova N.E. Ego-identichnost' i ee osobennosti u lits s raznym urovnem posttravmaticheskogo stressa [Ego identity and its peculiarities in persons with a different level of post-traumatic stress]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetic*, 2019. Vol. 25, no. 1, pp. 107–111. (In Russ.).
16. Caouette J., Cossette L., Hébert M. Do You See What I See? Emotion Recognition Competencies in Sexually Abused School-Aged Children and Non-Abused Children. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2023. Vol. 32, no. 7, pp. 813–828. doi:10.1080/10538712.2023.2243926
17. De Champlain A., Tremblay-Perreault A., Hébert M. Gender Differences in Behavioral Problems in Child Victims of Sexual Abuse: Contribution of Self-Blame of the Parent and Child. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2023. Vol. 32, no. 5, pp. 536–553. doi:10.1080/10538712.2023.2184740
18. Dunn E.C., Nishimi K., Neumann A., Renaud A., Cecil C.A.M., Susser E.S., Tiemeier H. Time-Dependent Effects of Exposure to Physical and Sexual Violence on Psychopathology Symptoms in Late Childhood: In Search of Sensitive Periods in Development. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2020. Vol. 59, no. 2, pp. 283–295. doi:10.1016/j.jaac.2019.02.022
19. Gerke J., Gfrörer T., Mattstedt F.K., Hoffmann U., Fegert J.M., Rassenhofer M. Long-term mental health consequences of female-versus male-perpetrated child sexual abuse. *Child Abuse & Neglect*, 2023. Vol. 143, pp. 106–240. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106240
20. Gewirtz-Meydan A., Godbout N. Between pleasure, guilt, and dissociation: How trauma unfolds in the sexuality of childhood sexual abuse survivors. *Child Abuse & Neglect*, 2023. Vol. 141, pp. 106–195. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106195
21. Giampetruzzi E., Tan A.C., LoPilato A., Kitay B., Riva Posse P., McDonald W.M., Hermida A.P., Crowell A., Hershenberg R. The impact of adverse childhood experiences on adult depression severity and treatment outcomes. *Journal of Affective Disorders*, 2023. Vol. 333, pp. 233–239. doi:10.1016/j.jad.2023.04.071
22. Hailes H.P., Yu R., Danese A., Fazel S. Long-term outcomes of childhood sexual abuse: an umbrella review. *The Lancet. Psychiatry*, 2019. Vol. 6, no. 10, pp. 830–839. doi:10.1016/S2215-0366(19)30286-X
23. Hébert M., Amédée L.M., Théorêt V., Petit M.P. Diversity of adaptation profiles in youth victims of child sexual abuse. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*, 2022. Vol. 14, no. S1, pp. S41–S49. doi:10.1037/tra0001090
24. Hébert É., Fortin L., Fortin A., Paradis A., Hébert M. The Associations between Self-Silencing and Delinquency in Adolescent Who Experienced Child Sexual Abuse. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2023. Vol. 32, no. 4, pp. 438–454. doi:10.1080/10538712.2023.2177222

25. Hoell A., Kourmpeli E., Dölling D., Horten B., Meyer-Lindenberg A., Dreßing H. Ein Schritt ins Dunkle: Pilotstudie zu Prävalenz, situativem Kontext und Folgen sexualisierter Gewalt gegen Kinder und Jugendliche in Deutschland [Going Beyond the Known: Pilot Study on Prevalence, Situational Context and Consequences of Sexual Abuse of Children and Adolescents in Germany]. *Psychiatrische Praxis*, 2023. Vol. 50, no. 4, pp. 182–188. doi:10.1055/a-1960-4795
26. Langevin R., Pennestri M.H., Hershon M., Pirro T., Hébert M. The association between childhood sexual abuse and subjective sleep in adolescent girls. *Journal of Clinical Sleep Medicine*, 2023. Vol. 19, no. 11, pp. 1933–1939. doi:10.5664/jcsm.10736
27. Mitchell J.M., Becker-Blease K.A., Soicher R.N. Child Sexual Abuse, Academic Functioning and Educational Outcomes in Emerging Adulthood. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2021. Vol. 30, no. 3, pp. 278–297. doi:10.1080/10538712.2020.1847228
28. Pond R., Gillmore C., Blanchard N. Lived experiences of resilience for women who have experienced childhood sexual abuse: A systematic review of qualitative studies. *Child Abuse & Neglect*, 2023. Vol. 140, pp. 106–152. doi:10.1016/j.chiabu.2023.106152
29. Robin M., Schupak T., Bonnardel L., Polge C., Couture M.B., Bellone L., Shadili G., Essad-ek A., Corcos M. Clinical Stakes of Sexual Abuse in Adolescent Psychiatry. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 2, pp. 10–71. doi:10.3390/ijerph20021071
30. Schnittker J. What makes sexual violence different? Comparing the effects of sexual and non-sexual violence on psychological distress. *Mental Health*, 2022. Vol. 2, pp. 100–115. doi:10.1016/j.ssmmh.2022.100115

Информация об авторах

Тухтаева Дана Ахмадовна, педагог-психолог, Первый московский кадетский корпус (ГБОУ ПМКК), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1681-1865>, e-mail: dankin.donuts@gmail.com

Луковцева Зоя Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Information about the authors

Dana A. Tukhtaeva, Teacher-Psychologist, The First Moscow Cadet Corps, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1681-1865>, e-mail: dankin.donuts@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva, PhD in Psychology, Docent, Assistant Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Получена 24.10.2023
Принята в печать 24.12.2023

Received 24.10.2023
Accepted 24.12.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Чумаченко Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ);
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени
М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1007-5458>, e-mail: chumachenkodv@mgppu.ru

Романова Н.М.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Киселев К.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

В работе приводятся данные стандартизации методики «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ», представляющей собой модификацию методики «Need Threat Scale» (И. ван Бист, К.Д. Вильямс, 2006). В русскоязычной версии методика ШНПО-ПМ представлена четырьмя субшкалами: потребности в принадлежности, самоуважении, контроле и осмысленном существовании. В исследовании приняли участие 2351 человек (75,8% женского пола) в возрасте от 14 до 25 лет (средний возраст — $18,4 \pm 2,59$ лет). Методика ШНПО-ПМ показала хорошую внутреннюю согласованность: альфа Кронбаха = 0,83; 0,80, 0,84 и 0,84 для субшкал «Принадлежность», «Самоуважение», «Контроль» и «Осмысленное существование» соответственно; конфирматорный факторный анализ подтвердил соответствие модели с четырьмя факторами первого уровня и двумя факторами второго уровня данным (SRMR=0,046; CFI=0,99 RMSEA=0,043). Внешняя валидность подтверждена умеренными отрицательными корреляционными связями с субшкалой «Принадлежность» опросника «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, со «Шкалой

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

самооценки» М. Розенберга и результатами теста «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. В приложении приведен текст ШНПО-ПМ с инструкцией, ключом, нормами и интерпретацией.

Ключевые слова: социальный остракизм, отвержение, игнорирование, исключение, валидизация, стандартизация.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках работ по методическому обеспечению образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» в целях сопровождения работы Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования на 2023 год.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Федерацию психологов образования РФ.

Дополнительные данные. Набор данных доступен онлайн:
<https://ruspsydata.mgppu.ru/items/5355e9bf-d123-4c1b-a040-ca729f31ff36>

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В., Романова Н.М., Киселев К.А. Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71. DOI:10.17759/psylaw.2024140104

Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth), OTNS-AY (in Russ.)

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Dmitry V. Chumachenko

Moscow State University of Psychology & Education; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1007-5458>, e-mail: chumachenkov@mgppu.ru

Natalia M. Romanova

Saratov State University, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Konstantin A. Kiselev

Saratov State University, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

The article provides data on the standardization of the methodology “Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth), OTNS-AY (in Russ.)”, which is a modification of the “Need Threat Scale” methodology (I. van Beest, K.D. Williams, 2006). In the Russian version, OTNS-AY is represented by four subscales: the need for belonging, self-esteem, control and meaningful existence. The study involved 2351 people aged 14 to 25 years ($M = 18.4$ years, $SD = 2.59$). Distribution of the sample by gender: male 23.9%, female 75.8%. To assess the internal consistency of the questionnaire subscales, Cronbach’s Alpha consistency assessment was used, which showed good consistency of all 4 subscales: “belonging” (0.83), “self-esteem” (0.80), “control” (0.84) and “meaningful existence” (0.84). The general model of the four first-level factors and two second-level factors questionnaire was tested using confirmatory factor analysis, which showed good fit to the data: $SRMR=0,046$; $CFI=0,99$ $RMSEA=0,043$. To assess external validity, the questionnaires “Diagnostics of Affiliation Motives, A. Mehrabian (in Russ.)”, “Rosenberg Self-Esteem Scale (in Russ.)” and “Purpose-in-Life Test by D. Leontiev (in Russ.)” were used. The appendix to the article contains the text of the OTNS-AY (in Russ.) with instructions, key and interpretation.

Keywords: social ostracism, rejection, ignoring, exclusion, validation, standardization, Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescents, Youth), OTNS-AY (in Russ.).

Funding. The reported study was carried out as part of the work on methodological support of educational activities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University in order to support the work of the Federal Coordination Center for the provision of psychological services in the education system for 2023.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection the Federation of Educational Psychologists of the Russian Federation.

Supplemental data. The dataset generated and analyzed during the current study is available here: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/5355e9bf-d123-4c1b-a040-ca729f31ff36>

For citation: Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V., Romanova N.M., Kiselev K.A. Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth), OTNS-AY (in Russ.). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 53–71. DOI:10.17759/psylaw.2024140104 (In Russ.).

Введение

Игнорирование, исключение и отвержение, изучаемые сегодня в психологии как феномен социального остракизма, как известно, сопровождали человека на всем пути его исторического развития: древние люди старались избавиться (изгнать) из своего клана/семьи неудобных им по разным причинам членов сообщества; в Античности остракизм получил не только свое название, но и законодательную индульгенцию на применение благодаря «закону черепков»; а сегодня такой подвид социального остракизма, как культура отмены, подразумевающая отвержение, изгнание, исключение отдельных лиц, брендов и даже целых исторических эпох и культурных пластов, применяется с завидным постоянством и упорством [1].

Несмотря на то, что социальный остракизм сопровождал человека с самого начала его становления как социального вида, наука (и здесь мы прежде всего говорим о психологии) пришла к научному познанию данного феномена совсем недавно. По оценкам самих исследователей остракизма (Вильямс К.Д., Баумайстер Р., Лири М., Задро Л. и др.) во второй половине

прошлого века в зарубежных исследованиях предпринимались лишь отдельные попытки изучения различных аспектов игнорирования, исключения и отвержения, при этом широкого анализа в них не проводилось (Craighead W.E., 1979; Dittes J.E., 1959; Fenigstein A., 1979 и др.). Только к середине 1990-х годов, по оценке К.Д. Вильямса, остракизм подошел к той стадии развития, когда накопленный массив теоретико-эмпирического знания в данной области имел все качественные и количественные предпосылки для перехода на новый уровень развития: на уровень формирования теоретической базы исследования. Об этом периоде метко пишет сам К.Д. Вильямс: «Теперь социальная психология больше не игнорирует игнорирование и не исключает исключение» [28, с. 432].

Ошибочно полагать, что в тот же период времени данные психологические явления не исследовались отечественными авторами. Те или иные близкие к основному понятийному ядру феномена социального остракизма понятия активно изучались и изучаются советскими и российскими учеными в области ряда наук и их направлений (Алмазов Б.Н., Титкова В.В., Мохов Д.Б., Петошина С.И., Крутько Е.А., Суриков И.Е., Ильин Е.П., Войскунский А.Е., Неумоева Е.В. и др.). Однако стоит признать, что активизация теоретико-эмпирических исследований в области социального остракизма в целом и его подконструктов в частности приходится на последние 10 лет [3; 4; 7; 9; 10; 11; 15]. На данном этапе, перефразируя слова К.Д. Вильямса, можно сказать, что социальный остракизм больше не подвергается остракизму, а вошел в фазу активного прироста, как теоретического, так и эмпирического знания. Важным фактором данного поступательного развития становится процесс формирования отечественной методологической базы исследования различных аспектов социального остракизма и его родственных феноменов (буллинг, одиночество, стигматизация и др.) [4; 9; 10; 11]. Настоящее исследование вносит свой вклад в данный процесс, представляя отечественным теоретикам и практикам возможность измерения уровня ряда нарушаемых в процессе игнорирования, исключения или отвержения фундаментальных потребностей.

Постановка проблемы

Результаты исследования Дж.Б. Нецлека и его коллег (2015) свидетельствуют о том, что, социальный остракизм встречается около 25000 раз за жизнь, т. е. почти ежедневно [24]. Порой люди не всегда могут его идентифицировать, а в действительности социальный остракизм может быть опосредован предписываемыми нормами (мы ведь часто игнорируем официанта или вахтера при входе), очень часто люди подвергают остракизму другого человека в целях защиты (например, чтобы самим не стать мишенью остракизма), а иногда без злого умысла не замечают приветствий своих знакомых, что не мешает последним субъективно ощущать себя отверженными.

Ученые утверждают, что даже такое незначительное игнорирование, как фэббинг (если собеседник в общении лицом к лицу начинает отвлекаться на свой телефон, планшет), оказывает такое же психологическое воздействие, что и другие формы остракизма: причиняет эмоциональную боль и угрожает психологическим потребностям индивида [20]. Даже просто стороннее наблюдение акта остракизма, так называемый викарный остракизм, причиняет наблюдателю не меньшую социальную боль, чем собственно его объекту [27].

Использование слова «боль» в данном случае не фигура речи, а реальность. Применив в своих исследованиях такой метод симуляции ситуации социального остракизма, как «Кибербол», и магнитно-резонансную томографию головного мозга, Н. Айзенбергер и ряд ее коллег получили достоверные данные, доказывающие, что даже *ненамеренное краткосрочное*

игнорирование «...вызывает у индивида активацию дорсальной передней поясной коры, которая является в головном мозге индикатором физической боли» [цит. по: 1].

Структура модели остракизма на основе нарушенных потребностей и с учетом времени воздействия (К.Д. Вильямс, 2009)

В соответствии с предложенной в 1997 и доработанной в 2009 г. моделью остракизма (англ., A Temporal Need-Threat Model) К.Д. Вильямс утверждает, что остракизм угрожает (нарушает) четырем фундаментальным потребностям человека:

- потребности в принадлежности [16];
- потребности поддерживать достаточно высокую самооценку / избегать обесценивания со стороны социума [19];
- потребности чувствовать контроль над своим социальным окружением [25];
- потребности чувствовать, что тебя признают существующим и стоящим внимания [17].

Потребность в принадлежности. При концептуализации данной потребности К.Д. Вильямс опирался на фундаментальную работу его современников Р. Баумайстера и М. Лири «Потребность в принадлежности: стремление к межличностным привязанностям как фундаментальная человеческая мотивация» [16], в которой авторы выдвинули и последовательно доказали свою «гипотезу о принадлежности»: человек постоянно стремится к формированию и поддержке хотя бы минимального количества длительных, позитивных и значимых межличностных отношений. В своей работе авторы утверждают и на основе экспериментальных исследований доказывают, что дефицит принадлежности вызывает у человека серьезные депривационные проблемы и ведет к болезненным последствиям.

Потребность в самоуважении (уровень самооценки). Выделяя данную потребность в рамках модели остракизма, К.Д. Вильямс опирался на положения и выводы теории социометра М. Лири [23]. Согласно данной теории, именно самооценка является психологическим «измерителем», или «датчиком», который отслеживает качество взаимоотношений между людьми.

Как утверждает М. Лири, в процессе эволюции у человека развилась система самооценки (англ., self-esteem system), которая функционирует в качестве оценочного механизма степени социального принятия. При этом его основной функцией является не сохранение уровня самооценки per se, а скорее избегание социального обесценивания и отвержения. Данное утверждение ученый обосновывает тем, что когда люди предпринимают какие-либо действия в защиту или для повышения самооценки, то обычно они так поступают, поскольку считают, что это повысит их ценность в глазах других и их шансы на социальное принятие. Теория основана на допущении, что люди постоянно и непреодолимо стремятся поддерживать значимые межличностные отношения. Это побуждение развилось потому, что в процессе эволюции люди, принадлежащие к социальной группе, имели больше шансов выжить и продолжить свой род, чем те, кто этого не сделал [там же].

Потребность в контроле. На страницах своих работ К.Д. Вильямс метафорично сравнивает феномен остракизма с зеркалом Гезелла, подчеркивая односторонний характер коммуникации. Именно отсутствие возможности для обратного диспута со стороны объекта остракизма полностью лишает его шанса контролировать свое социальное пространство.

Десятилетия исследований демонстрируют наличие прямых корреляций между субъективным чувством контроля и физическим и ментальным благополучием человека [6; 26]. В основном данные исследования проводятся под углом зрения теории выученной беспомощности [25]. Знаменитый эксперимент в доме престарелых Арден-Хаус (США, Коннектикут),

проведенный Э.Дж. Лангер и Дж. Роден, также представил неоспоримые эмпирические доказательства влияния контроля не только на самочувствие, но и на продолжительность жизни человека [22].

Для понимания концепции стандартизируемой методики ШНПО-ПМ в части, касающейся субшкалы «потребность в контроле», важно осознавать *гетерогенный* характер понятия «контроль». Иными словами, «контроль» — это не только возможность человека влиять на свое окружение, контролировать ситуацию (т. е. прямое значение термина), но и ряд близких, пусть и не идентичных, конструкторов [26].

В разработанной Д.Дж. Хоусом и коллегами опроснике «Needs-Threat Scale» гетерогенность конструктора «контроль» отражается посредством апелляции к данной нарушенной потребности, как напрямую, так и опосредованно, через релевантные контролю понятия: «Я чувствовал, что все в моей власти», «Я чувствовал, что был в состоянии значительно изменить события», «Я чувствовал, что не мог влиять на действия других», «Я чувствовал, что все решали другие игроки» [21].

Потребность в осмысленном существовании. Нередко остракизм метафорично называют «социальной смертью», поскольку он ставит под вопрос само существование человека: «Я вообще жив? Я существую? Я стою внимания окружающих?» В своей книге Дж.М. Твенге, анализируя поколение айдженеров, приводит цитату из интервью со старшеклассницей Падмой, чьи слова наглядно демонстрируют нам нарушение потребности в осмысленном существовании: «Когда они долго не отвечают на твое сообщение, ты, типа, думаешь: «Почему? Я еще не умерла!» [12, с. 136]. Согласно ряду исследований, респонденты в ситуации остракизма часто говорят о том, что ощущают себя невидимыми, прозрачными, человеком-невидимкой [см.: 29].

В понимании К.Д. Вильямса, как видно из его модели остракизма, нарушаемая потребность в осмысленном существовании в случае *кратковременного* остракизма — это не потеря смысла жизни вообще, а угроза потери собственной значимости для социума в данный конкретный момент, краткосрочная «социальная смерть». И только при переходе на третью стадию, в форму *долгосрочного (хронического)* остракизма, можно говорить о более серьезных психологических последствиях для человека [28; 29].

К.Д. Вильямс считает, что четыре нарушаемые в остракизме потребности составляют парные кластеры: потребности в принадлежности и самоуважении (в разумно высоком уровне самооценки) составляют *инклюзивный кластер потребностей* (англ., inclusionary need cluster); потребности в контроле и осмысленном существовании — *кластер потребностей во власти и провокации* (англ., power and provocation need cluster) [29].

Обзор методологии исследования нарушенных в остракизме потребностей

Опубликованная еще в 1997 году первая версия модели остракизма К.Д. Вильямса была активно принята научным сообществом и уже к 2015 г. в зарубежных англоязычных исследованиях использовались минимум шесть вариантов методик, измеряющих уровень нарушенных в ситуации остракизма потребностей. Данные методики (Задро Л. и коллеги, 2006 г.; ван Бист И., Вильямс К.Д., 2006 г.; Гонсалькорале К., Вильямс К.Д., 2007; Хоус Д.Дж. и коллеги, 2007 и др.) строились в соответствии с внутренней конструкцией модели остракизма К.Д. Вильямса и включали четыре субшкалы (нарушенные потребности в контроле, самоуважении, принадлежности и осмысленном существовании). В их вариантах может меняться количество утверждений на каждую из потребностей (как правило, от двух до пяти), наличие или

отсутствие утверждения, констатирующего субъективный уровень остракизма (так называемая «проверка статуса субъективного остракизма» — англ. «manipulation check») и ряд утверждений об испытанных участником игры чувствах, поскольку все методики предусматривали их предъявление сразу после игры «Кибербол» [3].

При этом, как отмечают Дж.П. Гербер и его коллеги, на протяжении двух десятилетий исследований данные шкалы применяются без проведения процесса их валидизации и стандартизации, только на основе пилотажных исследований и «базовых психометрических тестов». На сегодняшний день нам известно о валидизации только одного варианта шкалы, а именно шкалы нарушенных потребностей, разработанной Л. Задро, К.Д. Вильямсом и Р. Ричардсоном в 2004 г. [30].

Ввиду того, что аналогов подобной шкале, измеряющей степень угрозы для четырех базовых потребностей (в принятии, контроле, самоуважении и осмысленном существовании) применительно к ситуации социального остракизма, в отечественной науке нет, у исследователей, имеющих желание представить валидный инструмент для измерения нарушенных в ситуации социального остракизма потребностей, есть, как минимум, два пути: разработать такую шкалу самостоятельно или адаптировать уже имеющиеся англоязычные варианты. С учетом накопленного теоретико-эмпирического объема данных в этой области мы сочли целесообразным выбрать второй вариант: адаптировать уже имеющиеся варианты.

Изначально в качестве объекта для адаптации нами с учетом возраста первичной пилотажной выборки (от 7 до 17 лет включительно) за основу был взят разработанный для работы с детьми Д.Дж. Хоусом и коллегами опросник «Needs-Threat Scale» [21]. Однако, как и в случае с применением первичных условий игры «Кибербол» [3], данный опросник ввиду своей лаконичности вызывал у детей всех возрастных групп массу уточняющих вопросов, что не могло в итоге не сказаться на всем ходе пилотажного эксперимента [2].

Проанализировав полученную в первой пилотажной серии информацию, мы начали работу по адаптации другого варианта подобного опросника — «Need Threat Scale» (van Beest I., Williams K.D., 2006), предназначенного для взрослых [18]. В исходном варианте данная шкала состоит из 20 утверждений (по 5 на каждую из четырех потребностей), содержит реверсивные утверждения, ответы ранжируются по семибалльной шкале — от 1 балла (не согласен(-на)) до 7 баллов (согласен) и по сравнению с детским вариантом шкалы является более информативной. Как и в ряде других подобных исследований, И. ван Бист и К.Д. Вильямс после заполнения указанной шкалы предоставили участникам эксперимента возможность оценить свой статус настроения (англ., mood index): негативные эмоции (печаль, злость, обида) и позитивные эмоции (счастье, ликование, жизнерадостность). Все утверждения шкалы относились к ситуации после игры «Кибербол»

После серии экспериментов и применения различных вариантов указанной выше методики для процесса стандартизации был разработан вариант с выверенными формулировками, соответствующими каждодневной ситуации, а не ситуации после игры в «Кибербол»; оценка статуса субъективной остракизации и оценка настроения в нашем варианте исключены.

Программа исследования

Выборка. 2351 испытуемый из 15 регионов Российской Федерации (Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Калининградская, Калужская, Псковская, Ростовская области, Красноярский край, города Великий Устюг, Москва, Петрозаводск, Саратов, Самара,

Смоленск); юноши — 563 (23,9%), девушки — 1783 (75,8%); 5 человек пол не указали. Средний возраст по выборке составил $18,4 \pm 2,59$ лет.

Исследование предполагало разделение общего числа участников на 2 возрастные группы (подростки и молодежь). Подростки в возрасте от 14 до 18 лет — 1386 человек (59,0%, средний возраст 16,7 лет), из них 931 (67,1%) девушек и 450 (32,5%) юношей. Молодежь в возрасте от 19 до 25 лет — 936 человек (39,8%, средний возраст 21 год), из них 830 (88,7%) девушек и 106 (11,3%) юношей. Возраст не указали 29 (1%) испытуемых.

Методики. Модифицированная ШНПО-ПМ, включающая 4 субшкалы: «Потребность в принятии» (5 утверждений), «Потребность в самоуважении» (5 утверждений), «Потребность в контроле» (5 утверждений), «Потребность в осмысленном уважении» (5 утверждений).

Для проверки внешней валидности использовались следующие методики:

- «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, шкала СП (стремление к принятию окружающими людьми) [13];
- «Шкала самооценки» М. Розенберга [5];
- «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева [8].

Процедура. Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы, в которую входили следующие блоки: 1) преамбула (приветствие и объяснение формы); 2) демографический блок (код организации с номером участника; пол; возраст); 3) все вышеуказанные методики в полном варианте.

Результаты и их интерпретация

Описательные статистики для всех шкал, альфа Кронбаха, а также результаты проверки на нормальность представлены в табл. 1. Внутренняя согласованность всех шкал оказалась высокой — коэффициенты альфа Кронбаха — больше или равны 0,8. Тест Шапиро—Уилка, а также гистограммы (рис. 1) указывают на ненормальность распределений, поэтому мы будем использовать непараметрические критерии.

Таблица 1

Описательные статистики, показатели внутренней согласованности и проверка нормальности для всех субшкал российской версии опросника ШНПО-ПМ

Шкала	Среднее ± стандартное отклонение	Me [LQ; MQ]	α-Кронбаха	Нормальность	
				W Шапиро—Уилка	Уровень значимости
Принадлежность	2,13 ± 0,88	2,0 [1,4; 2,6]	0,83	0,921	P < 0,001
Самоуважение	2,38 ± 0,92	2,2 [1,6; 3,0]	0,80	0,954	P < 0,001
Контроль	2,07 ± 0,89	1,8 [1,4; 2,6]	0,84	0,918	P < 0,001
Осмысленное существование	2,34 ± 0,95	2,2 [1,6; 3,0]	0,84	0,950	P < 0,001

Примечание: Me — медиана, LQ — нижний квартиль, MQ — верхний квартиль.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа (коэффициенты Спирмена, все корреляции значимы на уровне $p < 0,001$). Согласно градации по шкале Чеддока, все корреляционные связи субшкал модели остракизма К.Д. Вильямса имеют связь на среднем и высоком уровне. Особое внимание в данном отношении стоит обратить на связи при пороговом

значении 0,7 и выше. Как известно, корреляция не вскрывает причины связи и дает лишь оценку силы или тесноты связи между переменными. Таким образом, мы можем наблюдать потенциальные механизмы взаимообусловленности между рядом потребностей. Например, можно предполагать, что фрустрация потребностей в принадлежности вызывает прямую фрустрацию всех других потребностей модели остракизма, при этом максимальное корреляционное значение (и, соответственно, самую сильную связь) мы констатируем в диаде потребностей в принадлежности и осмысленном существовании. Иными словами, чем сильнее у человека нарушены связи с социумом, чем сильнее он чувствует разрыв значимых межличностных связей, тем сильнее он теряет веру в свою значимость в обществе, ощущает «свою невидимость», бесполезность и никчемность.

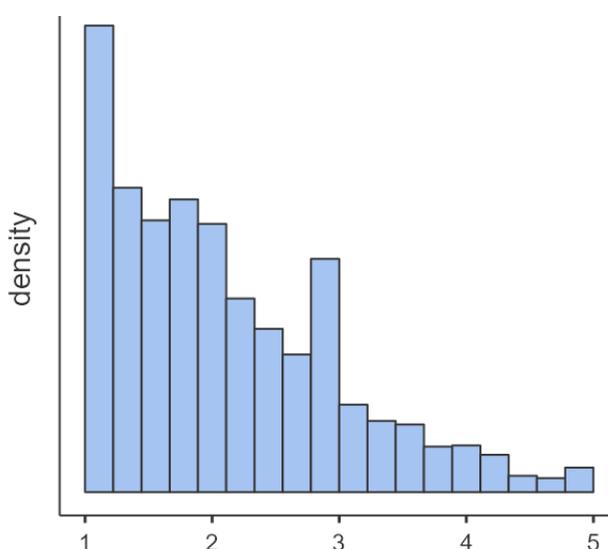

Рис. 1. Гистограмма распределения баллов по шкале «Принадлежность»

Таблица 2

Интеркорреляции шкал опросника ШНПО-ПМ

	Принадлежность	Самоуважение	Контроль	Осмысленное существование
Принадлежность	-			
Самоуважение	0,721***	-		
Контроль	0,668***	0,600***	-	
Осмысленное существование	0,778***	0,741***	0,675***	-

Для проверки гипотезы о структуре изучаемого конструкта (в части, касающейся наличия двух кластеров потребностей) методом конфирматорного факторного анализа были проверены несколько моделей (табл. 3): (1) с одним фактором, когда все вопросы вносят вклад в одну шкалу, (2) с двумя факторами (власти и инклюзивный) на основании теоретических предположений, (3) с четырьмя факторами по субшкалам, а также (4) с одним и (5) двумя факторами второго уровня (см. рис. 2 для последнего). На основании теоретического обзора, интеркорреляций и показателей структурных моделей нами была выбрана последняя модель с двумя

факторами второго уровня. В настоящем исследовании результаты конфирматорного факторного анализа подтверждают выдвинутую К.Д. Вильямсом гипотезу о наличии двух кластеров потребностей в модели остракизма: *инклюзивного кластера потребностей* (принадлежность и самоуважение) и *кластера потребностей во власти и провокации* (контроль и осмысленное существование) [28].

Таблица 3

Показатели структурных моделей методик

Модель	χ^2 (df)	CFI	RMSEA[95% CI]	SRMR
С одним фактором	1252 (170)	0,984	0,052 [0,049; 0,055]	0,052
Бифакторная	1178 (169)	0,983	0,050 [0,048; 0,053]	0,054
4 фактора	856 (164)	0,99	0,042 [0,040; 0,045]	0,045
С одним фактором 2-го уровня	876 (166)	0,989	0,043 [0,040; 0,045]	0,043
С двумя факторами 2-го уровня	872 (165)	0,99	0,043 [0,040; 0,046]	0,046

Условные обозначения: df — число степеней свободы χ^2 ; CFI — сравнительный индекс согласия Бентлера; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации с 95% доверительным интервалом; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка.

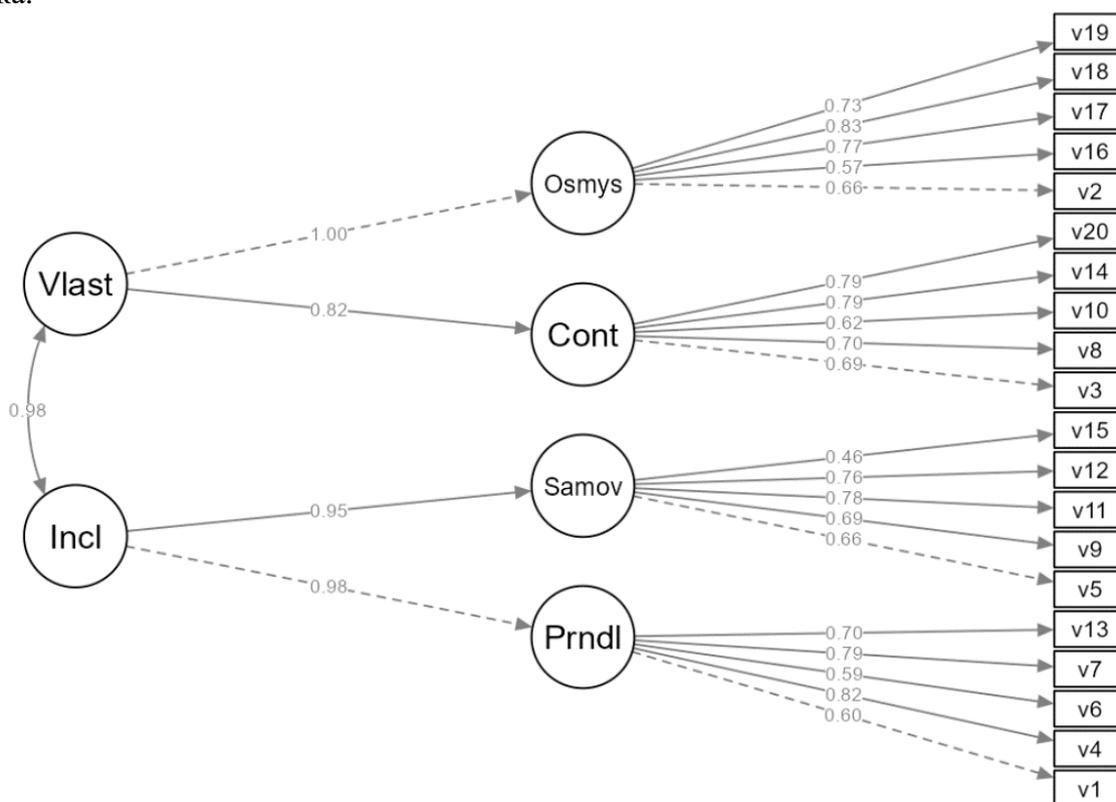

Рис. 2. Результаты конфирматорного факторного анализа: структура опросника с двумя факторами второго уровня (номера вопросов соответствуют номерам пунктов в Приложении)

Для оценки внешней валидности были посчитаны коэффициенты корреляции Спирмена между субшкалами ШНПО-ПМ и соответствующими методиками (табл. 4).

Таблица 4

Внешняя валидность шкал ШНПО-ПМ

Шкала ШНПО-ПМ	СП	Шкала Розенберга	Локус контроля — Я	Локус контроля — жизнь	Цели в жизни	Процесс жизни	Результат жизни
Принадлежность	-0,401						
Самоуважение		-0,673					
Контроль			-0,594	-0,540			
Осмысленное существование					-0,580	-0,607	-0,612

Примечание: все корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Как и ожидалось, субшкала «Принадлежность» показала умеренную отрицательную корреляцию с субшкалой «Стремление к принятию окружающими людьми — СП» методики «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана ($r = -0,401$), субшкала «Самоуважение» — среднюю отрицательную связь со «Шкалой М. Розенберга» ($r = -0,673$). Субшкала «Контроль» показала средние отрицательные корреляции с субшкалами «Локус контроля — Я» ($r = -0,594$) и «Локус контроля — Жизнь» ($r = -0,540$), а субшкала «Осмысленное существование» — средние отрицательные корреляции с субшкалами «Цели в жизни» ($r = -0,580$), «Процесс жизни» ($r = -0,607$) и Результат жизни ($r = -0,612$) теста «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева.

Для оценки различий половозрастной структуры опросника было проведено непараметрическое сравнение средних (тест Манна—Уитни) по факторам пола и возраста. Статистически значимые различия по полу были обнаружены по субшкалам «Самоуважение» ($p < 0,001$), «Контроль» ($p = 0,001$) и «Осмысленное существование» ($p = 0,009$). Более высокие баллы по этим шкалы получили девушки. Статистически значимые различия по возрасту были обнаружены по всем субшкалам ($p < 0,001$). Более высокие баллы по всем субшкалам получила группа молодежи. Однако при двухфакторном дисперсионном анализе размер эффекта по фактору «пол» не превышал 0,01, а постхок-анализ не показал значимых различий по полу в группе подростков по всем шкалам. На наш взгляд, это связано с половозрастной структурой выборки, а именно относительно малым количеством мужчин в группе молодежи.

Исходя из представленных результатов, мы можем выделить нормы для молодежи и подростков вне зависимости от пола. Для выделения норм для каждой шкалы использовали значения верхнего и нижнего квартиля. В приложении представлены нормы для каждой субшкалы опросника.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать достоверные выводы о надежности опросника ШНПО-ПМ как диагностического инструментария всех четырех субшкал: потребности в принятии, самоуважении, контроле и осмысленном существовании. Исследование выявило статистически значимые различия по критериям «возрастная группа». В этой связи представлены нормы для двух возрастных групп: подростки (14–18 лет) и молодежь (19–25 лет) для

представителей женского и мужского пола. Интерпретацию результатов обработки методики ШНПО-ПМ следует проводить, опираясь на полученные в ходе исследования нормы (Приложение).

Опросник «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь)» может быть использован в деятельности специалистов в педагогике, психологии и социологии в качестве верифицированного диагностического инструментария при определении рисков субъективной остракизации подростков и представителей молодежи. Для получения более ясной картины о степени влияния остракизма на испытуемого методику ШНПО-ПМ следует совмещать с предъявлением и анализом методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ» [4].

В качестве перспективного направления работы в области методологии исследования потребностей, нарушаемых в остракизме, следует назвать вопрос дальнейшей стандартизации методики ШНПО-ПМ, в части, касающейся ее применения в возрастной категории от 25 лет и старше.

Приложение

Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ (модификация «Need Threat Scale» (NFS), van Beest I., Williams K.D., 2006; модификация и стандартизация Бойкина Е.Э. и др., 2024)

Инструкция

Сосредоточься, пожалуйста, на том, как обычно проходит твое общение с людьми. Отметь ту оценку утверждения, которую считаешь для себя наиболее подходящей: от «не согласен/-на» до «полностью согласен/-на».

Опрос — конфиденциальный. Спасибо!

№	Утверждение	Оценка				
		Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
1	Я чувствую себя единым целым с другими людьми	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
2	Полагаю, что не вношу значимый вклад во что-либо	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
3	У меня есть уверенность, что я влияю на ход событий в моей жизни	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
4	Среди своего окружения я ощущаю себя лишним	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
5	Люди прислушиваются к моему мнению	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
6	В любой ситуации я чувствую поддержку хоть одного человека	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
7	Я ощущаю себя изгоем	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
8	Я совершенно точно управляю всем в своей жизни	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)

9	Мне кажется, большинство из моего окружения невысокого обо мне мнения	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
10	Порой, кажется, что всё зависит от чьей-то чужой воли	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
11	Общаясь с людьми, я чувствую себя неуверенно	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
12	Такое ощущение, что общение с людьми — не моя сильная сторона	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
13	Думаю, что общество, в котором я живу, принимает меня	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
14	Я контролирую свою жизнь	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
15	Я переживаю, что люди плохо думают обо мне	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
16	Мне кажется, что моё участие в жизни окружающих очень важно	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
17	Порой я ощущаю себя невидимкой	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
18	Временами мне кажется, что от меня людям нет никакого толка	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
19	Думаю, мое участие в чем-либо всегда полезно	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)
20	Такое ощущение, что у меня впереди еще много разных возможностей	Не согласен(-на)	Редко	Иногда	Часто	Полностью согласен(-на)

Ключ

Потребность в принятии: 1, 4*, 6, 7*, 13.

Потребность в самоуважении: 5, 9*, 11*, 12*, 15*.

Потребность в контроле: 3, 8, 10*, 14, 20.

Потребность в осмысленном существовании: 2*, 16, 17*, 18*, 19.

Прямые утверждения: 1, 3, 5, 6, 8, 13, 14, 16, 19, 20.

Не согласен(-на) — 5 баллов, редко — 4 балла, иногда — 3 балла, часто — 2 балла, полностью согласен(-на) — 1 балл).

Обратные утверждения (отмечены звездочкой «*»): 2*, 4*, 7*, 9*, 10*, 11*, 12*, 15*, 17*, 18*.

Оцениваются в обратном порядке: не согласен(-на) — 1 балл, редко — 2 балла, иногда — 3 балла, часто — 4 балла, полностью согласен(-на) — 5 баллов).

По каждой субшкале вычисляются средние значения по всем 5 утверждениям, входящим в субшкалу, а далее эти значения сопоставляются с нормами опросника.

Интерпретация

Чем выше средний показатель оценки результатов по отдельно взятой субшкале (см. нормы), тем более фрустрирована данная потребность. Иными словами, чем выше данный показатель, тем сильнее у подростка/представителя молодежи нарушена та или иная потребность.

Нормы для опросника ШНПО-ПМ (Подростки)

Субшкала	Уровни выраженности подконструктов социального остракизма		
	Низкий	Средний (норма)	Высокий
Принадлежность	От 1 до 1,4	От 1,5 до 2,4	От 2,5 до 5
Самоуважение	От 1 до 1,6	От 1,7 до 2,8	От 2,9 до 5
Контроль	От 1 до 1,2	От 1,3 до 2,4	От 2,5 до 5
Осмысленное существование	От 1 до 1,4	От 1,5 до 2,6	От 2,7 до 5

Нормы для опросника ШНПО-ПМ (Молодежь)

Субшкала	Уровни выраженности подконструктов социального остракизма		
	Низкий	Средний (норма)	Высокий
Принадлежность	От 1 до 1,6	От 1,7 до 3	От 3,1 до 5
Самоуважение	От 1 до 1,8	От 1,9 до 3,2	От 3,3 до 5
Контроль	От 1 до 1,6	От 1,7 до 2,8	От 2,9 до 5
Осмысленное существование	От 1 до 1,8	От 1,9 до 3,2	От 3,3 до 5

Литература

1. Антология остракизма: Учебное пособие / Под ред. Е.Э. Бойкиной. М.: ИД «Городец», 2023. 288 с.
2. Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования: часть 1. Методология // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8–10 октября 2019 года / Под ред. Коврова В.В. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 29–36.
3. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–170. doi:10.17759/psylaw.2020100114
4. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149. doi:10.17759/psylaw.2023130410
5. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2000. 512 с.
7. Костина Л.Н., Ульянова И.В., Костина Е.Ю. Психологические и педагогические технологии помощи несовершеннолетним, подвергаемым остракизму: Учебное пособие. М.: ИП Колупаева Е.В., 2022. 142 с.
8. Осин Е.Н., Кошелева Н.В. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. 2020. Том 66. № 6. С. 150–163.
9. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Том 10. № 1. С. 55–81.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

10. Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307
11. Суворова И.Ю. Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409
12. Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных. М.: РИПОЛ-Классик, 2019. 406 с.
13. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 362 с.
14. Чумаченко Д.В., Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Романова Н.М., Киселев К.А. ШНПО-ПМ [Электронный ресурс]: [Набор данных] // RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М., 2023. URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/5355e9bf-d123-4c1b-a040-ca729f31ff36> (дата обращения: 22.12.2023). doi:10.48612/MSUPE/he4e-h7rv-rhkt
15. Чухланцев Ю.С., Чиркина Р.В., Куприянова Е.А. Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 4. С. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402
16. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117(3). P. 497–529.
17. Baumeister R.F., Vohs K.D. The Pursuit of Meaningfulness in Life // Handbook of Positive Psychology / C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). Oxford University Press, 2002. P. 608–618.
18. Beest I. van, Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91(5). P. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
19. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // Public Self and Private Self / R.F. Baumeister (Ed.). New York, NY: Springer, 1986. P. 189–212. doi:10.1007/978-1-4613-9564-5_10
20. Hales A.H., Dvir M., Wesselmann E.D., Kruger D.J., Finkenauer C. Cell phone-induced ostracism threatens fundamental needs // The Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 158(4). P. 460–473. doi:10.1080/00224545.2018.1439877
21. Hawes D.J., Zadro L., Fink E., Richardson R., O'Moore K., Griffiths B., Dadds M.R., Williams K.D. The effects of peer ostracism on children's cognitive processes // European Journal of Developmental Psychology. 2012. Vol. 9(5). P. 599–613. doi:10.1080/17405629.2011.638815
22. Langer E.J., Rodin J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 34(2). P. 191–198. doi:10.1037/0022-3514.34.2.191
23. Leary M.R., Haupt A.L., Strausser K.S., Chokel J.T. Calibrating the sociometer: The relationship between interpersonal appraisals and state self-esteem // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74(5). P. 1290–1299. doi:10.1037/0022-3514.74.5.1290
24. Nezlek J.B., Wesselmann E.D., Wheeler L., Williams K.D. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155(5). P. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
25. Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. New York: Oxford University Press, 1993. 378 p.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

26. Skinner E.A. A guide to constructs of control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71(3). P. 549–570. doi:10.1037/0022-3514.71.3.549
27. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7. doi:10.3389/fnhum.2013.00153
28. Williams K.D. Ostracism // *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58(1). P. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
29. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
30. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the ‘O’ Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2005. Vol. 8(2). P. 125–143. doi:10.1177/1368430205051062

References

1. Boikina E.E. (Ed.). *Antologiya ostrakizma: Uchebnoe posobie*. Moscow: ID “Gorodets”, 2023. 288 p. (In Russ.).
2. Boikina E.E. Rol’ ignorirovaniya i sotsial’nogo isklyucheniya v formirovanii antisotsial’nogo povedeniya u detei. Rezul’taty eksperimental’nogo issledovaniya: chast’ 1. Metodologiya. In Kovrov V.V. (Ed.). *Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodezhi: regional’nye modeli i tekhnologii: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8–10 oktyabrya 2019 goda*. Simferopol’: IT “ARIAL”, 2019, pp. 29–36. (In Russ.).
3. Boikina E.E., Chirkina R.V. Sotsial’nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 152–170. doi:10.17759/psylaw.2020100114 (In Russ.).
4. Boikina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova E.V. Shkala sub’ektivnogo ostrakizma (podrostki, molodezh’), ShSO-PM [Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149. doi:10.17759/psylaw.2023130410 (In Russ.).
5. Zolotareva A.A. Validnost’ i nadezhnost’ russkoyazychnoi versii shkaly samootsenki M. Rozenberga [Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Psikhologiya” = Herald of Omsk University. Series “Psychology”*, 2020, no. 2, pp. 52–57. doi:10.24147/2410-6364.2020.2.52-57 (In Russ.).
6. Ilin E.P. *Motivatsiya i motivy*. Saint Petersburg: Piter, 2000. 512 p. (In Russ.).
7. Kostina L.N., Ulyanova I.V., Kostina E.Yu. *Psikhologicheskie i pedagogicheskie tekhnologii pomoshchi nesovershennoletnim, podvergaemym ostrakizmu: Uchebnoe posobie [Psychological and pedagogical technologies of assistance to minors subjected to ostracism]*. Moscow: IP Kolupaeva E.V., 2022. 142 p. (In Russ.).
8. Osin E.N., Kosheleva N.V. Test smyslozhiznennykh orientatsii: novye dannye o strukture i validnosti [Noetic Orientations Test: New Data on Structure and Validity]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 2020. Vol. 66, no. 6, pp. 150–163. (In Russ.).
9. Osin E.N., Leontiev D.A. *Differentsial’nyi oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoistva. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. 55–81. (In Russ.).

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

10. Semenova G.V., Vekilova S.A., Rudykhina O.V. Perezhivanie sotsial'nogo isklyucheniya: razrabotka i aprobatsiya oprosnika [Social Exclusion: Development and Testing of the Scale] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307 (In Russ.).
11. Suvorova I.Yu. Razrabotka probnoi versii oprosnika na opredelenie perezhivaniya isklyucheniya iz sotsial'noi sistemy [The development of trial questionnaire on social exclusion] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409 (In Russ.).
12. Twenge J.M. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskii dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzrosloi zhizni i chto eto znachit dlya vsekh ostal'nykh [iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy. Moscow: RIPOL-Klassik, 2019. 406 p. (In Russ.).
13. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2002. 362 p. (In Russ.).
14. Chumachenko D.V., Boikina E.E., Chirkina R.V., Romanova N.M., Kiselev K.A. ShNPO-PM [Elektronnyi resurs]: [Nabor dannykh]. *RusPsyData: Repozitorii psikhologicheskikh issledovaniy i instrumentov = Psychological Research Data & Tools Repository*. Moscow, 2023. URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/5355e9bf-d123-4c1b-a040-ca729f31ff36> (Accessed 22.12.2023). doi:10.48612/MSUPE/he4e-h7rv-rhkt (In Russ.).
15. Chukhlantsev Yu.S., Chirkina R.V., Kupriyanova E.A. Sotsial'nyi ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov [Social Ostracism and Tendency to Deviant Behavior of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402 (In Russ.).
16. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 1995. Vol. 117, no. 3, pp. 497–529.
17. Baumeister R.F., Vohs K.D. The Pursuit of Meaningfulness in Life. In C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*. Oxford University Press, 2002, pp. 608–618.
18. Beest I. van, Williams K.D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 91, no. 5, pp. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
19. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. In R.F. Baumeister (Ed.). *Public Self and Private Self*. New York, NY: Springer, 1986. P. 189–212. doi:10.1007/978-1-4613-9564-5_10
20. Hales A.H., Dvir M., Wesselmann E.D., Kruger D.J., Finkenauer C. Cell phone-induced ostracism threatens fundamental needs. *The Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 158, no. 4, pp. 460–473. doi:10.1080/00224545.2018.1439877
21. Hawes D.J., Zadro L., Fink E., Richardson R., O'Moore K., Griffiths B., Dadds M.R., Williams K.D. The effects of peer ostracism on children's cognitive processes. *European Journal of Developmental Psychology*, 2012. Vol. 9, no. 5, pp. 599–613. doi:10.1080/17405629.2011.638815
22. Langer E.J., Rodin J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1976. Vol. 34, no. 2, pp. 191–198. doi:10.1037/0022-3514.34.2.191
23. Leary M.R., Haupt A.L., Strausser K.S., Chokel J.T. Calibrating the sociometer: The relationship between interpersonal appraisals and state self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 74, no.5, pp. 1290–1299. doi:10.1037/0022-3514.74.5.1290

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

24. Nezlek J.B., Wesselmann E.D., Wheeler L., Williams K.D. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize. *The Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 155, no. 5, pp. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
25. Peterson C., Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness: A theory for the age of personal control. New York: Oxford University Press, 1993. 378 p.
26. Skinner E.A. A guide to constructs of control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996. Vol. 71(3), pp. 549–570. doi:10.1037/0022-3514.71.3.549
27. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013. Vol. 7. doi:10.3389/fnhum.2013.00153
28. Williams K.D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*, 2007. Vol. 58, no. 1, pp. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
29. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 275–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
30. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the ‘O’ Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2005. Vol. 8, no. 2, pp. 125–143. doi:10.1177/1368430205051062

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Чумаченко Дмитрий Валерьевич, младший научный сотрудник, научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); психолог, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1007-5458>, e-mail: chumachenkovd@mgppu.ru

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент, кафедра социальной психологии, заведующая, лаборатория юридической психологии, факультет психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Киселев Константин Анатольевич, аспирант, ассистент, кафедра социальной психологии, психолог, лаборатория юридической психологии, факультет психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Чумаченко Р.В.,
Романова Н.М., Киселев К.А.
Шкала нарушенных потребностей.
Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 53–71

Boykina E.E., Chirkina R.V., Chumachenko D.V.,
Romanova N.M., Kiselev K.A.
Ostracism Threatened Needs Scale (Adolescent, Youth),
OTNS-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 53–71

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Dmitry V. Chumachenko, Junior Research Assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education; Psychologist, Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1007-5458>, e-mail: chumachenkodv@mgppu.ru

Natalia M. Romanova, PhD in Sociology, Docent, Associate Professor, Department of Social Psychology, Head, Laboratory of Legal Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, e-mail: romanova_nm@inbox.ru

Konstantin A. Kiselev, Postgraduate Student, Assistant, Department of Social Psychology, Psychologist, Laboratory of Legal Psychology, Faculty of Psychology, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6399-5656>, e-mail: saratovian@gmail.com

Получена 25.12.2023
Принята в печать 25.02.2024

Received 25.10.2023
Accepted 25.02.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Уязвимое детство в контексте детского благополучия

Гарифулина Э.Ш.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь» (БФ «Абсолют-Помощь»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4306-3899, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Телицына А.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0186-3989, e-mail: atelitsyna@hse.ru

В статье авторы анализируют понятие «уязвимое детство» в контексте детского благополучия. В современном обществе дети подвергаются различным рискам, которые могут негативно повлиять на их физическое, эмоциональное и социальное развитие. В статье исследуются разнообразные аспекты уязвимости детей, такие как социально-экономическое неравенство, нарушение прав детей, неблагоприятные семейные условия, а также воздействие травматических событий. Авторы используют междисциплинарный подход, включающий анализ социологических, психологических, экономических и юридических аспектов. В статье представлен обзор существующих исследований, подчеркивающий важность понимания факторов, способствующих уязвимости детей, а также последствий, которые она может иметь на их будущее благополучие. Сфокусировавшись на государственных и иных программах, направленных на улучшение детского благополучия, авторы предлагают практические рекомендации для обеспечения защиты уязвимых детей. В их числе внедрение инклюзивных образовательных программ, усиление системы социальной поддержки семей, совершенствование законодательства в сфере детских прав и создание эффективных механизмов реагирования на кризисные ситуации. Статья раскрывает влияние «уязвимого детства» на благополучие, а также предлагает конкретные шаги для обеспечения защиты и поддержки детей, находящихся в уязвимой ситуации.

Ключевые слова: дети уязвимых слоев населения, детское благополучие, жестокое обращение, механизмы реагирования на кризисные ситуации.

Финансирование. Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»).

Для цитаты: Гарифулина Э.Ш., Телицына А.Ю. Уязвимое детство в контексте детского благополучия [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 72–88. DOI:10.17759/psylaw.2024140105

Vulnerable Childhood in the Context of Children's Well-Being

Elvira Sh. Garifulina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4306-3899, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Alexandra Yu. Telitsyna

HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0186-3989, e-mail: atelitsyna@hse.ru

This study aims to clarify the concept of “vulnerable childhood” within the context of child well-being. In modern society, children are exposed to various risks that can negatively impact their physical, emotional, and social development. The article explores diverse aspects of children's vulnerability, such as socio-economic inequalities, violations of children's rights, adverse family conditions, and the impact of traumatic events. The authors employ an interdisciplinary approach that encompasses the analysis of sociological, psychological, economic, and legal aspects. The article provides an overview of existing research that emphasizes the importance of understanding the factors contributing towards children's vulnerability, as well as the consequences it may have on their future well-being. Focusing on governmental and other programs aimed at enhancing child well-being, the authors offer recommendations to ensure the protection of vulnerable children. These include the implementation of inclusive educational programs, strengthening the family social support system, refining legislation concerning children's rights, and creating effective mechanisms for responding to crisis situations. The article offers an analysis of the influence of the concept of a “vulnerable childhood” on children's well-being, and presents specific steps for ensuring the protection and support of children at risk.

Keywords: children from vulnerable groups, child well-being, abuse, mechanisms for responding to crisis situations.

Funding. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research program.

For citation: Garifulina E.Sh., Telitsyna A.Yu. Vulnerable Childhood in the Context of Children's Well-Being. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 72–88. DOI:10.17759/psylaw.2024140105 (In Russ.).

Введение

Детство — важный социокультурный механизм в процессе становления личности. С его помощью обнаруживается потенциал приумножения социокультурных показателей страны (интеллектуальное и культурное развитие населения), укрепления морали, создания основы для реализации национальной государственной политики. Многое начинается с благополучного и счастливого детства будущего гражданина.

Уязвимое детство есть антоним детского благополучия [23] и «слабое звено» в ходе развития социума. Травмированный ребенок из уязвимого детства переносит свои травмы во взрослую жизнь, от чего страдают не только его личность, но и окружающие [5]. Исследователи выявили прочную взаимосвязь между материнской историей жестокого обращения в детстве и проблемами психического здоровья у детей, включая депрессию, тревогу, попытки

самоубийства и др. [22]. Однако проблема жесткого обращения в семье и применения телесных наказаний в процессе воспитания ребенка не является единственным фактором уязвимого детства. Детское благополучие — хрупкое явление, целостность которого зависит от соблюдения целого ряда условий и влияния различных факторов.

Анализ социальных, психологических, экономических, технологических аспектов уязвимого детства, приведенный в этой статье, вносит вклад в изучение данного явления и помогает увидеть перспективные направления для работы и грамотного распределения усилий в сфере защиты прав и интересов детей.

Ретроспективное изучение истоков «уязвимого детства» отсылает нас к научным трудам Л.С. Выготского, который изучал «трудновоспитуемого ребенка» с позиции его личностных особенностей и социокультурного опыта, т. е. биологического обоснования характера «трудного ребенка» в сочетании с установками социальной среды, в которой проходит становление и развитие его личность [5; 6].

Уязвимое детство в контексте данной статьи рассматривается как оценочная категория, выходящая за рамки «сухого языка» фактов и нормативно-правовых документов. Равно как и благополучное детство — «идеальное условие» становления и развития личности ребенка. Некоторые исследователи детского благополучия преимущественно опираются на удовлетворение потребностей ребенка и считают приоритетными его интересы [60], другие исследователи высказывают мнение, что существует правовая обязанность государств обеспечить надлежащий механизм по соблюдению и реализации прав и законных интересов ребенка и как личности, и как гражданина [44].

Проблема детского благополучия рассматривается с позиции субъективного благополучия, которое, в свою очередь, зависит от степени удовлетворенности ребенка системой взаимоотношений с собой как личностью и с окружающим миром [8]. При этом объектом отечественных исследователей в процессе изучения субъективного благополучия выступает благополучие воспитанников организаций для детей-сирот, что позволяет изучать объект под влиянием определенных условий жизни и воспитания [10].

Таким образом, детское благополучие [2; 11; 12] рассматривается как идеальный концепт, к которому необходимо стремиться, как многомерный конструкт, который может быть использован в качестве концептуальной рамки для разработки индекса детского благополучия, а правоспособность ребенка как личности и гражданина рассматривается как нечто само собой разумеющееся, то, что положено человеку по праву и должно быть реализовано [18].

Современные концептуальные модели детского благополучия можно разделить на несколько типологий: в зависимости от подхода к детству, выбора позитивного или негативного фокуса в оценке качества жизни детей, ориентации на благополучие в настоящем или будущем (well-being или well-fare). На наш взгляд, уязвимое детство негативно влияет на физическое, психологическое, эмоциональное, когнитивное развитие ребенка. В данной статье мы выделяем аспекты социальных явлений, которые угрожают благополучному детству, делая его уязвимым. Обозначение границ травмирующих детство факторов и условий и их анализ способны обозначить масштабы проблемы уязвимого детства в контексте детского благополучия и наметить возможные пути ее решения.

Социальные аспекты

Любые социальные взаимоотношения (в том числе семейные) также могут стать стрессогенным фактором уязвимого детства. Так, например, послеродовая депрессия матери негативным образом сказывается на языковом [15], антропометрическом [17], моторном [42] и

когнитивном [40] развитии ребенка. Развод родителей и повторный брак, особенно обоих родителей, связан с дальнейшим ущербом для благополучия детей [34].

Социальная депривация создает для ребенка многочисленные ситуации вызова, пролонгированного стресса. В качестве неблагоприятных условий отечественные исследователи рассматривали социальную изоляцию в исправительных учреждениях (колония для несовершеннолетних), социальное сиротство (институализацию детей, особенно до 4 лет) и госпитальную депривацию. Любая депривация граничит с изоляцией. Особенно сокрушительна по силе своего воздействия на детскую психику социальная изоляция.

Зарубежные исследователи связывают социальную изоляцию с фрустрацией и ухудшением социальных связей с семьей и сверстниками [37], а также со снижением чувства безопасности [38]. Социальная изоляция опасна для неокрепшей детской психики, может иметь далеко идущие последствия в виде психотического расстройства в молодом возрасте [19].

Однако травмирующим фактором может стать не только социальная изоляция, но и, напротив, — активное общение со сверстниками. Так, согласно теории социального научения, подростки склонны повторять поведение друг друга [32]. Углубляясь в понимание основных теоретических положений, мы приходим к выводу о том, что подростки больше интересуются негативными привычками и занятиями и охотнее перенимают их (увлечение марихуаной [29], злоупотребление алкоголем [61], рецептурными препаратами и наркотиками [56], киберпреступления) [51].

По мере взросления ребенка и увеличения количества социальных контактов появляются иные травмирующие факторы, затрагивающие его лично (буллинг, воздействие правоохранительной системы) или косвенно травмирующие его (свидетельство драк в общественных местах, микросоциальные конфликты) [5].

Технологические аспекты

Относительно новым вызовом стали смартфоны и Интернет, названные исследователями «цифровыми наркотиками» для современных детей [55]. Фиксируется рост уровня опасения по поводу зависимости детей от гаджетов, онлайн-игр и социальных сетей [25]. Ученые подтверждают отрицательное воздействие зависимости детей дошкольного возраста от гаджетов, которое выражается в отставании в речевом развитии и трудностях при освоении грамотности [35].

Согласно кросс-культурному исследованию (Португалия, Норвегия, Япония), посвященному последствиям использования детьми в возрасте 0—3 лет сенсорных технологий, возможными негативными последствиями являются: пассивность, зависимость, социальная изоляция и проблемы развития [27].

Материнская критика, враждебность и непоследовательность в воспитательных стратегиях напрямую влияет на стремление подростка построить новую идентичность при общении в Интернете, социальные сети и самопрезентация в них воспринимаются как собственное жизненное пространство, защищенное от агрессивного стиля воспитания со стороны родителей [6].

Физиологические аспекты

Жестокое обращение с детьми было связано с повышенным риском развития ишемической болезни сердца у взрослых, и такая же связь была с инфарктом миокарда и неуточненной ишемической болезнью сердца. Кроме того, были связаны эмоциональное, сексуальное и физическое насилие с повышенным риском ишемической болезни сердца [24]. Пережившие в детстве физическое насилие подростки испытывали трудности с адекватным эмоциональным реагированием на агрессию окружающих [31].

В силу индивидуальных особенностей здоровья дети также могут сталкиваться с ситуациями, затрудняющими их социализацию и даже угрожающими их идентичности и адекватному самовосприятию. Так, например, глухие и слабослышащие дети могут иметь сложности с доступом к образованию из-за дисбаланса информации в пользу разговорных языков и фоноцентрической точки зрения, которая рассматривает язык жестов как низшую форму общения, хотя данные исследований свидетельствуют об обратном, а именно, что своевременное освоение языка жестов детьми с особенностями слуха препятствует языковой депривации и способствует их адекватной социализации [45].

Дети, страдающие от семейных проблем, чаще имеют избыточный вес/ожирение, что влечет за собой проблемы с самооценкой тела [58]. Наряду со сложной семейной ситуацией социально-экономическое неблагополучие также угрожает ребенку детским ожирением, что само по себе образует комплекс проблем [46].

Психологические аспекты

Психологические аспекты жестокого обращения имеют большое значение в силу того, что детское благополучие основывается на субъективном благополучии, включающем в себя когнитивную оценку детьми разных сфер жизнедеятельности, а также баланс положительных и отрицательных эмоций [7]. Рефлексия ребенка в области самоощущения и самочувствия, а также пережитый негативный опыт жестокого обращения, разрушительно влияют на его психику.

Жестокое обращение в детстве влечет за собой снижение психологического благополучия во взрослом возрасте [41] и несет в себе риск психического расстройства [48], депрессии и тревоги [47], сниженной гибкости в оценке проблем [39].

Психологические травмы ребенка, связанные с физическим и эмоциональным насилием, буллингом особенно сокрушительны по своей силе воздействия на личность, поскольку детская травма нарушает когнитивное развитие и приводит к искажениям по отношению к себе, другим, окружающей среде и будущему [20]. В то же время существуют исследования, фиксирующие отрицательную взаимосвязь между детскими невзгодами и когнитивными функциями детей [28].

Негативный опыт уязвимого детства в раннем возрасте может передаваться из поколения в поколение. Симптомы депрессии и посттравматического стрессового расстройства, вызванные неблагоприятными детскими переживаниями, могут усиливаться во время беременности [16].

Эмоциональное насилие или депривация ребенка в семье в более позднем возрасте (14 и 21 год) связаны с риском употребления психоактивных веществ, включая употребление алкоголя и курение [49].

Как эмоциональное насилие, так и пренебрежение были в значительной степени связаны в возрасте 21 года со следующими последствиями: тревогой, депрессией, посттравматическим стрессовым расстройством, психозом (за некоторыми исключениями), правонарушениями у мужчин, а также переживанием интимного принуждения и домогательств [13].

Исследование MUSP, сравнивающее сообщения о сексуальном насилии над детьми, о которых сообщают сами, и о сексуальном насилии над детьми, о котором сообщают агентства, выявило постоянную связь с большим депрессивным расстройством, тревожными расстройствами и посттравматическим стрессовым расстройством [50].

Дети, пережившие сексуальное насилие в детстве, во взрослой жизни рискуют столкнуться с сексуальными дисфункциями [30]. Кроме того, среди взрослых людей, переживших в

детстве сексуальное насилие, выше риск формирования тревожной привязанности к партнеру, избегания привязанности, сексуального принуждения и сексуального избегания [43].

Сексуальное насилие над детьми, как правило, происходит в близких отношениях и включает половые акты и предательство. Таким образом, считается, что это влияет на сексуальное благополучие во взрослом возрасте больше, чем любая другая форма детской травмы. Исследования, проведенные за последнее десятилетие, привели к впечатляющему разнообразию данных, свидетельствующих о том, что сексуальное насилие может быть связано с большей сексуальной дисфункцией и более низким сексуальным удовлетворением во взрослом возрасте, а также с более высоким уровнем сексуальной компульсивности и рискованного сексуального поведения [21].

Жестокое обращение с детьми, особенно психологическое, связано с широким спектром негативных долгосрочных последствий для здоровья и развития, распространяющихся на подростковый и взрослый возраст [59]. Некоторые из долгосрочных неблагоприятных исходов, связанных с жестоким обращением, включают когнитивную инвалидность, тревогу и депрессию, психоз, беременность в подростковом возрасте, наркотические расстройства, ожирение и сердечно-сосудистые заболевания [36]. Кроме этого, ученые также установили, что несчастья в детстве приучают человека к боли, вследствие чего снижается страх смерти и повышается риск членовредительства или самоубийства [62].

Экономические аспекты

Социально-экономическое неблагополучие связано с повышенной подверженностью невзгодам в детстве [52], а также с проблемами физического и психического здоровья и более низкими результатами в области образования и занятости [33]. Исследование (анализ данных тех, кто подвергался в детстве жестокому обращению (непоследовательная дисциплина, телесные наказания и плохой надзор), и тех, кто не подвергался) выявило более медленный рост миелиновых волокон, которые выполняют защитную, поддерживающую и питательную функцию нейронов головного мозга, у выросших в условиях социально-экономического неблагополучия [63]. Таким образом, влияние социально-экономического неблагополучия в детстве отражается на траектории развития нервной системы [36].

Исследовалась роль материальных лишений в детском возрасте с позиции ускоренного старения организма таких детей во взрослом и зрелом возрастах, но исследовательская гипотеза не нашла твердого научного подтверждения в пределах заявленной выборки [26].

Женщины в состоянии беременности, испытывающие социально-экономические трудности, подвержены пренатальному стрессу, негативное влияние которого на плод выражается в угрозе правильному нервному развитию детей, влияет на краткосрочное и долгосрочное физическое и психическое здоровье и, таким образом, на психосоциальное положение и ресурсы [57].

Дети, родившиеся и воспитывавшиеся в семьях с более благополучным социально-экономическим положением, которые могли себе позволить приобрести жилье в благополучном и удобном с точки зрения инфраструктуры и экологии районе проживания, обладали более высокими показателями психической стабильности и здоровья, что в дальнейшем положительно сказывалось также на состоянии физического здоровья, образовании и социализации [14].

В свою очередь, дети, выросшие в неблагополучных в социально-экономическом отношении районах, рискуют в более взрослом возрасте приобрести ожирение, нарушения в работе внутренних органов и обзавестись вредной привычкой — курением [53].

Заключение

Уязвимое детство в контексте детского благополучия — важная тема, которой большое внимание уделяли исследователи разных стран. Неблагоприятный детский опыт вследствие жесткого обращения — это концептуальная основа, созданная на десятилетиях исследований, которая подчеркивает, как негативный ранний опыт, такой как жестокое обращение, влияет на психическое развитие ребенка [9] и провоцирует негативные последствия для здоровья на протяжении всей жизни [54].

В результате анализа различных подходов выявлены ключевые аспекты, которые могут найти практическое применение: вместо изолированного рассмотрения различных вызовов, таких как бедность, насилие, институализация, дисфункция семьи, недоступность образования, важно разрабатывать комплексные подходы, объединяющие усилия разных секторов для предупреждения ситуации уязвимости и поддержки детей и молодых взрослых в уязвимой ситуации.

Совершенствование законодательства: необходимо обеспечить сильное правовое основание, которое бы гарантировало защиту прав детей, и надзор.

Превентивные меры: смещение акцента с реакции на предупреждение. Превентивные программы и мероприятия могут включать просвещение о правах и безопасности, поддержку семей, а также психологическую поддержку.

Создание инклюзивной среды: учет потребностей и прав детей, включая тех, кто находится в уязвимом положении из-за инвалидности, социальных или культурных факторов. Инклюзивное образование, доступность услуг и инфраструктуры играют важную роль в этом аспекте.

Партнерство и сотрудничество, укрепление роли гражданского общества: важно развивать сети поддержки, включая государственные органы, неправительственные организации, образовательные учреждения и другие структуры. Сотрудничество и обмен опытом помогут эффективно справляться с вызовами, связанными с уязвимостью детей.

Использование технологий: современные технологии могут значительно улучшить мониторинг, анализ и реагирование на проблемы, связанные со сферой защиты детства, Электронные системы отчетности, базы данных и онлайн-платформы могут облегчить сбор информации и координацию усилий.

Внедрение принципа и технологий участия детей в обсуждении, обратной связи, планировании и оценке программ и услуг для них: необходимо развивать новые подходы к организации процесса и адаптации традиционных инструментов сбора данных, в том числе социологических, и сделать возможным учет субъективного мнения детей о собственном благополучии. Также важно создать «альтернативный» тезаурус, помогающий обсуждать с детьми благополучие и проблемы уязвимого детства простым языком [1].

Трансформация вызовов в сфере защиты детства требует совместных усилий от науки, государства, общественных организаций, экспертов и общества в целом. Она направлена на создание устойчивой безопасной, комфортной, «дружественной» среды для детей, где их права и благополучие будут приоритетом.

Литература

1. Гарифулина Э.Ш., Ипатов А.А. Опрос детей как обязательный элемент формирования индекса детского благополучия [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 139–148. doi:10.17759/pse.2021260611

2. Брук Ж.Ю., Телицына А.Ю. Актуальные вопросы, результаты и перспективы развития исследований международного проекта по изучению субъективного благополучия детей «Детские Миры» (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России») [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 148–158. doi:10.17759/ssc.2022030211
3. Выготский Л.С. Развитие трудного ребенка и его изучение // Основные проблемы педологии в СССР. М., 1928. С. 132–136.
4. Выготский Л.С. Трудное детство. 1928. 22 с.
5. Катан Е.А. Жестокое обращение и пренебрежение в детстве определяют отдаленные последствия для психического и физического здоровья взрослых // Оренбургский медицинский вестник. 2020. Том 8. № 3 (31). С. 15–22.
6. Королева Н.Н., Кошелева А.Н., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Роль детско-родительских отношений в информационной социализации подростков // Международный симпозиум «Л.С. Выготский и современное детство»: Сборник тезисов, Москва, 15–16 октября 2016 года / Отв. ред. К.Н. Поливанова. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. С. 76–78.
7. Манакова К.Р. Удовлетворенность жизнью и представления подростков о счастье // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 11 (51). С. 376–383.
8. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604
9. Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия: В 2 т. Т. 1. / Под ред. В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской. М.: ЧеРо; Высшая школа; Издательство Московского университета, 2002.
10. Семья Г.В. Ребенок в условиях институционализации: результаты мониторинга условий жизни и воспитания воспитанников и их субъективного благополучия в организациях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 2. С. 7–23. doi:10.17759/ssc.2021020201
11. Телицына А.Ю. Интеграция подростков, оставшихся в детстве без попечения родителей, в социум большого города // Подросток в мегаполисе: новая реальность: Сборник трудов XV Международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 апреля 2022 года / Отв. ред. А.А. Бочавер. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. С. 114–115.
12. Телицына А.Ю. Оценка детского благополучия: международный и российский опыт в рамках теории новой социологии детства [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 120–131. doi:10.17759/ssc.2022030208
13. Abajobir A.A., Kisely S., Williams G.M., Clavarino A.M., Najman J.M. Substantiated childhood maltreatment and intimate partner violence victimization in young adulthood: a birth cohort study // Journal of Youth and Adolescence. 2017. Vol. 46. P. 165–179. doi:10.1007/s10964-016-0558-3
14. Alderton A., Villanueva K., O'Connor M., Boulangé C., Badland H. Reducing Inequities in Early Childhood Mental Health: How Might the Neighborhood Built Environment Help Close the Gap? A Systematic Search and Critical Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(9). doi:10.3390/ijerph16091516

15. Aoyagi S.-S., Tsuchiya K.T. Does maternal postpartum depression affect children's developmental outcomes? // *International Journal of Gynecology & Obstetrics*. 2019. Vol. 45(9). P. 1809–1820. doi:10.1111/jog.14064
16. Atzl V.M., Narayan A.J., Rivera L.M., Lieberman A.F. Adverse childhood experiences and prenatal mental health: Type of ACEs and age of maltreatment onset // *Journal of Family Psychology*. 2019. Vol. 33(3). P. 304–314. doi:10.1037/fam0000510
17. Bakare M.O., Okoye J.O., Obindo J.T. Introducing depression and developmental screenings into the national programme on immunization (NPI) in southeast Nigeria: an experimental cross-sectional assessment // *General Hospital Psychiatry*. 2014. Vol. 36(1). P. 105–112. doi:10.1016/j.genhosppsy.2013.09.005
18. Barrance R.M., Hampton J.M. The relationship between subjective well-being in school and children's participation rights: International evidence from the Children's Worlds survey // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 151. doi:10.1016/j.childyouth.2023.107038
19. Bennett J.C., Surkan P.J., Moulton L.H. et al. Childhood social isolation and psychotic experiences in young adulthood: a community based study // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2020. Vol. 29. P. 1003–1010. doi:10.1007/s00787-019-01417-2
20. Berman N.C., Wheaton M.G., Abramowitz J.S. Childhood trauma and thought action fusion: A multi-method examination // *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*. 2013. Vol. 2(1). P. 43–47. doi:10.1016/j.jocrd.2012.11.002
21. Bigras N., Vaillancourt-Morel M.-P., Nolin M.-C., Bergeron S. Associations between Childhood Sexual Abuse and Sexual Well-being in Adulthood: A Systematic Literature Review // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2021. Vol. 30(3). P. 332–352. doi:10.1080/10538712.2020.1825148
22. Boroujerdi F.G., Kimiaee S.A., Yazdi S.A.A., Safa M. Attachment style and history of childhood abuse in suicide attempters // *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 271. P. 1–7. doi:10.1016/j.psychres.2018.11.006
23. Casas F., Frønes I. From snapshots to complex continuity: Making sense of the multifaceted concept of child well-being // *Childhood*. 2020. Vol. 27(2). P. 188–202. doi:10.1177/0907568219895809
24. Chen Y., Shan Y., Lin K., Wei Y., Kim H., Koenen K.C., Gelaye B., Papatheodorou S.I. Association Between Child Abuse and Risk of Adult Coronary Heart Disease: A Systematic Review and Meta-Analysis // *American Journal of Preventive Medicine*. 2023. Vol. 65(1). P. 143–154. doi:10.1016/j.amepre.2023.02.028
25. Choi J., Cho H., Lee S., Kim J., Park E.-C. Effect of the online game shutdown policy on internet use, internet addiction, and sleeping hours in Korean adolescents // *The Journal of Adolescent Health*. 2018. Vol. 62(5). P. 548–555. doi:10.1016/j.jadohealth.2017.11.291
26. Copeland W.E., Shanahan L., McGinnis E.W., Aberg K.A., van den Oord E.J.C.G. Early adversities accelerate epigenetic aging into adulthood: a 10-year, within-subject analysis // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2022. Vol. 63(11). P. 1308–1315. doi:10.1111/jcpp.13575
27. Dardanou M., Unstad T., Brito R., Dias P., Fotakopoulou O., Sakata Y., O'Connor J. Use of touchscreen technology by 0–3-year-old children: Parents' practices and perspectives in Norway, Portugal and Japan // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2020. Vol. 20(3). P. 551–573. doi:10.1177/1468798420938445
28. Ding R., He P. Associations between childhood adversities and late-life cognitive function: Potential mechanisms // *Social Science & Medicine*. 2021. Vol. 291. doi:10.1016/j.socscimed.2021.114478

29. Dodge T., Hoffman R.K., Kracke-Bock J., Jaccard J.J., Stock. M.L. How Does Being under the Influence Affect Willingness to Experience Overlapping Effects of Alcohol and Marijuana? // *Substance Use & Misuse*. 2023. Vol. 58(12). P. 1483–1492. doi:10.1080/10826084.2023.2223284
30. Gewirtz-Meydan A. Sexual Dysfunction Among Childhood Sexual Abuse Survivors: The “Functional” Dysfunction? // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 2022. Vol. 48(7). P. 694–705. doi:10.1080/0092623X.2022.2044944
31. Hein T.C., Goetschius L.G., McLoyd V.C., Brooks-Gunn J., McLanahan S.S., Mitchell C., Lopez-Duran N.L., Hyde L.W., Monk C.S. Childhood violence exposure and social deprivation are linked to adolescent threat and reward neural function // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2020. Vol. 15(11). P. 1252–1259. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsaa144>
32. Hofmans L., Bos van den W. Social learning across adolescence: A Bayesian neurocognitive perspective // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2022. Vol. 58. doi:10.1016/j.dcn.2022.101151
33. Hostinar C.E., Miller G.E. Protective factors for youth confronting economic hardship: Current challenges and future avenues in resilience research // *American Psychologist*. 2019. Vol. 74(6). P. 641–652. doi:10.1037/amp0000520
34. Hu Y. Marital Disruption, Remarriage and Child Well-being in China // *Journal of Family Issues*. 2020. Vol. 41(7). P. 978–1009. doi:10.1177/0192513X20917779
35. Hutton J.S., Dudley J., Horowitz-Kraus T., DeWitt T., Holland S.K. Associations Between Screen-Based Media Use and Brain White Matter Integrity in Preschool-Aged Children // *JAMA Pediatrics*. 2020. Vol. 174(1). doi:10.1001/jamapediatrics.2019.3869
36. Jaffee S.R. Child maltreatment and risk for psychopathology in childhood and adulthood // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2017. Vol. 13(1). P. 525–551. doi:10.1146/annurev-clinpsy-032816-045005
37. Jiang S., Sek-yum Ngai S. Social exclusion and multi-domain well-being in Chinese migrant children: Exploring the psychosocial mechanisms of need satisfaction and need frustration // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 116(3). doi:10.1016/j.childyouth.2020.105182
38. Jiang S., Wang L., Cheng Y. Unrevealing the Mediating Mechanisms Between Material Deprivation and Children's Life Satisfaction: Empirical Evidence from the International Survey of Children's Well-Being // *Applied Research in Quality of Life*. 2023. Vol. 18. P. 893–914. doi:10.1007/s11482-022-10101-8
39. Kalia V., Knauff K., Hayatbini N. Cognitive flexibility and perceived threat from COVID-19 mediate the relationship between childhood maltreatment and state anxiety // *PLOS One*. 2020. Vol. 15(12). doi:10.1371/journal.pone.0243881
40. Kaplan P.S., Danko C.M., Everhart K.D., Diaz A., Asherin R.M., Vogeli J.M., Fekri S.M. Maternal depression and expressive communication in one-year-old infants // *Infant Behavior and Development*. 2014. Vol. 37(3). P. 398–405. doi:10.1016/j.infbeh.2014.05.008
41. Kong J., Martire L.M. Parental childhood maltreatment and the later-life relationship with parents // *Psychology and Aging*. 2019. Vol. 34(7). P. 900–911. doi:10.1037/pag0000388
42. Koutra K., Chatzi L., Bagkeris M., Vassilaki M., Bitsios P., Kogevinas M. Antenatal and postnatal maternal mental health as determinants of infant neurodevelopment at 18 months of age in a mother-child cohort (Rhea Study) in Crete, Greece // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2013. Vol. 48(8). P. 1335–1345. doi:10.1007/s00127-012-0636-0
43. Labadie C., Godbout N., Vaillancourt-Morel M.-P., Sabourin S. Adult Profiles of Child Sexual Abuse Survivors: Attachment Insecurity, Sexual Compulsivity, and Sexual Avoidance // *Journal of Sex & Marital Therapy*. 2018. Vol. 44(4). P. 354–369. doi:10.1080/0092623X.2017.1405302

44. *Laevers F., Declercq B.* How well-being and involvement fit into the commitment to children's rights // *European Journal of Education*. 2018. Vol. 53(3). P. 325–335. doi:10.1111/ejed.12286
45. *Lillo-Martin D.C., Gale E., Chen Pichler D.* Family ASL: An Early Start to Equitable Education for Deaf Children // *Topics in Early Childhood Special Education*. 2023. Vol. 43(2). P. 156–166. doi:10.1177/02711214211031307
46. *Lockyer S., Spiro A.* Socio-economic inequalities in childhood obesity: Can community level interventions help to reduce the gap? // *Nutrition Bulletin*. 2019. Vol. 44(4). P. 381–393. doi:10.1111/nbu.12410
47. *Makriyanis H.M., Adams E.A., Lozano L.L., Mooney T.A., Morton C., Liss M.* Psychological inflexibility mediates the relationship between adverse childhood experiences and mental health outcomes // *Journal of Contextual Behavioral Science*. 2019. Vol. 14. P. 82–89. doi:10.1016/j.jcbs.2019.09.007
48. *McCrary E., Foulkes L., Viding E.* Social thinning and stress generation after childhood maltreatment: a neurocognitive social transactional model of psychiatric vulnerability // *The Lancet. Psychiatry*. 2022. Vol. 9(10). P. 828–837. doi:10.1016/S2215-0366(22)00202-4
49. *Mills R., Alati R., Strathearn L., Najman J.M.* Alcohol and tobacco use among maltreated and non-maltreated adolescents in a birth cohort // *Addiction*. 2014. Vol. 109(4). P. 672–680. doi:10.1111/add.12447
50. *Mills R., Scott J., Alati R., O'Callaghan M., Najman J.M., Strathearn L.* Child maltreatment and adolescent mental health problems in a large birth cohort // *Child Abuse & Neglect*. 2013. Vol. 37(5). P. 292–302. doi:10.1016/j.chiabu.2012.11.008
51. *Nodeland B., Morris R.* A Test of Social Learning Theory and Self-Control on Cyber Offending // *Deviant Behavior*. 2020. Vol. 41(1). P. 41–56. doi:10.1080/01639625.2018.1519135
52. *Rath S., Das D., Sahoo S.K., Raj A., Guddala N.R., Rathee G.* Childhood dental fear in children aged 7-11 years old by using the Children's Fear Survey Schedule-Dental Subscale // *Journal of Medicine and Life*. 2021. Vol. 14(1). P. 45–49. doi:10.25122/jml-2020-0084
53. *Reuben A., Sugden K., Arseneault L., Corcoran D.L., Danese A., Fisher H.L., Moffitt T.E., Newbury J.B., Odgers C., Prinz J., Rasmussen L.J.H., Williams B., Mill J., Caspi A.* Association of Neighborhood Disadvantage in Childhood with DNA Methylation in Young Adulthood // *JAMA Network Open*. 2020. Vol. 3(6). doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.6095
54. *Rokach A., Clayton S.* The Consequences of Child Abuse // *Healthcare*. 2023. Vol. 11(11). doi:10.3390/healthcare11111650
55. #StatusofMind. 2017 // Royal Society of Public Health. URL: <https://www.rsph.org.uk/our-work/campaigns/status-of-mind.html> (Accessed 30.09.2023).
56. *Sayyah M.D., Merrick J.S., Larson M.D., Narayan A.J.* Childhood adversity subtypes and young adulthood mental health problems: Unpacking effects of maltreatment, family dysfunction, and peer victimization // *Children and Youth Services Review*. 2022. Vol. 137(8). doi:10.1016/j.childyouth.2022.106455
57. *Scorza P., Duarte C.S., Hipwell A.E., Posner J., Ortin A., Canino G., Monk C.* Research Review: Intergenerational transmission of disadvantage: epigenetics and parents' childhoods as the first exposure // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2019. Vol. 60(2). P. 119–132. doi:10.1111/jcpp.12877
58. *Sepúlveda A.R., Lacruz T., Solano S., Blanco M., Moreno A., Rojo M., Beltrán L., Graell M.* Identifying Loss of Control Eating within Childhood Obesity: The Importance of Family Environment and Child Psychological Distress // *Children*. 2020. Vol. 7(11). doi:10.3390/children7110225

59. *Strathearn L., Giannotti M., Mills R., Kisely S., Najman J., Abajobir A.* Long-term Cognitive, Psychological, and Health Outcomes Associated with Child Abuse and Neglect // *Pediatrics*. 2020. Vol. 146(4). doi:10.1542/peds.2020-0438
60. *Tisdall E.* Children's well-being and children's rights in tension? // *The International Journal of Children's Rights*. 2015. Vol. 23(4). P. 769–789. doi:10.1163/15718182-02304003
61. *Vito A.G., Schaefer B., Higgins G.E., Marcum C., Ricketts M.* Self-control, social learning theory, social bonds and binge drinking: Results from a national sample // *Journal of Substance Use*. 2019. Vol. 24(6). P. 655–659. doi:10.1080/14659891.2019.1642406
62. *Wilson K., Van Doorn G., Dye J.* Vulnerable dark traits mediate the association between childhood adversity and suicidal ideation // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 202(3). doi:10.1016/j.paid.2022.111959
63. *Ziegler G., Moutoussis M., Hauser T.U., Fearon P., Bullmore E.T., Goodyer I.M., Fonagy P., Jones P.B., Lindenberger U., Dolan R.J.* Childhood socio-economic disadvantage predicts reduced myelin growth across adolescence and young adulthood // *Human Brain Mapping*. 2020. Vol. 41(12). P. 3392–3402. doi:10.1002/hbm.25024

References

1. Garifulina E.Sh., Ipatova A.A. Opros detei kak obyazatel'nyi element formirovaniya indeksa detskogo blagopoluchiya [Child Survey as an Essential Part of Child Well-Being Index Design] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 139–148. doi:10.17759/pse.2021260611 (In Russ.).
2. Bruk Zh.Yu., Telitsyna A.Yu. Aktual'nye voprosy, rezul'taty i perspektivy razvitiya issledovaniy mezhdunarodnogo proekta po izucheniyu sub"ektivnogo blagopoluchiya detei "Detskie Miry" (obzor po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy vnedreniya indeksa detskogo blagopoluchiya v Rossii») [Current issues, results and prospects for research development of the "Children's Worlds": The International Survey of Children's Well-Being (Review following the Results of the International Research and Practical Conference "Prospects for the Introduction of the Index of Child Well-being Index in Russia")] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 148–158. doi:10.17759/ssc.2022030211 (In Russ.).
3. Vygotsky L.S. Razvitie trudnogo rebenka i ego izuchenie. *Osnovnye problemy pedologii v SSSR*. Moscow, 1928, pp. 132–136. (In Russ.).
4. Vygotsky L.S. Trudnoe detstvo. 1928. 22 p. (In Russ.).
5. Katan E.A. Zhestokoe obrashchenie i prenebrezhenie v detstve opredelyayut otdalennye posledstviya dlya psikhicheskogo i fizicheskogo zdorov'ya vzroslykh [Abuse and neglect in childhood have far emerging consequences for mental and somatic health for adults]. *Orenburgskii meditsinskii vestnik = Orenburg Medical Herald*, 2020. Vol. 8, no. 3 (31), pp. 15–22. (In Russ.).
6. Koroleva N.N., Kosheleva A.N., Proekt Yu.L., Khoroshikh V.V. Rol' detsko-roditel'skikh otnoshenii v informatsionnoi sotsializatsii podrostkov. In K.N. Polivanova (ed.). *Mezhdunarodnyi simpozium «L.S. Vygotskii i sovremennoe detstvo»: Sbornik tezisov, Moskva, 15–16 oktyabrya 2016 goda*. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2017, pp. 76–78. (In Russ.).
7. Manakova K.R. Udovletvorennost' zhizn'yu i predstavleniya podrostkov o schast'e [Life satisfaction and adolescent beliefs about happiness]. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Student Science*, 2020, no. 11 (51), pp. 376–383. (In Russ.).

8. Oslon V.N., Sem'ya G.V., Prokop'eva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub"ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. doi:10.17759/pse.2020250604 (In Russ.).
9. Lebedinsky V.V., Bardyshevskaya M.K. (eds.). *Psikhologiya anomal'nogo razvitiya rebenka: Khrestomatiya: V 2 t. T. 1.* Moscow: CheRo; Vysshaya shkola; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002. (In Russ.).
10. Semya G.V. Rebenok v usloviyakh institutsionalizatsii: rezul'taty monitoringa uslovii zhizni i vospitaniya vospitannikov i ikh sub"ektivnogo blagopoluchiya v organizatsiyakh dlya detei-sirot [The Child in Care: Results of the Living and Parenting Conditions' Monitoring of Children in Care and Their Subjective Well-Being in Orphanages] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 2, pp. 7–23. doi:10.17759/ssc.2021020201 (In Russ.).
11. Telitsyna A.Yu. Integratsiya podrostkov, ostavshikhnya v detstve bez popecheniya roditelei, v sotsium bol'shogo goroda. In A.A. Bochaver (ed.). *Podrostok v megapolise: novaya real'nost': Sbornik trudov XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 05–06 aprelya 2022 goda.* Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2022, pp. 114–115. (In Russ.).
12. Telitsyna A.Yu. Otsenka detskogo blagopoluchiya: mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt v ramkakh teorii novoi sotsiologii detstva [Evaluation of Children's Well-being: International and Russian Experience in the Framework of the Theory of the New Sociology of Childhood] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 120–131. doi:10.17759/ssc.2022030208 (In Russ.).
13. Abajobir A.A., Kisely S., Williams G.M., Clavarino A.M., Najman J.M. Substantiated childhood maltreatment and intimate partner violence victimization in young adulthood: a birth cohort study. *Journal of Youth and Adolescence*, 2017. Vol. 46, pp. 165–179. doi:10.1007/s10964-016-0558-3
14. Alderton A., Villanueva K., O'Connor M., Boulangé C., Badland H. Reducing Inequities in Early Childhood Mental Health: How Might the Neighborhood Built Environment Help Close the Gap? A Systematic Search and Critical Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 9. doi:10.3390/ijerph16091516
15. Aoyagi S.-S., Tsuchiya K.T. Does maternal postpartum depression affect children's developmental outcomes? *International Journal of Gynecology & Obstetrics*, 2019. Vol. 45, no. 9, pp. 1809–1820. doi:10.1111/jog.14064
16. Atzl V.M., Narayan A.J., Rivera L.M., Lieberman A.F. Adverse childhood experiences and prenatal mental health: Type of ACEs and age of maltreatment onset. *Journal of Family Psychology*, 2019. Vol. 33, no. 3, pp. 304–314. doi:10.1037/fam0000510
17. Bakare M.O., Okoye J.O., Obindo J.T. Introducing depression and developmental screenings into the national programme on immunization (NPI) in southeast Nigeria: an experimental cross-sectional assessment. *General Hospital Psychiatry*, 2014. Vol. 36, no. 1, pp. 105–112. doi:10.1016/j.genhosppsy.2013.09.005
18. Barrance R.M., Hampton J.M. The relationship between subjective well-being in school and children's participation rights: International evidence from the Children's Worlds survey. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 151. doi:10.1016/j.childyouth.2023.107038

19. Bennett J.C., Surkan P.J., Moulton L.H. et al. Childhood social isolation and psychotic experiences in young adulthood: a community based study. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2020. Vol. 29, pp. 1003–1010. doi:10.1007/s00787-019-01417-2
20. Berman N.C., Wheaton M.G., Abramowitz J.S. Childhood trauma and thought action fusion: A multi-method examination. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*. 2013. Vol. 2, no. 1, pp. 43–47. doi:10.1016/j.jocrd.2012.11.002
21. Bigras N., Vaillancourt-Morel M.-P., Nolin M.-C., Bergeron S. Associations between Childhood Sexual Abuse and Sexual Well-being in Adulthood: A Systematic Literature Review. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2021. Vol. 30, no. 3, pp. 332–352. doi:10.1080/10538712.2020.1825148
22. Boroujerdi F.G., Kimiaee S.A., Yazdi S.A.A., Safa M. Attachment style and history of childhood abuse in suicide attempters. *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 271, pp. 1–7. doi:10.1016/j.psychres.2018.11.006
23. Casas F., Frønes I. From snapshots to complex continuity: Making sense of the multifaceted concept of child well-being. *Childhood*, 2020. Vol. 27, no. 2, pp. 188–202. doi:10.1177/0907568219895809
24. Chen Y., Shan Y., Lin K., Wei Y., Kim H., Koenen K.C., Gelaye B., Papatheodorou S.I. Association Between Child Abuse and Risk of Adult Coronary Heart Disease: A Systematic Review and Meta-Analysis. *American Journal of Preventive Medicine*, 2023. Vol. 65, no. 1, pp. 143–154. doi:10.1016/j.amepre.2023.02.028
25. Choi J., Cho H., Lee S., Kim J., Park E.-C. Effect of the online game shutdown policy on internet use, internet addiction, and sleeping hours in Korean adolescents. *The Journal of Adolescent Health*, 2018. Vol. 62, no. 5, pp. 548–555. doi:10.1016/j.jadohealth.2017.11.291
26. Copeland W.E., Shanahan L., McGinnis E.W., Aberg K.A., van den Oord E.J.C.G. Early adversities accelerate epigenetic aging into adulthood: a 10-year, within-subject analysis. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2022. Vol. 63, no. 11, pp. 1308–1315. doi:10.1111/jcpp.13575
27. Dardanou M., Unstad T., Brito R., Dias P., Fotakopoulou O., Sakata Y., O'Connor J. Use of touchscreen technology by 0–3-year-old children: Parents' practices and perspectives in Norway, Portugal and Japan. *Journal of Early Childhood Literacy*, 2020. Vol. 20, no. 3, pp. 551–573. doi:10.1177/1468798420938445
28. Ding R., He P. Associations between childhood adversities and late-life cognitive function: Potential mechanisms. *Social Science & Medicine*, 2021. Vol. 291. doi:10.1016/j.socscimed.2021.114478
29. Dodge T., Hoffman R.K., Kracke-Bock J., Jaccard J.J., Stock. M.L. How Does Being under the Influence Affect Willingness to Experience Overlapping Effects of Alcohol and Marijuana? *Substance Use & Misuse*, 2023. Vol. 58, no. 12, pp. 1483–1492. doi:10.1080/10826084.2023.2223284
30. Gewirtz-Meydan A. Sexual Dysfunction Among Childhood Sexual Abuse Survivors: The “Functional” Dysfunction? *Journal of Sex & Marital Therapy*, 2022. Vol. 48, no. 7, pp. 694–705. doi:10.1080/0092623X.2022.2044944
31. Hein T.C., Goetschius L.G., McLoyd V.C., Brooks-Gunn J., McLanahan S.S., Mitchell C., Lopez-Duran N.L., Hyde L.W., Monk C.S. Childhood violence exposure and social deprivation are linked to adolescent threat and reward neural function. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2020. Vol. 15, no. 11, pp. 1252–1259. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsaa144>
32. Hofmans L., Bos van den W. Social learning across adolescence: A Bayesian neurocognitive perspective. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 2022. Vol. 58. doi:10.1016/j.dcn.2022.101151

33. Hostinar C.E., Miller G.E. Protective factors for youth confronting economic hardship: Current challenges and future avenues in resilience research. *American Psychologist*, 2019. Vol. 74, no. 6, pp. 641–652. doi:10.1037/amp0000520
34. Hu Y. Marital Disruption, Remarriage and Child Well-being in Chin. *Journal of Family Issues*, 2020. Vol. 41, no. 7, pp. 978–1009. doi:10.1177/0192513X20917779
35. Hutton J.S., Dudley J., Horowitz-Kraus T., DeWitt T., Holland S.K. Associations Between Screen-Based Media Use and Brain White Matter Integrity in Preschool-Aged Children. *JAMA Pediatrics*, 2020. Vol. 174, no. 1. doi:10.1001/jamapediatrics.2019.3869
36. Jaffee S.R. Child maltreatment and risk for psychopathology in childhood and adulthood. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 1, pp. 525–551. doi:10.1146/annurev-clinpsy-032816-045005
37. Jiang S., Sek-yum Ngai S. Social exclusion and multi-domain well-being in Chinese migrant children: Exploring the psychosocial mechanisms of need satisfaction and need frustration. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 116, no. 3. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105182
38. Jiang S., Wang L., Cheng Y. Unrevealing the Mediating Mechanisms Between Material Deprivation and Children's Life Satisfaction: Empirical Evidence from the International Survey of Children's Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*, 2023. Vol. 18, pp. 893–914. doi:10.1007/s11482-022-10101-8
39. Kalia V., Knauft K., Hayatbini N. Cognitive flexibility and perceived threat from COVID-19 mediate the relationship between childhood maltreatment and state anxiety. *PLOS One*, 2020. Vol. 15, no. 12. doi:10.1371/journal.pone.0243881
40. Kaplan P.S., Danko C.M., Everhart K.D., Diaz A., Asherin R.M., Vogeli J.M., Fekri S.M. Maternal depression and expressive communication in one-year-old infants. *Infant Behavior and Development*, 2014. Vol. 37, no. 3, pp. 398–405. doi:10.1016/j.infbeh.2014.05.008
41. Kong J., Martire L.M. Parental childhood maltreatment and the later-life relationship with parents. *Psychology and Aging*, 2019. Vol. 34, no. 7, pp. 900–911. doi:10.1037/pag0000388
42. Koutra K., Chatzi L., Bagkeris M., Vassilaki M., Bitsios P., Kogevinas M. Antenatal and postnatal maternal mental health as determinants of infant neurodevelopment at 18 months of age in a mother-child cohort (Rhea Study) in Crete, Greece. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2013. Vol. 48, no. 8, pp. 1335–1345. doi:10.1007/s00127-012-0636-0
43. Labadie C., Godbout N., Vaillancourt-Morel M.-P., Sabourin S. Adult Profiles of Child Sexual Abuse Survivors: Attachment Insecurity, Sexual Compulsivity, and Sexual Avoidance. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 2018. Vol. 44, no. 4, pp. 354–369. doi:10.1080/0092623X.2017.1405302
44. Laevers F., Declercq B. How well-being and involvement fit into the commitment to children's rights. *European Journal of Education*, 2018. Vol. 53, no. 3, pp. 325–335. doi:10.1111/ejed.12286
45. Lillo-Martin D.C., Gale E., Chen Pichler D. Family ASL: An Early Start to Equitable Education for Deaf Children. *Topics in Early Childhood Special Education*, 2023. Vol. 43, no. 2, pp. 156–166. doi:10.1177/02711214211031307
46. Lockyer S., Spiro A. Socio-economic inequalities in childhood obesity: Can community level interventions help to reduce the gap? *Nutrition Bulletin*, 2019. Vol. 44, no. 4, pp. 381–393. doi:10.1111/mbu.12410
47. Makriyianis H.M., Adams E.A., Lozano L.L., Mooney T.A., Morton C., Liss M. Psychological inflexibility mediates the relationship between adverse childhood experiences and mental health outcomes. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 2019. Vol. 14, pp. 82–89. doi:10.1016/j.jcbs.2019.09.007

48. McCrory E., Foulkes L., Viding E. Social thinning and stress generation after childhood maltreatment: a neurocognitive social transactional model of psychiatric vulnerability. *The Lancet. Psychiatry*, 2022. Vol. 9, no. 10, pp. 828–837. doi:10.1016/S2215-0366(22)00202-4
49. Mills R., Alati R., Strathearn L., Najman J.M. Alcohol and tobacco use among maltreated and non-maltreated adolescents in a birth cohort. *Addiction*, 2014. Vol. 109, no. 4, pp. 672–680. doi:10.1111/add.12447
50. Mills R., Scott J., Alati R., O'Callaghan M., Najman J.M., Strathearn L. Child maltreatment and adolescent mental health problems in a large birth cohort. *Child Abuse & Neglect*, 2013. Vol. 37, no. 5, pp. 292–302. doi:10.1016/j.chiabu.2012.11.008
51. Nodeland B., Morris R. A Test of Social Learning Theory and Self-Control on Cyber Offending. *Deviant Behavior*, 2020. Vol. 41, no. 1, pp. 41–56. doi:10.1080/01639625.2018.1519135
52. Rath S., Das D., Sahoo S.K., Raj A., Guddala N.R., Rathee G. Childhood dental fear in children aged 7-11 years old by using the Children's Fear Survey Schedule-Dental Subscale. *Journal of Medicine and Life*, 2021. Vol. 14, no. 1, pp. 45–49. doi:10.25122/jml-2020-0084
53. Reuben A., Sugden K., Arseneault L., Corcoran D.L., Danese A., Fisher H.L., Moffitt T.E., Newbury J.B., Odgers C., Prinz J., Rasmussen L.J.H., Williams B., Mill J., Caspi A. Association of Neighborhood Disadvantage in Childhood with DNA Methylation in Young Adulthood. *JAMA Network Open*, 2020. Vol. 3, no. 6. doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.6095
54. Rokach A., Clayton S. The Consequences of Child Abuse. *Healthcare*, 2023. Vol. 11, no. 11. doi:10.3390/healthcare11111650
55. #StatusofMind. 2017. *Royal Society of Public Health*. URL: <https://www.rsph.org.uk/our-work/campaigns/status-of-mind.html> (Accessed 30.09.2023).
56. Sayyah M.D., Merrick J.S., Larson M.D., Narayan A.J. Childhood adversity subtypes and young adulthood mental health problems: Unpacking effects of maltreatment, family dysfunction, and peer victimization. *Children and Youth Services Review*, 2022. Vol. 137, no. 8. doi:10.1016/j.childyouth.2022.106455
57. Scorza P., Duarte C.S., Hipwell A.E., Posner J., Ortin A., Canino G., Monk C. Research Review: Intergenerational transmission of disadvantage: epigenetics and parents' childhoods as the first exposure. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2019. Vol. 60, no. 2, pp. 119–132. doi:10.1111/jcpp.12877
58. Sepúlveda A.R., Lacruz T., Solano S., Blanco M., Moreno A., Rojo M., Beltrán L., Graell M. Identifying Loss of Control Eating within Childhood Obesity: The Importance of Family Environment and Child Psychological Distress. *Children*, 2020. Vol. 7, no. 11. doi:10.3390/children7110225
59. Strathearn L., Giannotti M., Mills R., Kisely S., Najman J., Abajobir A. Long-term Cognitive, Psychological, and Health Outcomes Associated with Child Abuse and Neglect. *Pediatrics*, 2020. Vol. 146, no. 4. doi:10.1542/peds.2020-0438
60. Tisdall E. Children's well-being and children's rights in tension? *The International Journal of Children's Rights*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 769–789. doi:10.1163/15718182-02304003
61. Vito A.G., Schaefer B., Higgins G.E., Marcum C., Ricketts M. Self-control, social learning theory, social bonds and binge drinking: Results from a national sample. *Journal of Substance Use*, 2019. Vol. 24, no. 6, pp. 655–659. doi:10.1080/14659891.2019.1642406
62. Wilson K., Van Doorn G., Dye J. Vulnerable dark traits mediate the association between childhood adversity and suicidal ideation. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 202, no. 3. doi:10.1016/j.paid.2022.111959

63. Ziegler G., Moutoussis M., Hauser T.U., Fearon P., Bullmore E.T., Goodyer I.M., Fonagy P., Jones P.B., Lindenberger U., Dolan R.J. Childhood socio-economic disadvantage predicts reduced myelin growth across adolescence and young adulthood. *Human Brain Mapping*, 2020. Vol. 41, no. 12, pp. 3392–3402. doi:10.1002/hbm.25024

Информация об авторах

Гарифулина Эльвира Шамильевна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); программный директор, Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь» (БФ «Абсолют-Помощь»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-4306-3899, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, доцент, департамент политики и управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0186-3989, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the authors

Elvira Sh. Garifulina, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; Program Director, “Absolute-Help” Charity Foundation, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-4306-3899, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Alexandra Yu. Telitsyna, PhD in Biology, Senior Research Fellow, Centre for Studies of Civil Society and Nonprofit Sector, Associate Professor, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-0186-3989, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 04.10.2023
Принята в печать 30.01.2024

Received 04.10.2023
Accepted 30.01.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка

Эльзесер А.С.

Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России (ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России), г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

В статье изложены результаты теоретико-эмпирического исследования становления склонности к экстремизму в образовательной среде. На основе анализа кейса определено, что склонность к экстремизму содержит компоненты: Признаки депрессивности, Одиночество, Дегуманизация окружающих, Декларирование превосходства, Мотивы мести, Положительное отношение к смерти. Составлена гипотетическая модель радикализации в юношеском возрасте на основе кейс-метода по материалам СМИ. Для эмпирической проверки модели проводилось исследование с участием студентов, где выборка ($n = 578$) была разделена на группы по признаку выраженности склонности к экстремизму. Использовались: методика для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер), 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Производился расчет критерия Краскела—Уоллиса, коэффициент корреляции Спирмена. Определен паттерн, составляющий психологические особенности лиц, склонных к экстремизму: замкнутость и отчужденность, недовольство собой, признаки депрессивности, подозрительность, незрелость личности, конфликтность, низкая нормативность, готовность действовать. Таким образом, гипотетическая модель радикализации находит частичное подтверждение.

Ключевые слова: радикализация, модель радикализации, склонность к экстремизму, кейс-метод, одиночество, дегуманизация.

Для цитаты: *Эльзесер А.С.* Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 89–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140106

Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing

Anastasiya S. Elzesser

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

The article presents the results of a theoretical and empirical study of the formation of the propensity to extremism in the educational environment. Based on the analysis of the case

study, it was determined that the propensity to extremism contains the following components: Signs of depression, Loneliness, Dehumanization, Declaration of superiority, A revenge motive, A positive attitude towards death. A hypothetical model of radicalization in adolescence based on the case method using media materials was created. To empirically test the model, a study was conducted with the participation of students, where the sample (n=578) was divided into groups based on the severity of their propensity for extremism. We used a method for diagnosing propensity towards extremism (R.V. Kadyrov, T.V. Kapustina, E.V. Sadon, A.S. Elzesser), R. Cattell's 16-factor questionnaire, the Kruskal-Wallis test and Spearman correlation coefficient was calculated. A certain pattern that makes up the mental characteristics of persons with propensity to extremism was determined: isolation and alienation, dissatisfaction with oneself, signs of depression, suspicion, immaturity of the personality, conflict, low normativity, readiness to act. Thus, the hypothetical model of radicalization finds partial confirmation.

Keywords: radicalization, radicalization model, extremism; propensity for extremism; case method; loneliness; dehumanization.

For citation: Elzesser A.S. Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 89–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140106 (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью профилактики экстремизма среди молодежи в связи с широким распространением в социальных сетях экстремистских материалов, несущих террористическую угрозу. Так, молодежная субкультура «Колумбайн» («Скулшутинг»)*, чьи последователи героизируют вооруженное нападение двух обучающихся на школу «Колумбайн», включена в список организаций, признанных террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации [10]. Для описания запланированного вооруженного нападения на обучающихся и персонал в образовательном учреждении с последующим суицидом (попыткой суицида) нападавшего используется термин «скулшутинг» (англ. school shooting). Склонность к экстремизму — один из важных компонентов готовности личности к совершению экстремистского насилия в образовательной среде.

Для оценки рисков в образовательной среде необходима разработка модели радикализации, которая объясняла бы психологический механизм процесса становления и усиления склонности к экстремизму — вопрос, остающийся открытым [11]. В настоящее время исследователями предпринимаются попытки проследить структуру и динамику развития склонности к экстремизму, определить основные движущие силы радикализации личности. Так, при исследовании юношеского экстремизма на первый план выдвигается неблагополучная социализация и психотравмирующий опыт, опосредующие депрессивно-тревожные расстройства, социальная отчужденность, фрустрация и враждебность, а также дальнейшее делинквентное поведение [39]. Отмечается, что ощущение собственного бессилия у террористов лежит в основе попыток восполнить самооценку через наказание «виновных», а оценка других людей как зла и их дегуманизация позволяют оправдать расправу над ними [36]. Существует версия, что дегуманизация как психологический механизм, разрешающий насилие, развертыва-

* Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») – организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

ется в виде цепочки: гнев → презрение → отвращение [46]. Другая модель включает сочетание мотива, возможности и условий: мотивом для насилия выступает недовольство; средство дает опыт обращения с оружием, а депрессия и кризис (в результате утраты здоровья, отношений или статуса) снижают альтернативную цену насилия, так как преступник чувствует, что ему нечего терять [45]. Существуют попытки изучать склонность к экстремизму у обучающихся, совершивших вооруженное нападение на школы, путем анализа кейса среди феноменов, близких скулшутингу: одиночных политических убийц 1949—1996 годов [45] и одиночных террористов [46]. Изучение кейсов российских «скулшутеров» привело к убеждению, что радикализация развивается случайным образом, поскольку зависит от конкретного контекста [42]; отсюда невозможность ее предсказать или заключить в модель радикализации. Наше исследование, напротив, основано на предположении о том, что профиль личности «колумбайнера» существует и поддается изучению [33], что предполагает выявление критериев склонности к экстремизму.

Оценка риска радикализации на основе выделенных критериев обладает большей объективностью, чем экспертная оценка, однако ее недостатком является зависимость от теоретической конструкции, на основе которой разрабатывается система критериев. Для нивелирования этого недостатка теоретическая конструкция модели радикализации должна соответствовать специфике радикализации, ее составляющие должны быть концептуализированы и отвечать экспериментальным фактам [3].

В специфике радикализации при скулшутинге мы выделяем следующие черты: автономность стрелка, длительная подготовка преступления, психическая вменяемость [15]. Скулшутинг, при котором личность не является психически вменяемой, должна быть описана другими моделями в рамках психиатрии. Как феномен, скулшутинг располагается на пересечении двух видов экстремизма: молодежного экстремизма и экстремизма одиночек (синонимичны термины «одиночный экстремизм», «одиночный терроризм», в зарубежных источниках — «терроризм волка-одиночки» («Lone Wolf Terrorism»)) [45].

Теоретической основой для разработки критериев склонности к экстремизму стала позиция J.R. Meloy и J. Yakeley, которые отмечают ведущую роль индивидуально-психологических характеристик в становлении склонности к экстремизму [46], в числе которых важнейшей является психологическая уязвимость личности, склонной к экстремизму [38; 45]. Склонность к экстремизму рассматривается нами как форма социально-психологической дезадаптации, которая связана с интерпретацией личностью жизненной ситуации через призму обид, отвращения и презрения к миру [50; 52], что приводит к неудовлетворенности жизненной ситуацией, психологической уязвимости перед экстремистским влиянием [38; 49]. Содержание и структура склонности к экстремизму в образовательной среде предлагается в данной статье на основе качественного анализа и систематизации косвенных свидетельств, формулируется гипотетическая модель радикализации личности при скулшутинге, приводятся результаты эмпирической проверки. В заключение обсуждается соответствие выявленных закономерностей эмпирическим данным, полученным другими исследователями.

Материалы и методы

Для теоретической разработки структуры склонности к экстремизму был произведен анализ кейса по материалам СМИ. Кейс составила история Владислава Рослякова (далее В.Р.), студента 4-го курса Керченского политехнического колледжа, организовавшего одиночное нападение в образовательном учреждении 17 октября 2018 года. В.Р. привел в действие

взрывное устройство и расстрелял из помпового ружья студентов и преподавателей, а после совершил самоубийство, что повторяет основные вехи нападения Э. Харриса и Д. Клиболда на школу «Колумбайн». Данный кейс может применяться для анализа личности, склонной к экстремизму, поскольку В.Р. был вменяем: за месяц до трагических событий для получения разрешения на оружие прошел все этапы медкомиссии, включая проверку у психиатра [28].

Для проверки гипотетической модели радикализации применялся 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Подбор выборки осуществлялся по критериям доступности. Выборку составили 578 студентов 1—6-го курсов обучения (средний возраст 19,69) разных вузов России, которые были разделены на три группы с помощью скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер) [15] по уровню выраженности склонности к экстремизму. Статистические расчеты производились в программе Statistica 10.0. Непараметрический критерий Краскела—Уоллиса использовался для сравнения медианных значений факторов Кеттелла среди трех групп: без склонности к экстремизму ($n = 491$), имеющих склонность к экстремизму ($n = 63$) и имеющих выраженную склонность к экстремизму ($n = 24$). В результате были отобраны факторы Кеттелла, по которым среди групп наблюдались значимые различия ($p\text{-level} < 0,05$). Коэффициент корреляции Спирмена по данным общей выборки ($n = 578$) был применен для оценки корреляции между факторами Кеттелла и выраженностью склонности к экстремизму.

Анализ кейса

Постфактум можно выделить психологические черты и поведенческие признаки В.Р. как лица, совершившего суицид — вооруженное нападение на образовательное учреждение с последующим суицидом, мотивированное экстремистской идеологией «Колумбайн».

1. Апатия, безразличие к будущему и получаемой профессии, суицидальные мысли. Поведенческие признаки: высказывания о бессмысленности жизни, получаемой профессии, планируемом суициде (чаще в виртуальном общении) [2], соответствующие посты на странице соцсети [23]. В.Р. проявлял выраженное безразличие к производственной практике: не слушал преподавателя, ничего не делал, сидел, уткнувшись в телефон [9]. Суицидальные намерения подтверждаются рядом поведенческих признаков: сокрытие личной информации перед смертью — удаление из соцсетей [20], уничтожение детских фотографий [9] и электронных носителей с личной информацией (телефона и ноутбука) [32]. Экстремистское насилие в образовательном учреждении окончилось суицидом убийцы. Обобщающий критерий — «Признаки депрессивности», описание: «Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность с концентрацией внимания и т. д.)». Характеристика «физическое недомогание» добавлена в связи с ожидаемым высоким показателем нейротизма.

2. Имел крайне малый круг общения, возможно, ограничивающийся собеседниками в Интернете [24]. Поведенческие признаки: в учебе держался обособленно [19], с большинством одноклассников практически не общался, они предполагали, что у него нет друзей [27]. Был скрытным и неразговорчивым с родителями [7]. Вел страницу в соцсети под вымышленным именем [2]. Отношения с родителями не отличались глубиной. После развода мать В.Р. посещала секту Свидетелей Иеговы, абстрагировалась от воспитания сына, не могла повлиять на него, отец В.Р. пил, запомнился соседям больше пьяным, чем трезвым [13]. Обобщающий критерий — «Одиночество», описание: «Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)».

3. Выраженная неприязнь в отношении ближайшего окружения и общества в целом. Поведенческие признаки: высказывания в виртуальном общении доверенным лицам, выражающие сильную неприязнь и презрение к окружению [2]; вербальная агрессия в Интернете, осуществляемая анонимно (оскорбления, угрозы расправой) [23]. Обобщающий критерий — «Дегуманизация окружающих», описание: «Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь».

4. Ощущение своей чуждости, инаковости, превосходства над окружением: «Я 3 года учился в колледже, друзей не завел. Нет единомышленников. Все какие-то убогие. И шутки тупые — у нас половые органы рисуют везде. Шмотки, техника, дома — это всех волнует» (здесь и далее приводятся цитаты из переписки, опубликованной в СМИ [2]). Ко времени совершения нападения В.Р. прекратил общение с семьей, одноклассниками («Привет-пока. Не более»). Обобщающий критерий — «Декларирование превосходства», описание: «Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном плане, что приводит к отчужденности».

5. Накопление недовольства и мотивы компенсации: В.Р. с ненавистью говорил о тех, с кем учился: «Вообще ненавижу этих людей, ненавижу таких тупых, как у нас в политехе учатся» [29], «Было бы неплохо всех перестрелять и самому...» [5]. В переписке писал: «Если бы ты знала, как я все ненавижу. Благо, я устрою себе отличный выпускной, и все это <нецензурная лексика> закончится» [2]. По словам свидетеля, В.Р. «...очень ненавидел техникум из-за злых преподавателей, он намекал, что отомстит им» [1]. По другим данным, при нападении на школу В.Р. прицельно застрелил завуча и одного из педагогов, разыскав их в рабочих кабинетах [6]. Обобщающий критерий — «Мотивы мести», описание: «Накопленные злоба, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием однажды отомстить».

6. Идеализация серийных убийц (например, А.Р. Чикатило) [2], «школьных стрелков», симпатизировал нацистам [23]. Поведенческие признаки: просмотр фильмов про школьные расстрелы; вступление в тематические группы в соцсети [20]; установка и использование фанатских модификаций для компьютерных игр жанра shooter с симулированием школьных расстрелов [12]. Увлечение холодным и огнестрельным оружием. Поведенческий признак: ношение оружия в образовательное учреждение — В.Р. 3 года носил оружие с собой [4]. Смерть как освобождение: «Благо, я сам решаю, где обрезать этот отрывок жизни» [2]. Обобщающий критерий — «Положительное отношение к смерти», описание: «Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти».

Следует отметить дезадаптивный характер детско-родительских отношений, наличие у В.Р. травматических событий в детстве. Так, по свидетельству соседей, отец В.Р. бил, издевался над матерью и избивал ее [13]. Данный признак не был включен в критерии, поскольку мы исходили из задач диагностики склонности к экстремизму, а значит, предметом рассмотрения стал индивидуально-личностный уровень (индивидуально-психологические характеристики личности), а не уровень отношений. При этом травматический детский опыт является глубокой и перспективной темой для последующих исследований факторов склонности к экстремизму.

Также следует отметить, что были выявлены признаки, не вошедшие в критерии склонности к экстремизму, однако опосредующие специфику выявления лиц с экстремистскими тен-

денциями. Так, неспецифическим признаком является низкий уровень импульсивности и самоконтроль. Поведенческие признаки: внешнее спокойствие, вежливость с персоналом образовательного учреждения [18]. На низкую импульсивность и развитый самоконтроль указывает долговременное (около 10 месяцев) планирование акта насилия [14], а также характеристика свидетеля [26]. Р.В. посещал колледж в неброской повседневной одежде [26], не демонстрируя принадлежность к экстремистской субкультуре «Колумбайн» и не стремясь привлечь к себе внимание.

Потребность поделиться своими ценностями — напротив, признак специфичный, поскольку реализуется только в доверительных (равных) отношениях, что труднодостижимо в ситуации применения методики. Поведенческие признаки данной потребности: выказывание одобрения действиям убийц в школах [20] и серийных убийц [2]; обсуждение фильмов про школьные расстрелы [22]; прямое сообщение о своих намерениях доверенным лицам среди сверстников [2]. Этот признак указывает на принципиальную возможность диагностировать склонность к экстремизму у личности в образовательной среде, несмотря на попытки скрыть истинные мотивы.

Проведенный анализ кейса позволил выделить и раскрыть содержание основных составляющих склонности к экстремизму [15, с. 59], которые представляют собой критерии для диагностики данного феномена в образовательной среде (табл. 1). Выделенные в таблице 1 диагностические критерии были положены в основу методики Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер; в ранней редакции — «Анкета для диагностики деструктивных (экстремистских) тенденций» [15], в поздних версиях — «Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму», надежность и валидность которого была подтверждена [17]. Далее соотнесем полученные психологические характеристики скулшутера с критериями склонности к экстремизму [15, с. 59].

Одиночество и длительная фрустрация общения восполняются компенсаторным декларированием превосходства, которое усугубляет разрыв связей с обществом и препятствует позитивному разрешению кризиса идентичности. При этом нарастает практика цинизма в отношении общества, окончательный разрыв связей со средой опосредует процесс дегуманизации.

Дегуманизация других, представление о мире и обществе как об убогом и неправильном месте опосредуют самоопределение личности, ее временную перспективу.

Таблица 1

Составляющие склонности к экстремизму

№ п/п	Критерий	Содержание критерия
1	Признаки депрессивности	Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность в концентрации внимания и т. д.)
2	Одиночество	Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)
3	Дегуманизация окружающих	Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь
4	Декларирование	Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном

	превосходства	плане, что приводит к отчужденности
5	Мотивы мести	Накопленные злоба, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием однажды отомстить
6	Положительное отношение к смерти	Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти

Образ будущего мрачен; можно предположить, что самооценка колеблется от крайне низкой ввиду «отсутствия перспектив» к компенсаторной, неадекватно завышенной из-за дегуманизации других людей. Эмоциональный фон снижен, ресурсы личности истощены, возможна головная боль. Неблагоприятный социальный опыт, фрустрация потребности в интимно-личностном общении, признаки депрессивности в сочетании с тенденциями к накоплению обид и недовольство миром в целом приводят к мотиву мести. В результате мировоззренческий поиск приводит личность к предпочтению простых и понятных жестоких идеологий. Юношеская мечтательность ложится на канву той или иной экстремисткой идеологии: юноша идентифицирует себя с умершими убийцами, которые выступили против общества, что формирует положительное отношение к смерти.

Рассмотренные выше позиции позволили нам построить гипотетическую модель радикализации (рис. 1). Данная модель призвана отразить порядок образования основных составляющих склонности к экстремизму и взаимосвязи между ними в динамике. Мы предполагаем, что развитие склонности к экстремизму в юношеском возрасте происходит в условиях социальной дезадаптации и под влиянием выбора личностью негативной идентичности.

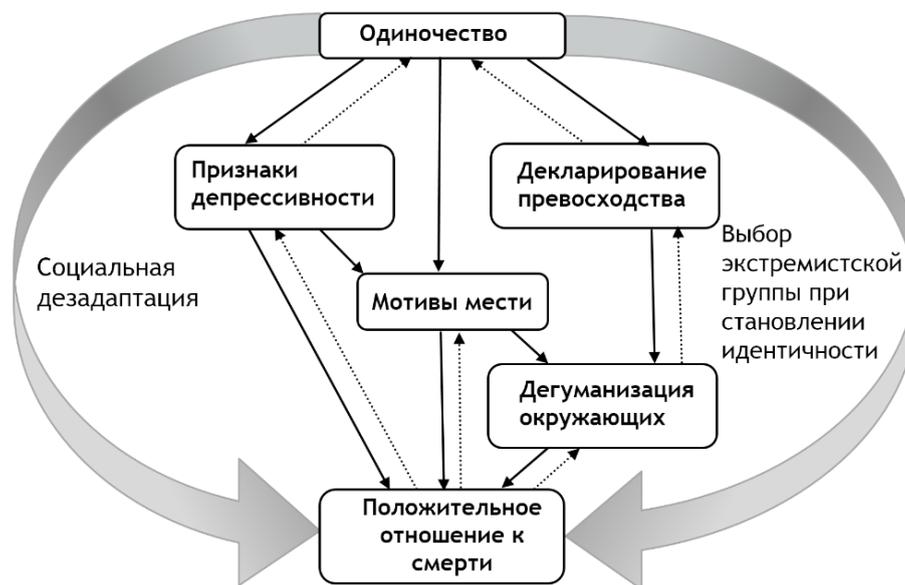

Рис. 1. Гипотетическая модель радикализации

Для эмпирической проверки модели радикализации были выделены факторы Кеттелла, отличающие лиц, склонных к экстремизму.

Критерий Краскелла—Уоллиса показал, что между группами с разным уровнем склонности к экстремизму существуют различия по восьми факторам Кеттелла из шестнадцати (p -level < 0,05). Применение коэффициента корреляции Спирмена выявило практически аналогичный паттерн факторов Кеттелла (табл. 2). Единственным отличием стала корреляция

склонности к экстремизму с фактором MD– (Низкая самооценка), который, по нашим данным, распространен во всех рассматриваемых юношеских группах, вне зависимости от наличия склонности к экстремизму.

Таблица 2

Факторы Кеттелла, сопутствующие радикализации личности и их систематизация относительно компонентов структуры склонности к экстремизму

Фактор	Q ₂₊	A–	L+	MD–	C–	O+	Q _{3–}	G–	Q ₄₊
Медиана	5/7/8	4/3/3	7/8/8	4/4/4	5/2/1	5/8/8	6/5/4	6/5/4	3/6/6
Критерий Краскела—Уоллиса, H	18,89	19,81	15,78	-	25,88	7,78	8,22	7,81	19,74
Коэфф. корр. Спирмена, R	0,45	–0,42	0,42	–0,47	–0,57	0,38	–0,42	–0,44	0,39
Компоненты склонности к экстремизму	Одиночество			Признаки депрессивности					
	Декларирование превосходства								
	Мотивы мести								
	Дегуманизация окружающих								
	Положительное отношение к смерти								

В табл. 2 приведены факторы Кеттелла: их медианные значения (в стенах), значения критерия Краскела—Уоллиса и коэффициента корреляции Спирмена, а также их соотнесение с компонентами склонности к экстремизму.

В табл. 2 полюс фактора Кеттелла указан для лиц с выраженной склонностью к экстремизму, при этом медианные значения приводятся в порядке возрастания риска радикализации: группа без склонности к экстремизму / с наличием склонности к экстремизму / с выраженной склонностью к экстремизму. Рассмотрим значения факторов Кеттелла, коррелирующие с повышением склонности к экстремизму.

Фактор Q₂₊ (Нонконформизм) интерпретируется как независимость и предпочтение собственных решений. Фактор A– (Замкнутость) связан с излишней строгостью в оценке других, скрытностью, склонностью к одиночеству. Фактор L+ (Подозрительность) связан с настороженностью по отношению к другим, склонностью к ревности, стремлением возложить вину за ошибки на окружающих, может проявляться в автономности и независимости. Фактор MD– (Низкая самооценка) проявляется в критичности по отношению к себе и недовольстве собой. Фактор C– (Эмоциональная нестабильность) характеризует низкую устойчивость к неприятностям в общении, раздражительность, утомляемость. Фактор O+ (Тревожность) включает также недовольство собой, депрессивность. Фактор Q_{3–} (Низкий самоконтроль) отражает внутреннюю конфликтность представлений о себе, может проявляться в нежелании следовать социальным требованиям. Фактор G– (Низкая нормативность) связан с избеганием социальных требований и норм, беспринципностью и возможным антисоциальным поведением. Фактор Q₄₊ (Напряженность) характеризует взвинченность, фрустрированность [16].

Полученные корреляции означают, что с ростом склонности к экстремизму возрастают подозрительность, замкнутость и отчужденность, недовольство собой и признаки депрессивности, увеличивается обидчивость и конфликтность, снижается нормативность поведения. Более детальное описание медианных значений и анализ различий среди трех групп приво-

дится в нашей публикации [33]. В настоящей статье полученные данные и их интерпретация рассматриваются с позиций эмпирической проверки предлагаемой модели радикализации. С этой целью мы систематизируем интерпретации факторов Кеттелла, коррелирующих со склонностью к экстремизму, с критериями экстремистских тенденций, а также осуществим попытку воссоздать механизм радикализации на основе эмпирических данных.

Обсуждение результатов

Как видно из табл. 2, признаки склонности к экстремизму отличаются по своему составу, и следует исходить из того, что каждый предыдущий этап создает базу для дальнейшего развития, приводя к появлению психических новообразований [8]. Проследим предполагаемые этапы радикализации.

1. *Одиночество* — включает независимость и нонконформизм (Q2+), недоверчивость, склонность держаться обособленно (A–), подозрительность, настороженность по отношению к людям, сложность в установлении контактов (L+). Вероятно, подозрительность, замкнутость и отчужденность приводят к проблемам в общении, а впоследствии — к одиночеству и социальной изоляции.

2. *Признаки депрессивности* — проявляются в тревожности, депрессивности (O+), низкой самооценке и излишней критичности по отношению к себе (O+, MD–), ранимости и низкой толерантности к фрустрации (O+, C–). Эмоциональная неустойчивость, уязвимость перед неудачами, мрачные раздумья о себе и своем будущем поддерживают сниженное настроение.

3. *Декларирование превосходства* — проявляется на фоне недовольства собой (MD–) при высокой критичности, излишней строгости в оценке людей (A–), эгоцентричности, раздражительности, обвинении других (L+), готовности отгородиться от окружения, демонстрируя автономность и независимость, желания доминировать в группе (Q2+). Нарушение отношения к самому себе и отношений с другими может приводить к компенсаторному самовозвеличиванию, когда личность стремится акцентировать внимание на чужих недостатках, отвлекаясь от переживания своих неудач. Можно предположить, что на этом этапе повышается восприимчивость к материалам экстремистского содержания, оправдывающих превосходство по какому-либо признаку, в поведении вероятно вербальная агрессия.

4. *Мотивы мести* — могут основываться на таких характеристиках, как эгоцентричность, склонность к ревности, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих (L+), сниженная самооценка (MD–), скрытность, ригидность (A–), неготовность к эмоциональной регуляции и подверженность настроению (C–, O+, Q3–), потворство своим желаниям (Q3–, G–), отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами (G–). Широкий круг вызывающих фрустрацию ситуаций из-за низкой эмоциональной устойчивости приводит к накоплению негативного опыта, который оборачивается обидами вследствие склонности винить окружающих. Ригидность мышления и депрессивность обеспечивают длительное переживание неудач, мысленное возвращение к неприятным ситуациям и поддерживают обиду. При индифферентном отношении к нормам морали, желание отомстить может обеспечить высокую восприимчивость к материалам экстремистского содержания.

5. *Дегуманизация окружающих* — базируется на склонности противопоставлять себя группе (L+, Q2+), отчужденности (A–), неадекватно низкой самооценке (O+, MD–), депрессивности (O+), эмоциональной неустойчивости и раздражительности (C–), неумении контролировать свои эмоции и поведение, потворстве своим желаниям (G–, Q3–), свободе от влияния социальных норм (G–). Дегуманизация служит объяснением длительного психического напряжения, одиночества и психологического неблагополучия, подкрепляет представления о

собственном превосходстве и позволяет окончательно отделиться от других людей. На этом этапе личность имеет наивысшую восприимчивость к экстремистскому контенту, поскольку производит его самостоятельно.

6. *Положительное отношение к смерти* – соотносится с такими индивидуально-психологическими характеристиками, как отчужденность и автономность (A–, L+), противопоставление себя группе и желание в ней доминировать (Q2+), импульсивность, неумение контролировать свои эмоции и поведение (C–, G–, Q3), беспринципность и склонность к асоциальному поведению (G–), готовность действовать (Q4+), неуверенность в себе (MD–) и чувствительность к одобрению (O+). При радикализации личности стремление заслужить одобрение переносится на идеальную группу (скулшутеры, массовые убийцы, их последователи и сторонники). Положительное и одобрительное отношение к смерти (своей и чужой) становится итогом предыдущих новообразований; на этом этапе происходит проявление склонности к экстремизму в деятельности, что сказывается на круге интересов, предпочтений информационных материалов и увлечениях.

Итак, в нашей гипотетической модели радикализации Одиночество и Признаки депрессивности опосредованы индивидуально-психологическими характеристиками личности, которые являются основой социально-психологической дезадаптации личности по вектору радикализации. Действительно, нарастание одиночества и опыта негативного социального взаимодействия усугубляют радикализацию личности [35; 39; 47], которая начинает проявлять интерес к радикальному онлайн-контенту и может быть вовлечена в экстремистские группы [47]. Связь одиночества с признаками депрессивности изучена достаточно широко [37; 40; 43; 44], есть данные о связи социальной изоляции с декларированием превосходства [41] и мотивами мести [34; 51].

Согласно гипотетической модели, наличие мотивов мести и стремление декларировать превосходство при радикализации личности проявляются в склонности к обезчеловечиванию людей, что относительно легко приводит к идее отказа другим в праве на жизнь. Согласно Т.П. Мильчарек и Н.А. Мильчарек, одним из признаков скулшутера является непонимание значимости всего живого [21]. Это может объясняться как стремление обрести всемогущий контроль над объектом путем его убийства, что воплощается в идентификации со смертью и идеализации смерти [46]. Так, наличие в сознании депрессивных настроений, желания отомстить, склонности к дегуманизации воплощаются в деятельности в поиске информации по темам насилия и убийства, оружия, в оправдании и героизации экстремистов, убийц и террористов (выбор экстремистской группы при становлении идентичности). Как отмечают J.R. Meloy и J. Yakeley, интерес к насилию и смерти связан со спецификой идентификации у личности, склонной к экстремизму, и проявляется в чувстве привязанности и восхищения по отношению к скулшутерам, одиночным террористам, массовым убийцам [46]. Вероятно, положительное отношение к смерти отличает наиболее радикализованную личность с выраженной склонностью к экстремизму. Это может означать, что данный критерий специфичен для групп лиц, готовых совершить экстремистское насилие с последующим суицидом (попыткой суицида), а значит, практически не представлен в популяции. Действительно, расчеты при разработке автоматического скрининга соцсетей показали, что темы «убийства» и «оружия» наиболее точно соответствуют потенциальному стрелку [48].

Связь таких критериев, как Одиночество, Признаки депрессивности и Положительное отношение к смерти, отмечают Л.Б. Шнейдер и Н.В. Сургучева. Авторы описывают наложение социальной дезадаптации и конфликта (внешнего или внутреннего) из-за прохождения возрастных и экзистенциальных кризисов, когда мучительные переживания и чувство беспер-

спективности являются критической точкой для возникновения суицидальной фазы. Разочарование, отвержение и обесценивание реалий бытия сменяет танатос-центрация, переходящая впоследствии в танатос-влечение. На этих этапах происходит зарождение и развитие суицидальных намерений, которые впоследствии могут инициировать реальные действия, направленные на самоуничтожение [31].

Предложенная модель радикализации предполагает следующий прогноз. Уже на этапе декларирования превосходства личность со склонностью к экстремизму способна самостоятельно производить экстремистские идеи и высказывания, а также находить экстремистские материалы в Интернете, затем активно вовлекаться в соответствующие онлайн-группировки и даже организовывать их, в процессе чего будет происходить саморадикализация онлайн. Этот сценарий соответствует теоретическим воззрениям Л.В. Шабанова и Е.В. Мороденко на экстремизм как на форму *выбранной* социальной дезадаптации, при которой движущей силой процесса десоциализации является реализация собственных смысловых установок личности, ее самоопределение [30]. С точки зрения правовой психологии, в этом случае происходит индивидуальная криминализация, описывающая самововлечение, самодетерминацию индивида в криминальную деятельность, которая затем осуществляется автономно, без воздействия преступной группы [25]. Таким образом, радикализация личности несет высокие риски для личности и общества, однако этот процесс предполагает возможности своевременного выявления и психологической коррекции.

Ограничения данного исследования включают особенности скрининг-метода, который на данном этапе разработки не позволяет оценить удельный вес отдельных компонентов структуры склонности к экстремизму. Несмотря на полученные теоретические и эмпирические свидетельства, наша позиция относительно того, как именно происходит становление склонности к экстремизму, остается гипотетической и дискуссионной, что требует дальнейших исследований.

Выводы

На основе анализа кейса представлена структура склонности к экстремизму, обоснована гипотетическая модель радикализации. По результатам эмпирического исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, отсутствие противоречий между полученными данными и содержанием склонности к экстремизму подтверждает наши представления о ее структуре. Структура склонности к экстремизму включает следующие критерии: Одиночество, Признаки депрессивности и Декларирование превосходства, Мотивы мести, Дегуманизация окружающих, Положительное отношение к смерти.

Во-вторых, можно выдвинуть предположение, что замкнутость и отчужденность, недовольство собой, признаки депрессивности, подозрительность, незрелость личности, конфликтность, низкая нормативность, готовность действовать составляют устойчивый паттерн, который характеризует лиц, склонных к экстремизму.

В-третьих, модель развития склонности к экстремизму нашла эмпирические подтверждения и позволяет предположить в основе психологического механизма радикализации процесс социальной дезадаптации — вывод, значимый для разработки программ психологической помощи, направленных на предотвращение радикализации личности.

Литература

1. Байков А. Буллинг и колумбайн. Несправедливость — источник российского насилия [Электронный ресурс] // Новая газета. 22.10.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/21/78284-bulling-i-kolumbaun> (дата обращения: 03.04.2022).
2. Боброва И., Копылов С. Секретная переписка «керченского стрелка»: «Какие у тебя планы?» — «Умереть» [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 5.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/05/> (дата обращения: 01.08.2023).
3. Бовин Б.Г., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Бовина И.Б. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2023. Том 17. № 1 (61). С. 89–97. doi:10.46741/2686-9764.2023.61.1.010
4. Был нелюдимым и ходил со штык-ножом: Однокурсники охарактеризовали предполагаемого убийцу 19 человек в Керчи [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 17.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26895/3940454/> (дата обращения: 01.08.2023).
5. Взрыв в колледже в Керчи. Как это было [Электронный ресурс] // РБК. 17.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/textonlines/17/10/2018/5bc70a119a7947412a76abe9> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Восстановлена картина бойни в керченском колледже [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 17.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/17/source/> (дата обращения: 10.10.2023).
7. Вскрылись важные подробности того, чем Росляков занимался дома [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 18.10.2018. URL: <https://topwar.ru/148569-vskrylis-vazhnyepodrobnosti-togo-chem-rosljakov-zanimalsja-doma.html> (дата обращения: 01.08.2023).
8. Выготский Л.С. Основы дефектологии. М.: Педагогика. 1983. 368 с.
9. Где керченский стрелок взял деньги на оружие [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 20.10.2018. URL: <https://www.kpsport.ru/daily/26897.7/3941617/> (дата обращения: 01.08.2023).
10. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215
12. Друг студента, устроившего теракт в колледже: «Он играл в компьютерные игры, где нужно расстреливать школу» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 17.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896.4/3940460/> (дата обращения: 01.08.2023).
13. Жизнь керченского стрелка: отец угрожал соседям саблями, мать бедствовала [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 18.10.2018. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/10/18/zhizn-kerchenskogo-strelka-otec-ugrozhsosedyam-sabley-mat-bedstvovala.html> (дата обращения: 01.08.2023).
14. Источник рассказал о подготовке керченского стрелка к преступлению [Электронный ресурс] // РИА Новости. 20.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181020/1531114891.html> (дата обращения: 01.08.2023).
15. Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Садон Е.В., Эльзесер А.С. Психологическая диагностика и профилактика экстремистских тенденций в образовательной среде: Учебно-методическое пособие. Ульяновск: Зебра, 2021. 89 с.
16. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб: Речь, 2001. 112 с.

17. Капустина Т.В., Эльзесер А.С. Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму у школьников и студентов. Ульяновск: Зебра, 2022. 52 с.
18. Керченский стрелок был «тихий и спокойный», сообщил его однокурсник [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531023041.html> (дата обращения: 01.08.2023).
19. Кожедуб А. «Мы не знаем до конца, что произошло» [Электронный ресурс] // Новая газета. 19.10.2018. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/18/78248-my-ne-znaem-do-kontsa-chto-proizoshlo> (дата обращения: 01.08.2023).
20. «Круто было бы устроить бойню»: керченский стрелок рассказывал друзьям о своих планах атаки на колледж [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896/3940895/> (дата обращения: 01.08.2023).
21. Мильчарек Т.П., Мильчарек Н.А. Психологическая диагностика экстремизма, терроризма и скулшутинга. Омск: ОмГТУ, 2021. 236 с.
22. Отец одноклассника керченского стрелка: Не нужно делать из Рослякова жертву, никто в колледже над ним не издевался [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943454/> (дата обращения: 01.08.2023).
23. «Поддерживал нацистов Украины, играл в стрелялки и хотел быть похожим на Курта Кобейна»: что постил керченский стрелок у себя в соцсетях [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 25.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943645/> (дата обращения: 01.08.2023).
24. Подруга керченского стрелка: «Влад показал ружье и сказал, что хочет устроить Колумбайн. А я не поверила» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 27.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26900.7/3944888/> (дата обращения: 01.08.2023).
25. Романова Н.М. Генезис вовлечения личности в криминальную деятельность [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Том 14. № 3. С. 92–97. doi:10.18500/1819-7671-2014-14-3-92-97
26. Священник храма, возле которого напали на колледж: «Одноклассники говорят, что у него был куратор» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 19.10.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26896/3941098/> (дата обращения: 01.08.2023).
27. Следователи выяснили, что у керченского стрелка не было друзей [Электронный ресурс] // РИА Новости. 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531028119.html> (дата обращения: 01.08.2023).
28. Специалист составил психологический портрет убийцы из Керчи [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2.11.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181102/1531989989.html> (дата обращения: 01.08.2023).
29. «Убийцей не рождаются, им становятся» [Электронный ресурс] // Вести образования. 19.10.2018. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/10/19/analytics/4976-ubiytsey_ne_rozhdayutsya_im_stanovyatsya (дата обращения: 10.10.2023).
30. Шабанов Л.В., Мороденко Е.В. Динамика изменений личности студента в процессе социальной адаптации к новым условиям жизни. Прокопьевск: КузГТУ, 2015. 195 с.
31. Шнейдер Л.Б., Сургучева Н.В. Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 189–214. doi:10.17759/psyclin.2019080112
32. Эксперты изучают ноутбук керченского убийцы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 22.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181022/1531173015.html?inj=1> (дата обращения: 01.08.2023).

33. Эльзесер А.С., Капустина Т.В., Кадыров П.В. Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2023. Том 44. № 3. С. 36–48. doi:10.31857/S020595920026155-6
34. Barcaccia B., Hartstone J.M., Pallini S., Petrocchi N., Salianni A.M., Medvedev O.N. Mindfulness, Social Safeness and Self-Reassurance as Protective Factors and Self-Criticism and Revenge as Risk Factors for Depression and Anxiety Symptoms in Youth // *Mindfulness*. 2022. Vol. 13. P. 674–684. doi:10.1007/s12671-021-01824-0
35. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4(4). doi:10.5038/1944-0472.4.4.1
36. Ellis A. *Anger. How to live with and without it*. New York: Citadel Press Books, 2003. 208 p.
37. Hämmig O. Correction: Health risks associated with social isolation in general and in young, middle and old age // *PLOS One*. 2019. Vol. 14(8). doi:10.1371/journal.pone.0222124
38. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // *Adolescent Research Review*. 2020. Vol. 5. doi:10.1007/s40894-019-00108-y
39. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 43. P. 312–316. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.013
40. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2020. Vol. 39(8). P. 641–674. doi:10.1521/jscp.2020.39.8.641
41. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32(2). P. 235–268. doi:10.1080/10463283.2020.1827628
42. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case) // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10(12). doi:10.3390/socsci10120477
43. Lee C.M., Cadigan J.M., Rhew I.C. Increases in Loneliness Among Young Adults During the COVID-19 Pandemic and Association with Increases in Mental Health Problems // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 67(5). P. 714–717. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.08.009
44. Matthews T., Caspi A., Danese A., Fisher H., Moffitt T., Arseneault L. A longitudinal twin study of victimization and loneliness from childhood to young adulthood // *Development and Psychopathology*. 2022. Vol. 34(1). P. 367–377. doi:10.1017/S0954579420001005
45. McCauley C., Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26(1). P. 4–24. doi:10.1080/09546553.2014.849916
46. Meloy J.R., Yakeley J. The Violent True Believer as a “Lone Wolf” — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. Vol. 32(3). P. 347–365. doi:10.1002/bsl.2109
47. Mitts T. From Isolation to Radicalization: Anti-Muslim Hostility and Support for ISIS in the West // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 113(1). P. 1–22. doi:10.1017/s0003055418000618
48. Neuman Y., Lev-Ran Y., Erez E.Sh. Screening for potential school shooters through the weight of evidence // *Heliyon*. 2020. Vol. 6(10). doi:10.1016/j.heliyon.2020.e05066
49. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. Vol. 61(5). P. 642–651. doi:10.1111/sjop.12636

50. Saucier G., Akers L.G., Shen-Miller S., Knežević G., Stankov L. Patterns of Thinking in Militant Extremism // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. Vol. 4(3). P. 256–271. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01123.x
51. Silva Rebelo M.J. da, Fernánde M., Meneses-Falcón C. Chewing Revenge or Becoming Socially Desirable? Anger Rumination in Refugees and Immigrants Experiencing Racial Hostility: Latin-Americans in Spain // *Behavioral Sciences*. 2022. Vol. 12(6). doi:10.3390/bs12060180
52. Stankov L. From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175(5). doi:10.1016/j.paid.2021.110733

References

1. Baikov A. Bulling i kolumbain. Nespravedlivost' — istochnik rossiiskogo nasiliya [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*, 22.10.2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/21/78284-bulling-i-kolumbayn> (Accessed 03.04.2022). (In Russ.).
2. Bobrova I., Kopylov S. Sekret'naya perepiska “kerchenskogo strelka”: “Kakie u tebya plany?” — “Umeret” [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii komsomolets = Moskovskii Komsomolets*, 5.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/05/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
3. Bovin B.G., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Bovina I.B. K probleme otsenki riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede [Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment] [Elektronnyi resurs]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023. Vol. 17, no. 1 (61), pp. 89–97. doi:10.46741/2686-9764.2023.61.1.010 (In Russ.).
4. Byl nelyudimym i khodil so shtyk-nozhom: Odnokursniki okharakterizovali predpolagaemogo ubiitsu 19 chelovek v Kerchi [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 17.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26895/3940454/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
5. Vzryv v kolledzhe v Kerchi. Kak eto bylo [Elektronnyi resurs]. *RBK = RBK*, 17.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/textonlines/17/10/2018/5bc70a119a7947412a76a6e9> (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
6. Vosstanovlena kartina boini v kerchenskom kolledzhe [Elektronnyi resurs]. *Lenta.ru*, 17.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/17/source/> (Accessed 10.10.2023).
7. Vskrylis' vazhnye podrobnosti togo, chem Roslyakov zanimal'sya doma [Revealed important details of what Roslyakov did at home] [Elektronnyi resurs]. *Voennoe obozrenie = Military Review*, 18.10.2018. URL: <https://topwar.ru/148569-vskrylis-vazhnye-podrobnosti-togo-chem-roslyakov-zanimal'sya-doma.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
8. Vygot'skiy L.S. Osnovy defektologii. Moscow: Pedagogika. 1983. 368 p. (In Russ.).
9. Gde kerchenskii strelok vzyal den'gi na oruzhie [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 20.10.2018. URL: <https://www.kpsport.ru/daily/26897.7/3941617/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
10. Edinyi federal'nyi spisok organizatsii, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsii, priznannykh v sootvetstvi s zakonodatel'stvom Rossiiskoi Federatsii terroristicheskimi [Elektronnyi resurs]. *Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii*. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
11. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).

12. Drug studenta, ustroivshego terakt v kolledzhe: “On igral v komp’yuternye igry, gde nuzhno rasstrelivat’ shkolu” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 17.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896.4/3940460/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
13. Zhizn’ kerchenskogo strelka: otets ugrozhal sosedyam sablei, mat’ bedstvovala [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii komsomolets = Moskovskii Komsomolets*, 18.10.2018. URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/10/18/zhizn-kerchenskogo-strelka-otec-ugrozhalsosedyam-sabley-mat-bedstvovala.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
14. Istochnik rasskazal o podgotovke kerchenskogo strelka k prestupleniyu [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 20.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181020/1531114891.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
15. Kadyrov R.V., Kapustina T.V., Sadon E.V., Elzesser A.S. Psikhologicheskaya diagnostika i profilaktika ekstremistskikh tendentsii v obrazovatel’noi srede: Uchebno-metodicheskoe posobie. Ulyanovsk: Zebra, 2021. 89 p. (In Russ.).
16. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella. Saint Petersburg: Rech’, 2001. 112 p. (In Russ.).
17. Kapustina T.V., Elzesser A.S. Skringing-metod dlya diagnostiki sklonnosti k ekstremizmu u shkol’nikov i studentov. Ulyanovsk: Zebra, 2022. 52 p. (In Russ.).
18. Kerchenskii strelok byl “tikhii i spokoinyi”, soobshchil ego odnokursnik [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531023041.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
19. Kozhedub A. “My ne znaem do kontsa, chto proizoshlo” [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta = Novaya Gazeta*, 19.10.2018. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/18/78248-my-ne-znaem-do-kontsa-chto-proizoshlo> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
20. “Kruto bylo by ustroit’ boinyu”: kerchenskii strelok rasskazyval druz’yam o svoikh planakh ataki na kolledzh [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26896/3940895/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
21. Milcharek T.P., Milcharek N.A. Psikhologicheskaya diagnostika ekstremizma, terrorizma i skulshutinga. Omsk: OmGTU Publ., 2021. 236 p. (In Russ.).
22. Otets odnogruppernika kerchenskogo strelka: Ne nuzhno delat’ iz Roslyakova zhertvu, nikto v kolledzhe nad nim ne izdevalsya [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 18.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943454/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
23. “Podderzhival natsistov Ukrainy, igral v strelyalki i khotel byt’ pokhozhim na Kurta Kobeina”: chto postil kerchenskii strelok u sebya v sotssetyakh [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 25.10.2018. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26898/3943645/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
24. Podruga kerchenskogo strelka: “Vlad pokazal ruzh’e i skazal, chto khochet ustroit’ Kolumbain. A ya ne poverila” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol’skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 27.10.2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26900.7/3944888/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
25. Romanova N.M. Genezis вовлечениа личности в криминал’ную деятел’ност’ [Genesis of the involvement of the person in criminal activity] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo univertsiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014. Vol. 14, no. 3, pp. 92–97. doi:10.18500/1819-7671-2014-14-3-92-97 (In Russ.).

26. Svyashchennik khrama, vozle kotorogo napali na kolledzh: “Odnogruppniki govoryat, chto u nego byl curator” [Elektronnyi resurs]. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya Pravda*, 19.10.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26896/3941098/> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
27. Sledovateli vyyasnili, chto u kerchenskogo strelka ne bylo druzei [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 19.10.2018. URL: <https://ria.ru/society/20181019/1531028119.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
28. Spetsialist sostavil psikhologicheskii portret ubiitsy iz Kerchi [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 2.11.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181102/1531989989.html> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
29. “Ubiitsej ne rozhdayutsya, im stanovyatsya” [Elektronnyi resurs]. *Vesti obrazovaniya = Vesti Obrazovaniya*, 19.10.2018. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/10/19/analytics/4976-ubiitsey_ne_rozhdayutsya_im_stanovyatsya (Accessed 10.10.2023). (In Russ.).
30. Shabanov L.V., Morodenko E.V. Dinamika izmenenii lichnosti studenta v protsesse sotsial'noi adaptatsii k novym usloviyam zhizni. Prokopyevsk: KuzGTU Publ., 2015. 195 p. (In Russ.).
31. Shneyder L.B., Surgucheva N.V. Ego-vospriyatie i tanatos-tsentratsiya kak istochniki suitsida v podrostkovom vozraste [Ego-Perception and Thanatos-Centration as Sources of Suicide in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 189–214. doi:10.17759/psyclin.2019080112 (In Russ.).
32. Eksperty izuchayut noutbuk kerchenskogo ubiitsy [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti = RIA Novosti*, 22.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181022/1531173015.html?inj=1> (Accessed 01.08.2023). (In Russ.).
33. Elzesser A.S., Kapustina T.V., Kadyrov R.V. Sklonnost' k ekstremizmu v kontekste sotsial'no-psikhologicheskoi dezadaptatsii lichnosti [Propensity to Extremism in the Context of Socio-Psychological Maladjustment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 36–48. doi:10.31857/S020595920026155-6 (In Russ.).
34. Barcaccia B., Hartstone J.M., Pallini S., Petrocchi N., Saliani A.M., Medvedev O.N. Mindfulness, Social Safeness and Self-Reassurance as Protective Factors and Self-Criticism and Revenge as Risk Factors for Depression and Anxiety Symptoms in Youth. *Mindfulness*, 2022. Vol. 13, pp. 674–684. doi:10.1007/s12671-021-01824-0
35. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011. Vol. 4, no. 4. doi:10.5038/1944-0472.4.4.1
36. Ellis A. Anger. How to live with and without it. New York: Citadel Press Books, 2003. 208 p.
37. Hämmig O. Correction: Health risks associated with social isolation in general and in young, middle and old age. *PLOS One*, 2019. Vol. 14, no. 8. doi:10.1371/journal.pone.0222124
38. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 2020. Vol. 5. doi:10.1007/s40894-019-00108-y
39. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 43, pp. 312–316. doi:10.1016/j.copsyc.2021.08.013
40. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2020. Vol. 39, no. 8, pp. 641–674. doi:10.1521/jscp.2020.39.8.641
41. Hogg M. A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2021. Vol. 32, no. 2, pp. 235–268. doi:10.1080/10463283.2020.1827628
42. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case). *Social Sciences*, 2021. Vol. 10, no. 12. doi:10.3390/socsci10120477

43. Lee C.M., Cadigan J.M., Rhew I.C. Increases in Loneliness Among Young Adults During the COVID-19 Pandemic and Association with Increases in Mental Health Problems. *Journal of Adolescent Health*, 2020. Vol. 67, no. 5, pp. 714–717. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.08.009
44. Matthews T., Caspi A., Danese A., Fisher H., Moffitt T., Arseneault L. A longitudinal twin study of victimization and loneliness from childhood to young adulthood. *Development and Psychopathology*, 2022. Vol. 34, no. 1, pp. 367–377. doi:10.1017/S0954579420001005
45. McCauley C., Moskalkenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*, 2014. Vol. 26, no. 1, pp. 4–24. doi:10.1080/09546553.2014.849916
46. Meloy J.R., Yakeley J. The Violent True Believer as a “Lone Wolf” — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. *Behavioral Sciences and the Law*, 2014. Vol. 32, no. 3, pp. 347–365. doi:10.1002/bsl.2109
47. Mitts T. From Isolation to Radicalization: Anti-Muslim Hostility and Support for ISIS in the West. *American Political Science Review*, 2018. Vol. 113, no. 1, pp. 1–22. doi:10.1017/s0003055418000618
48. Neuman Y., Lev-Ran Y., Erez E.Sh. Screening for potential school shooters through the weight of evidence. *Heliyon*, 2020. Vol. 6, no. 10. doi:10.1016/j.heliyon.2020.e05066
49. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020. Vol. 61, no. 5, pp. 642–651. doi:10.1111/sjop.12636
50. Saucier G., Akers L.G., Shen-Miller S., Knežević G., Stankov L. Patterns of Thinking in Militant Extremism. *Perspectives on Psychological Science*, 2009. Vol. 4, no. 3, pp. 256–271. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01123.x
51. Silva Rebelo M.J. da, Fernánde M., Meneses-Falcón C. Chewing Revenge or Becoming Socially Desirable? Anger Rumination in Refugees and Immigrants Experiencing Racial Hostility: Latin-Americans in Spain. *Behavioral Sciences*, 2022. Vol. 12, no. 6. doi:10.3390/bs12060180
52. Stankov L. From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism. *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175, no. 5. doi:10.1016/j.paid.2021.110733

Информация об авторах

Эльзесер Анастасия Сергеевна, преподаватель, кафедра общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России (ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Elzesser, Lecturer, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Получена 27.08.2023
Принята в печать 30.12.2023

Received 27.08.2023
Accepted 30.12.2023

Эмоциональный интеллект и эмпатия в саморегуляции деятельности сотрудников органов внутренних дел

Гончарова Н.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Жидкова О.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, e-mail: olgingi@yandex.ru

В статье обсуждаются особенности эмоционального интеллекта, эмпатии и саморегуляции у сотрудников органов внутренних дел. Цель исследования состояла в определении гендерных и возрастных особенностей данных явлений, структуры их взаимосвязей и влияний. Выборка была представлена сотрудниками полиции Санкт-Петербурга и Ленинградской области общим количеством респондентов 156 человек (мужчины: $n = 89$; женщины: $n = 67$). Методы: «Опросник эмоционального интеллекта “ЭМИн”» Д.В. Люсина, «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко. В результате исследования установлен значимо высокий уровень (при $p \leq 0,05$) эмоционального интеллекта у представителей мужской выборки по сравнению с женской, преимущество эмпатических способностей в женской выборке, более высокий уровень эмпатии у представителей младшей группы мужской выборки (18—20 лет). Выявлены особенности взаимосвязей эмоционального интеллекта и эмпатии, обсуждена их роль в эмоциональной саморегуляции. Корреляции, отражающие возможности сознательного эмоционального самоуправления, позволяют прогнозировать стабильность саморегуляции у представителей женской выборки в зависимости от внутренних аспектов, и регуляцию чужих эмоций в зависимости от коммуникативных внешних факторов у представителей группы мужской выборки.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, саморегуляция, сотрудники органов внутренних дел, эмоциональные компетенции, гендерные различия, профессиональная деятельность.

Для цитаты: Гончарова Н.А., Жидкова О.А. Эмоциональный интеллект и эмпатия в саморегуляции деятельности сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 107–120. DOI: [10.17759/psylaw.2024140107](https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140107)

Emotional Intelligence and Empathy in the Self-Regulation of the Activities of Law Enforcement Officers

Natalia A. Goncharova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Olga A. Zhidkova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, e-mail: olgingi@yandex.ru

The article discusses the features of emotional intelligence, empathy and the self-regulation of law enforcement officers. The purpose of the study was to determine the gender and age characteristics of these phenomena, the structure of their relationships and influences. The sample was represented by police officers of St. Petersburg and the Leningrad Region with a total of 156 respondents, men: $n=89$, women: $n=67$. Methods: the “EmIn” questionnaire of emotional intelligence of D.V. Lyusin, the V.V. Boyko method for diagnosing the level of empathic abilities. As a result of the study, a significantly high level (at $p \leq 0.05$) of emotional intelligence of the representatives of the male sample compared to the female sample was established, the advantage of empathic abilities in the female sample, a higher level of empathy in the younger group of the male sample (18-20 years old). The features of the relationship between emotional intelligence and empathy are revealed, their role in emotional self-regulation is discussed. Correlations reflecting the possibilities of conscious emotional self-management make it possible to predict the stability of self-regulation of the representatives of the female sample, depending on internal aspects, and the regulation of other people’s emotions, depending on the communicative external factors of the representatives of the male sample group.

Keywords: emotional intelligence, empathy, self-regulation, law enforcement officers, emotional competencies, gender differences, professional activity.

For citation: Goncharova N.A., Zhidkova O.A. Emotional Intelligence and Empathy in the Self-Regulation of the Activities of Law Enforcement Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 107–120. DOI:10.17759/psylaw.2024140107 (In Russ.).

Введение

Актуализация вопросов, связанных с умениями сотрудников органов внутренних дел распознавать собственные эмоции и эмоции других, управлять ими, является неизбежной для обеспечения эффективности правоохранительной деятельности, в силу специфических особенностей профессии, регулярности конфликтного социального взаимодействия, высокой степени эмоциональной напряженности, требующей эмоционально-волевой саморегуляции. Множество противоречий, возникающих в деятельности сотрудников органов внутренних дел, детерминируются не столько когнитивными факторами, сколько явлениями эмоционального содержания, энергетический потенциал которых оказывает наибольшее давление на психику субъектов правоохранительной сферы. Данные положения отмечаются в качестве наиболее значимых для деятельности правоохранительных органов, как в отечественных, так и в зарубежных научных источниках [1; 2; 12; 13; 22; 24].

В структуре эмоционального интеллекта, предложенной в модели Д. Гоулмана, эмпатия занимает одну из ведущих позиций, наряду с саморегуляцией, и предполагает наличие навыков понимания чувств других людей, действий, направленных на удовлетворение их потребностей, проявление инициативы во благо других, что, по сути, является синонимом конструкта «служение». С точки зрения Д. Гоулмана, эмоциональный интеллект и гуманизм глубоко взаимосвязаны, а «...альtruизм проистекает из эмпатии, способности улавливать и расшифровывать эмоции других людей» [5, с. 11]. Такие способности он называет истинной сущностью человечности.

Саморегуляция в структуре эмоционального интеллекта выступает в качестве сознательного волевого «метаресурса», в котором соединяются элементы самопонимания, самоуправления, когнитивной оценки и воздействия на собственную эмоциональную и познавательную сферы [7]. Саморегуляция и эмпатия направлены на осознание имеющейся эмоциональной проблемы и сопереживание эмоциональному состоянию других людей. Осознанность в данном случае является значимой характеристикой «эмпатирующей личности», определяющей отражение чувств при взаимодействии, а также идентификацию с партнером.

Современные исследования, проводимые в сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел, показывают, что эмоциональный интеллект и эмпатия стоят в ряду профессионально значимых качеств, обеспечивающих эффективность саморегуляции [4; 8]. Сформированность у сотрудников полиции эмоциональных компетенций может существенно повлиять на повышение уровня доверия общества к деятельности правоохранительных органов. В связи с этим в исследовании Л.А. Проскуряковой отмечается низкий уровень способностей сотрудников полиции к саморегуляции и необходимость их развития [10]. Так, О. Маньи и Н. Тодак (O. Magny, N. Todak), в рамках обзора исследований эмоционального интеллекта в работе полиции, отмечают взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологической готовности к борьбе с преступностью, эффективности деятельности. Эмоциональный интеллект и эмпатия взаимно влияют на регуляцию негативных эмоциональных реакций, повышение производительности при интерактивном взаимодействии, улучшение самочувствия, сохранение стрессоустойчивости у сотрудников [23]. В работах А. Кармели и З. Джосман (A. Carmeli, Z.E. Josman) обсуждаются факторы восприятия и понимания сотрудниками полиции эмоциональной составляющей общения и делается вывод о значимой роли эмоциональных умений в увеличении возможности установления контактов, связях эмоционального интеллекта с проявлениями альтруизма, эмпатии и уступчивости [19]. В исследовании П. Берчер (P. Burcher) установлено, что скоростные параметры эмоционального интеллекта играют немаловажную роль в обеспечении эффективности коммуникаций. И это касается увеличения возможностей обработки эмоций, обмена эмоциональной информацией между индивидами, которые при этом могут быть ценностными антагонистами и незнакомыми друг другу субъектами [18].

Значение умений регуляции эмоциональной сферы и наличия компетенций распознавания эмоций и управления ими обсуждается с позиции адаптации молодых сотрудников, их успешности в социально-служебных отношениях. В данном контексте М. Чапин с соавт. (M. Charin et al.) отмечают роль эмоционального интеллекта в устранении «оперативного стресса», что обеспечивается самоконтролем эмоций, умениями сдерживания негативных эмоций, гнева, отвращения, печали [20]. В соответствии с задачами сохранения боеспособности сотрудников разрабатываются программы обучения эмоциональной саморегуляции, в которых эмпатические способности заботливости и беспристрастности в числе компетенций выступают в качестве значимых при взаимодействии с гражданами. Сочувствие и чуткость,

способность к эмпатии в коммуникации со свидетелями, потерпевшими и правонарушителями, по мнению А. Миллар с соавт. (A. Millar et al.), являются качествами сотрудников, необходимыми для обеспечения доверия к ним [25]. В работах П. Рисан (P. Risan et al.) отмечается, что в следственном интервью (допросе) эмоциональный интеллект и эмпатия, а также регуляция эмоций значимы для получения информации при расследовании [26]. При этом подчеркивается, что отсутствие эмпатии отрицательно влияет на взаимопонимание, поскольку не решает проблем и является препятствием для эффективности психологического контакта.

В обсуждении эмоционального интеллекта, эмпатии и саморегуляции в современных отечественных научных работах в большей степени отражаются вопросы саморегуляции сотрудников органов внутренних дел. Немногочисленные исследования эмоционального интеллекта показывают, что уровень развития этого профессионально значимого качества оказывает влияние на коммуникативные свойства, общий интеллект, профессиональную компетентность [3; 9]. Это подтверждают исследования А.С. Соловьевой, где был установлен более низкий уровень показателей эмоционального интеллекта у действующих сотрудников по сравнению с обучающимися курсантами. Уровень эмоционального интеллекта зависит от накопленного учебного опыта, но не профессионального; а более высокие значения отмечаются в группе курсантов пятого курса по сравнению с группой первого курса. Выявленные в данном исследовании корреляции показывают согласованность возможностей распознавания эмоций и вовлеченности в деятельность, а также связи с признаками жизнестойкости [14, с. 64]. Аналогичные результаты были получены в исследовании З.В. Якимовой, в котором отмечается снижение показателей эмоционального интеллекта у сотрудников после 40 лет и выявлены более низкие показатели эмпатии и эмоционального интеллекта у сотрудников полиции в возрасте 25—36 лет по сравнению с курсантами [15, с. 416]. При этом отмечаются существенные расхождения в значениях показателей почти в два раза, а в целом по выборке значения находятся на границе среднего и низкого уровней, что подчеркивает актуальность исследования проблем эмоционального интеллекта и эмпатии у сотрудников органов внутренних дел. Вопросам гендерных различий показателей эмоционального интеллекта и эмпатии в деятельности сотрудников органов внутренних дел практически не уделяется внимания в научной литературе, но в работе Л. Кристов-Мур с соавт. (Christov-Moore L. et al.) обсуждаются факторы, детерминирующие такие различия. В числе основных указывается влияние социокультурных ожиданий, усвоенных социальных ролей, эволюционных влияний, нейробиологических характеристик мозга, связанных с активностью зеркальных нейронов [21].

Таким образом, в ходе теоретического анализа установлено, что компетенции эмоционального интеллекта, эмпатии и саморегуляции широко востребованы в деятельности сотрудников органов внутренних дел, а их потенциальная значимость определяется возможностями решения широкого спектра задач правоохранительной деятельности.

Методы и методика исследования

Цель исследования состояла в изучении характеристик эмоционального интеллекта и выявлении взаимосвязей с эмпатией, определяющих возможности саморегуляции у сотрудников органов внутренних дел в деятельности. В ходе исследования проверялись гипотезы о существовании возрастных и гендерных различий в проявлениях эмпатии и эмоционального интеллекта, а также наличии влияния эмоционального интеллекта на проявления эмпатии.

В исследовании приняли участие сотрудники полиции г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области общим количеством респондентов 156 человек. Полученные в результате психодиагностического исследования данные анализировались с учетом гендерного признака

(мужчины: $n = 89$; женщины: $n = 67$) и возрастных характеристик: первая возрастная группа — 18—20 лет, вторая возрастная группа — 21—29 лет. Для исследования показателей эмоционального интеллекта был применен психодиагностический инструментарий, позволивший получить информацию об уровне эмоционального интеллекта, эмпатии и саморегуляции: «Опросник эмоционального интеллекта “ЭмИн”» Д.В. Люсина [6], «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко [9, с. 486—490]. Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с использованием SPSS Statistics 23.0.

Результаты и обсуждение

В ходе первого этапа исследования был установлен суммарный показатель эмпатии в обеих группах на уровне «средний». Выявлены достоверные различия между группами мужской и женской выборок в значениях показателей эмпатических способностей. «Эмоциональный» и «Интуитивный канал эмпатии» значимо выше в женской выборке, «Проникающая способность в эмпатии» выше в мужской выборке (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение значений показателей эмпатии в группах мужской и женской выборок («Методика диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко

№	Параметры структуры эмпатии	Мужчины $M \pm \sigma$ ($n = 89$)	Женщины $M \pm \sigma$ ($n = 67$)	$p \leq$	t-критерий
1	Рациональный канал эмпатии	$2,46 \pm 1,25$	$2,48 \pm 1,3$	0,9	-0,082
2	Эмоциональный канал эмпатии	$1,85 \pm 0,19$	$2,61 \pm 1,2$	0,001	-3,482
3	Интуитивный канал эмпатии	$1,98 \pm 0,37$	$2,91 \pm 1,1$	0,001	-4,469
4	Установки, способствующие эмпатии	$3,69 \pm 1,4$	$3,57 \pm 1,2$	0,6	0,540
5	Проникающая способность в эмпатии	$4,34 \pm 1,3$	$3,8 \pm 1,3$	0,01	2,532
6	Идентификация в эмпатии	$3,02 \pm 1,3$	$3,0 \pm 1,2$	0,9	0,035
7	Общий уровень эмпатии	$17,2 \pm 3,25$	$18,4 \pm 4,9$	0,1	-1,548

Представители мужской выборки обладают более высоким уровнем коммуникативных способностей, связанных с проникающими способностями эмпатии, умениями устанавливать психологический контакт и поддерживать его, открыто обсуждать проблемы, преодолевать напряженность.

Представители женской выборки отличаются более высоким уровнем эмоциональной отзывчивости, сочувствия и сопереживания, способностью к прогнозу поведения иных лиц. Они эффективны при взаимодействии, что проявляется в виде энергетического присоединения, понимания внутренних состояний. В данной группе отмечаются преимущество в интуитивных оценках партнеров по общению, устойчивость эмоциональных стереотипов, позволяющих сократить временные интервалы последующих сознательных действий.

В анализе показателей эмоционального интеллекта были установлены различия между значениями в группах мужской и женской выборок практически по всем показателям, в соответствии с которыми отмечаются более высокие значения в группе мужской выборки (табл. 2).

Эмоциональный интеллект мужской группы характеризуется высоким общим уровнем, более высокими значениями межличностного и внутриличностного интеллекта, понимания эмоций, управления ими, контроля эмоциональных проявлений, управления чужими и своими эмоциями. Эмоциональный интеллект женской группы достоверно отличается показателями, соответствующими уровню «средний».

Таблица 2

Сравнение значений показателей эмоционального интеллекта в группах мужской и женской выборок («Опросник эмоционального интеллекта “ЭМИн”» Д.В. Люсина)

№	Шкалы эмоционального интеллекта	Мужчины M ± σ (n = 89)	Женщины M ± σ (n = 67)	p ≤	t-критерий
1	Межличностный интеллект	47,57 ± 7,44	44,99 ± 7,35	0,05	2,162
2	Внутриличностный интеллект	51,78 ± 8,95	44,55 ± 9,13	0,001	4,946
3	Понимание эмоций	48,11 ± 7,5	44,85 ± 7,52	0,01	2,685
4	Управление эмоциями	51,21 ± 8,28	44,69 ± 8,43	0,001	4,836
5	Понимание чужих эмоций	25,84 ± 4,47	24,99 ± 4,18	0,2	1,219
6	Управление чужими эмоциями	21,71 ± 3,78	20,0 ± 3,92	0,01	2,749
7	Понимание своих эмоций	22,27 ± 4,3	19,87 ± 4,59	0,001	3,358
8	Управление своими эмоциями	16,56 ± 3,19	14,3 ± 3,06	0,001	4,469
9	Контроль экспрессии	13,06 ± 3,36	10,55 ± 3,44	0,001	4,562
10	Общий уровень эмоционального интеллекта	99,45 ± 14,78	89,54 ± 14,54	0,001	4,175

На втором этапе исследования производилось сравнение показателей эмпатии и эмоционального интеллекта в различных возрастных группах. В мужской выборке были выявлены достоверные различия между показателями эмпатии возрастных групп (18—20 лет и 21—29 лет) по шкалам «Рациональный канал эмпатии», «Проникающая способность в эмпатии», «Идентификация в эмпатии», «Общий уровень эмпатии». Более высокий уровень эмпатии установлен в младшей возрастной группе 18—20 лет. В женской группе различий в зависимости от возраста не установлено. Достоверных различий между показателями эмоционального интеллекта в зависимости от возраста в группах мужской и женской выборок не установлено.

На третьем этапе исследования были проанализированы статистически значимые корреляции между показателями эмпатии и эмоционального интеллекта в каждой из групп. Сила выявленных корреляционных связей, в соответствии с коэффициентами корреляций, свидетельствует об умеренных связях ($0,30 < |r| < 0,49$) и слабых ($0,20 < |r| < 0,29$). Вместе с тем, учитывая второй тип классификации корреляций, ориентированный на величину их значимости, и рекомендации математической статистики, согласно которым коэффициент корреляции зависит от величины выборки (а именно: чем выборка больше, тем меньшие величины коэффициента корреляции будут получены,) мы находим необходимым обсудить выявленные корреляции с высоким уровнем значимости, так как наша выборка достаточно большая.

В группе женской выборки корреляций выявлено значительно больше. В обеих группах отмечается тенденция обратной взаимосвязи признаков «Эмоциональный канал эмпатии» и «Интуитивный канал эмпатии» практически со всеми показателями эмоционального интеллекта (табл. 3).

В группе мужской выборки положительные, статистически значимые корреляции выявлены между показателем «Рациональный канал эмпатии» и интеллектуальным умением «Управление чужими эмоциями» ($r = 0,201$; $p \leq 0,05$); показателями «Установки, способствующие эмпатии» и «Понимание эмоций» ($r = 0,207$; $p \leq 0,05$); между признаками «Проникающая способность в эмпатии» и «Понимание эмоций» ($r = 0,230$; $p \leq 0,05$). Сила данных корреляций слабая, однако значимость корреляций ($p \leq 0,05$) соответствует статистическим критериям достоверности. Высокой значимости корреляции выявлены между значениями при-

знаков «Управление чужими эмоциями» и «Проникающая способность в эмпатии» ($r = 0,253$; $p \leq 0,01$), умеренной силы корреляции показателя «Управление чужими эмоциями» с признаком «Общий уровень эмпатии» ($r = 0,303$; $p \leq 0,01$). Высокозначимые отрицательные корреляции умеренной силы установлены между показателями эмоционального и интуитивного каналов эмпатии и показателями эмоционального интеллекта.

Таблица 3

Значимые корреляции между показателями эмоционального интеллекта и эмпатии в группах мужской и женской выборок

Показатели эмоционального интеллекта	Группа	Показатели эмпатии (коэффициент корреляции «r»)						
		РК	ЭК	ИК	УЭ	ПСЭ	ИдЭ	ОУЭ
Межличностный интеллект	Муж.							,188*
	Жен.							
Внутриличностный интеллект	Муж.		–,307***	–,333**				
	Жен.		–235*	–,236*	,222*	,230*		
Понимание эмоций	Муж.			–,218*	,207*	,230*		
	Жен.							
Управление эмоциями	Муж.			–,213*				
	Жен.			–,356***	,222*	,265**		
Понимание чужих эмоций	Муж.			–,228**				
	Жен.			–,322***				,205*
Управление чужими эмоциями	Муж.	,201*				,253**		,303**
	Жен.							
Понимание своих эмоций	Муж.					,348**		
	Жен.				,253**			
Управление своими эмоциями	Муж.		–,309***	–,309**				
	Жен.					,265**		
Контроль экспрессии	Муж.		–,298***	–,262**				
	Жен.		–,327***			,237*		–,288**
Общий уровень эмоционального интеллекта	Муж.		–,243**	–,274**				
	Жен.					,238*		

Примечание: РК — рациональный канал эмпатии; ЭК — эмоциональный канал эмпатии; ИК — интуитивный канал эмпатии; УЭ — установки, способствующие эмпатии; ПСЭ — проникающая способность в эмпатии; ИдЭ — идентификация в эмпатии; ОУЭ — общий уровень эмпатии; «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

В группе женской выборки достоверные положительные корреляции установлены между показателями «Проникающая способность в эмпатии» и «Внутренний эмоциональный интеллект» ($r = 0,230$; $p \leq 0,05$), «Управление эмоциями» ($r = 0,265$; $p \leq 0,01$), «Контроль экспрессии» ($r = 0,237$; $p \leq 0,05$), «Общий уровень интеллекта» ($r = 0,238$; $p \leq 0,05$). Корреляции отвечают критерию статистической значимости, несмотря на значения слабой связи.

В обеих группах показатель общего уровня эмпатии коррелирует со значениями эмоционального интеллекта — «Понимание чужих эмоций» ($r = 0,205$; $p \leq 0,05$; $r = 0,303$; $p \leq 0,01$). В мужской выборке установлена очень слабая, но статистически значимая корреляция показателя общего уровня эмпатии с показателями «Межличностный эмоциональный интеллект»

($r = 0,188$; $p \leq 0,05$). В женской группе общий уровень эмоционального интеллекта положительно связан с проникающей эмпатией ($r = 0,238$; $p \leq 0,05$).

Установлено влияние показателей общего уровня эмоционального интеллекта на значения общего показателя эмпатии в группах мужской и женской выборок. При помощи однофакторного дисперсионного анализа в мужской выборке было установлено достоверное влияние при следующих параметрах: $F_{\text{эмп}} = 2542 / F_{\text{кр}} = 3,89$; $p \leq 0,0001$. В группе женской выборки: $F_{\text{эмп}} = 1440 / F_{\text{кр}} = 3,91$; $p \leq 0,0001$; установлено влияние показателя общего уровня эмоционального интеллекта на все значения показателей эмпатии при $F_{\text{эмп}} > F_{\text{кр}}$; $p \leq 0,001$.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов о роли эмоционального интеллекта и эмпатии в саморегуляции сотрудников органов внутренних дел.

Выводы

Уровень эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел соответствует средним и высоким нормативным значениям. Согласно выявленным статистически значимым различиям между показателями мужской и женской выборок, эмоциональный интеллект у представителей мужской группы характеризуется более высоким уровнем имеющихся эмоциональных компетенций, необходимых в обеспечении эффективных межличностных отношений. Проявляются они в комплексе способностей к пониманию чужих и собственных эмоций и эмоциональных состояний, умениях осознавать их детерминацию, отражать вербально, проявлять чуткость к внутренним состояниям других, управлять чужими эмоциями, побуждая к эмоциональным переживаниям или снижая напряжение. В группе женской выборки все перечисленные компетенции, характеризующие эмоциональный интеллект, проявляются в меньшей степени и соответствуют значению «средний уровень».

В структуре эмоционального интеллекта выделяется ряд факторов, характеризующих умения эмоциональной саморегуляции сотрудников, к которым следует отнести управление собственными эмоциями и эмоциональными состояниями, способность контролировать их. На основе полученных результатов показателей эмоционального интеллекта следует отметить более высокий уровень эмоциональной саморегуляции в группе мужской выборки. Сотрудники мужского пола обладают высоким уровнем способностей к осознанию собственных эмоций и управлению эмоциональными состояниями, самоконтролю нежелательных эмоциональных реакций и внешнего выражения эмоций. Показатели женской выборки отличаются более низкими значениями эмоциональной саморегуляции.

В комплексе эмпатических способностей сотрудников высоких значений не установлено, а полученные результаты свидетельствуют о среднем их уровне в обеих гендерных группах. В соответствии с выявленными различиями в женской группе отмечается более высокий уровень эмоционального канала эмпатии, позволяющего осмысленно сопереживать эмоциональным состояниям других, представлять внутренний мир иных лиц, эмоционально подстраиваться к партнерам по взаимодействию и прогнозировать их поведение. Более развит у женщин интуитивный канал эмпатии, способствующий эффективности в информационно ограниченных условиях деятельности, при временных ограничениях, недостатке рациональных объяснений и логических доказательств.

В мужской выборке статистически более высокими являются значения проникающей способности в эмпатии, что характеризует их высокую коммуникативную компетентность, психологическую контактность при помощи установления доверительных отношений, эмоционально-вербальных проявлений, открытости, рациональной оценки.

Выявлены достоверно значимые возрастные различия между общим уровнем эмпатических способностей в мужской выборке. Высокий уровень эмпатии установлен в возрастной группе 18—20 лет по сравнению с группой и 21—29 лет, характеризующий ее представителей в качестве лиц, использующих рациональный канал эмпатии и сознательный интерес к другим, а также как способных логично осмысливать чужие проблемы. Более молодые сотрудники обладают проникающей способностью в эмпатии, что обеспечивает эффективность коммуникаций, они легко идентифицируют эмоции и гибко подражают чужим эмоциональным переживаниям, дают точную оценку состояниям партнеров.

Установленные статистически значимые корреляции эмоционального интеллекта и эмпатии сконцентрированы в пределах эмоционального и интуитивного каналов в эмпатии, где связи — в основном отрицательные и умеренно слабой выраженности коэффициентов. Положительные корреляции в мужской выборке отражают установки на рациональное управление эмоциями в коммуникациях, сдержанность и открытость, понимание эмоций чужих и своих, но при этом самоконтроль эмоциональных проявлений не связан с показателями эмпатии. В женской выборке сильны позиции положительных взаимосвязей внутриличностного интеллекта с эмпатическими установками, коммуникативными явлениями эмпатии, при которых проявляются способности саморегуляции и эмоционального самоуправления. Корреляции, в которых отражены возможности сознательной эмоциональной саморегуляции у представителей женской выборки, имеют прогностическую ценность и показывают влияние внутренних аспектов. В мужской выборке отражены возможности регуляции и управления иными лицами и их состояниями, что связано с проникающей способностью эмпатии и коммуникативных умений.

Полученные в исследовании результаты порождают новые вопросы о преимуществе показателей эмоционального интеллекта у представителей мужской выборки по сравнению с женской. В аналогичном исследовании, проведенном З.В. Якимовой, было установлено обратное: эмоциональный интеллект женщин выше, чем у мужчин [15]. Неопределенность гендерных различий обсуждается и в зарубежных источниках, согласно которым Ю. Брунетто (Brunetto et al.) [17], Л. Локеш (Lokesh L. et al.) [22] выявили более высокие баллы в женских группах, а Бар-Он с соавт. (Bar-On R. et al.) установили различия только по отдельным компонентам (у мужчин выше уровень самоконтроля и самоуправления, а у женщин — навыки межличностной эмпатии), что согласуется с нашими исследованиями [16]. Установленные нами показатели являются фактором влияния условий служебной деятельности на эмоциональный интеллект. Вместе с тем нашли подтверждение результаты о преимуществе эмпатии в женской выборке, о более высоких показателях эмоционального интеллекта у молодых сотрудников. Возможно, установленные нами различия связаны с более высоким уровнем невротизма женской выборки и структурными особенностями мозговой организации, что было ранее установлено в работах Л. Кристов-Мур с соавторами (Christov-Moore L. et al.) [21].

Практическая значимость полученных результатов заключается в обеспечении эффективности расстановки кадров, назначении на должность, перемещении на вышестоящие и руководящие должности, разработки гендерно ориентированных программ развития способностей к саморегуляции у сотрудников органов внутренних дел, обеспечении эффективности системы повышения квалификации.

Заключение

В профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел решение задач надежности, управляемости и морально-психологической устойчивости в ситуациях влияния психотравмирующих факторов во многом определяется способностями личности к эмоционально-волевой саморегуляции, эмпатии и уровнем эмоционального интеллекта. Это требует специфических ресурсов в сфере эмоциональной грамотности и саморегуляции, навыков обработки эмоций и эффективного их применения в решении оперативно-служебных задач. Взаимодействие эмоционального интеллекта и эмпатии обнаруживается в деятельности, при которой когнитивные характеристики эмоционального интеллекта контролируют внутренний мир личности, а эмоциональные обеспечивают связь с внешним миром.

Результаты эмпирического исследования подтвердили выдвинутые гипотезы, согласно которым были установлены возрастные и гендерные различия в проявлениях эмпатии и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел и выявлены взаимосвязи и зависимость эмоционального интеллекта и эмпатии, выполняющие важные функции саморегуляции в деятельности. Выявленные тенденции, согласно которым эмпатические способности молодых сотрудников значимо выше показателей лиц, имеющих профессиональный опыт, указывают на наличие некоторых проблем в реализации эмоциональных компетенций при профессиональном взаимодействии сотрудников. Перспективы дальнейших исследований состоят в определении возрастных моделей взаимодействия эмоционального интеллекта, эмпатии и эмоционально-волевой саморегуляции, анализе зависимости эмоционального интеллекта от параметров невротизма, успешности и достижений в профессиональной деятельности, разработки соответствующих программ подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Бородавко Л.Т., Чимаров Л.Т. Воспитательный аспект поддержания необходимого уровня эмоционального интеллекта: в контексте действия фактора успешности служебной деятельности сотрудника ОВД [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 19–21. doi:10.23672/m2949-5630-1457-s
2. Бочкова М.Н., Шаповал В.А., Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от образования и стажа работы // Организационная психология. 2021. Том 11. № 2. С. 154–168.
3. Гончарова Н.А., Жидкова О.А. Проблемы развития эмоционального интеллекта и эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников полиции на начальном этапе профессионального обучения [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 390–403. doi:10.32744/pse.2021.3.27
4. Гордеева Е.Н. Эмпатия как профессиональное педагогическое качество руководителя в органах внутренних дел [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. 2022. № 4. С. 42–51. doi:10.7256/2454-0692.2022.4.38414
5. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
6. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
7. Никифоров Г.С., Шингаев С.М. Виды психической саморегуляции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Том 5. Психология. 2014. № 1. С. 92–101.

8. *Нилова Л.А., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф.* Значение эмоционального интеллекта в деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* 2017. № 1 (11). С. 63–66.
9. *Падун М.А., Сорокко Е.А.* Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД) [Электронный ресурс] // *Психология и право.* 2019. Том 9. № 4. С. 59–74. doi:10.17759/psylaw.2019090405
10. *Проскуракова Л.А.* Анализ уровня саморегуляции и компонентов эмоционального состояния у сотрудников полиции: результаты практической работы [Электронный ресурс] // *Психология и право.* 2022. Том 12. № 4. С. 83–95. doi:10.17759/psylaw.20221204
11. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика: методики и тесты. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2005. 672 с.
12. *Распопин Е.В.* Эмоциональный интеллект сотрудников органов внутренних дел и методы его изучения // *Правоохранительные органы: теория и практика.* 2022. № 1 (42). С. 107–112.
13. *Рябко Т.В.* Гендерные различия мотивационной сферы, жизнестойкости и эмоционального интеллекта у сотрудников полиции — психологов [Электронный ресурс] // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2017. № 8. С. 85–88. doi:10.24158/spp.2017.8.16
14. *Соловьева А.В.* Эмоциональный интеллект и особенности жизнестойкости личности сотрудника органов внутренних дел [Электронный ресурс] // *Психология и педагогика служебной деятельности.* 2022. № 2. С. 61–65. doi:10.24412/2658-638X-2022-2-61-65
15. *Якимова З.В.* Эмоциональный интеллект в деятельности сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // *Азимут научных исследований: педагогика и психология.* 2020. Том 9. № 4 (33). С. 412–418. doi:10.26140/anip-2020-0904-0091
16. *Bar-On R., Brown J.M., Kirkcaldy B.D., Thome E.P.* Emotional expression and implications for occupational stress; an application of the Emotional Quotient Inventory (EQ-i) // *Personality and Individual Differences.* 2000. Vol. 28(6). P. 1107–1118. doi:10.1016/S0191-8869(99)00160-9
17. *Brunetto Y., Teo S.T., Shacklock K., Farr-Wharton R.* Emotional intelligence, job satisfaction, well-being and engagement: explaining organisational commitment and turnover intentions in policing // *Human Resource Management Journal.* 2012. Vol. 22(4). P. 428–441. doi:10.1111/j.1748-8583.2012.00198.x
18. *Burcher P.* Emotional intelligence and empathy: its relevance in the clinical encounter // *Patient Intelligence.* 2011. Vol. 3. P. 23–28. doi:10.2147/pi.s11070
19. *Carmeli A., Josma, Z.E.* The relationship among emotional intelligence, task performance, and organizational citizenship behaviors // *Human Performance.* 2006 Vol. 19(4). P. 403–419. doi:10.1207/s15327043hup1904_5
20. *Chapi M., Branne, S.J., Singe M.I. Walker M.* Training police leadership to recognize and address operational stress // *Police Quarterly.* 2008. Vol. 11(3). P. 338–352. doi:10.1177/1098611107307736
21. *Christov-Moore L., Simpson E. A., Grigaityte K.* Empathy: Gender Effects in Brain and Behavior // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews.* 2014. Vol. 46(4). P. 604–627 doi:10.1016/j.neubiorev.2014.09.001
22. *Lokesh L., Patr S., Venkatesan S.* Emotional intelligence among police personnel: socio-demographic analysis // *Guru Journal of Behavior and Social Sciences.* 2016. Vol. 4(1-2). P. 503–511.
23. *Magny O., Todak N.* Emotional intelligence in policing: a state-of-the-art review // *Policing: An International Journal.* 2021. Vol. 44(6). doi:10.1108/PIJPSM-01-2021-0008

24. McDowall A., Brown J., Gamblin D. Assessing emotional intelligence of graduate probationer police officers: a UK pilot study // *Policing A Journal of Policy and Practice*. 2020. Vol. 14(1). P. 104–118. doi:10.1093/police/paz039
25. Millar A., Devaney J., Butler M. Emotional intelligence: challenging the perceptions and efficacy of ‘soft skills’ in policing incidents of domestic abuse involving children // *Journal of Family Violence*. 2019. Vol. 34(6). P. 577–588. doi:10.1007/s10896-018-0018-9
26. Risan P., Binder P.-E., Milne R.J. Emotional intelligence in police interviews—approach, training and the usefulness of the concept // *Journal of Forensic Psychology Practice*, 2016. Vol. 16(5). P. 410–424. doi:10.1080/15228932.2016.1234143

References

1. Borodavko L.T., Chimarov L.T. Vospitatel’nyi aspekt podderzhaniya neobkhodimogo urovnya emotsional’nogo intellekta: v kontekste deistviya faktora uspehnosti sluzhebnoi deyatelnosti sotrudnika OVD [The educational aspect of maintaining the required level emotional intelligence: in the context of action factor of success in the performance of an internal affairs officer] [Elektronnyi resurs]. *Gumanitarnye, sotsial’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 9, pp. 19–21. doi:10.23672/m2949-5630-1457-s (In Russ.).
2. Bochkova M.N., Shapoval V.A., Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Osobennosti antisotsial’noi kreativnosti i emotsional’nogo intellekta u sotrudnikov organov vnutrennikh del v zavisimosti ot obrazovaniya i stazha raboty [Features of malevolent creativity and emotional intelligence in police officers depending on education and length of service]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 154–168. (In Russ.).
3. Goncharova N.A., Zhidkova O.A. Problemy razvitiya emotsional’nogo intellekta i emotsional’no-volevoi samoregulyatsii sotrudnikov politsii na nachal’nom etape professional’nogo obucheniya [Problems of the development of emotional intelligence and emotional-volitional self-regulation of police officers at the initial stage of professional training] [Elektronnyi resurs]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science & Education*, 2021, no. 3 (51), pp. 390–403. doi:10.32744/pse.2021.3.27 (In Russ.).
4. Gordeeva E.N. Empatiya kak professional’noe pedagogicheskoe kachestvo rukovoditelya v organakh vnutrennikh del [Empathy as a Professional Pedagogical Quality of a Leader in the Internal Affairs Bodies] [Elektronnyi resurs]. *Politseiskaya deyatelnost’ = Police Activity*, 2022, no. 4, pp. 42–51. doi:10.7256/2454-0692.2022.4.38414 (In Russ.).
5. Goleman D. Emotsional’nyi intellekt [Emotional Intelligence]. Moscow: ACT; Vladimir: VKT, 2009. 478 p. (In Russ.).
6. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional’nogo intellekta: oprosnik EmIn. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2006, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.).
7. Nikiforov G.S., Shingaev S.M. Vidy psikhicheskoi samoregulyatsii [Types of mental self-control]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A S. Pushkina. Tom 5. Psikhologiya = Pushkin Leningrad State University Journal. Vol. 5. Psychology*, 2014, no. 1, pp. 92–101. (In Russ.).
8. Nilova L.A., Kulakova S.V., Fadeeva K.F. Znachenie emotsional’nogo intellekta v deyatelnosti sotrudnika ugolovno-ispolnitel’noi sistemy [Meaning of Emotional Intelligence in the Activity of Officer of the Penal System]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel’naya praktika = Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2017, no. № 1 (11), pp. 63–66. (In Russ.).

9. Padun M.A., Sorokko E.A. Regulyatsiya emotsii u lits s povyshennym riskom psikhicheskoi travmatizatsii (na vyborke sotrudnikov MVD) [Emotion Regulation in Persons with an Increased Risk of Mental Trauma (on the example of the Internal Affairs officers)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 59–74. doi:10.17759/psylaw.2019090405 (In Russ.).
10. Proskuryakova L.A. Analiz urovnya samoregulyatsii i komponentov emotsional'nogo sostoyaniya u sotrudnikov politsii: rezul'taty prakticheskoi raboty [Analysis of the Level of Self-Regulation and Components of the Emotional State of Police Officers: Results of Practical Work] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 83–95. doi:10.17759/psylaw.20221204 (In Russ.).
11. Raigorodsky D.Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika: metodiki i testy. Samara: Izdatel'skii dom "BAKhRAKh-M", 2005. 672 p. (In Russ.).
12. Raspopin E.V. Emotsional'nyi intellekt sotrudnikov organov vnutrennikh del i metody ego izucheniya [Emotional Intelligence of Employees of Internal Affairs Bodies and Methods of Its Study]. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Pravookhranitel'nye Organy: Teoriya i Praktika*, 2022, no. 1 (42), pp. 107–112. (In Russ.).
13. Ryabko T.V. Gendernye razlichiya motivatsionnoi sfery, zhiznesteikosti i emotsional'nogo intellekta u sotrudnikov politsii — psikhologov [Gender differences in motivational sphere, resilience and emotional intelligence of the police psychologists] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2017, no. 8, pp. 85–88. doi:10.24158/spp.2017.8.16 (In Russ.).
14. Solov'eva A.V. Emotsional'nyi intellekt i osobennosti zhiznesteikosti lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del [Emotional intelligence and the characteristics of hardiness of the personality of a police officer] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2022, no. 2, pp. 61–65. doi:10.24412/2658-638Kh-2022-2-61-65 (In Russ.).
15. Yakimova Z.V. Emotsional'nyi intellekt v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Emotional Intelligence in Employee Activities Internal Affairs Bodies] [Elektronnyi resurs]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4 (33), pp. 412–418. doi:10.26140/anip-2020-0904-0091 (In Russ.).
16. Bar-On R., Brown J.M., Kirkcaldy B.D., Thome E.P. Emotional expression and implications for occupational stress; an application of the Emotional Quotient Inventory (EQ-i). *Personality and Individual Differences*, 2000. Vol. 28, no. 6, pp. 1107–1118. doi:10.1016/S0191-8869(99)00160-9
17. Brunetto Y., Teo S.T., Shacklock K., Farr-Wharton R. Emotional intelligence, job satisfaction, well-being and engagement: explaining organisational commitment and turnover intentions in policing. *Human Resource Management Journal*, 2012. Vol. 22, no. 4, pp. 428–441. doi:10.1111/j.1748-8583.2012.00198.x
18. Burcher P. Emotional intelligence and empathy: its relevance in the clinical encounter. *Patient Intelligence*, 2011. Vol. 3, pp. 23–28. doi:10.2147/pi.s11070
19. Carmeli A., Josma, Z.E. The relationship among emotional intelligence, task performance, and organizational citizenship behaviors. *Human Performance*, 2006 Vol. 19, no. 4, pp. 403–419. doi:10.1207/s15327043hup1904_5
20. Chapi M., Branne, S.J., Singe M.I. Walker M. Training police leadership to recognize and address operational stress. *Police Quarterly*, 2008. Vol. 11, no. 3, pp. 338–352. doi:10.1177/1098611107307736

21. Christov-Moore L., Simpson E. A., Grigaityte K. Empathy: Gender Effects in Brain and Behavior. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2014. Vol. 46, no. 4, pp. 604–627 doi:10.1016/j.neubiorev.2014.09.001
22. Lokesh L., Patr S., Venkatesan S. Emotional intelligence among police personnel: socio-demographic analysis. *Guru Journal of Behavior and Social Sciences*, 2016. Vol. 4, no. 1-2, pp. 503–511.
23. Magny O., Todak N. Emotional intelligence in policing: a state-of-the-art review. *Policing: An International Journal*, 2021. Vol. 44, no. 6. doi:10.1108/PIJPSM-01-2021-0008
24. McDowall A., Brown J., Gamblin D. Assessing emotional intelligence of graduate probationer police officers: a UK pilot study. *Policing A Journal of Policy and Practice*, 2020. Vol. 14, no. 1, pp. 104–118. doi:10.1093/police/paz039
25. Millar A., Devaney J., Butler M. Emotional intelligence: challenging the perceptions and efficacy of ‘soft skills’ in policing incidents of domestic abuse involving children. *Journal of Family Violence*, 2019. Vol. 34, no. 6, pp. 577–588. doi:10.1007/s10896-018-0018-9
26. Risan P., Binder P.-E., Milne R.J. Emotional intelligence in police interviews—approach, training and the usefulness of the concept. *Journal of Forensic Psychology Practice*, 2016. Vol. 16, no. 5, pp. 410–424. doi:10.1080/15228932.2016.1234143

Информация об авторах

Гончарова Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Жидкова Ольга Александровна, старший преподаватель, кафедра юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, e-mail: olgingi@yandex.ru

Information about the authors

Natalia A. Goncharova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Olga A. Zhidkova, Senior Lecturer, Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, e-mail: olgingi@yandex.ru

Получена 29.06.2023
Принята в печать 30.12.2023

Received 29.06.2023
Accepted 30.12.2023

Специфические признаки потенциального вовлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в преступления коррупционной направленности

Сулов Ю.Е.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РСГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Кулакова С.В.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Левицкая Л.В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ), г. Владимир, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: lindavladi@yandex.ru

Содержание статьи составляют результаты проведенного теоретического анализа научных исследований, авторы которых концентрируют внимание на проблеме выявления признаков вовлечения сотрудников правоохранительных органов в коррупционные преступления и практики взаимодействия с бывшими сотрудниками правоохранительных органов, осужденных за преступления коррупционной направленности. В работе выделены группы причин коррупционного поведения, через призму которых проанализированы специфические особенности профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов и, более детально, сотрудников пенитенциарной системы, способствующие подобному противоправному поведению. Также отмечается схожесть бывших сотрудников (преступников-коррупционеров) по деструктивным отклонениям с бывшими сотрудниками уголовно-исполнительной системы, осужденными за преступления общеуголовного характера. Особое внимание авторами уделено такому личностному качеству, как эмпатия. В статье обосновывается необходимость рассмотрения эмпатии в контексте иных качеств личности, как одного из признаков, указывающих на наличие рисков коррупционного поведения.

Ключевые слова: исправительные учреждения, коррупция, признаки, осужденные, бывшие сотрудники, преступники-коррупционеры, уголовно-исполнительная система, эмпатия.

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

Для цитаты: Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В. Специфические признаки потенциального вовлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в преступления коррупционной направленности [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139. DOI:10.17759/psylaw.2024140108

The Specific Signs of the Potential Involvement of Employees of the Penitentiary System of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes

Yury E. Suslov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation; Russian State Social University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Svetlana V. Kulakova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Linda V. Levitskaya

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748>, e-mail: lindavladi@yandex.ru

The content of the article consists of the results of the theoretical analysis of scientific research, the authors of which focus on the problem of identifying signs of the involvement of law enforcement officers in corruption crimes and the practices of interaction with former law enforcement officers convicted of corruption crimes. The paper identifies groups of causes of corrupt behavior, through the prism of which the specific features of the professional activities of law enforcement officers and, in more detail, employees of the penitentiary system, contributing to such unlawful behavior, are analyzed. It is also noted that there is a similarity of former employees (corrupt criminals) in terms of destructive deviations with former employees of the penitentiary system convicted of common crimes. The authors pay special attention to such a personal quality as empathy. The article substantiates the need to consider empathy in the context of other personality traits as one of the signs indicating the presence of risks of corrupt behavior.

Keywords: correctional institutions, corruption, signs, convicts, former employees, corrupt criminals, penitentiary system, empathy.

For citation: Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V. Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 121–139. DOI:10.17759/psylaw.2024140108 (In Russ.).

Введение

Проблема коррупции в настоящее время остается актуальной и требующей своего решения. Несмотря на многогранность данного явления, находящегося в фокусе теоретико-практического интереса представителей многих областей научного знания, наличие различных толкований и подходов в его сущностном понимании, формах проявления, причинах возникновения, развития и прочее, единой объединяющей мыслью разных исследователей можно по праву считать признание коррупции деструктивным феноменом. Само слово «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*», значение которого отражает негативное содержание обозначенного явления — разложение, растрение и т. д. [29]. В социальном аспекте многие авторы (А.Г. Хабибулин, С.И. Гирько, Г.Ю. Лесников, Ю.Г. Ершов и др. [9; 12; 40; 42; 44]) однозначно указывают на то, что коррупция самым отрицательным образом отражается на функционировании государства, вызывает недоверие к нему и недовольство со стороны граждан, приводит к высоким материальным потерям, деформирует правосознание членов общества, дискредитирует власть и, как итог, подрывает безопасность страны. В высоко коррумпированном обществе не приходится говорить о каком-либо развитии: научном, гуманистическом или каком-либо еще. Все это приводит к его деградации. В подтверждение социальной и даже государственной опасности коррупции, отмеченной известными исследователями данной проблематики, приведем статистические данные, обозначенные на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Коррупционные преступления имеют неоднозначную динамику, т. е. вместе с отсутствием динамики одних коррупционных преступлений (рис. 1) отмечается значительный рост более 10—20% — по другим [6].

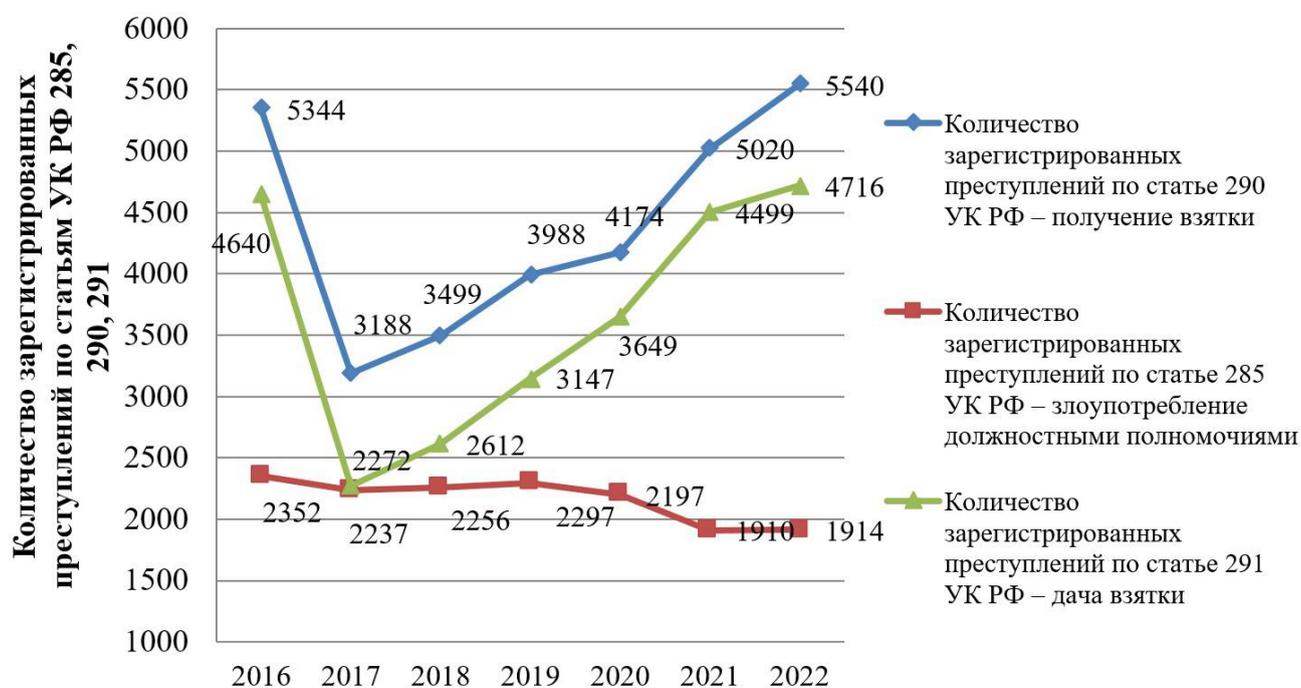

Рис. 1. Динамика изменения количества зарегистрированных преступлений по статьям УК РФ 285, 290, 291

Как заявил в своем интервью информационному агентству России «ТАСС» от 09.12.2021 начальник Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции генерал-лейтенант полиции А.А. Курносенко, «...наиболее подверженными коррупционным проявлениям являются финансово-кредитная сфера, сфера освоения бюджетных средств, потребительского рынка, деятельность органов власти и управления, а также строительства» [5].

Таким образом, можно говорить о наличии потенциала проникновения коррупции в различные социальные сферы, что дополнительно актуализирует необходимость поиска эффективных средств борьбы с этим явлением, к которым справедливо можно отнести и научное обсуждение проблемы.

Материалы и методы исследования

В исследовании применялись:

- метод анализа документов. На его основе получены объективные данные о бывших сотрудниках, совершивших преступления коррупционной направленности и отбывающих наказания в местах лишения свободы (они представлены ниже в характеристике базы эмпирического исследования);
- метод опроса сотрудников исправительных учреждений, в которых отбывают наказание бывшие сотрудники, о личности бывшего сотрудника-коррупционера.

Математико-статистическая обработка данных осуществлена с помощью методов пакета MS Office Excel.

Характеристика базы эмпирического исследования

В целях анализа существующих методов определения склонностей сотрудников к действиям коррупционной направленности в 2017—2021 гг. нами были проведены исследование научной и методической литературы по рассматриваемому вопросу; изучение практики данной деятельности, включающее анализ организации работы с бывшими сотрудниками, осужденными за коррупционные преступления; изучение практики работы психологов с бывшими сотрудниками, осужденными за коррупционные преступления; экспертный опрос, в котором участвовали 594 человека — начальники психологических лабораторий, старшие психологи, психологи, начальники отрядов исправительных учреждений УФСИН (ГУФСИН) России по республикам Алтай, Алания, Адыгея, Башкирия, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Татарстан, Тыва, Чувашия, Удмуртская, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская; Алтайскому, Забайкальскому, Камчатскому, Краснодарскому, Приморскому, Ставропольскому краям; Астраханской, Архангельской, Амурской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Калининградской, Кировской, Курганской, Кемеровской, Магаданской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Сахалинской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской, Тульской, Тюменской, Челябинской областям; г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; г. Москва; ХМАО; ЕАО, в которых отбывают наказание бывшие сотрудники правоохранительных органов. Эксперты отвечали на ряд вопросов, включающих, в том числе, информацию о личности сотрудников, осужденных за преступления коррупционной направленности, основном инструментарии при работе с ними и проблемным аспектам работы с данной категорией лиц, а так же ряд вопросов по используемым методам

профилактики и выявления у действующих сотрудников склонности к коррупционному поведению, по проблемам организации данной деятельности.

Результаты и обсуждение

Как показывает проведенный анализ эмпирических исследований, посвященных данному вопросу, зачастую основное внимание сконцентрировано на условно «внешних» факторах коррупционных преступлений. Например, к таковым причинам относят недостаточный уровень заработной платы, недостаточное материальное стимулирование сотрудников в целом, нахождение в сложной жизненной ситуации, обостренной материальными обязательствами (наличие кредитных задолженностей, долгов в целом и т. д.) и т. п. [16; 30].

Другие исследователи обращают внимание на организационные аспекты профессиональной деятельности, способствующие развитию коррупции. Они условно обозначены нами как «организационно-правовые», связанные, например, со сложностью структуры организации, наличием значительного количества бюрократических процедур, отсутствием внешнего и внутреннего контроля за деятельностью представителей и органов власти и т. д. Данные причины возникновения коррупции усугубляются дублированием выполняемых функций различными государственными структурами, отсутствием четкого понимания компетенций и границ выполняемых функций сотрудниками, низким уровнем компетентности персонала [4].

К отдельной группе причин можно отнести недостаточность мер воздействия по отношению к преступникам-коррупционерам. Ряд авторов справедливо, по нашему мнению, отмечают, что безнаказанность, непропорционально мягкие наказания за совершенные преступления и их последствия способствуют разрастанию и укреплению коррупции. Способствуют этому и избирательность, непоследовательность в правоприменении в процессе расследования коррупционных преступлений и привлечении виновных лиц к ответственности [11; 14; 21; 24; 40].

Безусловно, отличительные особенности социальных сфер отражаются на специфике коррупционных преступлений. В этом отношении рельефно проступает проблема коррупции в правоохранительной системе, которую следует рассматривать как самостоятельную задачу. В частности, необходимо из общей совокупности силовых структур, осуществляющих правоохранительную деятельность, выделить уголовно-исполнительную систему Российской Федерации (далее — УИС).

На УИС возложена важная общественная задача — исправление лиц, осужденных за совершение преступлений. Безусловно, данная задача обуславливает наличие определенных требований к морально-нравственному облику сотрудников пенитенциарной системы. Коррупция, которая, к сожалению, также имеет место быть в УИС, отражается на возможности осуществления исправления осужденных, ставит ее под угрозу, так как невозможно исправить человека незаконными методами, а замаскированные коррупптантом коррупционные действия под выполнение служебных обязанностей может вызывать лишь презрение и недоверие со стороны осужденных, как к самому преступнику, так и к сотрудникам УИС в целом.

Многолетние эмпирические исследования феноменов коррупции, профессионального нигилизма и криминализации личности в среде сотрудников УИС показывают, что в большинстве случаев пусковыми механизмами перечисленных явлений являются глубинные чувства неудовлетворенности личности, переживание собственной несостоятельности, нереализованность в карьерном росте [2; 8; 19; 25].

Обобщенный, по результатам исследований, портрет бывшего сотрудника — преступника-коррупционера УИС представлен следующими криминологическими, социально-демографическими и индивидуально-личностными характеристиками:

- основную долю составляют лица, осужденные по статье 290 УК РФ. Получение взятки;
- 61,0% до ареста занимали руководящие должности, преимущественно нижнего и среднего звена (начальники, заместители начальников отделений, отделов, управлений и пр.) [17, с. 16—17];
- средний возраст составляет 35,5 лет, что подтверждается данными о наличии должностного аспекта, что обусловлено промежутком службы до момента назначения на руководящую должность [18];
- в официальном браке состоят 60,0% (причем 6,6% заключили брак во время отбывания наказания), что подтверждает утверждение исследователей о том, что семья не является сдерживающим антикоррупционным фактором;
- основную долю составляют лица, имеющие образование среднее профессиональное и выше — 74,0%, высокий и средний уровень образования (11,5 условных классов). Характерно, что высокий уровень образования отмечается в целом у всех лиц, совершивших коррупционные преступления [20];
- средний стаж службы в УИС — свыше 12 лет (от 8 до 12 лет — 17,0%; от 5 до 8 лет в — 15,0%; до 1 года — 15,1%) [33];
- место прохождения службы — отдел режима и надзора — 38,0%; (руководство и сотрудники территориальных управлений ФСИН России — 21,2%; воспитательный аппарат — 20,2%; оперативная служба — 12,3%);
- мотивы совершения не только корыстные, отмечено стремление не только к материальному обогащению, но и к власти [36]; также исследователями выявлен «игровой», бессознательный (скрытый) мотив (видимый, внешний мотив — корысть, стремление обеспечить себя материальными и иными благами), а глубинный, смысловой мотив заключается в реализации игровых стремлений. По мнению Ю.М. Антоняна, многие коррупционеры являются игроками, влечение к игре ими не осознается, а коррупционная деятельность воспринимается как участие в рискованной игре, в сложных, эмоционально и когнитивно насыщенных противостояниях [2];
- отмечены умения¹ предметно-практические (43,9%), познавательные (25,6%);
- темперамент²: сангвиники (40,1%), флегматики (31,2%), холерики (18,0%), меланхолики (11,3%);

¹ Под умениями понимается способность хорошо и адаптивно осуществлять сложные, хорошо организованные модели поведения для того, чтобы достигать определенные результаты и цели (Большой толковый психологический словарь. Том 1. М., 2000. С. 176).

² «Проявляется в криминальном поведении человека в органической связи с направленностью его нравственных моральных качеств, умственного развития и лишь придает ему соответствующую окраску» (Большой толковый психологический словарь. М.: Наука, 2001. С. 398).

- по отношению к наказанию: — 70,0% считают, что наказание им назначено несправедливо (из них 53,4% полагают, что в их деяниях не было состава преступления, а 17,0% считают, что наказание назначено слишком суровое);
- индивидуально-личностные особенности, характеризующие осужденных изучаемой категории с точки зрения обстоятельств, послуживших их криминальному формированию:
 - образ мыслей, убеждения, воззрения: с житейскими взглядами — 89,0%, одинаковая доля лиц с научными и эстетическими взглядами — по 5,0% [7];
 - явно преобладают материальные интересы (70,0%);
 - *установки*³: преобладают лица с элементарными (телесными) *установками* — 61,3%, социальные (духовные) установки отмечены у 39,1% [33].

В процессе исследования установлено, что сотрудники-коррупционеры УИС в основном редко имели дисциплинарные взыскания, не привлекали к себе внимание руководства, достаточно ориентировались в должностных инструкциях и нормативно-правовой документации. Как авторами указывалось в публикациях ранее [37], анализ более 500 осужденных за коррупционные преступления по методике «Стандартизованный многофакторный метод исследования личности Л.Н. Собчик» (далее — СМИЛ) [34], показал, что личностный профиль осужденных данной группы более гармоничный, чем личностный профиль среднестатистического российского гражданина (см. рис. 2).

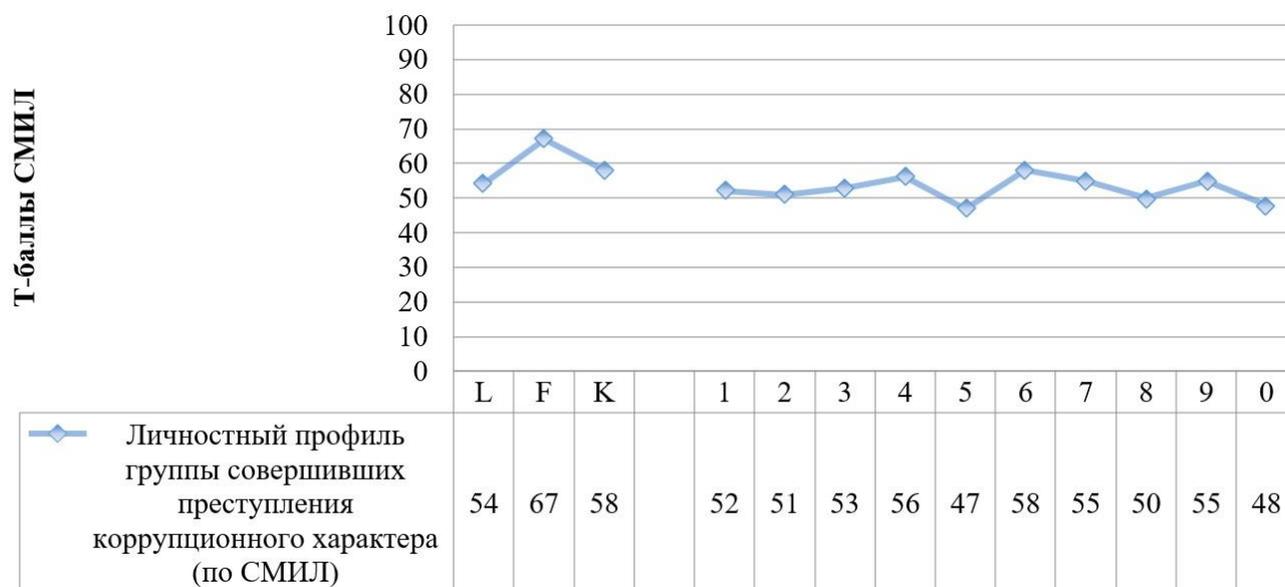

Рис. 2. Личностный профиль группы совершивших преступления коррупционного характера (по СМИЛ): L — шкала лжи; F — шкала достоверности; K — шкала коррекции; 1 — ипохондрия; 2 — депрессия; 3 — истерия; 4 — психопатия; 5 — шкала мужественности-женственности; 6 — паранойальность; 7 — психастения; 8 — шизофрения; 9 — гипомания; 0 — шкала социальной интроверсии

³ Под установкой понимается особое состояние, диспозиция или тенденция организма реагировать определенным образом (Большой толковый словарь. М.: Наука, 2001. С. 402).

Как видно из представленного на рис. 2 личностного профиля, он у осужденных за коррупционные преступления полностью находится в коридоре нормативного разброса, отмечено только небольшое повышение 6-й шкалы «Паранойяльность» (в пределах 58—60 Т-баллов), без признаков дезадаптации. Это позволяет предположить, что самоуважение у таких лиц и представления о собственном материальном благосостоянии прямо пропорциональны, что отражается в показателях 9-й шкалы «Гипомания» теста СМИЛ (выше 50 Т-баллов), соответствующих позитивной самооценке [36, с. 2021—222].

Похожей на представителей этой группы оказалась группа предпринимателей, не привлекавшихся к уголовной ответственности, ранее исследовавшихся Л.Н. Собчик, Ю.В. Славинской [35], — это личности с некоторым авантюризмом (ведущие в пределах нормы шкалы: 4-я «Психопатия», 6-я «Паранойяльность» и 9-я «Гипомания»), которые стремятся достичь высокой прибыли, рентабельности, эффективности труда. Подтверждают эти данные и выводы, которые ранее сделали в своем исследовании Н.А. Ратинова и М.В. Кроз [17], о том, что коррупционеры предстают прагматичными людьми, нацеленными на получение конкретного результата и достижений. Эти данные противоречат распространенным представлениям о «коррупционере», наделенном всяческими немислимыми недостатками, далеким от действительности. Другими словами, для данной группы преступников на какой-то момент цель и достижение какого-то результата (как мы видим из направленности личности — материальной, социальной и т. д.) стали оправдывать средства их достижения. А склонность к рискованной (авантюрной) деятельности стала превалировать над ценностными, этическими и нормативными установками.

В научных исследованиях, посвященных теме коррупции среди представителей правоохранительных органов вообще и УИС — в частности, большое внимание уделяется, как мы уже подчеркивали выше, вопросам поиска причин в системе организации профессиональной деятельности, социально-демографическим, формально-профессиональным (образование, стаж службы, занимаемая должность и прочее) характеристикам бывших сотрудников УИС преступников-коррупционеров, мотивационно-ценностной системе их личности.

Недостаточно раскрытой с научной точки зрения, как мы считаем, остается эмоциональная сфера корруппантов. В то время как в некоторых исследованиях отмечается, но не находит своего дальнейшего развития идея о том, что при установлении незаконных связей, вовлечении в противоправную деятельность осужденные нередко эксплуатируют не только такие личностные свойства сотрудника, как жадность, но и доверчивость и доброту [7; 18].

В этой связи характерологические особенности эмоциональной сферы могут выступать в качестве признаков, которые могут, с одной стороны, предупредить о наличии высокого риска вовлечения сотрудника в коррупционные преступления, например, в процессе профессионального отбора, а с другой — помочь выявить лицо, совершившее подобное преступное деяние. Отдельно мы бы хотели обратить внимание на такую составляющую эмоциональной сферы личности, как эмпатия.

Важность эмпатии для сотрудников УИС приобретает все большее значение в связи с гуманизацией системы исполнения наказаний. Так, одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [31] обозначается совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, что не может не отразиться на требованиях к личности сотрудников УИС. В частности, наличие умения к сопереживанию и состраданию. И именно эмпатия выражается в

возможности сочувствовать и сопереживать [1]. Г. Олпорт предположил, что люди с высоким уровнем сочувствия более терпимы к другим [1; 39], что для сотрудника УИС представляется важным профессионально значимым качеством. Во многом убеждения и представления о ком-то основываются на наличии у сотрудника развитой способности к эмпатии, которая содействует улучшению межгрупповых взаимоотношений [41]. Вместе с тем эмпатия является сложной, многогранной конструкцией, содержащей когнитивную и эмоциональную реакции [43]. Некоторые исследователи указывают на то, что эмпатия представляет собой механизм, который определяет связь между межгрупповыми контактами и предубеждениями [44]. Кроме того, эмпатию можно рассматривать, как способ познания других людей [3, с. 11—112], играющий важную роль в социальной адаптации человека [15]. Таким образом, эмпатия представляется важным профессиональным качеством, обуславливающим эффективность коммуникативной деятельности в профессиях системы «человек—человек», к которым относятся и профессии УИС [23].

Однако нельзя не обратить внимания и на обратную сторону наличия подобного личностного качества у сотрудников УИС, так как существует опасность вовлечения персонала исправительного учреждения во внеслужебную связь коррупционного характера. В данном случае опасность вступления в такие отношения может быть вызвана «благими» намерениями сотрудника, желанием помочь осужденному, который вызывает у него сочувствие и которому он сопереживает. В дополнение к этому следует подчеркнуть, что отличительной чертой профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений является взаимодействие сотрудников с осужденными, при котором последние активно применяют приемы манипулирования с целью оказания воздействия на персонал пенитенциарных учреждений [28].

Манипуляция представляет собой особый тип воздействия, целью которого является изменение восприятия, мнения, поведения других людей [22, с. 366—368]; это некая форма обмана, основанная на использовании наивности жертвы для склонения ее к определенному типу поведения, выгодному манипулятору [26, с. 14—16]. Одной из основных особенностей манипулирования является, как мы считаем, то, что манипулятором манипулируемый объективизируется, т. е. рассматривается как «инструмент», «способ» достижения своих корыстных целей [37, с. 152—157]. Осужденные-манипуляторы ориентированы на выявление «слабых мест» у сотрудников, на которые можно эффективно воздействовать. Например, в качестве таковых мишеней манипулятивного воздействия могут выступать противоречивые или неустойчивые морально-нравственные установки человека [27, с. 276—278]. Зачастую главной мишенью осужденных-манипуляторов выступает не когнитивная сфера личности, а ее эмоциональная составляющая (инстинкты, эмоции, потребности) [10, с. 14—16]. Кроме этого, они могут использовать против сотрудников его чувство этики и совесть. И именно чувство сострадания, а следовательно, и эмпатии, повышает риски поддаться воздействию манипуляции [45]. Ведь именно эмоции являются зачастую мишенями манипулятивного воздействия. Это усугубляется тем, что специфика службы в местах лишения свободы вводит в состав преступлений действия, которые в обычной гражданской жизни представляют собой, так сказать, гражданско-правовую сделку, например, передача предметов, не изъятых из гражданского оборота (продуктов питания, алкоголя, табачных изделий, средств связи и т. д.), предоставление льгот, передача информации и сведений и т. д.

Это подтверждается результатами исследований, в которых в среднем более половины осужденных за коррупционные преступления сообщают об «иных мотивах» совершения коррупционного преступления.

Сопоставление всех вышеприведенных данных изучения личности пенитенциарного преступника-коррупционера позволяет сделать вывод о том, что за иными мотивами и иной личной заинтересованностью (занимающей 17% в доле мотивов совершения преступления) кроются скрытые мотивы. Единичные преступления совершаются сотрудниками, как правило, ради пробы, для получения опыта или из конформизма, стремления быть «как все».

Однако следует понимать, что систематическое превышение должностных полномочий и совершение должностных преступлений со временем становятся необходимостью, неотъемлемой частью деятельности. К этому побуждают как «угроза раскрытия ранее допущенного послабления, нарушения» со стороны осужденных, так и сформировавшаяся привычка жить на широкую ногу, «соответствовать статусу», сохранить власть, влияние, статус и т. д. Подобный образ деятельности затягивает, и регулярное совершение преступлений на рабочем месте становится нужным для того, чтобы покрыть расходы. При этом следует иметь в виду, что «поведение человека в целом направляется не одним каким-то, а рядом мотивов. Среди таких мотивов можно выделить ведущие, которые стимулируют поведение, придают ему субъективный, личностный смысл. Вместе с тем изучение коррупционных преступлений убеждает в том, что одновременно и параллельно могут действовать два и больше мотивов [2].

Изучение мнения сотрудников УИС показало, что преобладающей мотивацией при совершении коррупционных преступлений их коллегами является стремление повысить свой материальный уровень жизни (48%), желание удовлетворить насущные потребности (29%), стремление жить на широкую ногу и накопительство (28%).

Выводы

Таким образом, как показал проведенный анализ, особенности личности осужденных за коррупционные преступления опровергают взгляд ряда исследователей о наличии каких-либо особых личностных черт у разнообразного по своему составу и близкого к среднестатистической норме контингента коррупционеров.

Обобщенный, по результатам исследований, портрет бывшего сотрудника преступника-коррупционера УИС представлен следующими социально-демографическими и индивидуально-личностными характеристиками: это мужчина в возрасте 35,5 лет, состоящий в официальном браке, со средним профессиональным или высшим образованием, имеющий стаж службы в УИС более 12 лет, до ареста занимающий руководящую должность нижнего и среднего звена в отделе режима и надзора пенитенциарного учреждения, осужденный по статье 290 УК РФ (получение взятки), считающий, что наказание ему назначено несправедливо; чаще это сангвиник по темпераменту, имеющий предметно-практические умения, с житейскими взглядами, материальными интересами и элементарными (телесными) установками, мотивами совершения преступления у которого явились мотив к материальному обогащению и мотив к обретению власти. Самоуважение у таких лиц и представления о собственном материальном благосостоянии прямо пропорциональны. Эти выводы противоречат распространенным представлениям о «коррупционере», наделенном всяческими немислимыми недостатками; вместе с тем это свидетельствует о том, что это не просто «нормальная» личность — это тип человека, который хорошо адаптируется (приспосабливается) к любым условиям и находит выгоду в любой сложившейся ситуации.

Специфическими факторами, оказывающими влияние на уровень должностных преступлений в учреждениях и органах ФСИН России, часто являются снижение внешнего контроля за деятельностью сотрудников, пренебрежительное отношение руководства к закону, желание добиться результата любой ценой.

Также можно выявить явное противоречие, заключающееся, с одной стороны, в профессиональной необходимости наличия у сотрудников УИС развитой эмпатии для эффективного осуществления исправительного воздействия на осужденных. С другой стороны, развитая эмпатия у сотрудников УИС повышает риски вовлечения в коррупционные взаимоотношения с осужденными, не только пресекающие исправление осужденных и реализацию пенициарной системой одной из ее основных задач, но в целом подрывающие доверие населения к правоохранительным органам и органам государственной власти в целом. Разрешение выявленного противоречия нуждается в проведении исследования, акцентированного на эмоциональной составляющей личности сотрудников УИС. При этом, как мы считаем, эмпатия сотрудников УИС в частности и сотрудников силовых структур — в целом, как предмет исследования, должна изучаться специалистами не только гуманитарного профиля (педагогами и психологами), но и юридического.

По нашему мнению, лишение свободы на длительный срок осужденных за коррупционные преступления не соответствует уровню криминализации этих лиц. Намного действеннее в их отношении будут экономические санкции (штраф, конфискация, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение наград и званий и т. д.), особенно применяемые публично и с широкой оглаской в средствах массовой информации.

Литература

1. Алаева М.В. Эмпатия как один из инструментов понимания психического состояния другого человека // Инженерные технологии и системы. 2011. № 2. С. 102–105.
2. Антонян Ю.М. Интервью. Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс] // Проректор по научной работе ИГУМО — Антонян Юрий Миранович. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Бочкарева С.В. Истинность диалога: соционическое исследование или эмпатическое познание Другого // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). С. 111–115.
4. Бурицев Ю.А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // Транспортное дело России. 2017. № 2. С. 66–67.
5. Венцова М. Глава ГУЭБиПК МВД России: в условиях пандемии возрастают риски хищения бюджетных денег [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 09.12.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/13145931> (дата обращения 22.02.2022).
6. Всего зарегистрировано преступлений [Электронный ресурс] // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 19.04.2023).
7. Гаврина Е.Е. Психологические портреты коррупции в уголовно-исполнительной системе: Учебное пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. 78 с.

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

8. Гаврина Е.Е., Симакова Т.А., Хаванова И.С., Фомин В.В. Научно-прикладное обоснование путей оптимизации развития правосознания сотрудников УИС и профилактика коррупционного поведения: Монография. Рязань: Академия ФСИИ России, 2016. С. 34–35.
9. Гирько С.И., Лесников Г.Ю. Общественная безопасность и противодействие коррупции в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2014. № 3. С. 22–25.
10. Голубцова К.И., Седов Д.А. Анализ феномена коррупции в УИС [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 3 (49). С. 29–34. doi:10.37523/SUI.2022.49.3.004
11. Дикаев С.У. Коррупция — вечная проблема России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4. С. 48–51.
12. Ершов Ю.Г. Коррупция как угроза государственности [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 26–27 октября 2018 года. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 80–90. doi:10.17506/articles.anticorruption.2018.8090
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 171.
14. Иванова А.А. Коррупция: некоторые проблемы противодействия [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Том 10. № 4. С. 18–26. doi:10.21202/1993-047X.10.2016.4.18-26
15. Клименкова Е.Н. Развитие способности к эмпатии в подростковом и юношеском возрастах: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 189 с.
16. Коробов А.С. Меры материального стимулирования как элемент системы административно-правовых средств противодействия коррупции в пенитенциарной системе Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4 (79). С. 128–130.
17. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические особенности коррупционных преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
18. Кулакова С.В. Социально-психологических особенности личности бывших сотрудников УИС, осужденных за преступления коррупционного характера // Современное состояние и актуальные проблемы противодействия коррупции в органах и учреждениях УИС: Сборник материалов круглого стола, Москва, 14 июня 2019 года. М.: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2019. С. 159–167.
19. Кулакова С.В. Теоретический анализ научной разработанности проблемы определения склонностей к действиям коррупционной направленности сотрудников правоохранительных органов // Современное состояние и актуальные проблемы противодействия коррупции в органах и учреждениях УИС: Сборник материалов круглого стола, Москва, 14 июня 2019 года. М.: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2019. С. 153–158.
20. Кулакова С.В., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Психолого-педагогическое сопровождение сотрудников правоохранительных органов. Нивелирование психотравмирующих событий при решении служебных (оперативно-тактических) задач в условиях внестатных ситуаций:

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

Монография. М.: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2018. 182 с.

21. Куракин А.В. Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы // Журнал российского права. 2003. № 7 (79). С. 79–89.

22. Лобанова Е.С. Об аспектах обучения сотрудников исправительных учреждений способам взаимодействия с осужденными к лишению свободы женщинами, использующими манипуляции // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / Под общ. ред. А.А. Вотина. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 366–368.

23. Макарова Е.Д. Воспитание эмпатии как профессионально-личностного качества будущих социальных педагогов в целостном образовательном процессе педагогического колледжа: Дисс. ... канд. пед. наук. Петрозаводск: ГОУ ВПО «Карельский государственный педагогический университет», 2006. 138 с.

24. Миненок М.Г. К вопросу о борьбе с коррупцией // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 9. С. 88–93.

25. Муzychuk T.L., Кулакова С.В., Спасенников Б.А. Предупреждение противоправных действий сотрудников пенитенциарной системы, работающих с осужденными, содержащимися в запираемых помещениях [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Том 13. № 4. С. 585–594. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(4).585-594

26. Мустафаева Э.М. Феномен манипуляции личностью в работах французских исследователей // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. Том 11. № 1. С. 14–17.

27. Новиков А.В., Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф. Манипулятивное поведение осужденных женщин, имеющих малолетних детей, содержащихся в домах ребенка при исправительных учреждениях // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 3А. С. 276–284.

28. Новиков Е.Е. О некоторых вопросах предупреждения коррупции в уголовно-исполнительных инспекциях [Электронный ресурс] // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). С. 134–138. doi:10.47643/1815-1329_2020_10_134

29. Перевод: с латинского на русский corruptio [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru/corruptio/la/ru/> (дата обращения: 27.11.2021).

30. Пономарева Е.В. Экономические составляющие коррупции в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 118–124.

31. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения: 01.03.2022).

32. Романова К.С. Манипуляция как форма «мягкой» власти // Дискурс-Пи. 2014. № 11 (1). С. 131–135.

33. Симакова Т.А., Гаврина Е.Е., Фомин В.В. Воспитание и развитие правового самосознания сотрудников УИС как средство профилактики коррупционного поведения. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. 120 с.

34. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. М., 1990. 74 с.

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

35. Собчик Л.Н., Славинская Ю.В. Психодиагностические критерии оценки криминальных наклонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6–23.
36. Собчик Л.Н., Спасенников Б.А., Кулакова С.В. Криминологические аспекты агрессивности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 209–225. doi:10.17759/psylaw.2022120116
37. Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И., Сундукова В.В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 5–19. doi:10.17759/psylaw.2020100301
38. Тонков Е.Е. Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 50–58.
39. Хабибулин А.К. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). С. 45–50.
40. Цветкова Н.А. Смысложизненные ориентации и стремления сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от уровня их самооэффективности [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Том 14. № 1. С. 128–138. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(1).128-138
41. Allport G.W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Perseus Books. 1954. 76 p.
42. Batson C.D., Ahmad N.Y. Using empathy to improve intergroup attitudes and relations // Social Issues and Policy Review. 2009. Vol. 3(1). P. 141–177. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01013.x
43. Boag E., Wilson D. Inside experience: Engagement empathy and prejudice towards prisoners // Journal of Criminal Psychology. 2014. Vol. 4(1). P. 33–43. doi:10.1108/JCP-06-2013-0016
44. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: evidence for a multidimensional approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 44(1). P. 113–126. doi:10.1037/0022-3514.44.1.113
45. Pettigrew T.F., Tropp L.R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators // European Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 38(6). P. 922–934. doi:10.1002/ejsp.504
46. Tulloch B. Guarding against manipulation by criminal offenders // Australasian Journal of Correctional Staff Development. 2010. URL: <https://csa.intersearch.com.au/csajspui/bitstream/10627/456/1/Guarding-against-Manipulation-by-Criminal-Offenders.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. Alaeva M.V. Empatiya kak odin iz instrumentov ponimaniya psikhicheskogo sostoyaniya drugogo cheloveka. *Inzhenernye tekhnologii i sistemy = Engineering Technologies and Systems*, 2011, no. 2, pp. 102–105. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M. Interv'yu. Tipologiya korruptsii i korruptsiionnogo povedeniya [Elektronnyi resurs]. *Prorektor po nauchnoi rabote IGUMO — Antonyan Yurii Miranovich*. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (Accessed 15.03.2022). (In Russ.).
3. Bochkareva S.V. Istinnost' dialoga: sotsionicheskoe issledovanie ili empaticeskoe poznanie Drugogo. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 2 (217), pp. 111–115. (In Russ.).

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

4. Burtsev Yu.A. Korruptsiya v Rossii: prichiny vozniknoveniya i metody bor'by [Corruption in Russia: causes and methods of struggle]. *Transportnoe delo Rossii = Transport Business of Russia*, 2017, no. 2, pp. 66–67. (In Russ.).
5. Ventsova M. Glava GUEBiPK MVD Rossii: v usloviyakh pandemii vozrastayut riski khishcheniya byudzhetykh deneg [Elektronnyi resurs]. *Informatsionnoe agentstvo TASS = TASS, Russian news agency*, 09.12.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/13145931> (Accessed 22.02.2022). (In Russ.).
6. Vsego zaregistrovano prestuplenii [Elektronnyi resurs]. *General'naya Prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki*. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (Accessed 19.04.2023).
7. Gavrina E.E. Psikhologicheskie portrety korruptsii v ugovorno-ispolnitel'noi sisteme: Uchebnoe posobie. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2011. 78 p. (In Russ.).
8. Gavrina E.E., Simakova T.A., Khavanova I.S., Fomin V.V. Nauchno-prikladnoe obosnovanie putei optimizatsii razvitiya pravosoznaniya sotrudnikov UIS i profilaktika korruptsiionnogo povedeniya: Monografiya. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2016, pp. 34–35. (In Russ.).
9. Girko S.I., Lesnikov G.Yu. Obshchestvennaya bezopasnost' i protivodeistvie korruptsii v Rossiiskoi Federatsii [Public Security and Anti-Corruption in the Russian Federation]. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*, 2014, no. 3, pp. 22–25. (In Russ.).
10. Golubtsova K.I., Sedov D.A. Analiz fenomena korruptsii v UIS [Analysis of Corruption Phenomenon in the Penal System] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 3 (49), pp. 29–34. doi:10.37523/SUI.2022.49.3.004 (In Russ.).
11. Dikaev S.U. Korruptsiya — vechnaya problema Rossii [Corruption As a Perennial Russian Problem]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2011, no. 4, pp. 48–51. (In Russ.).
12. Ershov Yu.G. Korruptsiya kak ugroza gosudarstvennosti [Corruption As a Threat to Statehood] [Elektronnyi resurs]. *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii: Sbornik trudov po itogam Tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, 26–27 oktyabrya 2018 goda = Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation: collection of research papers of the 3-rd All-Russian Scientific Conference with international participation (26–27 October 2018, Ekaterinburg)*. Yekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 80–90. doi:10.17506/articles.anticorruption.2018.8090 (In Russ.).
13. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. Moscow: Russkii yazyk, 2000, pp. 171. (In Russ.).
14. Ivanova A.A. Korruptsiya: nekotorye problemy protivodeistviya [Corruption: some issues of counteraction] [Elektronnyi resurs]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2016. Vol. 10, no. 4, pp. 18–26. doi:10.21202/1993-047X.10.2016.4.18-26 (In Russ.).
15. Klimenkova E.N. Razvitie sposobnosti k empatii v podrostkovom i yunosheskom vozrastakh: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2019. 189 p. (In Russ.).
16. Korobov A.S. Mery material'nogo stimulirovaniya kak element sistemy administrativno-pravovykh sredstv protivodeistviya korruptsii v penitentsiarnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii [The

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

measures of material incentive as an element of the system of administrative and legal means to fight corruption in the penitentiary system of the Russian Federation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2012, no. 4 (79), pp. 128–130. (In Russ.).

17. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskie osobennosti korruptsionnykh prestupnikov [Psychological features of corruption criminals] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202 (In Russ.).

18. Kulakova S.V. Sotsial'no-psikhologicheskikh osobennosti lichnosti byvshikh sotrudnikov UIS, osuzhdennykh za prestupleniya korruptsionnogo kharaktera. *Sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy protivodeistviya korruptsii v organakh i uchrezhdeniyakh UIS: Sbornik materialov kruglogo stola, Moskva, 14 iyunya 2019 goda*. Moscow: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii, 2019, pp. 159–167. (In Russ.).

19. Kulakova S.V. Teoreticheskii analiz nauchnoi razrabotannosti problemy opredeleniya sklonnosti k deistviyam korruptsionnoi napravlenosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov. *Sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy protivodeistviya korruptsii v organakh i uchrezhdeniyakh UIS: Sbornik materialov kruglogo stola, Moskva, 14 iyunya 2019 goda*. Moscow: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2019, pp. 153–158. (In Russ.).

20. Kulakova S.V., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov. Nivelirovanie psixotravmiruyushchikh sobytii pri reshenii sluzhebnykh (operativno-takticheskikh) zadach v usloviyakh vneshtatnykh situatsii: Monografiya. Moscow: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2018. 182 p. (In Russ.).

21. Kurakin A.V. Administrativno-pravovye sredstva bor'by s korruptsiei v sisteme gosudarstvennoi sluzhby. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 7 (79), pp. 79–89. (In Russ.).

22. Lobanova E.S. Ob aspektakh obucheniya sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii sposobam vzaimodeistviya s osuzhdennymi k lisheniyu svobody zhenshchinami, ispol'zuyushchimi manipulyatsii. In Votinov A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi mezhvedomstvennoi konferentsii, Samara, 16–17 iyunya 2016 goda*. Samara: Samarskii yuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2016, pp. 366–368. (In Russ.).

23. Makarova E.D. Vospitanie empatii kak professional'no-lichnostnogo kachestva budushchikh sotsial'nykh pedagogov v tselostnom obrazovatel'nom protsesse pedagogicheskogo kolledzha: Diss. kand. ped. nauk. Petrozavodsk: GOU VPO “Karel'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet” Publ., 2006. 138 p. (In Russ.).

24. Minenok M.G. K voprosu o bor'be s korruptsiei [On the fight against corruption]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 2013, no. 9, pp. 88–93. (In Russ.).

25. Muzychuk T.L. Kulakova S.V., Spasennikov B.A. Preduprezhdenie protivopravnykh deistvii sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy, rabotayushchikh s osuzhdennymi, sodержashchimisya v zapiraemykh pomeshcheniyakh [Prevention of criminal behavior of prison officers working with convicts held in lockable premises] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal =*

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

Russian Journal of Criminology, 2019. Vol. 13, no. 4, pp. 585–594. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(4).585-594 (In Russ.).

26. Mustafaeva E.M. Fenomen manipulyatsii lichnost'yu v rabotakh frantsuzskikh issledovatelei [Personality Manipulation Phenomenon by French Researchers]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2013. Vol. 11, no. 1, pp. 14–17. (In Russ.).

27. Novikov A.V., Suslov Yu.E., Fedorov A.F. Manipulyativnoe povedenie osuzhdennykh zhenshchin, imeyushchikh maloletnikh detei, sodержashchikhsya v domakh rebenka pri ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Manipulative behavior of convicted women with young children kept in children's homes at correctional institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2019. Vol. 9, no. 3A, pp. 276–284. (In Russ.).

28. Novikov E.E. O nekotorykh voprosakh preduprezhdeniya korruptsii v ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiyakh [On some issues of preventing corruption in the criminal-executive inspections] [Elektronnyi resurs]. *Agrarnoe i zemel'noe parvo = Agrarian and Land Law*, 2020, no. 10 (190), pp. 134–138. doi:10.47643/1815-1329_2020_10_134 (In Russ.).

29. Perevod: s latinskogo na russkii corruptio [Elektronnyi resurs]. *Slovari i entsiklopedii na Akademike = Academic Dictionaries and Encyclopedias*. URL: <https://translate.academic.ru/corruptio/la/ru/> (Accessed 27.11.2021). (In Russ.).

30. Ponomareva E.V. Ekonomicheskie sostavlyayushchie korruptsii v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme [Economic constituents of corruption in the penal system]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2014, no. 3 (86), pp. 118–124. (In Russ.).

31. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 No. 1138-r "O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (Accessed 01.03.2022). (In Russ.).

32. Romanova K.S. Manipulyatsiya kak forma "myagkoi" vlasti [Manipulation as a form of «soft» power]. *Diskurs-Pi = Discourse-P*, 2014, no. 11 (1), pp. 131–135. (In Russ.).

33. Simakova T.A., Gavrina E.E., Fomin V.V. Vospitanie i razvitie pravovogo samosoznaniya sotrudnikov UIS kak sredstvo profilaktiki korruptsionnogo povedeniya. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2015. 120 p. (In Russ.).

34. Sobchik L.N. Standartizirovannyi mnogofaktorny metod issledovaniya lichnosti: Metodicheskoe rukovodstvo. Moscow, 1990. 74 p. (In Russ.).

35. Sobchik L.N., Slavinskaya Yu.V. Psikhodiagnosticheskie kriterii otsenki kriminal'nykh naklonnostei. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).

36. Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V. Kriminologicheskie aspekty agressivnosti [Criminological Aspects of Aggression] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 209–225. doi:10.17759/psylaw.2022120116 (In Russ.).

37. Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I., Sundukova V.V. Psikhologicheskie osobennosti prestupnikov-korruptsionerov, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody [Psychological Make-up of Corrupt Officials Serving their Sentences in Confinement Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 5–19. doi:10.17759/psylaw.2020100301 (In Russ.).

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

38. Tonkov E.E. Korruptsiya kak priznak kriminalizatsii vlasti [Corruption as an indicator of criminalization of power]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2011, no. 3, pp. 50–58. (In Russ.).

39. Khabibulin A.K. Korruptsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti: metodologiya, problemy i puti ikh resheniya [Corruption as threat to national security: methodology, problems and ways of their decision]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 2 (122), pp. 45–50. (In Russ.).

40. Tsvetkova N.A. Smyslozhiznennye orientatsii i stremleniya sotrudnikov ugovolno-iskolnitel'noi sistemy v zavisimosti ot urovnya ikh sameffektivnosti [Life orientations and aspirations of the penal system's employees, depending on their level of self-efficacy] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020. Vol. 14, no. 1, pp. 128–138. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(1).128-138 (In Russ.).

41. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Perseus Books. 1954. 76 p.

42. Batson C.D., Ahmad N.Y. Using empathy to improve intergroup attitudes and relations. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, no. 1, pp. 141–177. doi:10.1111/j.1751-2409.2009.01013.x

43. Boag E., Wilson D. Inside experience: Engagement empathy and prejudice towards prisoners. *Journal of Criminal Psychology*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 33–43. doi:10.1108/JCP-06-2013-0016

44. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983. Vol. 44, no. 1, pp. 113–126. doi:10.1037/0022-3514.44.1.113

45. Pettigrew T.F., Tropp L.R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 38, no. 6, pp. 922–934. doi:10.1002/ejsp.504

46. Tulloch B. Guarding against manipulation by criminal offenders. *Australasian Journal of Correctional Staff Development*. 2010. URL: <https://csa.intersearch.com.au/csajspui/bitstream/10627/456/1/Guarding-against-Manipulation-by-Criminal-Offenders.pdf> (Accessed 01.03.2022).

Информация об авторах

Суслов Юрий Евгеньевич, кандидат психологических наук, начальник, отдел психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, центр исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); доцент, факультет политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (ФГБУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, e-mail: zimburu@mail.ru

Кулакова Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, центр исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru.

Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Левицкая Л.В.
Специфические признаки потенциального вовлечения
сотрудников уголовно-исполнительной системы
Российской Федерации в преступления
коррупционной направленности
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 121–139

Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V.
The Specific Signs of the Potential Involvement
of Employees of the Penitentiary System
of the Russian Federation in Corruption-Related Crimes
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 121–139

Левицкая Линда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной педагогики и психологии, Гуманитарный институт, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748>, e-mail: lindavladi@yandex.ru

Information about the authors

Yury E. Suslov, PhD in Psychology, Head, Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal Enforcement System, Center for Research on the Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for the Professional Activities of Employees of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor, Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X> e-mail: zimburu@mail.ru

Svetlana V. Kulakova, PhD in Education, Senior Researcher, Center for Research on the Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for the Professional Activities of Employees of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Linda V. Levitskaya, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Psychology, Institute for the Humanities, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9824-748>, e-mail: lindavladi@yandex.ru

Получена 15.07.2022
Принята в печать 15.10.2023

Received 15.07.2022
Accepted 15.10.2023

Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Солдатова К.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Актуальность исследования определяется трудностями дифференциальной диагностики уголовно-релевантного аффекта и эмоциональных реакций, в генезе которых существенную роль играет самовзвинчивание. Целью исследования является выделение существенных признаков самовзвинчивания, анализ психологических механизмов его возникновения и развития. Феномен самовзвинчивания у лиц с расстройствами личности проанализирован в контексте когнитивных теорий эмоций, нервно-психического гомеостаза, аффективных комплексов, доминанты и агрессии. Сделан вывод, что самовзвинчивание можно определить как многокомпонентный психический процесс, обуславливающий интенсификацию эмоционального возбуждения посредством аутостимуляции, которая может осуществляться как во внутреннем плане, так и с взаимовлиянием как внутренних процессов, так и внешних воздействий. Практическое значение исследования заключается в том, что при дифференциальной диагностике аффекта и психических состояний, связанных с самовзвинчиванием, при сходной феноменологии криминальной стадии, необходимо учитывать различный психологический механизм возникновения и развития эмоциональной реакции в предкриминальной ситуации.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, аффект, самовзвинчивание, расстройство личности.

Для цитаты: Сафуанов Ф.С., Солдатова К.М. Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 140–151. DOI:10.17759/psylaw.2024140109

Criminally Relevant Affect and Self-Excitation Reaction

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Kseniya M. Soldatova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

The relevance of the study is determined by the difficulties of differential diagnosis of criminally relevant affect and emotional reactions, in the genesis of which self-excitation plays an essential role. The purpose of the study is to identify the essential signs of self-excitation, to analyze the psychological mechanisms of its occurrence and development. The phenomenon of self-excitation in individuals with personality disorders has been analyzed in the context of cognitive theories of emotions, neuropsychic homeostasis, affective complexes, dominance and aggression. It is concluded that self-excitation can be defined as a multicomponent mental process that causes the intensification of emotional arousal through autostimulation, which can be carried out both internally and with the mutual influence of both internal processes and external influences. The practical significance of the study lies in the fact that in the differential diagnosis of affect and mental states associated with self-excitation, with a similar phenomenology of the criminal stage, it is necessary to take into account the different psychological mechanism of the emergence and development of an emotional reaction in a pre-criminal situation.

Keywords: complex forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological examination, affect, self-excitation, personality disorder.

For citation: Safuanov F.S., Soldatova K.M. Criminally Relevant Affect and Self-Excitation Reaction. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 140–151. DOI:10.17759/psylaw.2024140109 (In Russ.).

Введение

Объектом исследования судебного эксперта-психолога, так же как и судебно-психиатрического эксперта, является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях [8; 16]. Специфика судебно-экспертного подхода, в отличие от общей психодиагностики, выражается в понятии «юридически значимые ситуации», т. е. ситуации, в которых совершаются те или иные поступки, оценивающиеся в зависимости от предметного вида судебной экспертизы с помощью разнообразных критериев. Так, в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе (КСППЭ) несовершеннолетнего обвиняемого такой ситуацией будет ситуация совершения правонарушения [16], при экспертизе суицидента — период времени, предшествовавший самоубийству, и сам момент суицида [17], а при экспертизе свидетеля — предкриминальная, криминальная, посткриминальная, следственная и судебная ситуации [9].

Одним из наиболее сложных предметных видов КСППЭ является экспертиза аффекта у обвиняемого. В силу трехфазной динамики уголовно-релевантного аффекта критерии судебно-психологической экспертной оценки разработаны и для предкриминальной (доаффективной), и для криминальной (собственно аффективной), и для посткриминальной (постаффективной) ситуаций [5; 20]. При дифференциальной диагностике аффекта со схожими психическими состояниями и реакциями обычно используют различие облигатных признаков на аффективной фазе: так, при физиологическом или кумулятивном аффекте, с одной стороны, и при патологическом аффекте, с другой, доаффективная фаза может быть сходной, но в самой криминальной ситуации выявляются отличительные характеристики. Так же сходными могут быть докриминальные фазы при дифференциальной диагностике аффекта с эмоциональными реакциями, не достигающими степени выраженности аффекта, однако особенности психической деятельности в криминальной ситуации отчетливо различаются [11; 18; 20].

В то же время есть один вид дифференциальной диагностики, когда феноменология криминальных фаз при аффекте и при психопатической реакции вследствие самовзвинчивания могут не отличаться друг от друга: и там и там наблюдаются частичное сужение сознания, нарушения произвольной регуляции деятельности. Ясно, что в этом случае сходная феноменология имеет различные психологические механизмы и клинко-психологические критерии играют решающую роль для судебно-экспертной оценки уже не криминальной, а докриминальной стадии. Однако кроме указаний на то, что эмоциональные реакции, связанные с самовзвинчиванием, носят характер привычного типа реагирования в субъективно сложных ситуациях у лиц с расстройством личности и их нельзя расценивать как уголовно-релевантный аффект [11], анализа психологического механизма феномена самовзвинчивания не проводилось.

Самовзвинчивание — лексема интуитивно понятная, но ее житейски смысловая очевидность не может удовлетворять требованиям науки. Несмотря на широкое использование данной категории в научных источниках, анализ специальной литературы не обнаруживает какого-либо определения указанного понятия, механизмов и целостного описания его феноменологии.

Целью исследования является выделение существенных признаков самовзвинчивания, анализ психологических механизмов его возникновения, развития и формулирование содержания научного понятия.

Психологические механизмы самовзвинчивания

Обзор литературы на данную тему позволяет проследить следующие тенденции употребления рассматриваемой категории: она, во-первых, используется в работах по судебной психологии и психиатрии, а во-вторых, сугубо в контексте личностных расстройств [11; 15]. Инициация «самовзвинчивания» наиболее типична для субъективно сложных ситуаций с индивидуально значимым триггером, вследствие чего относится к проявлениям диспозиционной логики поведения; в контексте фрустрирующих воздействий самовзвинчивание квалифицируется как проагрессивный фактор [15]. С наибольшей частотой самовзвинчивание сопряжено с такими индивидуально-психологическими особенностями, как эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, возбудимость, демонстративность [1; 15; 19]. Кроме того, самовзвинчивание часто используется с термином «самопопустительство», определяясь как его частное выражение [3; 6; 7]. На наш взгляд, такое отождествление не вполне корректно ввиду разнородности этих психологических категорий: самовзвинчивание — это процесс, психологический механизм, а самопопустительство — установка, отношение к реализуемому

процессу. Тем не менее, такое положение связано с общепринятым, отмечающимся большинством авторов признанием реакции самовзвинчивания как произвольной и управляемой: она описывается как «рациональное управление аффектом», «механизм произвольной аффектации» [6], «эмоциональная накрутка» [12], «намеренное усиление аффективного напряжения» [11]; однако степень контролируемости изучаемого процесса представляется спорной. Так, Ф.С. Сафуанов описывает вариативность экспертных решений в зависимости от отношения подэкспертного к возникающему у него импульсу к самовзвинчиванию — потакания или противостояния ему. При непосредственной реализации склонности к самовзвинчиванию в конфликтной ситуации с осознанным пренебрежением самоконтролем подэкспертный, как правило, признается «вменяемым», а в случае попыток противодействия ей, которые оказались безуспешными ввиду личностной дисгармонии и неспособности перейти на смысловой уровень регуляции, — «ограниченно вменяемым» [15].

Результирующий эффект самовзвинчивания представляет собой «аффективный взрыв» с реализацией действий агрессивного характера [10; 11]. Безусловно, исследуемый процесс не всегда приводит к противоправным действиям, а указанная причинно-следственная связь продиктована судебно-экспертным контекстом, однако самовзвинчивание обуславливает значительную интенсификацию негативно окрашенных эмоциональных переживаний. Ввиду того, что целесообразность процесса негативной самоаффектации сомнительна, требуется установление психологического назначения и смысла самовзвинчивания посредством целостного анализа его механизма. Разрешение неясности регуляторного потенциала самовзвинчивания имеет существенное значение для уточнения экспертных критериев определения аффекта у обвиняемого в практике КСППЭ.

Когнитивный компонент самовзвинчивания. Согласно когнитивным теориям эмоций, возникновение эмоциональной реакции предполагает определенную последовательность процессов: возникновение ситуации — активизация релевантного опыта (знаний о похожих ситуациях) — когнитивная оценка события — физиологическое возбуждение — атрибуция возбуждения — эмоция [31]. В последующем эмоция, ввиду присущей ей побуждающей функции, с одной стороны, и адаптивной роли — с другой, запускает сообразное разрешению ситуации поведение, которое в данном случае будет целенаправленным эмоциональным поведением [13]. Однако С. Шехтер с коллегами описывали и отличные случаи развития эмоциональной реакции, в частности, «особый» или «специальный» способ актуализации эмоций, когда возникшее и осознанное, но «неопредмеченное» возбуждение вызывает у субъекта потребность объяснить его появление и найти его источник; в данном случае модальность эмоции будет зависеть от того, какое именно объяснение возбуждения принято субъектом, какой источник ему в итоге приписан [4].

На основании исследовательских данных о «принадлежности» реагирования по типу самовзвинчивания лицам с легко возбудимой нервной системой, формирование изучаемого феномена в рамках описанной теории, на наш взгляд, берет свое начало на этапе атрибутирования. Так, уровень переживаемого возбуждения будет несоразмерно высок по отношению к когнитивной оценке значимости ситуации, обуславливая выраженный дисбаланс при атрибуции. Указанное несоответствие будет порождать у субъекта потребность в поиске убедительных оснований, соразмерных интенсивности возбуждения, осуществляемого посредством перезапуска этапов активизации релевантного опыта и когнитивной переоценки. Новые актуализируемые события прошлого, суждения и переживания, в разной степени ассоциированные с настоящей ситуацией, будут, в свою очередь, стимулировать рост возбуждения с формированием все более аффективно насыщенного фона. Таким образом, происходит

планомерное самовозбуждение субъекта вследствие когнитивного «замыкания» с избыточной внутренней мыслительной переработкой собственных ассоциаций.

В некоторых исследованиях аффективные процессы подразделяются на «нисходящие» и «восходящие» в зависимости от источника их генерации; так, восходящие эмоции являются ответом на условно объективные эмоционально-перцептивные свойства стимула, а нисходящие эмоции берут свое начало из когнитивной оценки ситуации [32]. Успешность реализации коррекции или эмоциональной регуляции будет отличаться в зависимости от метода генерации эмоций. Так, «нисходящая генерация эмоций» практически не подвержена влиянию внешних обстоятельств и даже при объективном изменении ситуации эмоциональное состояние, обусловленное субъективной когнитивной оценкой, будет оставаться прежним, а возбуждение сохраняться дольше.

Когнитивная переоценка обычно выделяется как одна из наиболее адаптивных форм эмоциональной регуляции, так как предполагает переосмысление событий «в менее эмоциональных категориях». Вероятно, у носителей исследуемого нами феномена одним из факторов, обуславливающим такую контрпродуктивную, парадоксальную когнитивную переоценку значимости события в сторону повышения ее субъективной значимости, является преобладание экстрапунитивного типа реагирования. Изучение ретроспективных отчетов правонарушителей, совершивших насильственные действия на фоне сильного гнева, показывает, что они часто настаивали на том, что их агрессия была лишь следствием поведения потерпевших, были уверены в оправданности своих действий, не считали себя виноватыми [22]. Ввиду высокой активации самооправдания при приверженности внешнеобвиняющей позиции, у таких лиц гнев, с одной стороны, значительно более устойчив к попыткам подавления через сознательную регуляцию, а с другой стороны, такие лица склонны подпитывать собственный негативный аффект посредством уверенности в его оправданности и правомерности. Именно указанные свойства и оценки могут свидетельствовать о прочной связи между реакциями самовзвинчивания и самопопустительства.

Имеет смысл выделить и метакогнитивный аспект в формировании самовзвинчивания. Метакогниции — это особый компонент познавательной сферы, состоящий в сознательном анализе или рефлексии собственной мыслительной или эмоциональной «продукции» [25]. Результаты такого внутреннего анализа могут служить самостоятельным источником происхождения каких-либо аффективных откликов, а в некоторых случаях становится сверхзначимым стимулом, подчиняющим себе мотивацию и поведение индивида.

Обобщая вышесказанное, самовзвинчивание может развиваться на почве дезадаптивной когнитивной переоценки, продиктованной: 1) поиском дополнительных источников для атрибутирования высокого уровня возбуждения, посредством которых происходит повышение субъективной значимости происходящего; 2) экстрапунитивным когнитивным стилем с убежденностью в правомерности собственных гневных переживаний и, как следствие, их протрагирования; 3) малой чувствительностью к изменениям внешних условий с фиксацией на собственных оценках; 4) актуализацией дисфункциональных метакогниций, как дополнительного источника аффективных импульсов.

Самовзвинчивание с точки зрения концепции нервно-психического гомеостаза. В энергетической концепции Дж. Фримэна [29] выделяются три составляющие гомеостатического цикла психического состояния: возбуждение, разрядка и восстановление. Каждая из них обладает определенной устойчивостью и собственным порогом «переключения» — индексом. Согласно автору, изначально субъект находится в состоянии покоя, которое обладает некоторой стабильностью и резистентностью к модификациям; несмотря на сопротивление,

субъект может «смещаться» с этого базового состояния внешними стимулами, генерирующими добавочное возбуждение. Вызванное возбуждение порождает разрядку и затем сменяется восстановлением — возвращением системы к состоянию покоя. Индекс восстановления (ИВс) описывает взаимосвязь между возбуждением и разрядкой, указывает на темп уравнивающих смещений в пользу внутреннего покоя; так, низкий индекс восстановления будет свидетельствовать о наличии значительных тенденций к поддержанию напряжения. Индекс возбуждения (ИВз) определяет потенциал мобилизации организма для противодействия (внешней или внутренней) стимуляции. Индекс разрядки (ИР) связан с активностью, посредством которой организм реализует возникшее возбуждение.

Однако некоторые способы реагирования могут больше возвращать в систему возбуждения, чем выводить: автор указывает, что каждый избыточно произведенный ответ на стимул будет приводить к повторному возбуждению. В случае если возбуждение, вызванное стимулом, не утилизируется посредством открытой реакции, оно сохраняется, пролонгируя дисбаланс системы.

С высокой долей вероятности можно допустить, что у лиц с легко возбудимой нервной системой ИВз и ИР будут высокими, а ИВс — низким. Об этом свидетельствуют присущие им сильные раздражительные процессы и отстающие по силе тормозные. Высокий ИР может сигнализировать о наиболее быстрой и эффективной утилизации возбуждения, однако, кроме того, это может свидетельствовать о чрезмерной реакции и, как следствие, повторном возбуждающем эффекте реализуемых способов отреагирования. Самовзвинчивание в контексте данной концепции относится именно к звену разрядки и отражает процесс, при котором отреагирование, ввиду своей чрезмерности и избыточности, будет порождать дополнительное возбуждение до тех пор, пока разрядка не превзойдет по мощности добавочное возбуждение, либо не доведет до истощения энергетических ресурсов нервной системы.

Самовзвинчивание в контексте аффективных комплексов. Возникновение интенсивного, насыщенного эмоционального отклика на какой-либо стимул будет способствовать образованию специфического опыта — аффективного следа или комплекса. Под аффективным комплексом понимают совокупность представлений, зафиксированных в рамках аффективно насыщенной ситуации и актуализирующихся под влиянием раздражителей, ассоциативно связанных с той обстановкой, которая в прошлом вызвала эмоциональную реакцию [2; 14]. Выявляются существенные различия в маршрутизации ассоциативных связей при нейтральном и эмоционально насыщенном стимуле. Когда исходное воспринимаемое явление не затрагивает эмоциональных переживаний, ассоциироваться будут те признаки, которые наиболее часто встречаются вместе в жизни субъекта в силу их объективной сопринадлежности к одним и тем же типовым ситуациям. В случае же, когда стимул несет субъективную эмоциональную окрашенность для воспринимающего его субъекта, ассоциация отклоняется от стандартного маршрута и следует по пути актуализации тех представлений, которые в личном опыте, под влиянием выраженного аффективного переживания, оказались зафиксированы в единую систему.

Можно полагать, что у лиц со склонностью к самовзвинчиванию круг аффективных комплексов шире, чем у лиц с психологическими ингибиторами возбуждения. Это обуславливает высокую вероятность актуализации аффективного комплекса (или сразу нескольких) даже при относительно нейтральных стимулах, с репрезентацией в сознании субъекта множества аффективно окрашенных переживаний. Эти переживания будут провоцировать дополнительные эмоциональные «вспышки» и добавочное возбуждение.

Самовзвинчивание и теория доминанты. Одна из наиболее характерных черт доминанты — способность доминирующей на данный момент системы смыслов «откликаться» на самый широкий круг внешних стимулов, в том числе впервые попавших в поле зрения объекта. Вновь приходящие раздражители будут перерабатываться и действовать преимущественно в плане подкрепления актуальной линии возбуждения и текущей установки [21]. Нейрональный механизм самовзвинчивания может быть соотнесен с теорией доминанты. Субъективно значимая ситуация, вызывающая у возбудимых лиц интенсивный подъем возбуждения с ярким эмоциональным откликом, создает доминирующий мотивационный «центр», который, в свою очередь, начинает подкреплять собственное возбуждение, как сообразными, так и напрямую не связанными, посторонними импульсами. Как следствие, субъект расширяет границы триггерного события и «накачивает» эмоциональное переживание путем включения в него как собственных внутренних представлений, так и побочных внешних ситуативных факторов посредством избирательности восприятия. Доминанта у лиц с расстройством личности не уравнивается личностными структурами, тормозящими агрессивное возбуждение [15].

Самовзвинчивание через призму агрессии. Первое, требующее внимания в изучаемом контексте свойство агрессии, касается ее связи с получением позитивных эмоций. Помимо очевидной, привычной связи агрессии с переживанием негативно окрашенных чувств, в многочисленных исследованиях обнаруживается и противоположное наблюдение: агрессия может вызывать приятные ощущения. При этом данные свидетельствуют о том, что наибольшая корреляция с позитивными эмоциями составляет реактивная агрессия (в ответ на реальную или предполагаемую угрозу), а не проактивная [24]. Агрессия способна восстанавливать испорченное настроение [25], приносить чувство удовольствия [30]. Кроме того, интенсивное чувство гнева, ярости может способствовать значительному повышению самооценки и чувства уверенности в себе [28].

Второй значимый аспект связан с проблемой отреагирования негативных эмоций в качестве способа разрядки и успокоения [26]. Мнение о том, что выражение эмоционального возбуждения в агрессивных действиях способствует восстановлению внутреннего спокойствия, появилось еще во фрейдистских представлениях о катарсисе: негативный аффект накапливается до тех пор, пока агрессивные действия не высвободят его, что приводит к облегчению. Однако, вопреки такой позиции, современные исследования свидетельствуют о том, что реализация агрессии, как посредством вербальных форм (крик, ругань), так и непосредственных действий, не снижала ее уровня, в том числе за счет того, что активное агрессивное поведение увеличивает уровень возбуждения. основополагающим фактором, определяющим успешность разрядки негативных эмоций посредством агрессивных действий, является когнитивное наполнение этого акта. Так, в одном из экспериментов первой группе разгневанных испытуемых предоставили боксерскую грушу для битья, попросив их представлять, что они выражают свою агрессию в адрес обидчика; другая группа испытуемых также была спровоцирована на эмоции злости, и им также предоставили боксерскую грушу, однако их попросили думать о собственной физической форме. Было обнаружено, что в первой группе испытуемых, подпитывающих и циклично повторяющих в сознании агрессивные мысли, уровень гнева увеличился, а участники второй группы демонстрировали более низкие показатели уровня гнева по сравнению с изначальным [23].

С одной стороны, самовзвинчивание, сопровождающееся агрессией, может быть привлекательным для определенного круга лиц ввиду гедонистического компонента такого поведения. А с другой стороны, исследования значения агрессии в качестве разрядки дают вполне

исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему самовзвинчивание, как способ отреагирования посредством ярких внешних реакций в виде вербальной и операциональной агрессии, не способствует разрядке возбуждения, а, наоборот, способствует интенсификации самовозбуждения.

Заключение

Самовзвинчивание можно определить как многокомпонентный психический процесс, обуславливающий интенсификацию эмоционального возбуждения посредством аутостимуляции, которая может осуществляться как во внутреннем плане, так и в смешанной форме с взаимовлиянием как внутренних процессов, так и внешних воздействий. В первом случае самовзвинчивание будет определяться как дисфункциональная, цикличная когнитивная переоценка триггерной ситуации, сопровождающаяся актуализацией ассоциативно связанных с ней представлений, обуславливающая расширение ее субъективной значимости и рост эмоционального отклика. Во втором случае самовзвинчивание будет представлять процесс дисфункциональной разрядки, неадекватной стимулу по интенсивности и достигающей степени контрпродуктивного самостимулирования за счет добавочного возбуждения.

Таким образом, при дифференциальной диагностике аффекта и психических состояний, связанных с самовзвинчиванием, при сходной феноменологии криминальной стадии, необходимо учитывать различный психологический механизм возникновения и развития эмоциональной реакции в юридически значимой предкриминальной ситуации. Это имеет значение для обоснованной судебно-психологической экспертной оценки таких эмоциональных реакций и состояний и влечет отличные друг от друга правовые последствия: диагностика аффекта у обвиняемого служит одним из оснований квалификации привилегированного состава преступления (ст. 107, 113 УК РФ), а совершение преступления вследствие самовзвинчивания не является обстоятельством, смягчающим ответственность [15].

Вопрос сохранения произвольной регуляции в процессе самовзвинчивания остается открытым; вышеописанный анализ наглядно демонстрирует, что «самовзвинчивание» не является однородным конструктом, развивающимся по одним и тем же законам в каждом случае, поэтому доля его произвольности и управляемости будет неодинаковой. Для разрешения этого вопроса необходима более тонкая дифференциация этого феномена, как в плане типологизации (во внешнем, во внутреннем плане; с объектом, без объекта; непосредственное; отсроченное и др.), так и в плане поэтапного развития данной реакции, с чем связаны дальнейшие перспективы исследования.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. 552 с.
2. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ, 1990. 283 с.
3. Георгадзе З.О., Царгасова Э.Б. Судебная психиатрия: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 239 с.
4. Кравченко Ю.Е. Психология эмоций. Классические и современные теории и исследования. М.: Форум, 2012. 544 с.
5. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 28 с.

6. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
7. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М.: Медицина, 1966. 236 с.
8. Метелица Ю.Л., Шишков С.Н. Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы: Сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 146–152.
9. Морозова М.В. Психологический аспект экспертизы способности малолетних и несовершеннолетних давать показания по уголовным делам // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 4. С. 57–68.
10. Нохуров Б.А. Судебно-психиатрическая оценка расстройств личности у подэкспертных, совершивших агрессивные правонарушения: Дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005. 160 с.
11. Печерникова Т.П., Гульдман В.В., Остришко В.В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей: Методическое пособие. М., 1983. 19 с.
12. Пушкина Т.П. Патопсихология: Учебное пособие. Новосибирск, 2017. 106 с.
13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
14. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Академия наук СССР, 1958. 148 с.
15. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
16. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика, Смысл, 1998. 192 с.
17. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017070203
18. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
19. Собчик Л.Н., Славинская Ю.В. Психодиагностические критерии оценки криминальных склонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6–23.
20. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М.: ГНЦ ССП, 2004. 43 с.
21. Ухтомский А.А. Доминанта. М.: АСТ, 1966. 273 с.
22. Baumeister R., Stillwell A., Wotman S. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59(5). P. 994–1005. doi:10.1037//0022-3514.59.5.994
23. Bushman B.J. Does Venting Anger Feed or Extinguish the Flame? Catharsis, Rumination, Distraction, Anger, and Aggressive Responding // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28(6). P. 724–731. doi:10.1177/0146167202289002
24. Bushman B.J., Anderson C.A. Is it time to pull the plug on the hostile versus instrumental aggression dichotomy? // Psychological Review. 2001. Vol. 108(1). P. 273–279. doi:10.1037/0033-295x.108.1.273
25. Chester D.S., DeWalt C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45(8). P. 1252–1268. doi:10.1177/0146167218816327
26. Chester D.S., West S.J. Trait Aggression is Primarily a Facet of Antagonism: Evidence from Dominance, Latent Correlational, and Item-Level Analyses // Journal of Research in Personality. 2020. Vol. 89. doi:10.1016/j.jrp.2020.104042

27. Colman A.M. Dictionary of Psychology. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
28. Fava M., Anderson K., Rosenbaum J.F. "Anger attacks": Possible variants of panic and major depressive disorders // The American Journal of Psychiatry. 1990. Vol. 147(7). P. 867–870. doi:10.1176/ajp.147.7.867
29. Freeman G.L. The energetics of human behavior. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1948.
30. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity). Some comments from a research project // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2005. Vol. 30(3). P. 276–291. doi:10.1016/j.neubiorev.2005.04.015
31. Shachter S. The Psychology of Affiliation: Experimental Studies of the Sources of Gregariousness. Stanford: Stanford University Press, 1959.
32. Venkatraman A., Edlow B.L, Immordino-Yang M.H. The Brainstem in Emotion: A Review // Frontiers in Neuroanatomy. 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnana.2017.00015

References

1. Aleksandrovsky Yu.A. Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva. Moscow: GEOTAR-Media, 2021. 552 p. (In Russ.).
2. Vilyunas V.K. Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka. Moscow: MGU Publ., 1990. 283 p. (In Russ.).
3. Georgadze Z.O., Tsargasova E.B. Sudebnaya psikhiatriya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Zakon i pravo; YuNITI-DANA, 2002. 239 p. (In Russ.).
4. Kravchenko Yu.E. Psikhologiya emotsii. Klassicheskie i sovremennye teorii i issledovaniya. Moscow: Forum, 2012. 544 p. (In Russ.).
5. Kriterii sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenki yuridicheski relevantnykh emotsional'nykh sostoyanii u obvinyaemykh: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FGBU "NMITs PN imeni V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2016. 28 p. (In Russ.).
6. Kudryavtsev I.A. Sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1988. 224 p. (In Russ.).
7. Lunts D.R. Problema nevmenyaemosti v teorii i praktike sudebnoi psikhiatrii. Moscow: Meditsina, 1966. 236 p. (In Russ.).
8. Metelitsa Yu.L., Shishkov S.N. Ob"ekty sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya novykh vidov sudebnoi ekspertizy: Sbornik nauchnykh trudov.* Moscow: VNIISE Publ., 1987, pp. 146–152. (In Russ.).
9. Morozova M.V. Psikhologicheskii aspekt ekspertizy sposobnosti maloletnikh i nesovershennoletnikh davat' pokazaniya po ugovolnym delam [Psychological aspect of the expertise of the juvenile and under age children ability to bear witness on the criminal cases]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1997. Vol. 18, no. 4, pp. 57–68. (In Russ.).
10. Nokhurov B.A. Sudebno-psikhiatricheskaya otsenka rasstroistv lichnosti u podekspertnykh, sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya: Diss. kand. med. nauk. Moscow, 2005. 160 p. (In Russ.).
11. Pechernikova T.P., Guldan V.V., Ostrishko V.V. Osobennosti ekspertnoi otsenki affektivnykh reaktzii v moment soversheniya pravonarusheniya u psikhicheski zdorovykh i psikhopaticheskikh lichnostei: Metodicheskoe posobie. Moscow, 1983. 19 p. (In Russ.).
12. Pushkina T.P. Patopsikhologiya: Uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2017. 106 p. (In Russ.).
13. Reikovskiy Ya. Eksperimental'naya psikhologiya emotsii. Moscow: Progress, 1979. 392 p. (In Russ.).

14. Rubinshtein S.L. O myshlenii i putyakh ego issledovaniya. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 148 p. (In Russ.).
15. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii. Moscow: Smysl, 2003. 300 s. (In Russ.).
16. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse. Moscow: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
17. Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Deyatel'nost', napravlenaya na pobuzhdenie detei k suitsidal'nomu povedeniyu: vozmozhnosti sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017070203 (In Russ.).
18. Sitkovskaya O.D. Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti. Moscow: NORMA, 1998. 285 p. (In Russ.).
19. Sobchik L.N., Slavinskaya Yu.V. Psikhodiagnosticheskie kriterii otsenki kriminal'nykh naklonnostei. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
20. Dmitrieva T.B., Makushkin E.V. (Eds.). Sudebno-psikhologicheskie ekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinyaemogo: Posobie dlya vrachei. Moscow: GNTs SSP Publ., 2004. 43 p. (In Russ.).
21. Ukhtomsky A.A. Dominanta. Moscow: AST, 1966. 273 p. (In Russ.).
22. Baumeister R., Stillwell A., Wotman S. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 59, no. 5, pp. 994–1005. doi:10.1037//0022-3514.59.5.994
23. Bushman B.J. Does Venting Anger Feed or Extinguish the Flame? Catharsis, Rumination, Distraction, Anger, and Aggressive Responding. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002. Vol. 28, no. 6, pp. 724–731. doi:10.1177/0146167202289002
24. Bushman B.J., Anderson C.A. Is it time to pull the plug on the hostile versus instrumental aggression dichotomy? *Psychological Review*, 2001. Vol. 108, no. 1, pp. 273–279. doi:10.1037/0033-295x.108.1.273
25. Chester D.S., DeWall C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45, no. 8, pp. 1252–1268. doi:10.1177/0146167218816327
26. Chester D.S., West S.J. Trait Aggression is Primarily a Facet of Antagonism: Evidence from Dominance, Latent Correlational, and Item-Level Analyses. *Journal of Research in Personality*, 2020. Vol. 89. doi:10.1016/j.jrp.2020.104042
27. Colman A.M. Dictionary of Psychology. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
28. Fava M., Anderson K., Rosenbaum J.F. “Anger attacks”: Possible variants of panic and major depressive disorders. *The American Journal of Psychiatry*, 1990. Vol. 147, no. 7, pp. 867–870. doi:10.1176/ajp.147.7.867
29. Freeman G.L. The energetics of human behavior. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1948.
30. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity). Some comments from a research project. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2005. Vol. 30, no. 3, pp. 276–291. doi:10.1016/j.neubiorev.2005.04.015
31. Shachter S. The Psychology of Affiliation: Experimental Studies of the Sources of Gregariousness. Stanford: Stanford University Press, 1959.
32. Venkatraman A., Edlow B.L., Immordino-Yang M.H. The Brainstem in Emotion: A Review. *Frontiers in Neuroanatomy*, 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnana.2017.00015

Информация об авторах

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Солдатова Ксения Михайловна, младший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Information about the authors

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Ksenia M. Soldatova, Research Assistant, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Получена 18.04.2023
Принята в печать 18.08.2023

Received 18.04.2023
Accepted 18.08.2023

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

«Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении гражданско-правового статуса

Русаковская О.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

В рамках решения задачи разработки методик, направленных на повышение качества и доказательности судебно-психиатрических решений, в сравнительном нерандомизированном исследовании проведена апробация методики «Проблемные ситуации» как метода судебно-психиатрического исследования в гражданских делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса. Материал исследования: сплошная выборка из 67 человек, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в связи с изменением гражданско-правового статуса в 2021—2022 гг. В отношении 12 человек дано заключение, соответствующее дееспособности; 24 человек — ограниченной дееспособности; 31 человек — недееспособности. С помощью попарного сравнения групп с использованием критерия согласия Пирсона (Chi-квадрат) и процедуры бикластеризации подтверждена прогностическая валидность метода.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, недееспособность, ограниченная дееспособность, сделкоспособность, методика судебно-психиатрического исследования, проблемные ситуации.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Интегративные модели судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в гражданском процессе, проводимых в интересах наиболее уязвимых групп населения», номер темы в ЕГИСУ НИОКТР: 124020800063-2.

Дополнительные данные. Набор данных доступен онлайн: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/990d2c29-86b8-4456-9268-50565c8f750e/full>

Для цитаты: *Русаковская О.А.* «Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении гражданско-правового статуса [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 152–167. DOI:10.17759/psylaw.2024140110

“Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric Research Method when Changing Civil Legal Status

Olga A. Rusakovskaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

As part of solving the task of developing methods to improve the quality and evidence of forensic psychiatric decisions, in a comparative non-randomized study the “Problem Situations” methodology was tested as a method of forensic psychiatric assessment in civil cases on applications for change civil legal status. The sample consisted of 67 subjects who underwent inpatient forensic psychiatric examination in connection with the decision on the issue of changing their civil status in 2021—2022. A conclusion corresponding to legal capacity was given in relation to 12 people; diminished legal capacity - 24 people; incapacity — 31 people. Pairwise group comparisons using Pearson’s goodness-of-fit test (Chi-square) and biclustering procedures confirmed the predictive validity of the method.

Keywords: forensic psychiatry, legal incapacity, diminished capacity, financial capacity, forensic instruments, problem situations.

Funding. The reported study was funded by Ministry of Health of the Russian Federation within the framework of the state task, project internet number in Unified State Accounting Information System for research, development and technological civil works № 124020800063-2.

Supplemental data. Accessed online at <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/990d2c29-86b8-4456-9268-50565c8f750e/full>

For citation: Rusakovskaya O.A. “Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric Research Method when Changing Civil Legal Status. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 152–167. DOI:10.17759/psylaw.2024140110 (In Russ.).

Введение

Одной из крайне актуальных сегодня для российской судебной психиатрии задач является разработка специфических для экспертного исследования методик, направленных на повышение качества и доказательности судебно-психиатрических решений. Такие методики широко используются за рубежом и, как мы указывали ранее, эффективно дополняют стандартные клиничко-психопатологические и экспериментально-психологические методы исследования. Они позволяют структурировать исследование, акцентируя внимание эксперта непосредственно на имеющих юридическое значение функциональных способностях, уменьшают влияние субъективных факторов, удобны для динамической оценки как психического состояния, так и оцениваемых функциональных способностей, облегчают подготовку экспертного заключения и делают его более доказательными для судей [15; 20].

В гражданском процессе наибольшее распространение имеют судебно-психиатрические экспертизы в связи с решением вопросов дееспособности [3; 8], что связано, в первую оче-

редь, с обязательностью проведения экспертиз по данной категории дел. При этом в последние годы отмечается отчетливое увеличение количества экспертиз, назначаемых в связи с заявлениями о повышении гражданско-правового статуса: признании дееспособными или ограниченно дееспособными лиц, признанных ранее недееспособными [14; 16]. В традиции российской судебно-психиатрической школы медицинский критерий недееспособности связывается с тяжелыми психическими расстройствами, которые имеют хроническое течение и приводят к стойким нарушениям социального функционирования, в том числе на практически-бытовом уровне, и социальной дезадаптации [13]. Юридический критерий недееспособности в статье 29 Гражданского кодекса Российской Федерации сформулирован как неспособность понимать значение своих действий и руководить ими. При этом, как мы указывали ранее, «...исходя из смысла дееспособности, гражданин, способный понимать значение своих действий, должен быть способен учитывать различные аспекты ситуации, принимать решения, касающиеся бытовых, социальных и гражданско-правовых вопросов, прогнозировать в достаточной степени последствия своих решений, осознавать установленную законом ответственность за определенные действия» [9]. В качестве юридического критерия ограниченной дееспособности большинством российских авторов в настоящее время рассматривается неспособность понимать значение своих действий и руководить ими при совершении крупных имущественных сделок, что делает необходимым оценку проспективной сделкоспособности при экспертном исследовании [11; 6; 7].

Одним из возможных подходов к проведению экспертного исследования, направленного на оценку функциональной способности лиц с психическими расстройствами понимать значение своих действий, является применение ситуационных задач, направленных на исследование способности рассуждать о вопросах, выходящих за границы повседневного практически-бытового функционирования, в том числе о вопросах, касающихся совершения крупных имущественных сделок и гражданско-правовой ответственности, межличностных и социальных отношений, здоровья, чрезвычайных ситуаций, что, по нашему мнению, соотносится с правовым понятием «способность понимать значение своих действий». Как указывают специалисты в области гражданского права, с точки зрения законодателя предполагается, что любой совершеннолетний субъект достигает и необходимого уровня психической зрелости для самостоятельного участия в гражданско-правовых отношениях. При этом уровень «воле-способности» субъекта права зависит от сформированности у него к этому возрасту определенных социальных, психологических, психофизических и т. п. качеств, его психического и психологического состояния [2; 12]. В рамках этого подхода, личностно-центрированного подхода Питера Лихтенберга к оценке способностей анализа и принятия решений по вопросам, имеющим экспертное значение [19; 21—23], с учетом многочисленных примеров использования зарубежных методов судебно-психиатрического исследования при решении вопросов дееспособности [20; 17], была разработана методика «Проблемные ситуации». В проведенном ранее исследовании были выделены первичные и вторичные критерии оценки ответов испытуемых по каждой из проблемных ситуаций, подтверждена внутренняя согласованность методики [9]. В то же время как инструмент, обладающий прогностической валидностью и пригодный для судебно-психиатрической оценки, методика апробирована не была, что и определило цель настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

Выборку составили 67 человек, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в 2021—2022 гг. в отделе судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» в связи с решением вопроса об изменении гражданско-правового статуса. Из них в отношении 12 человек было дано заключение судебно-психиатрической экспертизы, соответствующее дееспособности, 24 человек — соответствующее ограниченной дееспособности и 31 человек — соответствующее недееспособности. Структура и основные характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структура и основные характеристики выборки

Характеристики испытуемых	Заключение соответствовало дееспособности N = 12	Заключение соответствовало ограниченной дееспособности N = 24	Заключение соответствовало недееспособности N = 31	Всего N=67
Шизофрения (N (%))	3 (25%)	9	19	31
Расстройство интеллектуального развития (N (%))	3 (25%)	11 (45,8%)	7 (22,6%)	21 (31,3%)
Органическое психическое расстройство (N (%))	5 (41,7%)	4 (16,7%)	5 (16,1%)	14 (20,9%)
Психическим расстройством не страдает (N (%))	1 (8,3%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (1,5%)
Экспертиза в связи с решением вопроса о повышении гражданско-правового статуса (N (%))	12 (100%)	23 (95,8%)	24 (77,4%)	59 (88,1%)
Возраст на момент обследования	M = 50,5; SD = 13,4	M = 51,9; SD = 11,6	M = 47; SD = 15,7	M = 46,6; SD = 12,9; Med = 45; Min = 19; Max = 75
Инвалидность по психическому заболеванию (N (%))	11 (91,7%)	24 (100%)	30 (96,8%)	65 (97%)
Гражданско-правовой статус на момент экспертизы: дееспособен (N (%))	0 (0%)	1 (4,2%)	6 (19,4%)	7 (10,4%)

Гражданско-правовой статус на момент экспертизы: недееспособен (N (%))	9 (75%)	22 (91,7%)	25 (80,6%)	56 (83,6%)
Гражданско-правовой статус на момент экспертизы: ограниченно дееспособен (N (%))	3 (25%)	1 (4,2%)	0 (0%)	4 (6%)
Образование по адаптированной программе для детей с нарушениями интеллектуального развития (N (%))	3 (25%)	14 (58,3%)	6 (19,4%)	23 (34,3%)
Образование общее (N (%))	0 (0%)	5 (20,8%)	10 (32,3%)	15 (22,4%)
Образование высшее (N (%))	5 (41,7%)	3 (12,5%)	5 (16,1%)	13 (19,4%)
Образование профессиональное или среднеспециальное (N (%))	7 (58,3%)	9 (37,5%)	17 (54,8%)	33 (49,3%)
Количество госпитализаций в ПБ в течение жизни	M = 5,3; SD = 4,3; Med = 4,5; Min - Max = 0 - 14	M = 6,9; SD = 4,8; Med = 6; Min - Max = 0 - 15	M = 6,7; SD = 5,1; Med = 6; Min - Max = 0 - 20	M = 6,5; SD = 4,9; Med = 6; Min - Max = 0 - 20
Количество человек, получавших в течение последнего года в связи с ухудшением состояния психиатрическую помощь в стационарных условиях (N (%))	1 (8,3%)	1 (4,2%)	9 (29%)	11 (16,4%)
Получатель стационарных социальных услуг (N (%))	6 (50%)	21 (87,5%)	20 (64,5%)	47 (70,1%)

Выборка носила сплошной характер, критериями исключения были отказ от прохождения экспертизы (1 человек, в отношении которого рассматривалось заявление о повышении гражданско-правового статуса) и отказ от участия в исследовании (не было). Все испытуемые были информированы о целях исследования, дали добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Все испытуемые были обследованы автором лично.

Решение экспертной комиссии выносилось без учета результатов выполнения апробируемого метода, что позволяет рассматривать данное исследование как нерандомизированное сравнительное когортное исследование, соответствующее 3 уровню доказательности.

В настоящем исследовании использовалось дихотомическое оценивание проблемных ситуаций как решенных верно или неверно. Оценка определялась сочетанием выделенных в предыдущем исследовании ключевых вторичных параметров. Например, проблемная ситуация № 5 оценивалась как верно решенная при сочетании осведомленности в финансовых понятиях выше 2 баллов с пониманием неразумности дарения квартиры соседке. Проблемная ситуация № 4 оценивалась как верно решенная при понимании, во-первых, необходимости регулярного приема лекарств, во-вторых, ключевой роли нарушений памяти в предложенной ситуационной задаче.

На первом этапе проводилось попарное сравнение результатов выполнения методики «Проблемные ситуации» в трех группах испытуемых: 12 человек, в отношении которых было дано заключение судебно-психиатрической экспертизы, соответствующее дееспособности, 24 человека — соответствующее ограниченной дееспособности и 31 человек — соответствующее недееспособности. Для сравнения использовался метод Хи- квадрат.

На втором этапе с использованием процедуры бикластеризации [1; 4; 5; 18], все испытуемые были разделены на кластеры, в зависимости от успешности выполнения ситуационных задач, относящихся к различным тематическим блокам. Анализировались представленность испытуемых каждой группы в кластерах, а также типичные сочетания клинико-психопатологических, психологических и социальных характеристик.

Результаты и обсуждение

При попарном сравнении трех групп испытуемых, заключение в отношении которых соответствовало недееспособности, ограниченной дееспособности и дееспособности (далее «недееспособные», «ограниченно дееспособные» и «дееспособные»), установлено следующее. При сравнении «дееспособных» с «ограниченно дееспособными» значимых различий в успешности решения ситуационных задач, относящихся к различным тематическим блокам, выявлено не было. При сравнении «недееспособных» с «дееспособными» значимыми оказались различия в успешности решения задач всех тематических блоков, с «ограниченно дееспособными» — всех, кроме задач, касающихся крупных имущественных сделок.

Наиболее значимые различия выявлены между «недееспособными» и «дееспособными», «недееспособными» и «ограниченно дееспособными» в понимании вопросов, связанных с чрезвычайными ситуациями (запах газа, пожар). Если среди испытуемых, заключение в отношении которых соответствовало недееспособности, лишь 8 человек (25,8%) верно понимали причины и последствия чрезвычайных ситуаций, а предлагаемые ими пути решения были вполне разумны и не включали откровенно опасных действий, то среди «дееспособных» таких испытуемых было 100%, а среди «ограниченно дееспособных» — 83%. На втором месте по значимости различий оказались задачи, относящиеся к теме здоровья, которые успешно решали 91,7% «дееспособных», 70,8% «ограниченно дееспособных» и 29% «недееспособных» испытуемых. На третьем месте — задачи, решение которых требовало понимания различных аспектов социального и межличностного взаимодействия. Их успешно решили 91,7% «дееспособных», 75% «ограниченно дееспособных» и 41,9% «недееспособных».

Задачи, касающиеся совершения имущественных сделок и компенсации причиненного ущерба, решение которых требовало достаточно высокой способности понимать гражданско-

правовые вопросы, успешно решали 91,7% «дееспособных», 62,5% «ограниченно дееспособных» и 58% «недееспособных» испытуемых. Значимыми были различия только между «дееспособными» и «недееспособными».

Полученные результаты иллюстрирует табл. 2.

Таблица 2

Решения проблемных ситуаций, относящихся к различным тематическим блокам, испытуемыми, судебно-психиатрическое заключение в отношении которых соответствовало дееспособности, ограниченной дееспособности и недееспособности

Тематические блоки	«Дееспособные» N = 12 (%)	«Ограниченно дееспособные» N = 24 (%)	«Недееспособные» N = 31 (%)	Д-НД	ОД-НД	Д-ОД
Понимание разумного поведения в чрезвычайных ситуациях	12 (100%)	20 (83,3%)	8 (25,8%)	19,14; p = 0,0000*	17,91; p = 0,00*	2,25; p = 0,13
Понимание медицинских вопросов	11 (91,7%)	17 (70,8%)	9 (29%)	13,64; p = 0,0002*	11,98; p = 0,0005*	2,01; p = 0,16
Понимание межличностных и социальных аспектов проблемных ситуаций	11 (91,7%)	18 (75%)	13 (41,9%)	8,68; p = 0,003*	6,01; p = 0,01*	1,42; p = 0,23
Понимание гражданско-правовых вопросов	11 (91,7%)	15 (62,5%)	18 (58%)	4,45; p = 0,03*	0,11; p = 0,73	3,39; p = 0,07

Помимо этого, между группами были выявлены следующие значимые различия. «Недееспособные» в целом хуже понимали содержание проблемных ситуаций. Несмотря на то, что 24 испытуемых из этой группы (77,4%) успешно передали содержание первой проблемной ситуации, они хуже, чем «дееспособные», понимали суть предлагаемых ситуационных задач; чаще не выделяли возможные причины и последствия (Хи-квадрат = 5,04; p = 0,2). В проблемных ситуациях, которые касались преимущественно социальных и межличностных отношений, «недееспособные» чаще не выделяли всех значимых для понимания аспектов, из-за чего искаженно понимали их смысл.

При оценке способности понять смысл проблемных ситуаций, назвать их возможные причины, последствия и пути решения наибольшие различия были обнаружены в способности предложить способ решения. Возможные решения проблемных ситуаций предлагали 91,7% «дееспособных», 83,3% «ограниченно дееспособных» и лишь 29% «недееспособных» испытуемых, что оказалось статистически значимым (Д—НД: Хи-квадрат = 13,64; p = 0,0002; ОД—НД: Хи-квадрат = 16,0; p = 0,0001).

В ходе выполнения методики у «недееспособных» значимо чаще отмечались клинически выраженные нарушения мышления в виде алогии, нецеленаправленности, разноплановости или сугубой конкретности, нарушающие продуктивность выполнения методики. При сравнении с «дееспособными» Хи-квадрат = 15,22, $p = 0,0001$: с «ограниченно дееспособными» Хи-квадрат = 17,91, $p = 0,00$. В то же время такие параметры, как «обращение к экспериментатору за дополнительной информацией», «глубина анализа», «категоричность», «эмоциональное реагирование», «нравоучение», оказались статистически не значимыми, а обстоятельность мышления, наоборот, значимо чаще встречалась у «дееспособных» (Д—НД: Хи квадрат = 5,21; $p = 0,02$; Д—ОД: Хи квадрат = 4,43; $p = 0,035$), проявляясь, в том числе, в перечислении как можно большего количества вариантов причин, последствий или решений проблемной ситуации.

«Дееспособные» и «ограниченно дееспособные» значимо чаще, чем «недееспособные», при выполнении методики говорили о последствиях произошедшего для других лиц (Д—НД: Хи квадрат = 11,76; $p = 0,0006$; ОД—НД: Хи квадрат = 11,06; $p = 0,0009$). Например, в ситуации с пожаром в квартире говорили о необходимости предупреждения и эвакуации соседей.

Предлагаемые «дееспособными» и «ограниченно дееспособными» испытуемыми пути решения проблемных ситуаций значимо чаще, в сравнении с «недееспособными», предполагали собственную активность героя проблемной ситуации (Д: 100%, ОД: 91,7%, НД: 58%; Д—НД: Хи квадрат = 7,21; $p = 0,0072$; ОД—НД: Хи квадрат = 7,70; $p = 0,0055$). Например, в ситуации с сахарным диабетом и нарушениями памяти у женщины их способы решения чаще включали «тренировки памяти» или использование «напоминалок». В то же время и «дееспособные» и «ограниченно дееспособные» чаще были ориентированы на помощь медицинских и социальных служб (Д: 83%; ОД: 54%; НД: 16%; Д—НД: Хи квадрат = 11,76; $p = 0,0006$; ОД—НД: Хи квадрат = 8,89; $p = 0,0029$). Например, в той же проблемной ситуации предлагали обратиться «в опеку», чтобы к женщине «прикрепили соцработника».

«Ограниченно дееспособные» значимо чаще, чем «дееспособные» и «недееспособные», при решении ситуационных задач методики обращались к личному опыту, рассказывая о похожих ситуациях, произошедших в их ближайшем окружении (Д—ОД: Хи квадрат = 6,81; $p = 0,009$; ОД—НД: Хи квадрат = 8,05; $p = 0,0045$).

Применение метода бикластеризации позволило выделить внутри общей выборки пять кластеров [8].

В первый кластер вошли 23 человека, которые хорошо справились с проблемными ситуациями всех четырех тематических групп. Из них 10 страдали шизофренией, 7 — органическим психическим расстройством, 5 — легким нарушением интеллектуального развития; в отношении одной женщины, проходившей экспертизу в связи с заявлением о признании ее недееспособной, было дано заключение, что она психическим расстройством не страдает.

Все испытуемые этого кластера передавали содержание ситуационных задач и понимали их смысл, выделяли причины, называли возможные последствия и способы их решения.

При выделении причин 13 человек продемонстрировали способность к достаточно глубокому анализу, предполагали несколько возможных вариантов, включающих психологические, социальные или медицинские причины.

Испытуемые этого кластера адекватно оценивали возможные последствия описываемых в ситуационной задаче событий и, как правило, предлагали несколько способов их решения. Они выделяли тот, который, с их точки зрения, являлся оптимальным, и были способны пояснить свою позицию.

Предлагаемые пути решения проблемных ситуаций у 19 человек учитывали интересы окружающих (в обстоятельствах, касающихся чрезвычайных ситуаций, решения включали оповещение соседей), у 15 человек предполагали помощь медицинских или социальных служб, у 8 человек — помощь окружающих (родных, друзей, соседей).

Лишь один из испытуемых с шизофренией, состояние которого определялось вторичной депрессией, в целом оценивая будущее пессимистично, в нескольких ситуациях затруднялся с предложением путей их решения, в одном случае предложил «обратиться к Богу».

Три человека, в случае недостаточности знаний, например о том, что представляет собой договор аренды, обращались к экспериментатору за дополнительной информацией. Клинические нарушения мышления отмечались лишь у двух испытуемых с шизофренией, проявлялись недостаточной целенаправленностью и соскальзываниями.

При судебно-психиатрической экспертизе в отношении 10 человек этого кластера было дано заключение, соответствующее дееспособности; в отношении 11 человек (5 — с шизофренией, 3 — с расстройством интеллектуального развития, 3 — с органическим расстройством личности) — ограниченной дееспособности. В отношении 2 испытуемых было дано заключение, рекомендуемое сохранение имеющегося гражданско-правового статуса «недееспособный». Оба испытуемых страдали шизофренией, и их психическое состояние определялось выраженным психопатоподобным дефектом с нарушениями поведения, эмоционально-волевой сферы и социального функционирования с повышенной активностью, импульсивностью и непродуктивностью в повседневной деятельности.

Во второй кластер вошли 14 человек, справившиеся с проблемными ситуациями нескольких тематических блоков, включая гражданско-правовые вопросы.

Пятеро испытуемых не справились только с ситуационными задачами, касающимися чрезвычайных ситуаций. При пожаре они говорили о том, что ни в коем случае нельзя вызывать пожарных, потому что в этом случае придется заплатить штраф; при запахе газа полагали необходимым закрыть все окна или поднести к плите спичку, чтобы проверить, есть ли тяга. В отношении всех пяти испытуемых, трое из которых страдали шизофренией, по одному нарушением интеллектуального развития и органическим психическим расстройством, было дано заключение, соответствующее недееспособности.

Пятеро испытуемых (двое с шизофренией, двое с нарушением интеллектуального развития, один — с органическим психическим расстройством) не справились с задачами, включающими медицинские аспекты. В отношении одного человека с шизофренией было дано заключение, соответствующее недееспособности, в отношении остальных четверых — ограниченной дееспособности.

Трое испытуемых (по одному из каждой диагностической группы) не справились с ситуациями, касающимися чрезвычайных ситуаций и медицинских вопросов. В отношении двоих человек было дано заключение, соответствующее недееспособности. Заключение, соответствующее ограниченной дееспособности, было дано в отношении одного мужчины молодого возраста с нарушением интеллектуального развития, являвшегося получателем стационарных социальных услуг и прекрасно адаптированного в условиях стационарной организации социального обслуживания.

Одна молодая испытуемая, являвшаяся ограниченно дееспособной и получателем социальных услуг в форме сопровождаемого проживания, в отношении которой рассматривался вопрос о повышении гражданско-правового статуса, демонстрировала способность к разумному рассуждению при предъявлении первых девяти проблемных ситуаций. Приведем в ка-

честве примера ответ на Проблемную ситуацию № 5, касающуюся заключения человеком, нуждающимся в посторонней помощи, договора дарения квартиры: «Ей же сначала помощь должны были какую-то дать, бесплатную. Социального работника, который будет ей помогать. Идти на условия соседки нельзя — она хочет просто квартиру отжать, и все. Мне эта ситуация не нравится». В то же время, смысл последней проблемной ситуации испытуемая поняла неверно, возложив на героиню ответственность за конфликт с соседями («Ей надо перестать водить в квартиру к себе людей, и тогда соседи не будут ломать ей дверь и чего-то говорить. Потому что если она будет хорошо себя вести в своей квартире, то ничего такого не случится»), в связи с чем была отнесена нами не к первому, а ко второму кластеру. В отношении женщины было дано заключение, соответствующее дееспособности.

Третий кластер составили 8 испытуемых (шестеро с шизофренией, один с расстройством интеллектуального развития, один с органическим психическим расстройством), которые верно решали проблемные ситуации, касающиеся крупных имущественных сделок и гражданско-правовой ответственности, но не справлялись с проблемными ситуациями всех других тематических групп. Ответы четырех человек были повышено эмоциональны, отличались категоричностью. Четверо при анализе проблемных ситуаций обращались к личному опыту, шестеро переносили ситуационные задачи на себя. Испытуемых, которые полагали необходимым для решения каких-либо проблемных ситуаций помощь третьих лиц или привлечение медицинских и социальных служб, в этом кластере не оказалось. В отношении всех испытуемых этого кластера было дано заключение, соответствующее недееспособности.

В четвертый кластер вошли 15 испытуемых (8 с шизофренией, 3 с нарушением интеллектуального развития, 3 с органическим психическим расстройством), которые не решили проблемных ситуаций нескольких тематических групп, включая те, которые касались крупных имущественных сделок.

Четверо человек правильно решали только задачи, касающиеся чрезвычайных ситуаций. Из них в отношении трех было дано заключение, соответствующее недееспособности, в отношении одного с органическим расстройством личности — ограниченной дееспособности.

Трое человек правильно решали задачи, касающиеся чрезвычайных ситуаций и медицинских вопросов. Во всех трех случаях заключение соответствовало ограниченной дееспособности.

Один человек правильно рассуждал о социальных и межличностных вопросах, но не справлялся с задачами, касающимися здоровья и чрезвычайных ситуаций; заключение соответствовало недееспособности.

Из двух человек с шизофренией, не решивших, помимо связанных со сделками, проблемные ситуации, касающиеся здоровья, в отношении одного было дано заключение, соответствующее недееспособности, второго — дееспособности. Один человек высказывал очень спорные суждения при обсуждении чрезвычайных ситуаций. Например, в ситуации с запахом газа в квартире говорил, что надо «закрыть окна все, двери, или наоборот...». Являясь получателем стационарных социальных услуг, он был прекрасно адаптирован в условиях интерната, активен и продуктивен в повседневной деятельности и социальной жизни, в связи с чем в отношении него было дано заключение, соответствующее ограниченной дееспособности.

В пятый кластер вошли 8 человек, которые не справились с проблемными ситуациями всех четырех тематических групп. Семь из них страдали расстройствами интеллектуального развития, один — шизофренией. У всех испытуемых этого кластера при выполнении мето-

дики отмечались клинически выраженные нарушения мышления в виде непоследовательности в рассуждениях, алогии, излишнего эмоционального реагирования или категоричности. Только трое из испытуемых этого кластера правильно выделяли ключевые для понимания проблемных ситуаций аспекты, ни один не обратился к экспериментатору за дополнительной или уточняющей информацией, 8 человек, входивших в этот кластер, не понимали смысла проблемной ситуации, не называли ее вероятных причин, возможных последствий и способа ее решения. Один человек в большинстве заданий смысл понимал, достаточно полно описывал возможные последствия, однако не называл причин и путей решения. Один испытуемый выделял причины, последствия и пути решения проблемной ситуации, не понимая верно их смысла. В эту группу вошли двое описанных нами ранее испытуемых, чье решение всех ситуационных задач предполагало их собственное непосредственное участие, с последующей благодарностью за оказанную помощь.

При судебно-психиатрической экспертизе в отношении 6 человек этого кластера было дано заключение, соответствующее недееспособности, в отношении 2 человек — ограниченной дееспособности. Оба последних имели расстройство интеллектуального развития, являлись получателями стационарных социальных услуг и демонстрировали высокий уровень социального функционирования в условиях стационарной организации социального обслуживания (активность и продуктивность во всех сферах повседневной жизни и в межличностном взаимодействии, отчетливую просоциальную направленность).

Количество испытуемых с различным экспертным выводом в кластерах иллюстрирует рис. 1.

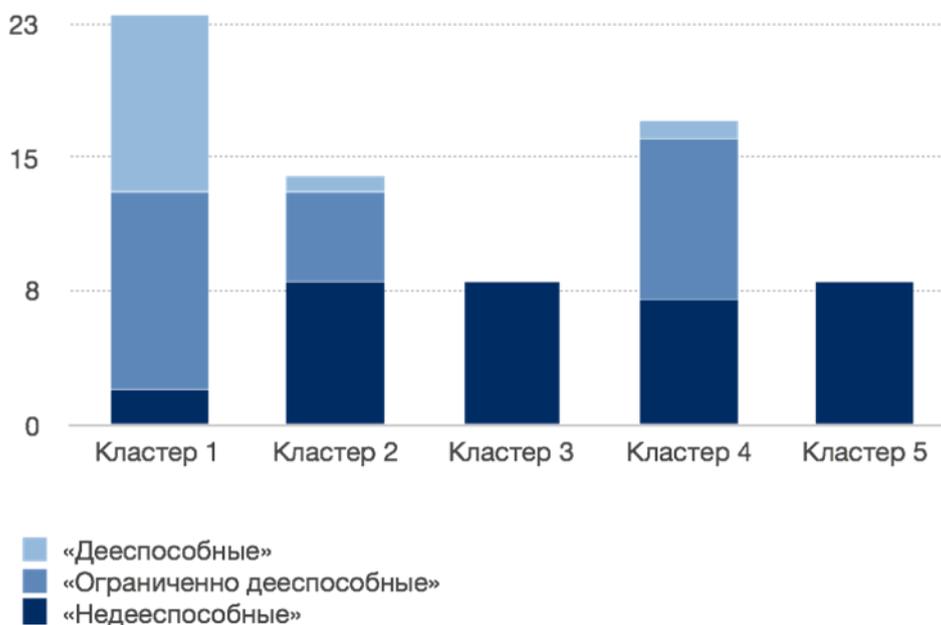

Рис. 1. Количество испытуемых с различным экспертным выводом в кластерах

Заключение

Давая испытуемому возможность рассуждать о проблемах, касающихся межличностных отношений, распоряжения собственностью, заботы о здоровье, чрезвычайных ситуаций, методика «Проблемные ситуации» позволяет непосредственно оценить способность гражданина анализировать информацию, выделять и учитывать значимые аспекты ситуации, прогно-

зировать развитие ситуаций и предлагать пути их решения. Результаты настоящего исследования подтверждают высокую прогностическую валидность оценки этих функциональных способностей, относящихся в большей степени к социальному интеллекту, для судебно-психиатрической оценки способности человека понимать значение своих действий, т. е. прогностическую валидность методики.

С другой стороны, юридический критерий недееспособности включает два компонента: интеллектуальный и волевой. В связи с этим для оценки валидности метода очень важными представляются те случаи-исключения, в которых способность понимать вопросы, выходящие за границы повседневного опыта, сочеталась с эмоционально-волевыми и поведенческими нарушениями, что определяло судебно-психиатрические заключения, соответствующие недееспособности. Не менее важными представляются случаи-исключения, в которых неспособность решать предлагаемые ситуативные задачи сочеталась с полностью адаптивным поведением в защищенных условиях стационарной организации социального обслуживания, и в которых экспертами выносились заключения, соответствующие ограниченной дееспособности.

Литература

1. *Анишак О.М.* ДСМ-метод: теоретико-множественное объяснение // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2012. № 9. С. 1–19.
2. *Архипов С.И.* Субъект права (теоретическое исследование): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 31 с.
3. *Макушкина О.А., Муганцева Л.А., Тарасов В.Г.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации (2011-2021 гг.): Информационно-аналитический справочник. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2023. 180 с.
4. *Новикова-Грунд М.В.* Лингвистика между психологией и психотерапией: мост над пропастью. М.: Техносфера, 2021. 318 с.
5. *Новикова-Грунд М.В., Русаковская О.А., Шведовская А.А., Андрианова С.Б.* Психосемиотический анализ родительского отношения к своим детям матерей, страдающих шизофренией [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 118–136. doi:10.17759/cpse.2021100406
6. *Переpravина Ю.О.* Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168. doi:10.17759/psylaw.2021110411
7. *Переpravина Ю.О., Сафуанов Ф.С.* Особенности мотивации у лиц с психическими расстройствами, влияющие на способность совершать сделки [Электронный ресурс] // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2023. Том 14. № 3. С. 259–265. doi:10.34883/PI.2023.14.3.010
8. *Русаковская О.А.* Методика «Проблемные ситуации»: результаты бикластеризации [Электронный ресурс] [Набор данных] // RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М., 2023. URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/990d2c29-86b8-4456-9268-50565c8f750e/full> (дата обращения: 12.02.2024). doi:10.48612/MSUPE/v669-u87g-tpdf

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации»: апробация в качестве
судебно-психиатрического метода исследования
при изменении гражданско-правового статуса
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 152–167

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric
Research Method when Changing Civil Legal Status
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 152–167

9. *Русаковская О.А.* «Проблемные ситуации» как методика судебно-психиатрического исследования: параметры оценки и проверка внутренней согласованности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109. doi:10.17759/psylaw.2023130208
10. *Русаковская О.А., Харитонова Н.К., Васянина В.И., Бирюкова Е.А., Казарина Е.В.* Анализ повторных судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса с учетом судебных решений [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 6. С. 4–13. doi:10.47877/1560-957X-2022-10601
11. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Зейгер М.В., Переправина Ю.О., Христофорова М.А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы // Российский психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 37–43.
12. *Скоробогатова В.В.* Признание недееспособным или ограниченно дееспособным несовершеннолетнего лица: сравнительно-правовой аспект [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2017. Том 8. № 4. doi:10.17150/2411-6262.2017.8(4).29
13. *Харитонова Н.К., Королева Е.В.* Правовые и методологические аспекты судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе // Руководство по судебной психиатрии: В 2 т. Т. 2: Практическое пособие / Под ред. А.А. Ткаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 15–46.
14. *Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством при понижении и повышении гражданско-правового статуса: анализ социального запроса и представленности отдельных психических расстройств [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 1. С. 16–23. doi:10.47877/1560-957X-2022-10102
15. *Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психометрические методики зарубежной судебно-психиатрической практики и их теоретическая основа // Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 64–73.
16. *Харитонова Н.К., Русаковская О.А., Васянина В.И.* Методика проведения судебно-психиатрической экспертизы при восстановлении дееспособности гражданина: метод. рекомендации. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2021. 32 с.
17. *Edelstein B.* Challenges in the assessment of decision-making capacity // Journal of Aging Studies. 2000. Vol. 14(4). P. 423–437. doi:10.1016/S0890-4065(00)80006-7
18. *Efimova E.A., Lunicheva D.S.* Applying Graph Theory to Study the Results of JSM Reasoning // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. 2023. Vol. 57. P. 267–273. doi:10.3103/S0005105523050023
19. *Flores E.V., Lichtenberg P.A.* Cross-validation of the Lichtenberg Financial Decision Rating Scale // Clinical Gerontologist. 2023. Vol. 46(2). doi:10.1080/07317115.2023.2196989
20. *Grisso T., Borum R., Edens J.F., Moyer J., Otto R.K.* Evaluating Competencies: Forensic Assessments and Instruments. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003. 553 p.
21. *Lichtenberg P.A., Ficker L., Rahman-Filipiak A., Tatro R. Ba, Farrell C., Speir J.J., Mall S.J., Simasko P., Collens H.H., Jackman J.D.* The Lichtenberg Financial Decision Screening Scale (LFDSS): A new tool for assessing financial decision making and pre-venting financial exploitation // Journal of Elder Abuse & Neglect. 2016. Vol. 28(3). P. 134–151. doi:10.1080/08946566.2016.1168333

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации»: апробация в качестве
судебно-психиатрического метода исследования
при изменении гражданско-правового статуса
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 152–167

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric
Research Method when Changing Civil Legal Status
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 152–167

22. Lichtenberg P., Gross E., Ficker L. Quantifying risk of financial incapacity and financial exploitation in community-dwelling older adults: utility of a scoring system for the Lichtenberg Financial Decision-making Rating Scale // *Clinical Gerontologist*. 2020. Vol. 43(3). P. 266–280. doi:10.1080/07317115.2018.1485812
23. Lichtenberg P.A., Stoltman J., Ficker L.J., Iris M., Mast B. A person-centered approach to financial capacity assessment: preliminary development of a new rating scale // *Clinical Gerontologist*. 2015. Vol. 38(1). P. 49–67. doi:10.1080/07317115.2014.970318

References

1. Anshakov O.M. DSM-metod: teoretiko-mnozhestvennoe ob"yasnenie. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy = Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 2012, no. 9, pp. 1–19. (In Russ.).
2. Arkhipov S.I. Sub"ekt prava (teoreticheskoe issledovanie): Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Yekaterinburg, 2005. 31 p. (In Russ.).
3. Makushkina O.A., Mugantseva L.A., Tarasov V.G. Osnovnye pokazateli deyatelnosti sudebno-psikhiatricheskoi ekspertnoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii (2011-2021 gg.): Informatsionno-analiticheskii spravochnik. Moscow: Natsional'nyi meditsinskii issledovatel'skii tsentr psikhiiatrii i narkologii imeni V.P. Serbskogo Publ., 2023. 180 p. (In Russ.).
4. Novikova-Grund M.V. Lingvistika mezhdru psikhologii i psikhoterapii: most nad propast'yu. Moscow: Tekhnosfera, 2021. 318 p. (In Russ.).
5. Novikova-Grund M.V., Rusakovskaya O.A., Shvedovskaya A.A., Andrianova S.B. Psikhosemioticheskii analiz roditel'skogo otnosheniya k svoim detyam materei, stradayushchikh shizofreniei [Psychosemiotic Analysis of Parental Attitude Towards Children of Mothers Suffering from Schizophrenia] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 118–136. doi:10.17759/cpse.2021100406 (In Russ.).
6. Perepravina Ju.O. Sposobnost' grazhdanina k soversheniyu sdelki: kriterii sudebno-psikhologicheskikh ekspertnykh otsenok [Deal-Making Capacity of a Citizen: Criteria for Forensic Psychological Assessment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 153–168. doi:10.17759/psylaw.2021110411 (In Russ.).
7. Perepravina Y.O., Safuanov F.S. Osobennosti motivatsii u lits s psikhicheskimi rasstroistvami, vliyayushchie na sposobnost' sovershat' sdelki [Motivation in Persons with Mental Disorders Influencing the Deal-Making Capacity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya = Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 259–265. doi:10.34883/PI.2023.14.3.010 (In Russ.).
8. Rusakovskaya O.A. Metodika “Problemnye situatsii”: rezul'taty biklasterizatsii [Elektronnyi resurs] [Nabor dannykh]. *RusPsyData: Repozitorii psikhologicheskikh issledovaniy i instrumentov = Psychological Research Data & Tools Repository*. Moscow, 2023. URL: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/990d2c29-86b8-4456-9268-50565c8f750e/full> (Accessed 12.02.2024). doi:10.48612/MSUPE/v669-u87g-tpdf (In Russ.).
9. Rusakovskaya O.A. “Problemnye situatsii” kak metodika sudebno-psikhiatricheskogo issledovaniya: parametry otsenki i proverka vnutrennei soglasovannosti [“Problem Situations” as a Forensic Assessment Instrument: Assessing Parameters and Checking Internal Consistency] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109. doi:10.17759/psylaw.2023130208 (In Russ.).

10. Rusakovskaya O.A., Kharitonova N.K., Vasyanina V.I., Biryukova E.A., Kazarina E.V. Analiz povtornykh sudebno-psikhiatricheskikh ekspertiz po delam ob izmenenii grazhdansko-pravovogo statusa s uchetom sudebnykh reshenii [Analysis of repeated forensic psychiatric assessments in cases of changing civil status with consideration of court decisions] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2022, no. 6, pp. 4–13. doi:10.47877/1560-957Kh-2022-10601 (In Russ.).
11. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Zeiger M.V., Perepravina Yu.O., Khristoforova M.A. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po delam ob ogranichenii deesposobnosti vsledstvie psikhicheskogo rasstroistva: problemy i perspektivy [Complex forensic psychiatric examination of cases concerning restriction of legal capacity due to mental disorder: challenges and prospects]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2016, no. 2, pp. 37–43. (In Russ.).
12. Skorobogatova V.V. Priznanie nedeesposobnym ili ogranichenno deesposobnym nesovershennoletnego litsa: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Recognition of a minor as being incompetent or partially incompetent: comparative-legal aspect] [Elektronnyi resurs]. *Baikal Research Journal*, 2017. Vol. 8, no. 4. doi:10.17150/2411-6262.2017.8(4).29 (In Russ.).
13. Kharitonova N.K., Koroleva E.V. Pravovye i metodologicheskie aspekty sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy v grazhdanskom protsesse. In Tkachenko A.A. (Ed.). *Rukovodstvo po sudebnoi psikhiatrii: V 2 t. T. 2: Prakticheskoe posobie*. 4th ed. Moscow: Yurait, 2023. S. 15–46.
14. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Ogranichenie deesposobnosti v svyazi s psikhicheskim rasstroistvom pri ponizhenii i povyshenii grazhdansko-pravovogo statusa: analiz sotsial'nogo zaprosa i predstavlenosti otdel'nykh psikhicheskikh rasstroistv [Diminished legal capacity due to mental disorder in cases of raising or lowering the civil status: an analysis of social demand and representation of mental disorders] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2022, no. 1, pp. 16–23. doi:10.47877/1560-957X-2022-10102 (In Russ.).
15. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhometricheskie metodiki zarubezhnoi sudebno-psikhiatricheskoi praktiki i ikh teoreticheskaya osnova [The psychometric methods in foreign forensic-psychiatric practice and their theoretical foundation]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 5, pp. 64–73. (In Russ.).
16. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A., Vasyanina V.I. Metodika provedeniya sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy pri vosstanovlenii deesposobnosti grazhdanina: metod. re-komendatsii. Moscow: Natsional'nyi meditsinskii issledovatel'skii tsentr psikhiatrii i narkologii imeni V.P. Serbskogo Publ., 2021. 32 p. (In Russ.).
24. Edelstein B. Challenges in the assessment of decision-making capacity. *Journal of Aging Studies*, 2000. Vol. 14, no. 4, pp. 423–437. doi:10.1016/S0890-4065(00)80006-7
25. Efimova E.A., Lunicheva D.S. Applying Graph Theory to Study the Results of JSM Reasoning. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 2023. Vol. 57, pp. 267–273. doi:10.3103/S0005105523050023
26. Flores E.V., Lichtenberg P.A. Cross-validation of the Lichtenberg Financial Decision Rating Scale. *Clinical Gerontologist*, 2023. Vol. 46, no. 2. doi:10.1080/07317115.2023.2196989
27. Grisso T., Borum R., Edens J.F., Moyer J., Otto R.K. *Evaluating Competencies: Forensic Assessments and Instruments*. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003. 553 p.
28. Lichtenberg P.A., Ficker L., Rahman-Filipiak A., Tatro R. Ba, Farrell C., Speir J.J., Mall S.J., Simasko P., Collens H.H., Jackman J.D. *The Lichtenberg Financial Decision Screening Scale*

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации»: апробация в качестве
судебно-психиатрического метода исследования
при изменении гражданско-правового статуса
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 152–167

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations”: Testing as a Forensic Psychiatric
Research Method when Changing Civil Legal Status
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 152–167

(LFDSS): A new tool for assessing financial decision making and pre-venting financial exploitation. *Journal of Elder Abuse & Neglect*, 2016. Vol. 28, no. 3, pp. 134–151. doi:10.1080/08946566.2016.1168333

29. Lichtenberg P., Gross E., Ficker L. Quantifying risk of financial incapacity and financial exploitation in community-dwelling older adults: utility of a scoring system for the Lichtenberg Financial Decision-making Rating Scale. *Clinical Gerontologist*, 2020. Vol. 43, no. 3, pp. 266–280. doi:10.1080/07317115.2018.1485812

30. Lichtenberg P.A., Stoltman J., Ficker L.J., Iris M., Mast B. A person-centered approach to financial capacity assessment: preliminary development of a new rating scale. *Clinical Gerontologist*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 49–67. doi:10.1080/07317115.2014.970318

Информация об авторах

Русаковская Ольга Алексеевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, доцент, учебно-методический отдел, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Information about the authors

Olga A. Rusakovskaya, PhD in Medicine, Senior Researcher, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings; Associate Professor, Educational and Methodological Department, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russia; Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Получена 14.12.2023
Принята в печать 04.02.2024

Received 14.12.2023
Accepted 04.02.2024

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

**Ценностные ориентации у лиц, совершающих
преступления экономической направленности
и в сфере компьютерной информации**

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Петров В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Деулин Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

В статье с учетом происходящего в России в последние годы роста преступлений экономической направленности, и особенно в сфере компьютерной информации, представлены материалы изучения ценностных ориентаций у лиц, их совершающих. Данные, полученные на основе методики «Ценностные ориентации» М. Рокича, свидетельствуют о статистически значимой контрастности ценностных предпочтений обследованных субъектов, совершивших преступные деяния экономической направленности (по Разделу VIII УК РФ) и в сфере компьютерной информации (Глава 28 УК РФ), причем как по отдельным приоритетам по терминальным ценностям, так и по ранговым статусам множества разноплановых инструментальных ценностей. Выявлено, что имеется и близость ценностных профилей у обследованных контрастных субъектов преступных деяний, что связано, прежде всего, с особенностями дефектности у них морального и правового сознания: в частности, при ранжировании терминальных ценностей «творчество» и «счастье других» находятся на последних местах в иерархии ценностных предпочтений, а среди инструментальных ценностей понижен ранговый вес ряда социально значимых ценностей, таких как «честность», «чуткость», «терпимость». С учетом полученных результатов, а также данных по ранее проведенным отечественным и зарубежным публикациям обоснованы научно значимые ориентиры в реализации профилактики и по проведению дальнейших исследований.

Ключевые слова: мотив, ценность, смысл, ценностные ориентации личности, корыстная мотивация, преступления экономической направленности, киберпреступления.

Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.
Ценностные ориентации у лиц, совершающих
преступления экономической направленности
и в сфере компьютерной информации
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 168–182

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.
Value Orientations of Persons That
Commit Economic Crimes and Crimes
in the Field of Computer Information
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 168–182

Для цитаты: Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В. Ценностные ориентации у лиц, совершающих преступления экономической направленности и в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 168–182. DOI:10.17759/psylaw.2024140111

Value Orientations of Persons That Commit Economic Crimes and Crimes in the Field of Computer Information

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Dmitry V. Deulin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Taking into account the growth of economic crimes in Russia in recent years, and especially in the field of computer information, the article presents the materials of studying the value orientations of those who commit them. The data obtained on the basis of the “Value Orientations” method by M. Rokeach indicate a statistically significant contrast in the value preferences of the surveyed subjects who committed economic crimes (according to Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) and crimes in the field of computer information (Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation), and both in terms of individual priorities for terminal values and for the rank statuses of many diverse instrumental values. It is revealed that there is also the closeness of value profiles in the surveyed contrasting subjects of the crimes, which is primarily due to the characteristics of the defectiveness of their moral and legal consciousness: in particular, when ranking terminal values, “creativity” and “the happiness of others” are in the last places in the hierarchy of value preferences, and among instrumental values, the rank weight of a number of socially significant values — “honesty”, “sensitivity”, “tolerance” — is downgraded. Taking into account the results obtained, as well as data on previously conducted domestic and foreign publications, scientifically significant guidelines for the implementation of prevention and for further research have been substantiated.

Keywords: motive, value, meaning, value orientations of the individual, selfish motivation, economic crimes, cybercrimes.

For citation: Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V. Value Orientations of Persons That Commit Economic Crimes and Crimes in the Field of Computer Information. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 168–182. DOI:10.17759/psylaw.2024140111 (In Russ.).

Актуальность проблемы

В последнее десятилетие в России наблюдается высокий уровень преступлений экономической направленности. В 2022 г. их было зарегистрировано 111 тысяч, а ущерб составил 322 млрд руб. [15] Еще большими темпами идет рост преступлений, совершаемых в киберпространстве, а, как следствие, уже каждое четвертое преступление совершается с использованием компьютеров и информационно-коммуникативных технологий, но их раскрываемость не более 25% от числа зарегистрированных [13, с. 476]. По прогнозной оценке ученых, доходы от мошенничества и теневого бизнеса в сети Интернет в перспективе могут сравниться с прибылью от незаконной торговли наркотиками, так как киберпреступления часто являются деяниями, которые совершаются и вне государственных границ [10, с. 27]. Кроме того, сегодня отмечается рост преступлений, связанных с так называемым «инфомошенничеством» — оказанием псевдопсихологических услуг, направленных на «тренинг личностного роста» через сеть Интернет.

Особенностью современных преступлений экономического направления и киберпреступлений является их высокая латентность. При этом именно преступления в киберпространстве резко меняют статистические данные по отечественной преступности: в течении последних 5 лет они в структуре зарегистрированной преступности увеличились с 2% до 25% [21]. В связи с этим специалистами из правоохранительных органов сформирован запрос к ученым по комплексному изучению личности данных категорий современных правонарушителей. Постановка запроса в расширенной формулировке связана с тем, что сегодня ответственность за неправомерные действия может быть одновременно по разным видам действующего в нашей стране законодательства: по Кодексу административных правонарушений РФ за противоправные деяния в киберпространстве могут применяться ст. 13.12.1 (Нарушение требований в области обеспечения безопасности критической информации) и ст. 13.15 (Злоупотребление свободой массовой информации) [11], а по Уголовному кодексу РФ — по составам преступных деяний, представленным в Разделе VIII «Преступления в сфере экономики» (ст. 158—204.2) и в Главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272—274.2).

Учитывая неоднократные изменения в последнее десятилетие в отечественном уголовном законодательстве [22], для изучения личности современных правонарушителей необходимы, на наш взгляд, обоснование новых методолого-концептуальных ориентиров, а также опытное апробирование психологами методического инструментария, позволяющего надежно дифференцировать разные категории преступников по степени криминальной направленности личности.

Теоретико-методологические основы исследования

История науки свидетельствует, что в причинном комплексе по преступлениям экономической направленности учеными ключевая роль всегда придавалась особенностям личности лиц, их совершающих. За рубежом разработаны разноплановые теории личности преступников (биопсихологические, психоаналитические, интеракционистские и др.). Учитывая, что ценностные ориентации как убеждения личности достаточно стабильны во времени, но ценности различаются по содержанию (терминальные и инструментальные) [4; 7], за рубежом исследования обычно проводятся на основе методического инструментария, разработанного в соответствии с концепциями американского психолога Милтона Рокича (Rokeach, 1973) или израильского психолога Шолома Шварца (Schwartz, 1992) [27]. При этом из-за усложне-

ния механизмов корыстной преступности ученые констатируют необходимость комплексного исследования взаимодействия между криминальностью личности и характеристиками ситуации [9, с. 108]. В аспекте преступлений в киберпространстве доказываемся, что совершенные преступные деяния нельзя изучать отдельно от экологии новой повседневной жизни людей [24; 26]. При этом исследования (Anglin & Perrochet, 1986, 1998; Bennett & Holloway, 2009; Gizzi & Gerkin, 2010 и др.) показали, что ныне распространенное употребление незаконных наркотиков коррелирует с имущественными преступлениями, в том числе с совершением экономических преступлений с целью финансирования растущего употребления психоактивных веществ [25]. В современных публикациях зарубежных ученых (Schmallegger, 2019) критично отмечается, что пока недостаточно разработана концептуальная база для реализации системного подхода в изучении личности преступников, совершающих корыстные преступления.

В отечественной науке междисциплинарный подход к изучению личности преступника был обоснован еще в дореволюционный период (В.М. Бехтерев, Д.А. Дриль, А.Ф. Лазурский). Согласно видному отечественному юристу и психологу С.В. Познышеву, проводившему в 1920-е гг. исследования по типологизации личности преступников и отразившему их результаты в книге «Криминальная психология. Преступные типы» (1926), экономические преступления совершаются при желании человека получить материальные блага и достичь или сохранить высокие статусные позиции в обществе, а поэтому тип личности, их совершающей, следует обобщенно называть, по мнению ученого, «расчетливо-рассудочными преступниками».

Возрождение отечественной психологии и криминологии в 1960-е гг. актуализировало исследования личности преступников, совершающих деяния против собственности и, прежде всего, государственной. Видный криминалист А.Р. Ратинов, стоявший у истоков возрождения отечественной юридической психологии, обосновал «ценностно-нормативную теорию личности преступника». Ученый доказывал, что «...перспективу комплексного исследования личности преступника открывает междисциплинарный характер категории ценности» [18], а поэтому опора на нее позволит вскрыть ее роль как ядерного образования личности [17].

В дальнейшем, с учетом позиции А.Р. Ратина, учеными из ВНИИ МВД СССР в ряде сборников (1988, 1989; под редакцией профессора Ю.М. Антоняна) были представлены результаты репрезентативных обследований разных категорий осужденных на основе теста ММРІ, которые свидетельствовали, что деформированная мораль и правосознание становятся причиной выбора корыстного преступного поведения, так как в его основе лежат ценностные ориентации, отражающие гипертрофированно завышенное отношение к материальным благам и повышению своего социального статуса.

В постсоветский период докторское диссертационное исследование психолога М.С. Яницкого по проблеме трансформации ценностных ориентаций у российских граждан в сложные 1990-е годы показало, что при фрустрации ценностей высшего уровня — самоактуализации и максимальной самореализации ради счастья всех людей, а также ценностей среднего уровня — социально одобряемых ценностей и ценностей значимого окружения — у человека актуализируется «адаптирующаяся» система с ориентацией на ценности выживания и самоутверждения в динамично меняющихся условиях. Контраст особенно наглядно просматривался при сравнении динамики изменения системы ценностных ориентаций при аномальном и антисоциальном развитии личности, в сравнении с просоциальной субъективной активностью [23, с. 11].

Учитывая, что ценностные ориентации и мотивы тесно связаны между собой, а в их взаимодействии зарождается умысел на совершение преступления, отечественные психологи в XXI столетии провели ряд монографических исследований (О.А. Падун, 2005; Е.В. Разумова, 2007; Л.Н. Костина, 2009; Е.Ю. Стрижова, 2011; А.А. Истомина, 2011; Я.Ю. Селезнев, 2017), в которых доказано, что именно игнорирование просоциальных ценностей часто приводит к формированию преступной мотивации. Данный вывод крайне важен для современности, когда всё больше заявляют о себе экономическая и киберпреступность. При этом беспокоит тренд, что активно криминально проявляют себя представители поколений «Y» и «Z», которые массово вовлечены в незаконную деятельность в интернет-пространстве и уклоняются от уплаты налогов. В исследованиях юристов показано, что ими преступления экономической направленности часто совершаются повторно [14], так как имеется «нерациональное монетарное поведение потребителя» [15]. Согласно психологам, причиной могут выступать изменения в ценностных ориентациях лиц, их совершающих, причем с наличием как корыстного мотива («сребролюбия»), так и мотива самоутверждения [5; 12].

Сегодня юристами активизирована дискуссия о специфике современной преступности экономической направленности и сфере компьютерной информации, а также о наличии определенных пробелов в законодательстве [1; 2; 8; 10; 19; 20]. Исследования свидетельствуют о том, что в цифровом пространстве расширяется возможность совершения преступных деяний, прежде всего следующих двух групп: преступлений с использованием психологического воздействия на человека (обман, введение в заблуждение, угрозы и пр.) и преступлений, совершаемых путем скрытого использования цифрового оборудования (компьютеры, смартфоны, маршрутизаторы и иное оборудование) [8]. Организация азартных игр в Интернете также становится основой совершения киберпреступлений, наносящих экономический ущерб [10]. При этом звучат аргументированные утверждения о том, что психологическому профилированию личности и раскрытию закономерностей поведения преступников молодого возраста в киберпространстве пока не уделено должного внимания [9; 16].

Организация и методика исследования

Исследование проводилось в 2022—2023 гг. в ФКУ «Следственный изолятор № 3 УФСИН России по г. Москва». В нём приняли участие 37 мужчин, которые совершили преступления по статьям УК РФ экономической направленности и с использованием киберпространства. С опорой на ведомственные данные нами была подобрана выборка из подследственных с близкими социально-демографическими и криминологическими характеристиками, которые по своим преступным деяниям относятся к двум контрастным категориям: группа № 1 — лица, совершившие преступления в сфере компьютерной информации (17 чел.; по ст. 272—274 УК РФ; средний возраст 37,4 лет), и группа № 2 — лица, совершившие преступления экономической направленности (20 чел.; ст. 158—161, 170—172, 175, 177 УК РФ; средний возраст 38,1 лет). В рамках психодиагностического обследования применялась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Ее выбор обусловлен необходимостью иметь возможность соотнести полученные данные с результатами ранее проведенных исследований.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у лиц, совершающих преступления экономической направленности (преступления Раздела VIII УК РФ), и у лиц, которым инкриминируют совершение преступлений в сфере компьютерной информации (Гл. 28 УК РФ), в силу контрастности по образу жизни (доминирование ориентации на офлайн- или онлайн-бытие), будут наблюдаться различия в иерархии терминальных ценно-

стей (ценности-цели), а имеющаяся профкомпетентность будет сказываться на предпочтениях по инструментальным ценностям (ценности-средства).

Обработка данных психодиагностики велась на основе методов описательной статистики и оценки значимости различий в контрастных группах по U-критерию Манна—Уитни.

Анализ результатов исследования

В рамках нашего исследования было проведено распределение количества респондентов по конкретным составам преступлений в соответствии со статьями УК РФ (рис. 1, рис. 2).

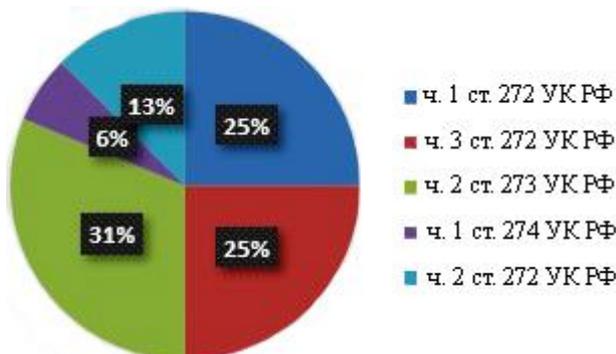

Рис. 1. Распределение среди обследуемых лиц группы № 1 по составам преступлений в сфере компьютерной информации (по Главе 28 УК РФ)

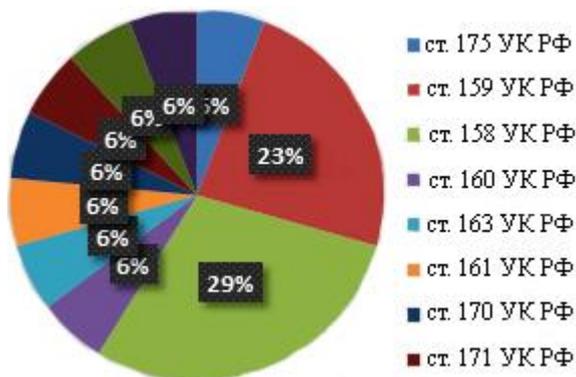

Рис. 2. Распределение среди обследуемых лиц группы № 2 по составам преступлений в сфере экономики (по Разделу VIII УК РФ)

Половина выборки группы № 1 составляют лица, совершившие преступления по двум частям статьи 272 УК РФ: по ч. 1 ст. 272 (25%) — неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, и по ч. 3 ст. 272 (25%) — деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения. Также значительная часть преступлений определена в ч. 2 ст. 273 УК РФ (31%) — создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо

лицом с использованием своего служебного положения, а равно причинившие крупный ущерб или совершенные из корыстной заинтересованности (рис. 1).

Значительная часть преступлений среди лиц группы № 2 приходится на ст. 158 УК РФ (32%) — кража. Следующим по массовости в группе № 2 являются лица, совершившие преступление по ст. 159 УК РФ (25%), т. е. подозреваемые в мошенничестве. По 6% от общей численности группы № 2 составили лица, подозреваемые в преступлениях, предусмотренных составами иных статей Раздела УШ УК РФ (ст. 160—163; 170—172; 175 и 177, рис. 2).

На основе психодиагностического обследования представителей контрастных групп преступников были определены усредненные ранги по терминальным и инструментальным ценностям (табл. 1 и 2).

У респондентов из контрастных групп ранжирование приоритетов по терминальным ценностям отличается: в группе № 1 (компьютерные преступления) их первую четверку (далее — квадру) составили: «любовь, жизненная мудрость, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь»; в группе № 2 (экономические преступления) доминирующая квадра: «интересная работа, продуктивная жизнь, активная деятельная жизнь, познание» (табл. 1).

По респондентам из группы № 1 следует отметить, что у них не только доминирует ценность «любовь», но и почти каждому третьему присущи ориентации на то, чтобы были «комфорт в семье» (отмечено 32% респондентов), «духовная и физическая близость с любимым человеком» (24%). Такие их предпочтения, как видно из материалов уголовного дела, связаны с образом их жизни, обеспечивавшим в большей мере, по сравнению с представителями группы № 2, ориентирование на ценности «развитие», «свобода», «наличие хороших и верных друзей», так как у многих отсутствовали материальные затруднения (28%).

Лица, совершившие экономические преступления, по своим ценностным предпочтениям предстают как индивиды, ориентированные на собственные достижения и социальный статус, в том числе за счет доминирования ориентации на следующие ценности: «интересная работа» (36%), причем связанная, как выяснено из индивидуальных бесед, с решением сложных экономических задач; «продуктивная жизнь» (25%) и «активная деятельная жизнь» (21%), «познание» (18%). Учитывая, что у них в иерархии ценность «познание» резко контрастирует с выбором респондентами группы № 1 (соответственно 4 и 15 места), в рамках индивидуальных бесед с представителями группы № 2 выяснено, что они считают, что динамичные изменения в экономике требуют постоянного повышения уровня своего образования, кругозора, общей культуры, осуществления самообразования и развития когнитивных (интеллектуальных) функций.

Оценка статистической значимости различий в выборе ценностей представителями обследованных контрастных групп (по U-критерию Манна—Уитни) указывает на большую ($p \leq 0,05$) эгоцентричность ценностных ориентаций у респондентов группы № 2. Это связано с превалированием у них ориентирования на максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей. Кроме того, у них в большей мере, по сравнению с респондентами группы № 1, присутствуют ориентации на такие ценности, как «интересная работа», «познание», «общественное признание». В особой мере это присуще, как свидетельствует обращение к материалам уголовных дел, лицам, которые могут быть отнесены к категории так называемой «беловоротничковой преступности». Ведь у них, как было выявлено в ранее проведенных исследованиях одного из авторов данной публикации, многое связано с особенностями самооценки, а в итоге они не могут чувствовать себя комфортно, если не имеют

«овеществленных подпорок для статуса личности», в том числе в виде престижного дома, автомобиля и т. п. [5; 6].

Таблица 1

Иерархия терминальных ценностей в контрастных группах преступников

№ п/п	Ценность	Группа № 1 — компьютерные преступления (ранг. вес)	Группа № 2 — экономические преступления (ранг. вес)
1	Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	9,20	7,43
2	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	7,40	9,71
3	Здоровье (психическое и физическое)	8,00	9,14
4	Интересная работа	8,00	6,14
5	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	9,60	10,21
6	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	6,60	9,07
7	Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	7,90	8,21
8	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	8,40	8,29
9	Наличие хороших и верных друзей	9,50	12,14
10	Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	10,6	8,00
11	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	9,90	7,21*
12	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное самосовершенствование)	8,60	10,14
13	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	11,60	12,21
14	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	9,40	8,93
15	Счастливая семейная жизнь	7,90	8,93
16	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	13,70	11,29
17	Творчество (возможность творческой деятельности)	15,10	14,43
18	Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	9,60	9,50

Примечание: «*» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,05$.

В целом, в отношении терминальных ценностей у представителей контрастных групп следует отметить, что у них в ценностном профиле отсутствуют выраженные превалирующие «ценностные лидеры», хотя усредненные ранги ценностей варьируются в диапазоне 6,6—15,1 у группы № 1 и 6,14—14,43 у группы № 2. Представляется, что в силу дефектов морали и правосознания у респондентов контрастных групп и имеется определенная близость профилей по ряду ценностей, повлиявших на совершение преступных деяний: ценность «творчество» в обеих группах находится на 18-м месте, а «счастье других» на 17-м месте в группе № 1 и 15-м месте в группе № 2. На наш взгляд, ведущийся образ жизни и более сложные условия для совершения преступлений в офлайн-реальности, чем в онлайн-реальности, обуславливают контрастность в выборе респондентами и такой ценности, как «наличие хороших и верных друзей»: у респондентов группы № 2 (преступления экономической направленности) она находится на 16-м месте в иерархии, а у респондентов группы № 1 (преступления в сфере компьютерной информации) на 11-м месте.

Таблица 2

Иерархия инструментальных ценностей в контрастных группах преступников

№ п/п	Ценность	Группа № 1 — компьютерные преступления (ранг. вес)	Группа № 2 — экономические преступления (ранг. вес)
1	Аккуратность (чистоплотность)	9,30	6,50
2	Воспитанность (хорошие манеры)	3,90**	6,86
3	Высокие запросы (высокие притязания)	9,70	7,86
4	Жизнерадостность (чувство юмора)	9,30	9,93
5	Исполнительность (дисциплинированность)	8,60	9,14
6	Независимость	11,90	7,64**
7	Непримиримость к недостаткам в себе и других	13,80	11,36
8	Образованность	8,20	7,86
9	Ответственность (7,30	8,86
10	Рационализм	6,70	8,36
11	Самоконтроль (самодисциплина)	9,20	11,64
12	Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	9,00	9,36
13	Твердая воля	12,40	7,79**
14	Терпимость	10,30	10,29
15	Широта взглядов	9,40	9,79
16	Честность	11,40	12,07
17	Эффективность в делах	9,60*	13,21
18	Чуткость (заботливость)	11,20	12,50

Примечание: «*» — различие на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различие на уровне $p \leq 0,01$.

У респондентов из групп № 1 и № 2 различия при ранжировании инструментальных ценностей более контрастны, чем при ранжировании терминальных ценностей. Четверку ведущих ценностей в группе № 1 в порядке предпочтений образуют «воспитанность, рационализм, ответственность, образованность», а в группе № 2 — «аккуратность, воспитанность,

независимость, твердая воля» (табл. 2). Попадание в приоритетную квадру ценностных ориентиров респондентов из обеих групп ценности «воспитанность», а также признание респондентами группы № 2 ценности «образованность» в качестве пятой по рангу значимости, на наш взгляд, подтверждает правомочность их отнесения к типу «расчетливо-рассудочных преступников» (по типологии С.В. Познышева). Однако одновременно наличие у респондентов групп № 1 и № 2 контрастности в приоритетах по инструментальным ценностям свидетельствует, что они действуют, как констатируется в метаанализах зарубежных психологов [9, с. 109], в соответствии с «имеющейся у них мотивацией и специализацией по подходящим мишеням». Поэтому при применении к полученным данным U-критерия Манна—Уитни обнаружилось, что статистически значима большая приоритетность у респондентов группы № 2 по таким ценностям, как «независимость» и «твердая воля» ($p \leq 0,01$), а у респондентов группы № 1 — по ценности «эффективность (продуктивность) в делах» ($p \leq 0,05$). Ведь в случаях подготовки и совершения преступлений в сфере компьютерной информации, по сравнению с преступными деяниями экономической направленности в оффлайн-реальности, действительно требуется признание более ценностно значимым «дисциплинированности», «самоконтроля» и «трудолюбия» (статус указанных ценностей в группе № 1 находится на 5, 7, 11-м местах, а в группе № 2 — соответственно на 10, 15, 18-м местах).

Осуществляя далее профилирование по представителям контрастных групп, отметим, что у субъектов преступных деяний, как в сфере компьютерной информации, так и в сфере экономической направленности, в недостаточной мере имеется ориентация на такие ценности, как «честность» (соответственно 15-е место в группе № 1 и 16-е место в группе № 2), «чуткость» (14-е место в группе № 1 и 17-е место в группе № 2), «терпимость» к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения (в обеих группах — на 13-м месте). Кроме того, следует особо отметить, что среди инструментальных ценностей респонденты из контрастных групп недооценивают важность ценности обладания в современном мире «широты взглядов» (соответственно 10-е место в группе № 1 и 11-е место в группе № 2), что в итоге не дает им возможность понимать чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки.

Весьма контрастным является выбор лицами, совершившими преступления экономической направленности и в сфере компьютерной информации, ценности «твердая воля» (на 4-м месте в группе № 2 и на 17-м месте в группе № 1). Представляется, что большая приоритетность по данной ценности у лиц, подозреваемых в совершении преступления экономической направленности, корреспондирует с данными исследования Л.В. Алтуховой (2016), выявившей, что у корыстных преступников сложилась позиция личности, поддерживающая у них убеждение в том, что деньги им помогут добиться не только материального благополучия, но и необходимого признания. В отношении лиц, совершивших преступления в сфере компьютерной информации, в рамках индивидуальных бесед было выяснено, что им присуще убеждение, что в реалиях современной России благодаря цифровой профкомпетентности имеются многоплановые возможности криминально зарабатывать деньги, в том числе в криптовалюте, и скрытно располагать их на закрытых счетах в офшорных зонах.

Выводы

Полученные эмпирические данные по контрастным категориям преступников, имеющих практически одинаковый возраст и прошедших социализацию в специфичный постсоветский период, показывают, что в области их терминальных ценностных предпочтений наблюдается

определенная близость ценностных профилей, а по инструментальным ценностям предпочтениям имеется значительная контрастность. Предрасположенность у обследованных лиц к преступным деяниям, несмотря на имеющиеся различия, обусловлена особенностями дефектов морали и правосознания: при ранжировании терминальных ценностей «творчество» в обеих группах находится на 18-м месте, а «счастье других» — на 17-м месте в группе № 1 и 15-м месте в группе № 2; при ранжировании инструментальных ценностей принижены ранговый вес ряда социально значимых ценностей, таких как «честность» (соответственно 15-е место в группе № 1 и 16-е место в группе № 2), «чуткость» (14-е место в группе № 1 и 17-е место в группе № 2), «терпимость» к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения (в обеих группах — на 13-м месте).

Проведенное психодиагностическое обследование позволяет построить обобщенные ценностные портреты по представителям изученных контрастных субъектов преступлений. Так, в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений по ст. 272—274 УК РФ (компьютерные преступления), ценностный портрет выглядит следующим образом: приоритетной является квадра терминальных ценностей «любовь, жизненная мудрость, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь», что достигается через инструментальную ценностную ориентацию на образованность, воспитанность, рационализм, ответственность, исполнительности и трудолюбие. У лиц, подозреваемых в совершении преступлений экономической направленности, ценностный портрет выглядит так: приоритетной является квадра терминальных ценностей «интересная работа, продуктивная жизнь, активная деятельная жизнь, познание», что достигается через инструментальную ценностную ориентацию по реализации в поведении независимости и твердой воли.

Ориентация на вышеуказанные ценностные профили позволяет определить направления в комплексе превентивных мероприятий по преодолению вовлеченности людей с дефектностью морального и правового сознания в совершение компьютерных и имущественных (экономических) преступлений, а также реализовывать индивидуально-дифференцированный подход в исправительной работе с данными категориями осужденных.

Сформулированная нами гипотеза получила подтверждение по обозначенным основным причинам различий, но ее полноценная верификация, несомненно, потребует проведения дальнейших исследований на репрезентативной выборке.

Перспективным в дальнейших исследованиях считаем изучение ценностных ориентиров у указанных категорий криминализованных личностей на основе методики Ш. Шварца, имеющей кросс-культурную валидность, а также методического инструментария, позволяющего изучать смысловые ориентации личности, базовую и ситуативную приоритетность ценностей субъектов преступных деяний, в том числе и в ракурсе сверхценностей (например, по методике, разработанной Е.К. Климовой и О.А. Помазиной, 2022). При комплексировании инструментария возникнет возможность более объемно анализировать роль составляющих направленности личности и определять меры профилактики.

Литература

1. *Бегишев И.Р., Бикеев И.И.* Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Познание, 2020. 300 с.
2. *Безруков А.В., Безрукова О.В.* Преступления в сфере компьютерной информации: юридический анализ, проблемы квалификации // Эпомен. 2020. № 42. С. 28–39.

Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.
Ценностные ориентации у лиц, совершающих
преступления экономической направленности
и в сфере компьютерной информации
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 168–182

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.
Value Orientations of Persons That
Commit Economic Crimes and Crimes
in the Field of Computer Information
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 168–182

3. Всего зарегистрировано преступлений [Электронный ресурс] // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 30.01.2023).
4. Гарванова М.З., Гарванов И.Г. Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: материалы III Международной научной конференции (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань: Бук, 2014. С. 5–20.
5. Деулин Д.В. Экономическая преступность: социально-психологический аспект // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 9. С. 67–70.
6. Деулин Д.В., Шарыкина Т.А. Развитие экономической акцентуации личности с позиций психоанализа в современном экономическом пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 269–274.
7. Ижванова Е.М. Ценностные ориентации как условие самореализации личности в зрелом возрасте // Психология зрелости и старения. 2014. № 2. С. 5–18.
8. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология: Учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 244 с.
9. Кантер Д. Криминальная психология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021. 368 с.
10. Киданова Н.Л. Актуальные проблемы современности — экономические преступления, совершаемые в киберпространстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 1. С. 26–29.
11. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12125267/?ysclid=lsabtlxsbq510647809> (дата обращения: 30.01.2023).
12. Криминальная психология: Учебное пособие / Рожков А.А. [и др.]. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 124 с.
13. Криминология: Учебник / Отв. ред. И.М. Мацкевич. М.: Проспект, 2023. 512 с.
14. Молчанова Т.В. Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 182–187. doi:10.24412/2073-0454-2022-3-182-187
15. Пузакина Д.С., Долгова О.А. Особенности отношений к деньгам и монетарного поведения лиц с делинквентным поведением [Электронный ресурс] // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 1 (40). С. 48–55. doi:10.18323/2221-5662-2020-1-48-55
16. Пушкарева И.А., Одинцова Л.Н. Методы изучения личности преступника в России и США [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 68–76. doi:10.37523/sui.2021.80.76.011
17. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: Сборник научных трудов. М., 1981. С. 67–86.
18. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического воздействия. М., 1979. С. 3–33.
19. Реутов В.Е., Зиновьев И.Ф. Проблемы трактовки и исследования экономической преступности в России [Электронный ресурс] // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 103–112. doi:10.14420/ru.2015.2.10

Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.
Ценностные ориентации у лиц, совершающих
преступления экономической направленности
и в сфере компьютерной информации
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 168–182

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.
Value Orientations of Persons That
Commit Economic Crimes and Crimes
in the Field of Computer Information
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 168–182

20. Рожков И.И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 176 с.
21. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2022 года. М., 2022. 66 с.
22. Уголовный кодекс (УК РФ). Общая часть (ст. 1-104.5) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10108000/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения: 30.01.2023).
23. Яницкий М.С. Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности: Дисс. ... докт. психол. наук. Новосибирск, 2000. 301 с.
24. Burkaltseva D.D., Betskov A.V., Kilyaskhanov H.S., Demin G.I., Grisichenko L.L., Timoshenko O.E., Tyulin A.S. Psychology of Criminal in Conditions of Socioeconomic System Transformation // *Оpcion*. 2019. Vol. 35(19). P. 2872–2882.
25. Felson R.B., Staff J. Committing Economic Crime for Drug Money // *Crime & Delinquency*. 2017. Vol. 63(4). P. 375–390. doi:10.1177/0011128715591696
26. Sampson R.J. Sociology of delinquency // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / N.J. Smelser, P.B. Baltes (Eds). Oxford: Elsevier Science, 2001. P. 3380–3384.
27. Tuulik K., Õunapuu T., Kuimet K., Titov E. Rokeach's instrumental and terminal values as descriptors of modern organisation values // *International Journal of Organizational Leadership*. 2016. Vol. 5(2). P. 151–161. doi:10.33844/ijol.2016.60252

References

1. Begishev I.R., Bikeev I.I. Prestupleniya v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii. Kazan: Poznanie, 2020. 300 p. (In Russ.).
2. Bezrukov A.V., Bezrukova O.V. Prestupleniya v sfere komp'yuterno informatsii: yuridicheskii analiz, problemy kvalifikatsii [Crimes in the Field of Computer Information: Legal Analysis, Problems of Qualification]. *Epomen = Epomen*, 2020, no. 42, pp. 28–39. (In Russ.).
3. Vsego zaregistrovano prestuplenii [Elektronnyi resurs]. *General'naya Prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki*. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (Accessed 30.01.2023). (In Russ.).
4. Garvanova M.Z., Garvanov I.G. Issledovanie tsennostei v sovremennoi psikhologii. *Sovremennaya psikhologiya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', oktyabr' 2014 g.)*. Kazan: Buk, 2014, pp. 5–20. (In Russ.).
5. Deulin D.V. Ekonomicheskaya prestupnost': sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [economic crime: a socio-psychological aspect]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 9, pp. 67–70. (In Russ.).
6. Deulin D.V., Sharykina T.A. Razvitie ekonomicheskoi aktsentuatsii lichnosti s pozitsii psikhologii analiza v sovremennom ekonomicheskom prostranstve [The development of economic accentuation personality from the standpoint of psychoanalysis in today's economic environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 8, pp. 269–274. (In Russ.).
7. Izhvanova E.M. Tsennostnye orientatsii kak uslovie samorealizatsii lichnosti v zreloom vozraste. *Psikhologiya zrelosti i stareniya = Psikhologiya Zrelosti i Stareniya*, 2014, no. 2, pp. 5–18. (In Russ.).

8. Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. Tsifrovaya kriminologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 244 p. (In Russ.).
9. Canter D.V. Kriminal'naya psikhologiya [Criminal Psychology: Topics in Applied Psychology]. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr, 2021. 368 p. (In Russ.).
10. Kidanova N.L. Aktual'nye problemy sovremennosti — ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve [Economic crimes in cyberspace among the contemporary problems]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 1, pp. 26–29. (In Russ.).
11. Kodeks ob administrativnykh pravonarusheniyakh (KoAP RF) [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/12125267/?ysclid=lsabtlxbq510647809> (Accessed 30.01.2023). (In Russ.).
12. Rozhkov A.A. et al. Kriminal'naya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2021. 124 p. (In Russ.).
13. Matskevich I.M. (ed.). Kriminologiya: Uchebnik. Moscow: Prospekt, 2023. 512 p. (In Russ.).
14. Molchanova T.V. Statisticheskoe issledovanie lits, sovershayushchikh prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Statistical study of persons committing crimes in the field of economic activity] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3, pp. 182–187. doi:10.24412/2073-0454-2022-3-182-187 (In Russ.).
15. Puzakina D.S., Dolgova O.A. Osobennosti otnoshenii k den'gam i monetarnogo povedeniya lits s delinkventnym povedeniem [Special aspects of attitude to money and monetary behavior of persons with delinquent behavior] [Elektronnyi resurs]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2020, no. 1 (40), pp. 48–55. doi:10.18323/2221-5662-2020-1-48-55
16. Pushkareva I.A., Odintsova L.N. Metody izucheniya lichnosti prestupnika v Rossii i SShA [Elektronnyi resurs] // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2021. № 2 (43). S. 68–76. doi:10.37523/sui.2021.80.76.011 (In Russ.).
17. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1981, pp. 67–86. (In Russ.).
18. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. *Lichnost' prestupnika kak ob'ekt psikhologicheskogo vozdeistviya*. Moscow, 1979, pp. 3–33. (In Russ.).
19. Reutov V.E., Zinoviev I.F. Problemy traktovki i issledovaniya ekonomicheskoi prestupnosti v Rossii [Problems of interpretation and study of economic crime in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2015, no. 2, pp. 103–112. doi:10.14420/ru.2015.2.10 (In Russ.).
20. Rozhkov I.I. Rodovaya kriminalisticheskaya model' protsessa raskrytiya ekonomicheskikh prestuplenii i ee prakticheskoe ispol'zovanie: Diss. kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2001. 176 p. (In Russ.).
21. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — noyabr' 2022 goda. Moscow, 2022. 66 p. (In Russ.).
22. Ugolovnyi kodeks (UK RF). Obshchaya chast' (st. 1-104.5) [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/10108000/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (Accessed 30.01.2023). (In Russ.).
23. Yanitsky M.S. Psikhologicheskie faktory i mekhanizmy razvitiya sistemy tsennostnykh orientatsii lichnosti: Diss. dokt. psikhol. nauk. Novosibirsk, 2000. 301 p. (In Russ.).

Поздняков В.М., Петров В.Е., Деулин Д.В.
Ценностные ориентации у лиц, совершающих
преступления экономической направленности
и в сфере компьютерной информации
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 168–182

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Deulin D.V.
Value Orientations of Persons That
Commit Economic Crimes and Crimes
in the Field of Computer Information
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 168–182

24. Burkaltseva D.D., Betskov A.V., Kilyaskhanov H.S., Demin G.I., Grischenko L.L., Timoshenko O.E., Tyulin A.S. Psychology of Criminal in Conditions of Socioeconomic System Transformation. *Opcion*, 2019. Vol. 35, no. 19, pp. 2872–2882.
25. Felson R.B., Staff J. Committing Economic Crime for Drug Money. *Crime & Delinquency*, 2017. Vol. 63, no. 4, pp. 375–390. doi:10.1177/0011128715591696
26. Sampson R.J. Sociology of delinquency. In N.J. Smelser, P.B. Baltes (Eds). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier Science, 2001, pp. 3380–3384.
27. Tuulik K., Öunapuu T., Kuimet K., Titov E. Rokeach's instrumental and terminal values as descriptors of modern organisation values. *International Journal of Organizational Leadership*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 151–161. doi:10.33844/ijol.2016.60252

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9487-4435 e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7854-4807; e-mail: v.e.petrov@yandex.ru.

Деулин Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Dmitry V. Deulin, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Получена 15.06.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 15.06.2023
Accepted 15.12.2023

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)

Каширский Д.В.

Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева О.В.

Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetzova_olga.1988@mail.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений при различных нарушениях функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет (средний возраст — 33,7 лет), обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений и находящихся на судебно-психиатрической экспертизе. Используются методы нейропсихологического обследования и психологического анализа уголовных дел. Установлено, что у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений наиболее выражены синдром поражения базальных отделов лобных долей, префронтальный синдром, синдром поражения медиальных отделов лобных долей, заднелобный (премоторный) синдром. При поражении базальных отделов лобных долей криминальное поведение характеризовалось не критичностью, поражения префронтальных отделов лобной доли (префронтальный синдром) связаны с проявлениями импульсивности в преступном поведении, поражения кинетического (динамического) фактора проявляются в ригидном характере криминального поведения, при нарушениях энергетического фактора (поражении медиальных отделов лобных долей) преступное поведение обвиняемых носило наиболее пассивный (энергосберегающий) характер. Полученные результаты могут быть учтены при составлении портрета неизвестного преступника, а также в ходе коррекционной работы с лицами, склонными к рецидивному противоправному поведению.

Ключевые слова: делинквентная личность, особо тяжкие преступления, криминальное поведение, функции программирования, регуляции и контроля, нейропсихологические синдромы.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 183–196

Для цитаты: *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2) [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196. DOI:10.17759/psylaw.2024140112

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)

Dmitry V. Kashirsky

Russian State Social University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva

Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Yu.K. Erdmann, Barnaul, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

The purpose of our study was the features of criminal behavior of the accused in the commission of particularly serious crimes in the context of the formation functions of programming and control. The sample consisted of 59 men aged 18—60 years, of those accused of committing particularly serious crimes aimed at a forensic psychiatric examination, the average age was 33.7 years. The methods of neuropsychological examination and psychological analysis of criminal cases were used. Syndrome of defeat of the basal divisions of the frontal lobes, prefrontal syndrome, syndrome of defeat of the medial divisions of the frontal lobes, Postfrontal (premotor) syndrome is most often seen among persons accused of particularly serious crimes. The criminal behavior of the accused in the Commission of particularly serious crimes was characterized by uncritical damage to the basal parts of the frontal lobes. The impulsivity is the main characteristic of the criminal behavior of the accused in especially serious crimes with the defeat of the prefrontal frontal lobe (prefrontal syndrome). Subjects with the defeat of the kinetic (dynamic) factor differed greater rigidity of criminal behavior. The behavior of those accused of committing particularly serious crimes was passive (energy-saving) in violation of the energy factor in the case of damage to the medial parts of the frontal lobes. The obtained results can be used to solve the issues of drawing a portrait of an unknown criminal, as well as in the course of correctional work with persons prone to repeat illegal behavior.

Keywords: delinquent personality, especially serious crimes, criminal behavior, programming, regulation and control functions, neuropsychological syndromes.

For citation: Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 183–196. DOI:10.17759/psylaw.2024140112 (In Russ.).

Во второй части статьи на основе данных факторного анализа [6] проведем сопоставительный анализ выраженности особенностей криминального поведения, выявленных на основе анализа уголовных дел, для каждого из четырех типов нарушений функций программирования, регуляции и контроля.

Сопоставительный анализ

На следующем этапе исследования выделенные методом главных компонент компоненты были сохранены в массиве данных как отдельные переменные, после чего выполнены парные сравнения выраженности особенностей криминального поведения, выявленных на основе анализа уголовных дел, для каждого из четырех типов нарушений функций программирования, регуляции и контроля. Результаты данных сопоставлений представлены в табл. 4—7. Заметим, что в эти таблицы вошли не только статистически значимые результаты ($p \leq 0,05$), но и результаты, находящиеся на уровне статистического тренда ($p \leq 0,10$).

В табл. 4 представлены результаты анализа особенностей криминального поведения обвиняемых с *нарушениями функции базальных отделов лобных долей*.

Таблица 4

Особенности криминального поведения лиц с синдром эмоционально-личностных и мнестических расстройств при поражении базальных отделов лобных долей, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений

Особенности криминального поведения (по материалам уголовных дел)		M	t	df	p	d	
Метод привода жертвы	Жертва не перемещалась	0,2	3,7	58	0,008	0,71	
	Угроза	-0,9					
	Физическая жестокость	Угроза	1,1	-4,3	58	0,06	0,50
		Соблазн/обольщение	0,9				
		Угроза	-0,9				
		Угроза	-0,9				
Наличие свидетелей	Совершение преступления несмотря на наличие свидетелей	0,4	2,4	58	0,04	0,54	
	Заранее заботится об отсутствие свидетелей	-0,6					
Место освобождения жертвы	Преступление прервано появлением свидетелей	1,0	2,3	58	0,08	0,46	
	Соппротивление/побег	0,1					
	Преступление прервано появлением свидетелей	1,0	2,2	58	0,08	0,46	
	Жертва не двигалась	0,1					
Соккрытие следов преступления	Не скрывает следы преступления	1,1	4,6	58	0,001	0,90	
	Действует по заранее обдуманному плану	-0,8					
	Скрывает следы преступления, не имея плана	0,4	3,7	58	0,003	0,80	
	Действует по заранее обдуманному плану	-0,8					

Примечание: М — среднее арифметическое, t — статистика Стьюдента, df — число степеней свободы, p — уровень значимости, d — размер эффекта Коэна.

Полученные результаты говорят о том, что обвиняемые с функциональной недостаточностью базальных отделов лобных долей, чаще совершали преступление несмотря на наличие свидетелей и крайне редко заранее заботились об их отсутствии. Они недостаточно критично оценивали условия, в которых протекала их преступная деятельность, и не ориентировались на внешнее окружение. Совершаемое ими преступление чаще было прервано случайными свидетелями, чем из-за сопротивления, побега или вследствие обездвиженности жертвы. И только после этого присутствие третьего лица (свидетеля) становилось для преступника очевидным. Этими обвиняемыми чаще использовались такие методы привода жертвы, как физическая жестокость и соблазн/обольщение, чем угроза. Как правило, они никуда не перемещали жертву, совершая нападение там, где она находилась в данный момент. Они чаще не скрывали следы преступления или скрывали их, не имея четкого плана преступления. На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что основной характеристикой криминального поведения обвиняемых с нарушением базальных отделов лобных долей является снижение критичности.

Заметим, что размеры эффектов Коэна для сравниваемых показателей принимали средние ($d = 0,46—0,54$), умеренные ($d = 0,71$) и высокие ($d \geq 0,8$). При этом наиболее выраженные качественные различия между сравниваемыми показателями выявлены по параметру «сокрытие следов преступления».

Результаты анализа особенностей криминального поведения обвиняемых с нарушениями функции *префронтальных отделов лобных долей* представлены в табл. 5.

Таблица 5

Особенности криминального поведения лиц с синдром нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов лобных долей, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений

Особенности криминального поведения (по материалам уголовных дел)		М	t	df	p	d
Характер отношений с жертвой	Знакомится с жертвой непосредственно перед правонарушением	0,7	2,4	58	0,04	0,54
	Знакомы с жертвой давно и имели длительные неприязненные отношения	-0,5				
Сокрытие следов преступления	Не скрывает следы преступления	-0,03	3,7	58	0,001	0,90
	Действует по заранее обдуманному плану	-0,7				
	Скрывает следы преступления, не имея плана	0,5	3,8	58	0,002	0,84
	Действует по заранее обдуманному плану	-0,7				
Возвращение на место преступления	Возвращается на место преступления	-0,4	2,1	58	0,05	0,52
	Не возвращается на место преступления	0,2				

Примечание: М — среднее арифметическое, t — статистика Стьюдента, df — число степеней свободы, p — уровень значимости, d — размер эффекта Коэна.

Исследование показало, что в данном случае обвиняемый и потерпевший чаще познакомились непосредственно перед правонарушением, чем были знакомы давно. Между ними, как

правило, отсутствовали неприязненные отношения, а конфликт был спровоцирован ситуативными причинами. Таким образом, совершенное преступление крайне редко являлось следствием длительных неприязненных отношений между обвиняемым и жертвой. Полученный результат указывает на то, что обвиняемые с функциональной недостаточностью префронтальных отделов лобных долей, как правило, не способны к накоплению напряжения в длительных конфликтных отношениях, а импульсивно реагируют агрессией на любые ситуативно возникшие разногласия. Испытуемые с функциональной недостаточностью префронтальных отделов лобных долей чаще в спешке скрывали следы преступления, не имея плана, либо же не скрывали их вообще, нежели чем действовали при сокрытии следов преступления по заранее разработанному плану. Кроме этого, для данной категории обвиняемых было не характерно возвращение на место ранее совершенного преступления. Таким образом, основной характеристикой криминального поведения лиц с поражением префронтальных отделов лобных долей, обвиняемых в особо тяжких преступлениях, можно назвать импульсивность. Они совершали преступление спонтанно, следуя своим сиюминутным желаниям и эмоциям.

Вычисленные размеры эффектов Коэна в данном случае принимали средние ($d = 0,52 - 0,54$) и высокие ($d \geq 0,8$) значения. При этом наиболее выраженные качественные различия между сравниваемыми показателями вновь выявлены по параметру «сокрытие следов преступления».

В табл. 6 представлены результаты анализа особенностей криминального поведения лиц с нарушением функции *заднелобных отделов лобных долей*.

Таблица 6

Особенности криминального поведения лиц с синдром нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий при поражении заднелобных отделов мозга, обвиняемых в совершении особо тяжких преступления

Особенности криминального поведения (по материалам уголовных дел)		M	t	df	p	d
Вид преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	Изнасилование	-0,07	1,9	58	0,09	0,45
	Понуждение к развратным действиям	1,3				
Метод привода жертвы	Жертва не перемещалась	0,1	4,4	58	0,01	0,69
	Физическая жестокость	-0,7				
Характер отношений с жертвой	Знакомится с жертвой непосредственно перед правонарушением	-0,2	-1,9	58	0,09	0,45
	Знакомы с жертвой давно и имели длительные неприязненные отношения	0,5				
Стратегия защиты	Нет стратегии защиты	-0,2	-2,4	58	0,02	0,62
	Следует стратегии защиты не последовательно	0,4				
Показания	Непоследовательные показания	0,4	2,1	58	0,04	0,54
	Последовательные показания	-0,1				

Примечание: M — среднее арифметическое, t — статистика Стьюдента, df — число степеней свободы, p — уровень значимости, d — размер эффекта Коэна.

Согласно данным исследования, обвиняемые с поражением кинетического нейропсихологического фактора чаще были знакомы с жертвой давно и имели длительные неприязненные отношения с ней. То есть они не совершали преступление импульсивно, а были способны перед этим некоторое время накапливать напряжение. На допросе они скорее не придерживались последовательной стратегии защиты и давали, как правило, сбивчивые показания. Эти обвиняемые чаще совершали понуждение к развратным действиям, чем изнасилования. При этом лица с поражением кинетического нейропсихологического фактора были склонны подолгу различным способом воздействовать на жертву, добиваясь от нее осуществления желаемых действий сексуального характера. Кроме того, реализуя свои преступные действия, они чаще предпочитали не перемещать жертву, чем использовать для ее перемещения физическую силу. Резюмируя, можно сказать, что подэкспертные с поражением кинетического (динамического) фактора отличались большей ригидностью криминального поведения.

Заметим, что размеры эффектов Коэна принимали здесь средние ($d \approx 0,5$) и умеренные ($d = 0.69$) значения. Последние относились к методу привода жертвы на место преступления.

В табл. 7 приводятся результаты анализа особенностей криминального поведения обвиняемых с нарушениями функции *медиальных отделов лобных долей*.

Таблица 7

Особенности криминального поведения лиц с синдром нарушения памяти и сознания при поражении медиальных отделов лобных долей мозга, обвиняемых в совершении особо тяжких преступления

Особенности криминального поведения (по материалам уголовных дел)		M	t	df	p	d
Вид развратных действий	Изнасилование	0,2	2,1	58	0,06	0,50
	Понуждение к развратным действиям	1,9				
Вид преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	Понуждение к развратным действиям	1,9	1,9	58	0,09	0,45
	Совершение развратных действий самим обвиняемым	0,2				
Метод привода жертвы	Жертва не перемещалась	0,2	-6,8	58	0,006	0,74
	Обман/ложь	1,7				
	Угроза	0,5	3,0	58	0,06	0,50
	Игры	-1,4				
	Обман/ложь	1,7	10,0	58	0,06	0,50
	Игры	-1,4				
	Соблазн/ обольщение	-0,2	-6,7	58	0,09	0,45
	Обман/ложь	1,7				
	Угроза	0,5	-4,0	58	0,02	0,62
	Обман/ложь	1,7				
Стратегия защиты	Нет стратегии защиты	0,1	-1,8	58	0,07	0,48
	Последовательное следование стратегии защиты	0,6				

Примечание: M — среднее арифметическое, t — статистика Стьюдента, df — число степеней свободы, p — уровень значимости, d — размер эффекта Коэна.

Согласно полученным результатам, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, имеющие нарушения в медиальных отделах лобных долей, как правило, при даче показаний на допросе последовательно следовали стратегии защиты, даже в том случае если она была не состоятельна. Они достоверно чаще понуждали своих жертв к развратным действиям, чем совершали изнасилование или прибегали к развратным действиям сами. Полученный результат можно объяснить тем, что недостаток энергии при функциональной недостаточности медиальных отделов лобных долей располагает к совершению менее энергетически затратных криминальных действий. Кроме того, лица с синдромом нарушения памяти и сознания в качестве метода привода жертвы чаще использовали обман/ложь, чем игры, соблазн/обольщение, угрозы или не перемещали жертву, что также сводит к минимуму активность преступника. Жертва под влиянием обмана/лжи сама перемещалась в место, удобное для совершения противоправных действий. Таким образом, результаты исследования указывают на то, что поведение обвиняемых с функциональной недостаточностью медиальных отделов лобных долей мозга было направлено на то, чтобы минимизировать затраты энергии при совершении противоправных действий. Различия при этом установлены при средних и умеренных размерах эффектов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Данные нейропсихологического обследования показали, что среди обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений наиболее выражены: синдром поражения базальных отделов лобных долей, префронтальный синдром, синдром поражения медиальных отделов лобных долей и заднелобный (премоторный) синдром.

2. При функциональной недостаточности базальных отделов лобных долей наиболее характерной чертой обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений является снижение критичности при осуществлении криминальных действий.

3. Основной характеристикой криминального поведения лиц с поражением префронтальных отделов лобной доли (префронтальный синдром), обвиняемых в особо тяжких преступлениях, является импульсивный характер действий.

4. Подэкспертные с поражением кинетического (динамического) фактора отличались большей ригидностью криминального поведения.

5. При нарушении энергетического фактора в случае поражения глубинных отделов лобных долей поведение обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений носило выраженный пассивный (энергосберегающий) характер.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении портрета неизвестного преступника, а также в ходе коррекционной работы с лицами, склонными к рецидивному противоправному (криминальному) поведению.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Гульдман В.В.* Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.
2. *Анфиногенов А.И.* Психологическое портретирование неустановленного преступника. М.: Академия управления МВД РФ, 2002. 133 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 183–196

3. *Бегунова Л.А.* Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 178 с.
4. *Глозман Ж.М.* Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 270 с.
5. *Дьякова Н.В.* Нейропсихологические методы в судебной экспертизе // Развитие научного наследия А.Р. Лурия в отечественной и мировой психологии: материалы III Международной научно-практической конференции памяти А. Р. Лурия, Москва — Белгород, 10–12 октября 2007 года / Под ред. проф. В.А. Москвина. М.; Белгород: Издательско-полиграфический центр «ПОЛИТЕРРА», 2007. С. 42.
6. *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 53–69. doi:10.17759/psylaw.2023130405
7. *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110
8. *Коньшева Л.П.* Психологический анализ серийных преступлений // Юридическая психология: Сборник научных трудов. Выпуск третий. Часть 1. М., 2005. С. 39–54.
9. *Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Клиническая нейропсихология. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 144 с.
10. *Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М.: Издательство МГУ, 2000. 192 с.
11. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Васильева Ю.А.* Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1985. № 12. С. 1837–1842.
12. *Логунова О.А.* Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018. 256 с.
13. *Лурия А.Р., Хомская Е.Д.* Лобные доли и регуляция психических процессов: нейропсихологические исследования. М.: Издательство Московского университета, 1966. 740 с.
14. *Миронов Д.В.* Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийств: Автореф. ... дисс. канд. психол. наук. М., 2001. 20 с.
15. *Печерникова Т.П., Гульдман В.В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей // Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. М.: Генезис, 2013. С. 34–45.
16. *Прибрам К.* Языки мозга (Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии). М.: Прогресс, 1975. 464 с.
17. *Сафуанов Ф.С., Переправина Ю.О., Черненьков А.Д.* Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке сделок способности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 115–127. doi:10.17759/psylaw.2018080411
18. *Сафуанов Ф.С., Телешева К.Ю., Мямлин В.В., Киренская А.В.* Патохарактерологические особенности психически здоровых лиц, склонных к импульсивной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 150–166. doi:10.17759/psylaw.2018080311

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 183–196

19. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
20. Смирнов В.М. Сенсорные эффекты электростимуляций глубоких структур мозга человека // Механизмы сенсорного контроля движений (Симпозиум): Материалы Расширенного пленума Союзной проблемной комиссии. Курск, 1974. С. 72–76.
21. Состояние преступности в России за январь—декабрь 2021 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 67 с.
22. Тележникова В.Н. Криминолого-психологическая характеристика лиц, виновных в многоэпизодных убийствах и изнасилованиях: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 145 с.
23. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 560 с.
24. Хомская Е.Д. Нейропсихология. М.: УМК «Психология», 2002. 415 с.
25. Amen D.G., Hanks C., Prunella J.R., Green A. An analysis of regional cerebral blood flow in impulsive murderers using single photon emission computed tomography // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. 2007. Vol. 19(3) 3. P. 304–309. doi:10.1176/jnp.2007.19.3.304
26. Briken P., Habermann N., Berner W., Hill A. The influence of brain abnormalities on psychosocial development, criminal history and paraphilias in sexual murderers // Journal of Forensic Science. 2005. Vol. 50(5). P. 1204–1208.
27. Briken P., Habermann N., Kafka M.P., Berner W., Hill A. The paraphilia-related disorders: an investigation of the relevance of the concept in sexual murderers // Journal of Forensic Science. 2006. Vol. 51(3). P. 683–688. doi:10.1111/j.1556-4029.2006.00105.x
28. Cope L. et al. Abnormal brain structure in youth who commit homicide // Neuroimage: Clinical. 2014. Vol. 4. P. 800–807. doi:10.1016/j.nicl.2014.05.002
29. Criminal Psychology and Forensic Technology: A Collaborative Approach to Effective Profiling / Godwin M.G. (ed.). New York: CRC Press, 2000.
30. De Brito S.A. et al. Size matters: increased grey matter in boys with conduct problems and callous—unemotional traits // Brain. 2009. Vol. 132. P. 843–852. doi:10.1093/brain/awp011
31. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R.K. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes. San Francisco, California: Jossey Bass, 2006.
32. Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R. Criminal profiling from crime scene analysis // Behavioral Sciences & Law. 1986. Vol. 4(4). P. 401–421. doi:10.1002/bsl.2370040405
33. Gerard F., Mormont C., Kocsis R. Offender profiles and crime scene behaviors in Belgian sexual murders // Criminal Profiling / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2007. P. 27–47. doi:10.1007/978-1-60327-146-2_2
34. Gregory S. et al. The antisocial brain: psychopathy matters // Archives of General Psychiatry. 2012. Vol. 69(9). P. 962–972. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2012.222
35. Kiehl K.A., Liddle P.F., Hopfinger J.B. Error processing and the rostral anterior cingulate: An event-related fMRI study // Psychophysiology. 2000. Vol. 37(2). P. 216–223.
36. Lam B. et al. Psychopathy Moderates the Relationship between Orbitofrontal and Striatal Alterations and Violence: The Investigation of Individuals Accused of Homicide // Frontiers in Human Neuroscience. 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnhum.2017.00579
37. Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood, and Behavior // Human Sexual Aggression: Current Perspectives (Annals of the New York Academy of Sciences, Vol 528). New York: New York Academy of Sciences, 1988. P. 163–171. doi:10.1111/j.1749-6632.1988.tb50859.x

38. *Meloy J.* The nature and dynamics of sexual homicide: an integrative review // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol. 5(1). P. 1–22. doi:10.1016/S1359-1789(99)00006-3
39. *Money J.* Forensic sexology: paraphilic serial rape (biastophilia) and lust murder (erotophonophilia) // *American Journal of Psychotherapy*. 1990. Vol. 44(1). P. 26–36. doi:10.1176/appi.psychotherapy.1990.44.1.26
40. *Morgenbesser L.I., Kocsis R.N.* Sexual Homicide. An Overview of Contemporary Empirical Research // *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes* / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2008. P. 103–117. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_7
41. *Neubacher F.* Serienmorder: Überblick über den Wissenschaftlichen Erkenntnisstand // *Kriminalistik*. 2003. Vol. 1. P. 43–48.
42. *New A. et al.* Blunted prefrontal cortical fluorodeoxyglucose positron emission tomography response to meta-chlorophenyl piperazine in impulsive aggression // *Archives of General Psychiatry*. 2002. Vol. 59(7). P. 621–629. doi:10.1001/archpsyc.59.7.621
43. *Raine A., Buchsbaum M., LaCasse L.* Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography // *Biological Psychiatry*. 1997. Vol. 42(6). P. 495–508. doi:10.1016/S0006-3223(96)00362-9
44. *Ressler R., Burgess A., Douglas J.* *Sexual Homicides: Patterns and Motives*. Toronto, Lexington, MA: Lexington Books, 1988.
45. *Roth G.* *Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1994.
46. *Sajous-Turner A. et al.* Aberrant brain gray matter in murderers // *Brain Imaging and Behavior*. 2020. Vol. 14(5). P. 2050–2061. doi:10.1007/s11682-019-00155-y
47. *Salfati G., Bateman A.* Serial Homicide: An Investigation of Behavioral Consistency // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2005. Vol. 2(2). P. 121–144. doi:10.1002/jip.27
48. *Schlesinger L.* Compulsive-Repetitive Offenders: Behavioral Patterns, Motivational Dynamics // *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes* / R.N. Kocsis (ed.). Totowa; N.J.: Humana Press, 2008. P. 15–33. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_2
49. *Tiihonen J. et al.* Brain anatomy of persistent violent offenders: more rather than less // *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 2008. Vol. 163(3). P. 201–212. doi:10.1016/j.psychres.2007.08.012
50. *Veit R. et al.* Brain circuits involved in emotional learning in antisocial behavior and social phobia in humans // *Neuroscience Letters*. 2002. Vol. 328(3). P. 233–236. doi:10.1016/s0304-3940(02)00519-0
51. *Volkow N.D. et al.* Brain glucose metabolism in violent psychiatric patients: a preliminary study // *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 1995. Vol. 61(4). P. 243–253. doi:10.1016/0925-4927(95)02671-j

References

1. Antonyan Yu.M., Guldan V.V. *Kriminal'naya patopsikhologiya*. Moscow: Nauka, 1991. 248 p. (In Russ.).
2. Anfinogenov A.I. *Psikhologicheskoe portretirovanie neustanovlennogo prestupnika*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD RF Publ., 2002. 133 p. (In Russ.).
3. Begunova L.A. *Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovaniia i ubiistv, sopryazhennykh s deistviyami seksual'nogo kharaktera*: Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2002. 178 p. (In Russ.).

4. Gluzman Zh.M. *Neiropsikhologicheskoe obsledovanie: kachestvennaya i kolichestvennaya otsenka dannykh*. Moscow: Smysl, 2012. 270 p. (In Russ.).
5. Dyakova N.V. *Neiropsikhologicheskie metody v sudebnoi ekspertize*. In V.A. Moskvina (ed.). *Razvitie nauchnogo naslediya A.R. Luriya v otechestvennoi i mirovoi psikhologii: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati A. R. Luriya, Moskva — Belgorod, 10–12 oktyabrya 2007 goda*. Moscow; Belgorod: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "POLITER-RA", 2007, pp. 42. (In Russ.).
6. Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. *Osobennosti kriminal'nogo povedeniya obvinyaemykh v sovershenii osobo tyazhkikh prestuplenii s razlichnymi narusheniyami funktsii programmirovaniya, regulyatsii i kontrolya psikhicheskoi deyatel'nosti (Chast' 1)* [Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 53–69. doi:10.17759/psylaw.2023130405 (In Russ.).
7. Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. *Tsennosti, samoidentifikatsiya i lichnostnaya motivatsiya obvinyaemykh v sovershenii osobo tyazhkikh prestuplenii* [Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110 (In Russ.).
8. Konyshcheva L.P. *Psikhologicheskii analiz seriinykh prestuplenii*. *Yuridicheskaya psikhologiya: Sbornik nauchnykh trudov*. Vypusk tretii. Chast' 1. Moscow, 2005, pp. 39–54. (In Russ.).
9. Korsakova N.K., Moskovichyute L.I. *Klinicheskaya neiropsikhologiya*. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2003. 144 p. (In Russ.).
10. Kudryavtsev I.A., Ratinova N.A. *Kriminal'naya agressiya (ekspertnaya tipologiya i sudebno-psikhologicheskaya otsenka)*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. 192 p. (In Russ.).
11. Kudryavtsev I.A., Safuanov F.S., Vasil'eva Yu.A. *Osobennosti regulyatsii deyatel'nosti psikhopaticheskikh lichnostei smyslovymi (motivatsionnymi) ustanovkami*. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neuropatology and Psychiatry*, 1985, no. 12, pp. 1837–1842. (In Russ.).
12. Logunova O.A. *Psikhologicheskie osobennosti lichnosti i povedeniya razlichnykh tipov seriinykh seksual'nykh ubiits*: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.).
13. Luria A.R., Khomskaya E.D. *Lobnye doli i regulyatsiya psikhicheskikh protsessov: neiropsikhologicheskie issledovaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1966. 740 p. (In Russ.).
14. Mironov D.V. *Psikhologicheskoe obespechenie raskrytiya seriinykh ubiistv*: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2001. 20 p. (In Russ.).
15. Pechernikova T.P., Guldan V.V. *Osobennosti ekspertnoi otsenki affektivnykh reaktsii v moment soversheniya pravonarusheniya u psikhicheskii zdorovykh i psikhopaticheskikh lichnostei*. *Affekt: praktika sudebnoi psikhologo-psikiatricheskoi ekspertizy*. Moscow: Genezis, 2013, pp. 34–45. (In Russ.).
16. Pribram K. *Yazyki mozga (Eksperimental'nye paradoksy i printsipy neiropsikhologii)* [Languages of the brain]. Moscow: Progress, 1975. 464 p. (In Russ.).
17. Safuanov F.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. *Neiropsikhologicheskoe issledovanie pri sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenke sdelkosposobnosti* [Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision making capacity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologi-*

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.

Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.

Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 183–196

ya i parvo = *Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 115–127. doi:10.17759/psylaw.2018080411 (In Russ.).

18. Safuanov F.S., Telesheva K.Yu., Myamlin V.V., Kirenskaya A.V. Patokharakterologicheskie osobennosti psikhicheski zdorovykh lits, sklonnykh k impul'sivnoi agressii [Pathocharacterological signs of mentally healthy individuals, prone to impulsive aggression] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 150–166. doi:10.17759/psylaw.2018080311 (In Russ.).

19. Sitkovskaya O.D. *Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti*. Moscow: NORMA, 1998. 285 p. (In Russ.).

20. Smirnov V.M. *Sensornye efekty elektrostimulyatsii glubokikh struktur mozga cheloveka. Mekhanizmy sensornogo kontrolya dvizhenii (Simpozium): Materialy Rasshirennogo plenuma So-yuznoi problemnoi komissii*. Kursk, 1974, pp. 72–76. (In Russ.).

21. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'—dekabr' 2021 g.* Moscow: GIATs MVD Rossii Publ., 2022. 67 p. (In Russ.).

22. Telezhnikova V.N. *Kriminologo-psikhologicheskaya kharakteristika lits, vinovnykh v mnog-oepizodnykh ubiistvakh i iznasilovaniyakh: Diss. kand. yurid. nauk*. Moscow, 1999. 145 p. (In Russ.).

23. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. *Sudebnaya seksologiya*. Moscow: Meditsina, 2001. 560 p. (In Russ.).

24. Khomskaya E.D. *Neiropsikhologiya*. Moscow: UMK “Psikhologiya”, 2002. 415 p. (In Russ.).

25. Amen D.G., Hanks C., Prunella J.R., Green A. An analysis of regional cerebral blood flow in impulsive murderers using single photon emission computed tomography. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*, 2007. Vol. 19, no. 3, pp. 304–309. doi:10.1176/jnp.2007.19.3.304

26. Briken P., Habermann N., Berner W., Hill A. The influence of brain abnormalities on psychosocial development, criminal history and paraphilias in sexual murderers. *Journal of Forensic Science*, 2005. Vol. 50, no. 5, pp. 1204–1208.

27. Briken P., Habermann N., Kafka M.P., Berner W., Hill A. The paraphilia-related disorders: an investigation of the relevance of the concept in sexual murderers. *Journal of Forensic Science*, 2006. Vol. 51, no. 3, pp. 683–688. doi:10.1111/j.1556-4029.2006.00105.x

28. Cope L. et al. Abnormal brain structure in youth who commit homicide. *Neuroimage: Clinical*, 2014. Vol. 4, pp. 800–807. doi:10.1016/j.nicl.2014.05.002

29. Godwin M.G. (ed.). *Criminal Psychology and Forensic Technology: A Collaborative Approach to Effective Profiling*. New York: CRC Press, 2000.

30. De Brito S.A. et al. Size matters: increased grey matter in boys with conduct problems and callous—unemotional traits. *Brain*, 2009. Vol. 132, pp. 843–852. doi:10.1093/brain/awp011

31. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R.K. *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. San Francisco, California: Jossey Bass, 2006.

32. Douglas J.E., Ressler R.K., Burgess A.W., Hartman C.R. Criminal profiling from crime scene analysis. *Behavioral Sciences & Law*, 1986. Vol. 4, no. 4, pp. 401–421. doi:10.1002/bsl.2370040405

33. Gerard F., Mormont C., Kocsis R. Offender profiles and crime scene behaviors in Belgian sexual murders. In R.N. Kocsis (ed.). *Criminal Profiling*. Totowa; N.J.: Humana Press, 2007, pp. 27–47. doi:10.1007/978-1-60327-146-2_2
34. Gregory S. et al. The antisocial brain: psychopathy matters. *Archives of General Psychiatry*, 2012. Vol. 69, no. 9, pp. 962–972. doi:10.1001/archgenpsychiatry.2012.222
35. Kiehl K.A., Liddle P.F., Hopfinger J.B. Error processing and the rostral anterior cingulate: An event-related fMRI study. *Psychophysiology*, 2000. Vol. 37, no. 2, pp. 216–223.
36. Lam B. et al. Psychopathy Moderates the Relationship between Orbitofrontal and Striatal Alterations and Violence: The Investigation of Individuals Accused of Homicide. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnhum.2017.00579
37. Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood, and Behavior. *Human Sexual Aggression: Current Perspectives (Annals of the New York Academy of Sciences, Vol 528)*. New York: New York Academy of Sciences, 1988, pp. 163–171. doi:10.1111/j.1749-6632.1988.tb50859.x
38. Meloy J. The nature and dynamics of sexual homicide: an integrative review. *Aggression and Violent Behavior*, 2000. Vol. 5, no. 1, pp. 1–22. doi:10.1016/S1359-1789(99)00006-3
39. Money J. Forensic sexology: paraphilic serial rape (biastophilia) and lust murder (erotophonophilia). *American Journal of Psychotherapy*, 1990. Vol. 44, no. 1, pp. 26–36. doi:10.1176/appi.psychotherapy.1990.44.1.26
40. Morgenbesser L.I., Kocsis R.N. Sexual Homicide. An Overview of Contemporary Empirical Research. In R.N. Kocsis (ed.). *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Totowa; N.J.: Humana Press, 2008, pp. 103–117. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_7
41. Neubacher F. Serienmorder: Überblick über den Wissenschaftlichen Erkenntnisstand. *Kriminalistik*, 2003. Vol. 1, pp. 43–48.
42. New A. et al. Blunted prefrontal cortical fluorodeoxyglucose positron emission tomography response to meta-chlorophenyl piperazine in impulsive aggression. *Archives of General Psychiatry*, 2002. Vol. 59, no. 7, pp. 621–629. doi:10.1001/archpsyc.59.7.621
43. Raine A., Buchsbaum M., LaCasse L. Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography. *Biological Psychiatry*, 1997. Vol. 42, no. 6, pp. 495–508. doi:10.1016/S0006-3223(96)00362-9
44. Ressler R., Burgess A., Douglas J. *Sexual Homicides: Patterns and Motives*. Toronto, Lexington, MA: Lexington Books, 1988.
45. Roth G. *Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen*. Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1994.
46. Sajous-Turner A. et al. Aberrant brain gray matter in murderers. *Brain Imaging and Behavior*, 2020. Vol. 14, no. 5, pp. 2050–2061. doi:10.1007/s11682-019-00155-y
47. Salfati G., Bateman A. Serial Homicide: An Investigation of Behavioral Consistency. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 2005. Vol. 2, no. 2, pp. 121–144. doi:10.1002/jip.27
48. Schlesinger L. Compulsive-Repetitive Offenders: Behavioral Patterns, Motivational Dynamics. In R.N. Kocsis (ed.). *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Totowa; N.J.: Humana Press, 2008, pp. 15–33. doi:10.1007/978-1-60327-049-6_2
49. Tiihonen J. et al. Brain anatomy of persistent violent offenders: more rather than less. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 2008. Vol. 163, no. 3, pp. 201–212. doi:10.1016/j.pychresns.2007.08.012

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 183–196

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 183–196

50. Veit R. et al. Brain circuits involved in emotional learning in antisocial behavior and social phobia in humans. *Neuroscience Letters*, 2002. Vol. 328, no. 3, pp. 233–236. doi:10.1016/s0304-3940(02)00519-0

51. Volkow N.D. et al. Brain glucose metabolism in violent psychiatric patients: a preliminary study. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 1995. Vol. 61, no. 4, pp. 243–253. doi:10.1016/0925-4927(95)02671-j

Информация об авторах

Каширский Дмитрий Валерьевич, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра психологии, конфликтологии и бихевиористики, факультет политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ); профессор, департамент психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева Ольга Владимировна, медицинский психолог, отделение стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц, находящихся под стражей, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Information about the authors

Dmitry V. Kashirsky, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia; Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva, Clinical Psychologist, Office Stationery is Judicial-psychiatric Examinations of Persons in Custody, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Yu.K. Erdmann, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Получена 01.02.2023
Принята в печать 20.06.2023

Received 01.02.2023
Accepted 20.06.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

**Научно-биографический метод
в психологических и правовых исследованиях:
от ретроспективного и многофакторного анализа
до методологического инструментария оценки качества**

Афанасьева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Афанасьев И.В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-820X>, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Павленко А.А.

Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-2021>, e-mail: philolog74@mail.ru

Целью статьи является определение научного и прикладного потенциала биографического метода, и его возможностей в решении ряда методологических и прикладных задач в области психологии и права. Научная аргументация основана на использовании ключевых элементов сущностно-содержательного, ретроспективного, многофакторного, аксиологического и сравнительно-сопоставительного анализа. Представлен анализ фаз личностного и общественного развития, каждая из которых определяет состав и характер воздействия на личность или общественные отношения в зависимости от специфики их базовых особенностей в социально чувствительных областях. Выделены методологические индикаторы, являющиеся коррелятами научной и теоретической значимости современных исследований. Биографический метод выступает как самостоятельный жанр изучения трудов значимых для данных наук и как прием отображения характеристик человеческого фактора и общественных отношений. Метод направлен на решение важной методологической задачи о значимости личности и общественных отношений в развитии науки. Прикладное значение метода заключается в том, что он выступает в качестве индикатора качества и методологического инструментария научных исследований в области психологии и права.

Ключевые слова: научно-биографический метод, биография, человек, личность, общественные отношения, фазы развития, индивидуальные и групповые различия, объяснение, понимание, многофакторность.

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

Для цитаты: *Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.* Научно-биографический метод в психологических и правовых исследованиях: от ретроспективного и многофакторного анализа до методологического инструментария оценки качества [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213. DOI:10.17759/psylaw.2024140113

Scientific-Biographical Method in Psychological and Legal Research: from Retrospective and Multivariate Analysis to Methodological Tools for Quality Assessment

Irina V. Afanasyeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Ilya V. Afanasyev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-820X>, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Andrey A. Pavlenko

Moscow City University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-2021>, e-mail: philolog74@mail.ru

The purpose of the article is to determine the scientific and applied potential of the biographical method, and its capabilities in solving a number of methodological and applied problems in the field of psychology and law. Scientific argumentation is based on the use of the key elements of substantive, retrospective, multifactorial, axiological and comparative analysis. An analysis of the phases of personal and social development is presented, each of which determines the composition and nature of the impact on the individual or social relations, depending on the specifics of their basic features in socially sensitive areas. The methodological indicators are identified that are correlates of the scientific and theoretical significance of modern research. The biographical method acts as an independent genre of studying the works of sciences that are significant for these sciences, and as a method of displaying the characteristics of the human factor and social relations. The method is aimed at solving an important methodological problem about the importance of the personality and social relations in the development of science. The applied significance of the method lies in the fact that it acts as an indicator of the quality and as the methodological tools of scientific research in the field of psychology and law.

Keywords: scientific-biographical method, biography, person, personality, social relations, phases of development, individual and group differences, explanation, understanding, multifactorial.

For citation: Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A. Scientific-Biographical Method in Psychological and Legal Research: from Retrospective and Multivariate Analysis to Methodological Tools for Quality Assessment. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 197–213. DOI:10.17759/psylaw.2024140113 (In Russ.).

Введение

Пространство психологических и правовых исследований включает в себя широкий комплекс вопросов, имеющих разнонаправленный характер и содержание. Так, психологические исследования, призванные изучать «человеческое (ψυχή)», представляют собой многомерную область, в состав которой входят различные стороны этого сложного образования: проблемы мышления; особенности поведения субъекта, выражающие его характерологический, темпераментный план; связь с физиологическими процессами, как индивидуального (личная биография в ее отдельности), так и общего (закономерности фаз личностного развития) ряда. Все эти фундаментальные аспекты психологической науки полагаются в основание соответствующих критериальных позиций, по которым та или иная личность оценивается в комплексе своих проявлений. Одна ее сторона обусловлена связью с физической природой, другая — с социальным окружением, третья — с глубинными процессами в их уникальности и единичности. Отсюда проистекает потребность в многосторонних методологических построениях, включающих различные по своей направленности исследовательские процедуры: как объяснение (с точки зрения контекста) или же научная интуиция и понимание (с точки зрения индивида в его единичности), так и их синтез в виде многофакторного анализа.

Правовая составляющая таких исследований представляет собой коррелят данных позиций с точки зрения их релевантности в области правоотношений, возникающих в процессе решения социально значимых вопросов. Осмысление «великого» и «простого», «слабого» и «сильного», «свободы» и «насилия», «справедливости» и «беззакония» в человеческом мышлении и юридической практике способны обогащать потенциал правовой науки, а биография известного лица способна служить потенциальным ориентиром в области правосознания и нравственности.

Функциональный план биографических материалов в области психологических и правовых исследований при желании исследователя может быть продолжен и существенно расширен. Вместе с тем, обращаясь к проблеме выдающихся лиц, психология, равно как и право осуществляет поиск ответов на вопросы: по каким причинам та или иная «великая личность» таковой стала? Какие (в нашем случае биографические) факторы этому сопутствовали? Как это влияет на законотворческие процессы? Ответы на данные вопросы позволяют распознать в личности те или иные предрасположенности, таланты, дарования, их способность реализовываться в будущем. Это, в свою очередь, открывает ряд других вопросов, отвечающих тем или иным условиям, в контексте которых оцениваются реальные возможности личности и общества. Отсюда в диапазон применения биографического метода в рассматриваемых науках входят аспекты, связанные с необходимостью исследовать характеры, темпераменты, индивидуальные различия, а также фазы развития правосознания и общественных отношений, выявлять их экстремальные точки в периоды «расцвета» («акмэ») или затухания.

Обзор литературы: биографический метод в трудах классиков психологической и правовой науки

Представляемые нами ниже работы можно считать хрестоматийной классикой в области применения биографического метода в психологии и праве. Обзор представим в порядке хронологии появления самих изданий.

А.С. Черняев в своей работе под названием «Воспитательная система, основанная на биографиях великих людей» [34], отмечая кризис воспитательной системы, обусловленный из-

лишней интеллектуализацией подходов к обучению, подводит читателя к необходимости прибегать к воздействию не только на ум, но и на эмоции с помощью биографий великих людей, способных служить примером, подчеркивая тем самым, что биография имеет важное воспитательное значение.

В работе «Психология женщины» [12] ее автор Г. Гейманс представляет концепцию типов характеров на нескольких парах противоположностей: активность—инертность, эмоциональность—не эмоциональность, первичность—вторичность. На полученной основе Г. Гейманс дает развернутую систему качеств характеров и сравнительную динамику их функционирования. Будучи активным приверженцем использования биографического метода, Г. Гейманс также известен анализом 110 биографий, осуществленным по вышеуказанным позициям.

В. Прейер является представителем того аспекта биографических исследований, который следует принципу «фазности» развития, что со всей очевидностью показано в его фундаментальном труде «Душа ребенка. Наблюдения над духовным развитием человека в первые годы жизни» [24].

Одним из популяризаторов биографического метода в отечественных исследованиях гуманитарного характера является Н.А. Рыбников. В своих известных работах [28] он, например, постулирует фундаментальную проблему своего времени, которая, впрочем, не теряла своей актуальности и впоследствии: неправильность выбора личностью ее дальнейшего пути в сфере ее профессиональной деятельности. Как отмечает автор, от этого «...страдает и общество от непродуктивной растраты человеческих сил... еще больший ущерб терпит сама личность вследствие неудовлетворенности» [28, с. 51]. Автор предлагает путь самопознания на основе изучения психологической литературы, затем своего характера, темперамента, основных свойств личности [28, с. 39—40], а также привлечения процедур самоисследования и «диалога с собой». Все это осуществляется с целью выявить в пространстве жизненного пути «свое», приобретая умение отличать его от «чужого». Важной стороной такого «диалога с собой» представляется ведение дневника, который в текущей ситуации помогает субъекту этот «диалог» выстроить, а изучающему данный материал — проанализировать возможные ошибки в первичной прогностике на ранних этапах ознакомления с ним.

Постулируя общие закономерности, детерминанты, определяющие те или иные факты на основе диалектики идеального и материального, субъективного и объективного, С.Л. Рубинштейн подходит к проблемам психологии личности и ее биографического пути, анонсируя принцип многофакторности. Продолжая научные традиции Л.С. Выготского [10], С.Л. Рубинштейн также являлся приверженцем деятельностной теории развития, представляющей фундаментальную парадигму человеческой жизни. Концепция личности и ее формирования помещена автором в биографический контекст, рассматриваемый в системе универсальных связей и отношений [25].

В работе «О проблемах современного человекознания» [2] раскрывается многогранный интегративный подход к изучению личности как субъекта биографии. В унисон С.Л. Рубинштейну выдвигается принцип социальной детерминации личности, с одной стороны, и стадийности ее развития — с другой. В качестве трех фундаментальных категорий рассматривается труд, познание и общение. На них строится все пространство человеческой жизни. На повестку исследования ставятся те же проблемы, которые выдвигал С.Л. Рубинштейн [25], но Б.Г. Ананьев освещает их наиболее детально [2]. Комплексный интегративный подход к

вопросам анализа биографий индивидов представляет собой основную ценность данного труда. Опираясь на концепцию детерминизма, он, с одной стороны, рассматривает во взаимной связи проблемы психофизиологии с переходом в анализ социокультурных факторов субъекта и затем возвращается к самому субъекту биографии, где, с другой стороны, открывается пространство личной свободы, не сводимой целиком к тем или иным детерминантам. Труд представляет большую методологическую ценность, позволяя существенно расширить научный инструментарий биографического метода.

Исходя из принципа «фазности развития», А.А. Бодалев сосредоточился на тех аспектах биографического анализа, которые создали предпосылки к формированию в отечественных гуманитарных исследованиях специальной научной дисциплины, известной под названием «акмеология». В работе «Вершина в развитии взрослого человека» [4] представлен анализ различных условий и факторов, позволяющих субъекту на определенном этапе его жизненного пути выйти на вершину развития.

Проблемы применения биографического метода исследований рассмотрены в трудах Н.А. Логиновой [15; 16; 17]. В своих работах она существенно обогащает исследовательский инструментарий в области реализации многофакторного анализа развития личности во временном пространстве.

Поиск методологических оснований того, как проявляется и как используется биографический метод в правовых исследованиях согласно идее данной статьи, целесообразно осуществить на примере классиков российской юридической науки, поскольку именно в их трудах заложены генетические основы использования методов юридической науки, включая и биографический метод.

Первым в этом ряду можно назвать В.Н. Татищева ученого с разносторонними интересами. Синтез исторических интересов с юридическими придал правовым концепциям В.Н. Татищева выраженный оттенок биографичности [31]. С точки зрения использования биографического метода в юриспруденции данный ученый представляет интерес в связи с частым обращением в своих трудах к вопросам правосудия и законности. Данный сегмент правовых исследований содержит в себе необходимость проведения анализа фактов, так или иначе связанных с проблемами личной биографии субъекта. Анализ его трудов дает основание говорить о зарождении самой проблематики применения биографического метода в юридической науке.

В правовых построениях В.Н. Татищева можно вывести, как минимум, наличие двух основных направлений реализации биографического метода — *судебного и законодательного*. В своей книге «Избранные произведения» в разделе «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (всего, что ее касается) автор приводит в пример ряд биографических ситуаций, взятых из повседневной жизни, на основе которых утверждается необходимость в принятии тех или иных законодательных решений [31, с. 361—391].

В его работах на основе биографического материала иллюстрируется эволюция системы государственной власти в России, прослеживается генезис самой системы управления государством в различных его модификациях, включая реформы Петра I [31, с. 146—152]. Отсюда можно постулировать научную значимость биографии и в вопросах *исполнительной власти*.

В контексте вышесказанного В.Н. Татищев представляется как родоначальник концептуального применения биографического метода в отечественной юридической науке, границы

которого чрезвычайно широки, включая проблемы как судебной, исполнительной, так и законодательной власти.

Еще одним заметным автором в области юридических исследований, проведенных им через призму биографических вопросов, является А.Я. Поленов. Он предложил весьма ценный для юриспруденции того времени психолого-биографический анализ состояния притесняемых слоев населения, что, по мысли автора, требовало своего неперемного законодательного преодоления [23].

Биографический метод в исследованиях И.В. Васильева направлен на проблемы законодательного и судебного плана, куда помещены вопросы как уголовного исполнительства, так и гражданских процессов, включая раздел имущества, наследство и прочее [9].

Теоретические основания применения биографического метода артикулированы в трудах К.А. Неволлина, в частности, в докладе под названием «О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве (1835)». С его точки зрения, в диапазон практического познания входят различные ситуации биографического ряда: погружение в атмосферу общества, в котором родились, вступление в те или иначе отношения в качестве «супругов, отцов, владельцев имущества, членов того или другого сословия, членов государства» [19, с. 444]. По аналогии с биографическим возрастом автор выстраивает концепцию формирования права у различных народов, которые могут выступать в различных своих исторических состояниях — «младенчества», «отрочества», «юношества», «зрелости» [19, с. 451]. Благодаря трудам К.А. Неволлина расширяется методологическое пространство юридических исследований, соединяющее в себе теоретический, практический, исторический и сравнительный методы.

В истории русской юриспруденции XIX в. видное место занимает С.И. Баршев. В качестве теоретического ориентира С.И. Баршев приводит ряд фактов биографии подсудимых из судебной практики с участием присяжных [6, с. 12—13]. Проникновение в область причин совершения противозаконного действия возможно с помощью изучения биографии субъекта преступления. Принципиально важным оказывается выявление «уровня безнравственности» [5, с. 24], что возможно в условиях тщательного изучения биографических материалов.

Применение биографического метода в трудах профессора истории русского права, сенатора Н.В. Калачова направлено на реконструкцию смысла юридических норм из области исторического прошлого, включая правовую терминологию. В его исследованиях в контексте различных биографий выявляется влияние церковного права на светское законодательство древней Руси [13, с. 14; 15]. Принцип биографизма проходит красной нитью через все пространство его научных трудов.

Представленный обзор классиков юридической науки был бы неполным, без упоминания И.А. Покровского — автора фундаментального труда под названием «Основные проблемы гражданского права» (1917). В качестве основной концептуальной предпосылки артикулируется принцип фундаментальных прав и свобод личности, что обращает направление деятельности исследователя в биографическую область. В примитивной жизни, по мнению И.А. Покровского, нет запроса на индивидуальность, отсюда и биографии представляют общий социальный план юридического типологизирования тех или иных жизненных ситуаций. Однако по мере дальнейшего течения исторического процесса вариационное пространство биографических фактов существенно усложняется, обогащая тем самым жизнь индивида и общества [22, с. 99].

Вопросы биографии приобретают свою научную значимость в области имущественных и предпринимательских интересов, что открывает возможность тех или иных злоупотреблений [22, с. 102]. Выявляются они на основе анализа жизненных путей индивидуумов с их типологизацией, что становится особенно важным в сфере законодательных разработок. Биографии так или иначе помогают исследователю прогнозировать и намечать тот вектор проблем, с которыми юридическая наука вероятнее всего столкнется в обозримом будущем. Не обходит стороной автор и проблемы семейных отношений. Биографические материалы дают возможность проследить их эволюцию в ходе истории: например, власть мужа и отца, которые эволюционировали в сторону свободы объектов этой власти [22, с. 160]. Горизонты возможного применения биографического метода в составе затрагиваемых автором вопросов весьма обширны, охватывая проблемы индивидуальности и типологизирования жизненных ситуаций с точки зрения закона, судебной деятельности, имущественных интересов, семейных отношений.

Методология и методы исследования

С целью доказательства утверждения о том, что биографический метод не потерял своей актуальности, является фронтиром современных научных исследований и его применение повышает качество научных исследований, были рассмотрены докторские диссертации по заявленным в названии статьи отраслям науки в период с 01.01.2018—30.09.2023 г. Что касается количества выбранных для анализа диссертаций из общего количества (выборка), защищенных по данным отраслям науки в указанный период времени, то критериями отбора были: концептуальность темы исследования, предпочтение отраслям науки (согласно предмету работы), уровень понимания авторами данной статьи содержания рассмотренных диссертаций. Принцип рандомизации по возможности соблюдался.

Исходя из изложенных выше соображений в выборку вошли 80 из 291 защищенных в указанный период работ, среди которых 38 работ — по 6 психологическим специальностям и 42 работы — по 11 отраслям права (специальностям). При обработке данных работ был применен прием визуализации, который «связывает усилия по описанию передовых научных направлений», коими и являются докторские диссертации, «с более широким массивом работ, посвященных картированию всего научного знания» [35].

В основу материалов данной статьи положены работы классиков психологии и права, среди которых Ананьев Б.Г., Баршев С.И., Бодалев А.А., Быков В.В., Васильев И.В., Выготский Л.С., Гейманс Г., Калачов Н.В., Лазурский А.Ф., Логинова Н.А., Неволин К.А., Покровский И.А., Поленов А.Я., Прейер В., Рубинштейн С.Л., Рубцов В.В., Рузавин Г.И., Рыбников Н.А., Татищев В.Н., Тендрякова М.В., Черняев А.С. и многие другие.

Использование трудов данных авторов было направлено и на решение важной методологической проблемы о значимости личности ученого и понимания его роли в становлении той или иной науки.

Для выявления сути рассмотренных в статье явлений использовался описательный метод, поскольку связь сущности и описания объясняется только с помощью методологии, определяющей эти два инварианта познания. Кроме того, без применения этого метода текст превратится либо в схематизацию, либо в фактологию. Для понимания целостной картины этого было бы недостаточно.

Методология изложения материалов статьи предполагает использование сравнительного метода исследований. Алгоритм применения сравнительного метода исследования предпола-

гает выявление событий одного порядка и степени их однопорядковости. Это обеспечивается путем достижения равенства изученности рассматриваемых событий, подчеркивания имеющихся сходств или различий и дальнейшее обобщение представлений об изучаемом.

В качестве простейшей разновидности статистического анализа был использован метод выборочной статистики. Применение данного метода основывалось на позиции о том, что информация о рассматриваемом феномене является полной с признаками избыточности, следовательно ее трудно охватить, а изучение ее в полном объеме не дало заметных преимуществ в сравнении с выборкой. Такой принцип был реализован при анализе диссертационных работ, в которых использовался биографический метод исследования.

Результаты исследования

На основе краткого обзора публикаций классиков психологии и права можно с уверенностью констатировать всю многогранность и широкое тематическое богатство, открывающееся для исследований в данном научном секторе, и одновременно выделить ряд аспектов в виде факторов, принципов, установок, подходов, методологических позиций классиков психологии и права, наличие которых говорит об однозначном использовании биографического метода в конкретном психологическом исследовании.

Так, из всего пространства возможных аспектов следует отметить, например, феномен «великого человека» (В. Оствальд [21]), под которым подразумевается выдающаяся личность, известная теми или иными научными достижениями и потому заслуживающая научно-биографического описания [11].

На основе научно-биографического материала можно выявить не только синхронический (структурный) срез личности, но и диахронические ряды ее формирования в контексте каузальных связей между особенностями личности как условным следствием и теми или иными причинами, которые эти следствия за собой повлекли.

Вопрос понимания особенностей конкретной личности представляет собой важнейший раздел применения биографического метода в психологических исследованиях. Сама личность с этой точки зрения представляет собой сложное функциональное единство — так ее трактует А.Ф. Лазурский [14, с. 121]. Им выводится принцип «исчерпаемости» качеств, при котором на смену одним из них приходят другие [14, с. 35]. Принцип «исчерпаемости» качеств в значительной мере позволяет объяснить факт тех или иных биографических преобразований самой личности (А.Ф. Лазурский [14]).

Подход, сочетающий в себе критериальную базу и статистические данные, позволяющий анализировать социальное положение людей различных возрастов с корреляцией их научных биографий, определяет методологическую значимость для психологической науки (Г. Гейманс [12]).

Наличие конфликта между запросами личности и внешними жизненными факторами является важнейшим из аспектов реализации биографического метода в психологии (Н.А. Рыбников [28; 29; 30]).

Отдельной методологической позицией и одновременно индикатором биографического метода может служить метод «пристального всматривания» (Г. Олпорт) в глубинный мир личности в зависимости от ее жизненного пути и содержания.

Предпосылкой к появлению психологических исследований многофакторного анализа в режиме неопределенности является позиция С.Л. Рубинштейна о непрерывности взаимосвязи бытия и сознания на протяжении всей научной биографии личности, что порождает в со-

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

знании процессуальность и асимптотичность, наличие которых не позволяет познать ее целиком [25].

Реализация принципа «генетической персоналистики» (Б.Г. Ананьев [2]) дает методологические основания проводить всесторонний анализ жизненного пути человека в конкретных общественно-исторических условиях. При этом обусловленность субъекта биографии действием тех или иных законов соединена с принципом стадийности его развития. И одновременно метод сравнительного изучения биографий в целях выявления оптимальных периодов творчества и фаз в процессе становления таланта «...может оказаться весьма полезным для разработки методики биографических исследований» [2, с. 214].

Многофакторность биографических исследований, связанных с идеей «фазности» жизненного пути, получила свое воспроизведение и в трудах Н.А. Логиновой, в которых доминирует идея о том, что многофакторный анализ позволяет реконструировать целостность индивидуума, выявить устойчивые способы его взаимодействия с факторами макро- и микро-среды, а также личностных свойств» [16, с. 105]. Опираясь на данные установки, можно констатировать развитие принципа многофакторности в современных психологических исследованиях [3; 29]. Принцип «фазности развития» личности позволяет реконструировать целостность личностных свойств индивидуума, выявить способы его взаимодействия со средой и тем самым существенно обогатить имеющийся инструментарий психологических исследований (В. Прейер [24], Н.А. Логинова [15—18]).

Обобщение работ классиков права, позволяет констатировать, что научно-биографический метод применяется по следующим основным позициям: непосредственно законодательный аспект применения, судебный, правоисполнительный, историко-правовой (В.Н. Татищев [31]). Вероятно, эти позиции можно рассматривать как исходную точку отсчета применения рассматриваемого метода.

Индивидуально-личностный и коллективно-личностный аспекты применения биографического метода в сфере законодательных инициатив явно прослеживается в трудах А.Я. Поленова [23], когда он анализирует личностное состояние конкретного человека, находящегося в трудной экономической и бытовой ситуации.

Практико-правовой, реконструктивно-правовой (восстановление недостающих звеньев в картине преступлений) и психологический аспекты очевидны в трудах С.И. Баршева [5; 6], который подробно рассматривает биографии подсудимых в судебной практике и изучает психологию преступника, выявляя его мотивы.

В исследованиях И.В. Васильева прослеживается психолого-правовой и экономико-правовой (бедные, которые становились преступниками) аспекты, анализируется принцип «преимущества сильного» как дисбаланс, который требуется преодолеть (социально-правовой, философско-правовой аспекты), права женщин (гендерно-правовой аспект) [8; 9].

К.А. Неволин [19] глубоко философски осмысливает роль частного случая в концептуальных юридических построениях (философско-правовой аспект), представляет биографию как основу юридической практики (практико-правовой аспект), рассматривает эволюцию правосознания по образу биографических фаз (младенчество, отрочество и т. д.), объясняет реформы с позиции биографии правителя — объяснительно-правовой аспект.

Н.В. Калачов [13] демонстрирует стремление к пониманию смысла юридических норм через анализ исторического прошлого в целях понимания текста законов в контексте их терми-

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

нологической природы (историко-правовой и герменевтический (понятийно-правовой) аспекты).

И.А. Покровский [22] раскрывает эволюцию значимых для юриспруденции фактов биографии (от простого к сложному) через историко-правовой, философско-правовой аспекты, рассматривает судебную деятельность и проблемы справедливости, поднимает проблемы злоупотреблений, требующие законодательного регулирования (законодательный аспект), изучает эволюцию права в области семейных отношений, постулирует биографии как средство прогноза в дальнейшем движении проблем права — прогностический аспект развития правовой науки.

Таким образом, можно определить особенности и вычленил характерные аспекты или индикаторы (И) применения научно-биографического метода в психологических и правовых исследованиях.

В исследованиях в области психологии — это анализ «великой личности» (И1), заслуживающей изучения ее научной биографии; выделение синхронического и диахронического срезов личности (И2); реализация принципов «исчерпаемости» качеств личности (И3), «генетической персоналистики» (И4), «фазности развития» личности (И5), процессуальности и асимптотичности (И6); использование подхода, позволяющего одновременно анализировать социальное положение разновозрастных людей и их научные биографии (И7); решение проблемы конфликта между запросами личности и внешними факторами ее развития (И8); применение метода «пристального всматривания» в глубинный мир личности (И9).

В правовых исследованиях: законодательный (И10), судебный (И11), правоисполнительный (И12), историко-правовой (И13), индивидуально-личностный и коллективно-личностный (И), практико-правовой (И14), реконструктивно-правовой (И), психолого-правовой (И), экономико-правовой (И15), философско-правовой (И16), объяснительно-правовой (И17), понятийно-правовой (И18), прогностический (И19) аспекты.

Наличие выделенных индикаторов говорит о безусловном использовании данного метода и о том, что в заявленных областях знания конкретное исследование полностью или не полностью отвечает признанным критериям (К) и показателям (П) качества (процесса и результата). Иными словами, научно биографический метод помогает усилить аргументацию проблемы исследования (К1); обеспечить методологическое самоопределение исследователя (К2); обосновать теоретические позиции исследования (К3); доказать достоверность результатов (К4); соблюсти правила научной этики (К5); сравнить с аналогичными исследованиями (К6); доказать научную, теоретическую и практическую значимость исследования (К7).

В качестве показателей, характеризующих представленные критерии, можно предложить: наличие обоснования реального существования исследуемой научной проблемы; представлена социальная аргументация необходимости ее решения; представлено историко-аналитическое обоснование проблемы с позиции развития научной мысли в прошлом и показана необходимость обращения к ней вновь с точки зрения современной психологической науки либо права (П1); определена позиция исследователя относительно сущности научного исследования, которая проявляется в выборе методологических подходов, обосновании их целесообразности и взаимодополнительности, в выборе адекватных избранным методологическим подходам методов исследования и диагностических методик (П2); охарактеризована степень разработанности исследуемой проблемы или научной задачи; определена и доказательно обоснована источниковая и теоретическая база исследования (П3); представлен логи-

чески непротиворечивый план проверки выдвинутой гипотезы либо аргументирована интерпретация полученных фактических данных (П4); недопущение искажений идеи классиков или конкретных фактов первоисточника; отсутствие вторичного цитирования (П5); соответствие результата имеющимся представлениям о подобном виде результатов, анализируются границы применимости результата (П6); имеются новые теоретические положения и нормативные рекомендации; уточняются концепции, подходы, идеи, теоретические представления в данных областях науки, отражаются конкретные факты, подтверждающие эффекты применения результатов в реальной психологической или правовой практике (П7).

Результаты анализа исследований в виде докторских диссертаций на предмет наличия в них выделенных индикаторов (И), соответствия обозначенным критериям (К) и показателям (П) представлены в табл. 1. В ней представлены выявленные индикаторы, наличие которых вызывает усиление именно обозначенных здесь критериев и группы показателей, характеризующих качество конкретного исследования. Особо подчеркнем, что обозначенный в виде аббревиатуры перечень индикаторов, критериев и показателей дан только в контексте и относится только к научно-биографическому методу исследования.

Таблица 1

Фактологические данные по исследованиям в области психологии и права

Отрасль науки	Научная специальность, по которой защищены диссертации	Количество рассмотренных докторских диссертаций / от общего количества по данной научной специальности (%)	Индикаторы (И)	Критерии (К)	Показатели (П)
Психологические	Общая психология, психология личности, история психологии	6/6 (100%)	И1 И2 И5	К1	П1
	Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред	9/9 (100%)	И2 И8	К3	П1
	Социальная психология, политическая и экономическая психология	8/8 (100%)	И1 И4	К6	П6
	Возрастная психология	6/6 (100%)	И3 И7	К2	П2
	Коррекционная психология и дефектология	2/2 (100%)	И2 И9	К4	П4
	Юридическая психология и психология безопасности	7/7 (100%)	И6 И8	К7	П7
Итого	6 специальностей	38/38 (100%)			

Юридические	Теоретико-исторические правовые науки	6/36	И13 И19 И21	К1	П1
	Публично-правовые науки	5/53	И14 И15	К4	П4
	Частноправовые науки	12/58	И17 И20	К6	П6
	Уголовно-правовые науки	16/89	И10 И11 И12	К2	П2
	Международно-правовые науки	3/8	И16 И18 И22	К7	П7
Итого	5 специальностей	42/244			

Индикатор И1 был обнаружен в 14 работах, что составило 36% от общего количества психологических исследований. И2 присутствовал в 11 работах (28%), И3, И5, И7 — в 6 исследованиях каждый (15%), И4 — в 8 диссертациях (21%), И6 — в 7 исследованиях (18%), И8 — в 16 работах (42%), И9 представлены в 2 работах (5%). Для исследований в области права картина примерно такая же. Так, И13, И19, И21 наблюдались в 14%, И14, И15 в 12%, И16, И18, И22 в 7%, И17 и И20 в 28% работ соответственно. Таблица показывает взаимосвязь между индикатором (ИН), характеризующим научно-биографический метод и соответствующим критерием (КН, при этом КН = ПН), который стал более очевидным как инструмент оценки, как безусловный коррелят данного метода. При этом был замечен парадоксальный факт, который состоял в том, что упоминание данного метода отсутствует более чем в 50% исследований, как в области психологии, так и права.

В целом, представленные выше данные подтверждают гипотезу о том, что использование ключевых атрибутов научно-биографического подхода повышает научную продуктивность исследования, стимулируя их авторов использовать более широкий спектр классических произведений ведущих ученых в данной области, осуществлять более глубокий научный поиск заложенных в них смыслов и идей.

Заключение

Биографический метод является тем методологическим инструментарием, от которого психологическая и правовая науки отказаться вряд ли смогут. Он выступает одновременно и как самостоятельный жанр изучения биографий, значимых для данных наук [32], и как прием отображения многочисленных характеристик человеческого фактора [25] и общественных отношений [33]. Применение метода направлено на решение важной методологической задачи о значимости личности и общественных отношений в развитии той или иной науки [3]. Имеет он и прикладное значение, выступая в качестве диагностического инструмента оценки качества и продуктивности современных научных исследований.

Методологический инструментарий биографического метода в психологических исследованиях представлен в концепте «великого человека» и раскрывается через экспозицию принципа «фазности развития» (В. Оствальд [21], Н.А. Логинова [17]), который получил свою дальнейшую научную артикуляцию в работах В. Прейера [24], Ш. Бюлер (чередование пери-

одов) [18], А.А. Бодалева (концепция «движения вверх-вниз») [4], Г. Гейманса [12], А.Ф. Лазурского [14] (оптимум человеческих достижений), С.Л. Рубинштейна [25] (социальная детерминация и стадийность развития личности). Биографический метод оказывается полезным и в области самопознания, реализуемого с помощью «диалога с собой» в дневниках, а также выбора дальнейшего жизненного пути (Н.А. Рыбников [29; 30]).

Не менее значим он для исследований в области права, раскрывая свое методологическое и прикладное значение в концептуальных юридических построениях (К.А. Неволин [19]), в сфере законодательных инициатив (А.Я. Поленов [23]), при реализации «принципа преимуществ сильного» или рассмотрении гендерно-правовых вопросов (И.В. Васильев [8; 9]), решения. Необходимость использования метода возникает при реконструкции картины преступлений; анализе судебной практики (С.И. Баршев [5; 6]); осмыслении текста законов в контексте их терминологической природы (Н.В. Калачов [13]); изучении эволюции права в области семейных отношений; решении государственных проблем, требующих законодательного регулирования; прогнозировании дальнейшего развития отраслей права и правовой науки в целом (И.А. Покровский [22]).

Анализ биографии личности в ее психологическом и правовом аспектах представляет интерес не только в связи с природой и особенностями общественных отношений, но и с точки зрения своей уникальности. Работа с биографическим материалом реализуется методом «пристального всматривания» [20] в глубинный мир личности с последующей реконструкцией ее жизненного содержания. Данное методологическое направление обогащает гуманитарные исследования важным инструментом в виде понимания и описания, что коренным образом отличается от объяснительных научных процедур.

В рамках предложенной нами тематической экспозиции следует отметить, что сфера применения научно-биографического метода в области психологии и права представляет собой безбрежное пространство научной проблематизации. Обогащение исследователя методологическим инструментарием представляет собой наиболее перспективный вариант развития данной области исследования.

Литература

1. Андреев И.Д. О методах научного познания. М.: Наука, 1964. 184 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб: Питер, 2021. 272 с.
3. Афанасьев В.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А. Становление и развитие биографического метода исследования в системе гуманитарного знания: от антиномии до многофакторного анализа [Электронный ресурс] // Проблемы современного образования. 2023. № 4. С. 96–107. doi:10.31862/2218-8711-2023-4-96-107
4. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта: Наука, 1998. 168 с.
5. Баршев С.И. Взгляд на науку уголовного законовещения. СПб, 1858. 20 с.
6. Баршев С.И. О мере наказаний. М.: Университетская типография, 1840. 279 с.
7. Быков В.В. Методы науки. М.: Наука, 1974. 215 с.
8. Васильев И.В. Фемида, или Начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России на основании существующих законов. М.: Университетская типография, 1827. 96 с.

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

9. *Васильев И.В.* О сущности и пользе законов вообще и о необходимости изучения законов отечественных: Лекция в Императорском Московском университете, произнесенная Иларионом Васильевым 3 октября 1828 г. М.: Университетская типография, 1828. 19 с.
10. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
11. *Геворкян Е.Н., Резаков Р.Г.* Правовые аспекты поиска новых смыслов развития научной элиты // *Legal Bulletin*. 2021. Том 6. № 4. С. 21–31.
12. *Гейманс Г.* Психология женщины. СПб: Издательство О. Богдановой, 1911. 248 с.
13. *Калачов Н.В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. М.: Университетская типография, 1850. 210 с.
14. *Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. Петроград: Издание К.Л. Риккера, 1917. 386 с.
15. *Логина Н.А.* Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // *Вопросы психологии*. 1986. № 5. С. 104–113.
16. *Логина Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 285 с.
17. *Логина Н.А.* Развитие личности и ее жизненный путь // *Принцип развития в психологии*. М., 1978. С. 156–166.
18. *Логина Н.А.* Шарлотта Бюлер — представитель гуманистической психологии // *Вопросы психологии*. 1980. № 1. С. 154–157.
19. *Неволин К.А.* О соединении теории с практикою в изучении законов и в делопроизводстве. СПб: Типография Императорской академии наук, 1835. 635 с.
20. *Олпорт Г.* Личность: проблема науки или искусства? // *Психология личности: тексты*. М.: Издательство МГУ, 1982.
21. *Оствальд В.* Великие люди. СПб; Вятское книгоиздательское товарищество, 1910. 402 с.
22. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград: Право, 1917. 329 с.
23. *Поленов А.Я.* Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России. М.: Типография Грачева, ценз. 1865. 32 с.
24. *Прейер В.* Душа ребенка. Наблюдения над духовным развитием человека в первые годы жизни. СПб: Издательство О. Богдановой, 1912. 298 с.
25. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 329 с.
26. *Рубцов В.В., Шукова Г.В.* Психологические исследования как ресурс развития образовательной практики: научные проекты психологического института РАО [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование*. 2018. Том 23. № 1. С. 126–136. doi:10.17759/pse.2018230111
27. *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. М.: Мысль, 1974. 237 с.
28. *Рыбников Н.А.* Биографии и их изучение. М.: Биографический институт, 1920. 48 с.
29. *Рыбников Н.А.* Изучение биографии: (Темы семинария, указатель литературы). М.: Биографический институт, 1922. 14 с.
30. *Рыбников Н.А.* Психология и выбор профессии. М., 1919. 52 с.
31. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 465 с.

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

32. Тендрякова М.В. Биографический метод на перекрестке гуманитарных исследований [Электронный ресурс] // Традиционная культура. 2022. Том 23. № 4. С. 111–124. doi:10.26158/ТК.2022.23.4.010

33. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.

34. Черняев А. С. Воспитательная система, основанная на биографиях великих людей. СПб, 1909. 12 с.

35. Gureyev V.N., Mazov N.A. Bibliometrics as a promising tool for solving publication ethics issues // Heliyon. 2022. Vol. 8(3). doi:10.1016/j.heliyon.2022.e09123

References

1. Andreev I.D. O metodakh nauchnogo poznaniya. Moscow: Nauka, 1964. 184 p. (In Russ.).
2. Ananiev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya. Saint Petersburg: Piter, 2021. 272 p. (In Russ.).
3. Afanasiev V.V., Afanasiev I.V., Pavlenko A.A. Stanovlenie i razvitie biograficheskogo metoda issledovaniya v sisteme gumanitarnogo znaniya: ot antinomii do mnogofaktornogo analiza [Formation and development of the biographical method of research in the system of humanistic knowledge: from antinomy to multivariate analysis] [Elektronnyi resurs]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2023, no. 4, pp. 96–107. doi:10.31862/2218-8711-2023-4-96-107 (In Russ.).
4. Bodalev A.A. Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: kharakteristiki i usloviya dostizheniya. Moscow: Flinta: Nauka, 1998. 168 p. (In Russ.).
5. Barshev S.I. Vzgl'yad na nauku ugolovnogo zakonovedeniya. Saint Petersburg, 1858. 20 p. (In Russ.).
6. Barshev S.I. O mere nakazanii. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1840. 279 p. (In Russ.).
7. Bykov V.V. Metody nauki. Moscow: Nauka, 1974. 215 p. (In Russ.).
8. Vasiliev I.V. Femida, ili Nachertanie prav, preimushchestv i obyazannostei zhenskogo pola v Rossii na osnovanii sushchestvuyushchikh zakonov. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1827. 96 p. (In Russ.).
9. Vasiliev I.V. O sushchnosti i pol'ze zakonov voobshche i o neobkhodimosti izucheniya zakonov otechestvennykh: Lektsiya v Imperatorskom Moskovskom universitete, proiznesennaya Ilarionom Vasilievym 3 oktyabrya 1828 g. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1828. 19 p. (In Russ.).
10. Vygotsky L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 4: Detskaya psikhologiya. Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p. (In Russ.).
11. Gevorkyan E.N., Rezakov R.G. Pravovye aspekty poiska novykh smyslov razvitiya nauchnoi elity [Legal aspects search for new meanings for the development of the scientific elite]. *Legal Bulletin*, 2021. Vol. 6, no. 4, pp. 21–31. (In Russ.).
12. Geimans G. Psikhologiya zhenshchiny. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O. Bogdanovoi, 1911. 248 p. (In Russ.).
13. Kalachov N.V. O znachenii Kormchei v sisteme drevnego russkogo prava. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1850. 210 p. (In Russ.).
14. Lazursky A.F. Ocherk nauki o kharakterakh. Petrograd: Izdanie K.L. Rikera, 1917. 386 p. (In Russ.).

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

15. Loginova N.A. Biograficheskii metod v svete idei B.G. Anan'eva. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 1986, no. 5, pp. 104–113. (In Russ.).
16. Loginova N.A. Opyt chelovekoznaniiya: Istoriya kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 285 p. (In Russ.).
17. Loginova N.A. Razvitiye lichnosti i ee zhiznennyi put'. *Printsip razvitiya v psikhologii*. Moscow, 1978, pp. 156–166. (In Russ.).
18. Loginova N.A. Sharlotta Byuler — predstavitel' gumanisticheskoi psikhologii. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 1980, no. 1, pp. 154–157. (In Russ.).
19. Nevolin K.A. O soedinenii teorii s praktikoyu v izuchenii zakonov i v deloproizvodstve. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1835. 635 p. (In Russ.).
20. Allport G.W. Lichnost': problema nauki ili iskusstva? *Psikhologiya lichnosti: teksty*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1982. (In Russ.).
21. Ostvald V. Velikie lyudi. SPb; Vyatskoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo, 1910. 402 p. (In Russ.)/
22. Pokrovsky I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Petrograd: Pravo, 1917. 329 p. (In Russ.).
23. Polenov A.Ya. Ob unichtozhenii krepostnogo sostoyaniya krest'yan v Rossii. Moscow: Tipuhfabz Gracheva, tsenz. 1865. 32 p. (In Russ.).
24. Preier V. Dusha rebenka. Nablyudeniya nad dukhovnym razvitiem cheloveka v pervye gody zhizni. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O. Bogdanovoi, 1912. 298 p. (In Russ.).
25. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 329 p. (In Russ.).
26. Rubtsov V.V., Shukova G.V. Psikhologicheskie issledovaniya kak resurs razvitiya obrazovatel'noi praktiki: nauchnye proekty psikhologicheskogo instituta RAO [Psychological Research as a Resource of Educational Practice Development: Scientific Projects of the Psychological Institute] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018. Vol. 23, no. 1, pp. 126–136. doi:10.17759/pse.2018230111 (In Russ.).
27. Ruzavin G.I. Metody nauchnogo issledovaniya. Moscow: Mysl', 1974. 237 p. (In Russ.).
28. Rybnikov N.A. Biografii i ikh izuchenie. Moscow: Biograficheskii institut, 1920. 48 p. (In Russ.).
29. Rybnikov N.A. Izuchenie biografii: (Temy seminariya, ukazatel' literatury). Moscow: Biograficheskii institut, 1922. 14 p. (In Russ.).
30. Rybnikov N.A. Psikhologiya i vybor professii. Moscow, 1919. 52 p. (In Russ.).
31. Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedeniya. Leningrad: Nauka, 1979. 465 p. (In Russ.).
32. Tendryakova M.V. Biograficheskii metod na perekrestke gumanitarnykh issledovaniy [The Biographical Method at the Crossroads of Humanitarian Studies] [Elektronnyi resurs]. *Traditsionnaya kul'tura = Traditional Culture*, 2022. Vol. 23, no. 4, pp. 111–124. doi:10.26158/TK.2022.23.4.010 (In Russ.).
33. Fuchs-Heinritz W. Biograficheskii metod. *Biograficheskii metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya i praktika*. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ., 1994, pp. 11–41. (In Russ.).
34. Chernyaev A. S. Vospitatel'naya sistema, osnovannaya na biografiyakh velikikh lyudei. Saint Petersburg, 1909. 12 p. (In Russ.).

Афанасьева И.В., Афанасьев И.В., Павленко А.А.
Научно-биографический метод в психологических
и правовых исследованиях: от ретроспективного
и многофакторного анализа до методологического
инструментария оценки качества
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 197–213

Afanasyeva I.V., Afanasyev I.V., Pavlenko A.A.
Scientific-Biographical Method in Psychological
and Legal Research: from Retrospective and
Multivariate Analysis to Methodological
Tools for Quality Assessment
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 197–213

35. Gureyev V.N., Mazov N.A. Bibliometrics as a promising tool for solving publication ethics issues. *Heliyon*, 2022. Vol. 8, no. 3. doi:10.1016/j.heliyon.2022.e09123

Информация об авторах

Афанасьева Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Афанасьев Илья Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового регулирования экономической деятельности, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-820X>, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Павленко Андрей Альфредович, аспирант, департамент музыкального искусства, Институт культуры и искусств, Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-2021>, e-mail: philolog74@mail.ru

Information about the authors

Irina V. Afanasyeva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Ilya V. Afanasyev, PhD in Law, Associate Professor, Department of the Legal Regulation of Economic Activities, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-820X>, e-mail: ivafanasev@fa.ru

Andrey A. Pavlenko, Postgraduate Student, Department of Musical Art, Institute of Culture and Arts, Moscow City University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-2021>, e-mail: philolog74@mail.ru

Получена 06.10.2023
Принята в печать 30.12.2023

Received 06.10.2023
Accepted 30.12.2023

Организационно-правовые основы управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России

Смирнов Д.В.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (ФГКВОУ ВО СПВИ войск национальной гвардии), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2520-4193>, e-mail: denis_smirnov@211.ru

Наумов П.Ю.

Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации (ФГКУЗ ГВКГ войск национальной гвардии), г. Балашиха, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>, e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Проведено исследование организационно-правовых основ управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии, что является весьма актуальной задачей. Значимость проблемы познания его объективных характеристик обуславливается спецификой профессиональной деятельности военнослужащих и социальной значимостью выполняемых ими задач. Управление этим отбором имеет свои организационно-правовые основы, что требует их научной концептуализации и раскрытия характеристик, поскольку подобных попыток в научной литературе еще не предпринято. Авторами были использованы теоретические положения комплексного подхода в изучении личности человека, методы сравнительно-правового исследования, а также различные аналитические, нормативные правовые и организационно-управленческие материалы. В качестве научного результата работы определена и обоснована многоуровневая система управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России, выделена ее нормативная и организационная основа. Раскрыты особенности управленческой деятельности по реализации мероприятий профессионального психологического отбора, подробно проанализированы его организационная структура и основные характеристики.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, система организации управления, управленческая деятельность, многоуровневая структура управления, профессиональная деятельность, функционирование системы, военная организация государства, психологическая готовность.

Для цитаты: Смирнов Д.В., Наумов П.Ю. Научно-биографический метод в психологических и правовых исследованиях: от ретроспективного и многофакторного анализа до методологического инструментария оценки качества [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 214–234. DOI:10.17759/psylaw.2024140114

Organizational and Legal Foundations of the Management Professional Psychological Selection in the National Guard of Russia

Denis V. Smirnov

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>, e-mail: denis_smirnov@211.ru

Petr Yu. Naumov

Main Military Clinical Hospital of the National Guard of the Russia, Balashikha, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>, e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

A study of organizational and legal foundations of the management of professional psychological selection in the National Guard has been carried out, which is a very relevant task. The significance of the problem of cognition of its objective characteristics is determined by the specifics of the professional activity of servicemen and the social significance of their tasks. The management of this selection has its own organizational and legal foundations, which requires their scientific conceptualization and a disclosure of their characteristics, since such attempts have not yet been made in scientific literature. The authors used the theoretical provisions of an integrated approach towards the study of a person, methods of comparative legal research, as well as various analytical, regulatory, legal, organizational and managerial materials. The authors identified and substantiated a multi-level system for managing professional psychological selection in the troops of the National Guard of Russia, its regulatory and organizational basis. Revealing the features of managerial activities for the implementation of professional psychological selection measures, its organizational structure and main characteristics are analyzed in detail.

Keywords: professional psychological selection, management organization system, managerial activities, multilevel management structure, professional activity, system operation, military organization of the state, psychological readiness.

For citation: Smirnov D.V., Naumov P.Yu. Organizational and Legal Foundations of the Management Professional Psychological Selection in the National Guard of Russia. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 214–234. DOI:10.17759/psylaw.2024140114 (In Russ.).

Введение

В условиях напряженной современной политической обстановки, существующей угрозы национальной безопасности государства, сохраняющейся угрозы совершения террористических актов на всей территории нашей страны, деятельности деструктивных сил, сопровождающейся нарушениями общественного порядка и безопасности, весьма социально значимой становится роль профессионализма военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации при выполнении ими своих задач. Сущность профессиональной деятельности войск национальной гвардии предъявляет к личности каждого военно-

служащего, сотрудника значительные требования. Развитость личностных качеств и свойств существенно влияет на качество осуществляемой ими деятельности, а необходимость такого развития обуславливает характер существующей системы профессионального отбора кадров для службы в этих войсках.

В войсках национальной гвардии процесс установления уровня соответствия (несоответствия) человека требованиям профессии осуществляется посредством реализации мероприятий профессионального отбора, в структуре которого содержится: социальный, медицинский (проведение военно-врачебной экспертизы), профессиональный психологический и образовательный (изучение общей и профессиональной подготовленности) отборы, а также оценка физической подготовленности [47]. В процессе психологического отбора проводится комплекс мероприятий по определению категорий профессиональной пригодности кандидатов, что характерно не только для войск национальной гвардии, но и для других государственных органов, где предусмотрена военная или иная служба [9].

Являясь одним из важных социальных институтов государства — военизированной (военной) организацией, войска национальной гвардии имеют свою организационную и социальную структуру и определенные условия развития личности в профессиональной деятельности, которая регламентируется и обуславливается в том числе и действующими нормативными правовыми актами.

К особенностям профессиональной деятельности личного состава войск можно отнести: достаточно жесткие временные и ресурсные ограничения при принятии человеком различных решений; повышенную ответственность за конечный результат и возможные профессиональные ошибки (может приводить к повышению уровня нервно-психической напряженности); многообразие и сложность профессиональных, служебно-боевых и управленческих задач; наличие жестких форм подчинения и регламентации внутреннего распорядка работы. Поэтому военная служба (служба) в войсках национальной гвардии предъявляет к личности каждого военнослужащего, сотрудника значительные требования, которые существенно влияют на качество осуществляемой ими деятельности и характеризуют существующую систему профессионального отбора кадров.

Кроме социального и образовательного отбора, а также военно-врачебной экспертизы (медицинского отбора или освидетельствование) [14; 34], в структуру профессионального отбора войск включен профессиональный психологический отбор [48], основной задачей которого является определение сознательной психической годности человека к предстоящей профессиональной деятельности по критериям профессиональной психологической пригодности [8; 44; 45; 46] посредством изучения его индивидуальных психологических и психофизиологических качеств.

Обзор разработанности проблемы в современной литературе

Познание сущностных, организационных, правовых, методических, управленческих и иных основ оценки человека в соответствии с требованиями профессии традиционно занимает внимание ученых и практиков, поскольку от качества такой оценки в конечном счете зависит эффективность и результативность, а также законность и полнота выполнения возложенных на работника (сотрудника) трудовых (служебных) функций. Нормативные основы осуществления профессионального и профессионального психологического отбора, как и изучение их требований, важная задача науки и практики, поскольку в правовом государстве,

коим является Россия, любые действия необходимо производить исходя из закона и на основании предписаний закона.

На сегодняшний момент в научной литературе сложились концептуальные подходы, методологические основания и эффективные исследовательские приемы в изучении организационных, нормативных, управленческих и иных аспектов профессионального психологического отбора в Вооруженные Силы, иные войска и правоохранительные органы. Так, В.А. Толочек рассмотрены основные парадигмы профессионального отбора в XX и XXI веках [54], С.В. Чегринцовой рассмотрены профессиональные стандарты как инструмент формирования профессиональной пригодности работника [58], В.Э. Щипаков обосновал современные характеристики нормативно-правового регулирования психологического обеспечения военно-профессиональной деятельности (профессионального психологического отбора) [60], Ю.Ю. Тищенко, наряду с другими авторами [23; 25; 29; 31] раскрыты особенности профессионального отбора кандидатов на службу в правоохранительных органах [52; 53]. Весьма любопытным является сравнительно-правовое изучение организационно-правовых основ профессионального отбора и военной службы женщин в армиях ведущих стран мира [59]. Определенный вклад в разработку проблем профессионального психологического отбора внесли исследования в области: определения критериев для рекомендации претендента при проведении профотбора [39]; тестирования как условия формирования компетенций и обоснования профессиональной пригодности [43]; профессиональной пригодности преподавателя вуза [32]; применения системного подхода к анализу структуры профессиональной пригодности [19]; познания соотношения понятий «профессиональная пригодность» и «профессиональная психологическая пригодность» [4]. Отдельные вопросы организации профессионального психологического отбора в различных федеральных органах исполнительной власти рассмотрены в исследованиях И.В. Краснова [24], Ю.С. Лисник [27; 28], Ю.В. Подрезова [40], Т.А. Терешонока [51] и др.

Авторами настоящей статьи также было проведено изучение и иных научных исследований в области профессионального психологического отбора будущих офицеров, потому данная работа служит авторским концептуальным продолжением этих разработок [7; 30—34; 40].

Даже столь беглое изучение работ в области организационно-правовых основ управления профессиональным отбором позволяет зафиксировать одно важное обстоятельство. Поскольку Федеральная служба войск национальной гвардии России как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти создана относительно недавно (в 2016 году), то исследование организационных и правовых основ управления профессиональным отбором в войсках национальной гвардии своего научного осмысления в должной мере не получило. Это поднимает вопросы такого изучения и актуализирует потребность научной систематизации организационно-правовых основ управления профессиональным отбором в войсках национальной гвардии, что и произведено в настоящей работе.

Методологические и нормативные основы исследования

Теоретическую и методическую основу изучения профессионального психологического отбора составляют положения о деятельности человека как основе профессионального и общего развития его личности, научные положения о системном анализе психических явлений [2; 16; 26; 41], о комплексном подходе в изучении личности человека [3; 22], методологические принципы психодиагностических исследований [6; 7; 12; 21; 22; 33; 49] и др., а также различные нормативные правовые, аналитические и организационно-управленческие мате-

риалы, содержащие основы реализации мероприятий профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии и иных силовых структурах России.

С 2016 года, в рамках преобразования внутренних войск МВД России и в связи с формированием в нашем государстве в целях обеспечения государственной и общественной безопасности (защиты прав и свобод человека и гражданина) новой силовой структуры — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (введена Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации») в структуру войск были включены различные органы управления и подразделения МВД России, которые выполняют задачи федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности, подразделения (центры специального назначения) вневедомственной охраны, специальные отряды быстрого реагирования и другие [5].

Согласно статье 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии (часть 2). Комплектование войск национальной гвардии осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации: 1) военнослужащими — путем призыва граждан Российской Федерации на военную службу по экстерриториальному принципу и путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на военную службу; 2) сотрудниками — путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на службу в войска национальной гвардии; 3) федеральными государственными гражданскими служащими, путем заключения соответствующих служебных контрактов; 4) работниками, путем заключения соответствующих трудовых договоров (часть 3). В силу части 4 указанной статьи военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии должны иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленным за ними вооружением и техникой.

Поскольку в войсках национальной гвардии в своей основе готовят специалистов по направлению подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» (Юриспруденция), то для построения настоящего исследования ориентационную функцию выполняют работы в области подготовки будущих юристов к профессиональной деятельности, формирования у них ценностей и субъективных нравственных ориентиров [17; 18; 20; 35—38; 42; 56; 57].

Частью 8 статьи 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войскам национальной гвардии предоставляется право самостоятельно в порядке, определяемом руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществлять отбор (в том числе на конкурсной основе) кандидатов для поступления на военную службу (на службу) по контракту в войска национальной гвардии и определять соответствие кандидатов требованиям, предъявляемым к гражданам Российской Федерации, поступающим на военную службу (на службу) по контракту, в том числе путем психологических и психофизиологических исследований (обследований) с применением специализированных технических устройств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде.

В связи с этим нормативно-правовая и информационная база войск была переработана и дополнена приказами, инструкциями и различными методическими рекомендациями, а так-

же указаниями, составившими правовую и организационную основу профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии, устанавливающими порядок, условия и правила реализации его мероприятий, организационно-технического, материального и кадрового обеспечения.

К настоящему времени в отношении личного состава и кандидатов, поступающих в войска национальной гвардии, существует несколько нормативных правовых актов, регулирующих вопросы профессионального психологического отбора. Основными из них являются: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»; Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О войсках национальной гвардии Российской Федерации”»; Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; Правила профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства России от 6 декабря 2012 г. № 1259 (распространяют свое действие в отношении профессионального отбора лиц, желающих замещать должности сотрудников войск национальной гвардии); Приказ Росгвардии от 16.11.2016 № 357 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Приказ Росгвардии от 06.05.2020 № 114 «Об утверждении Порядка отбора кандидатов для поступления на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, формы заявления с просьбой о поступлении на службу, Перечня должностных лиц, имеющих право принимать документы для поступления на службу, и Перечня должностных лиц, наделенных правом рассмотрения документов, представленных гражданином Российской Федерации для поступления на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, и принятия по ним решений»; Приказ Росгвардии от 15.05.2017 № 139 «О порядке отбора кандидатов для поступления на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации, определения соответствия кандидатов требованиям, предъявляемым к гражданам Российской Федерации, поступающим на военную службу по контракту, и об установлении требований по уровню образования, квалификации и физической подготовки для кандидатов, поступающих на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации».

Важно заметить, что помимо нормативной базы в войсках национальной гвардии также издан ряд распорядительных актов ненормативного характера, в которых регулируются вопросы организации и материально-технического обеспечения профессионального психологического отбора. Распорядительные акты (распоряжения, указания, методические рекомендации) основаны на требованиях вышеуказанных федеральных законов и нормативных правовых актов и предназначены для служебного пользования в профессиональной деятельности войск соответствующими специалистами психологической службы.

Они включают в себя различные требования относительно организации изучения и проверки личных, деловых качеств человека, выявления факторов риска, определения критериев

оценки результатов комплексных обследований, а также проведения психофизиологических исследований, как в рамках поступления граждан на военную службу (службу), так и непосредственно в ходе ее прохождения военнослужащими и сотрудниками.

Каждая деятельность предполагает профессиональную компетентность ее участников, направленную, прежде всего, на результативность решения трудовых вопросов и самосовершенствование человека в этой деятельности, что, в свою очередь, обуславливает сущность и характеристику функционирования административного ресурса. В связи с этим понимание характера и сущности социальных связей, а также административно-правовых взаимоотношений, их учет и регулирование являются важным элементом в работе специалистов, ведущих профессиональный психологический отбор в войсках национальной гвардии, а изучение особенностей и результатов их деятельности является одним из основных инструментов совершенствования системы.

Как и любая иная организация, войска национальной гвардии представляют собой сложную систему, которая включает различные виды процессов и неоднородных объектов, каждый из которых имеет свои характерные субъекты управления, которые в своей совокупности обуславливают существование многоуровневой системы управления, результативность функционирования которой позволяет определять эффективность реализации профессиональной деятельности организацией.

Результаты исследования и их обсуждение

Психологический анализ понятия «управление» показывает, что оно трактуется как обусловленная функция сформированных технических, биологических и социальных систем, которая обеспечивает сохранение их структуры, поддержание надлежащего режима деятельности, а также реализацию ее программы и цели [10].

При этом проблема поиска путей повышения эффективности управленческой деятельности всегда была в центре интересов ученых различных направлений: психологии личности, социальной психологии, психологии управления, политической психологии, юридической психологии, военной психологии, педагогики и т. д. Существует множество подходов к определению понятия «управленческая деятельность», как в отечественной, так и в зарубежной науке: деятельность по управлению персоналом; деятельность по осуществлению намеченных целей с привлечением других людей; деятельность по обеспечению совместной деятельности, строящейся по иерархическому (управляемому) принципу; деятельность, при которой один человек оказывает реальное воздействие на поведение других членов коллектива через механизм власти и обеспечивает достижение коллективом общегрупповых целей; вид общественного труда, основной задачей которого является обеспечение целенаправленной координированной деятельности, как отдельных участников совместного трудового процесса, так и трудовых коллективов в целом [55].

С точки зрения А.М. Столяренко, основная задача управления должна заключаться в создании обусловленных организационных, социально-психологических условий, которые должны воздействовать на личность каждого работника (сотрудника) и коллектив в целом, активизируя стимулирующее, организующее и мобилизирующее состояния [50].

Комплексное применение формально-правового, сравнительно-правового, психологического, системного и функционального анализа позволяет рассмотреть объективные, структурные и содержательные характеристики профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии. В рамках управления системой профессионального психоло-

гического отбора в войсках национальной гвардии существуют определенные уровни, обусловленные сложностью решаемых задач и предполагающие реализацию конкретных функций различными локальными подсистемами управления надлежащего уровня.

Первый уровень управления предполагает общее руководство системой профессионального психологического отбора, которое организовано осуществляется Главным военнополитическим управлением Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Данный субъект управления выполняет задачи обеспечения и общего контроля функционирования системы, где осуществляется формулирование основных целей и долгосрочных планов для их достижения, формирование политики функционирования системы в соответствии с выполняемыми войсками задачами, поиск и своевременное снабжение системы необходимыми ресурсами, анализ общих результатов эффективности реализации мероприятий профессионального психологического отбора и выработка соответствующих управленческих решений в рамках совершенствования системы.

Второй уровень управления профессиональным психологическим отбором составляют округа войск национальной гвардии и военные образовательные организации высшего образования войск. Эти субъекты обеспечивают выполнение поставленных перед ними задач, высшим органом управления первого уровня в соответствии с политикой функционирования их организаций. Направленность реализации данных задач заключается в координации действий подчиненных им подразделений и подготовке соответствующих отчетов о результатах проводимых мероприятий профессионального психологического отбора.

В третий уровень управления включены воинские части и подразделения территориальных органов войск национальной гвардии, непосредственно отвечающие за практическую реализацию мероприятий профессионального психологического отбора. Деятельность данных субъектов заключается в компетентном решении поставленных задач субъектов первого и второго уровня (округов войск национальной гвардии) посредством координации деятельности соответствующих специалистов на местах по проведению экспертизы профессиональной психологической пригодности.

Таким образом, исходя из организационной структуры многоуровневой системы управления, целей и задач профессионального психологического отбора войск, реализация его мероприятий осуществляется в отношении конкретных категорий субъектов профессиональной деятельности, которые можно классифицировать по нескольким группам. К первой группе относятся лица, которые планируют участвовать в профессиональной деятельности войск: граждане и военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, желающие поступить на военную службу в войска по контракту или на обучение в ведомственные вузы. Во вторую группу включены лица, непосредственно осуществляющие эту деятельность: курсанты военных вузов войск и военнослужащие по контракту различных категорий и сотрудники при перемещении по службе и определении их соответствия занимаемой должности.

Эффективность профессиональной деятельности войск национальной гвардии находится в определенной зависимости от качества реализации мероприятий профессионального психологического отбора. Поэтому в рамках его управления можно выделить ряд организационных этапов его проведения.

Одним из важных его организационных этапов является определение профессиональной психологической пригодности кандидатов на обучение (абитуриентов) в военные образовательные организации высшего образования войск. Основная задача профессионального психологического отбора в данных учебных заведениях заключается не только в определении

соответствия личности абитуриента квалификационным требованиям профессии. Ее реализация предполагает также последующее психологическое сопровождение развития профессиональной психологической пригодности будущего офицера в условиях образовательной среды военного вуза [45], что, в свою очередь, обуславливает главную задачу вуза по подготовке квалифицированных кадров для войск национальной гвардии.

Ввиду этого, профессиональный психологический отбор в вузах имеет свою специфику, которая заключается в наличии компетентного специалиста, от результатов деятельности которого во многом может зависеть качество отдельных направлений профессиональной деятельности войск. Актуальность данного аспекта может быть обусловлена тем, что совершенные им ошибки на этапе отбора будущих офицеров (впоследствии руководителей) могут в дальнейшем сказываться на качестве функционирования определенного уровня управления профессиональной деятельностью войск и негативно влиять на систему профессионального психологического отбора.

К настоящему времени войска национальной гвардии перешли на комплектование воинских подразделений преимущественно военнослужащими по контракту, где определены основные требования к личностным особенностям кандидатов из числа граждан и военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, претендующих на замещение данных должностей и разработаны соответствующие критерии профессиональной психологической пригодности по конкретным специальностям. Реализация данного этапа профессионального психологического отбора имеет свои особенности управления. Во-первых, он осуществляется во всех воинских частях и подразделениях войск национальной гвардии, включая военных вузы. Во-вторых, его процесс непрерывен и включает взаимодействие всех уровней управления профессиональным психологическим отбором, в то время как в военных образовательных организациях данное взаимодействие организовано, в основном, с субъектами первого уровня управления.

Другим организационным этапом профессионального психологического отбора является участие его специалистов в психологическом сопровождении профессиональной деятельности военнослужащих (сотрудников войск национальной гвардии). Этот этап предполагает изучение социально-психологических процессов и явлений, происходящих в воинских (служебных) коллективах, а также их корректировку, что позволяет своевременно принимать соответствующие управленческие решения по оптимизации морально-политического и психологического состояния личного состава. Особенность реализации данного этапа заключается во взаимодействии всех субъектов профессиональной деятельности войск национальной гвардии, что позволяет обеспечивать целостность формирования единых подходов к пониманию системы управления профессиональным психологическим отбором, которая представляется в виде совокупности целенаправленных и последовательных действий ее субъектов по последовательной рациональной процессуализации управленческих решений.

Система организации управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии включает в себя ряд этапов, которые характеризуются определенной цикличностью и согласованностью.

Первый этап (организационно-плановый) включает планирование, которое определяет основные способы и порядок реализации задач профессионального психологического отбора в войсках посредством их закрепления в нормативно-правовых актах, регламентирующих последовательность их исполнения соответствующими подразделениями, а также единый порядок действий и взаимодействия всех субъектов уровней управления.

Второй этап (деятельностно-реализационный) обусловливается формированием и принятием соответствующих целей и задач профессионального психологического отбора, управленческих решений основанных на результатах изучения полученной из войск информации (программ реализации мероприятий, состояния нормативно-правовой базы, обеспеченности силами и средствами психологической работы, передового опыта специалистов профессионального психологического отбора и т. п.).

Третий, основной, этап управления профессиональным психологическим отбором — контрольный, определяет эффективность деятельности по реализации мероприятий профессионального психологического отбора, как субъектами управления различных уровней, так и непосредственно специалистами, реализующими данные мероприятия, и позволяет проводить объективную оптимизацию всего процесса управления.

Четвертый этап — рефлексивно-оценочный. На данном этапе осуществляется анализ эффективности результатов и оценка осуществляемой деятельности по категориям субъектов профессионального психологического отбора. Основное внимание на данном этапе уделяется самоанализу всеми субъектами результатов своей деятельности, роли и месте в системе профессионального психологического отбора, что в последующем позволяет повышать эффективность реализации его мероприятий.

Заключение и выводы

Таким образом, изучение особенностей и нормативно-правовых основ управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии показывает, что оно имеет сложную многоуровневую систему, основой этой системы с законодательной точки зрения выступают федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и нормативные правовые акты Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

В качестве научной новизны работы следует отметить то, что в ней концептуализирован междисциплинарный вопрос изучения организационно-правовых основ управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Правовые основы этой деятельности следует классифицировать по нескольким основаниям. С одной стороны, эти правовые основы компонентно разделяется на федеральное законодательство (принятое в основе своей субъектами законодательной инициативы — Президентом и Правительством Российской Федерации, палатами Федерального Собрания Российской Федерации) и ведомственные нормативные правовые акты (изданные в пределах компетенции Росгвардии). По сфере регулирования общественных отношений их можно классифицировать на системообразующие (например, Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»), организационно-обеспечительные (регулирующие структуру мероприятий профессионального психологического отбора и его место в системе других мер, осуществляемых при поступлении (призыве) на военную службу (службу)) и процессуальные (регулирующие осуществление соответствующих процедур и реализацию возложенных задач и функций должностных лиц органов по военно-политической работе (психологических служб)).

В рамках управления системой профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии существуют определенные уровни, обусловленные сложностью решаемых задач и предполагающие реализацию конкретных функций. Система управления профессиональным психологическим отбором имеет традиционную для военной службы верти-

кальную структуру и основывается на принципах единоначалия, законности, уважения прав и свобод человека и гражданина. Осуществляются мероприятия профессионального психологического отбора органами военно-политической работы и лабораториями профессионального отбора военных образовательных организаций, входящих в состав указанных органов. В каждой воинской части имеются воинские должности, в чьи обязанности вменено осуществление мероприятий профессионального психологического отбора. Общее руководство выполнением этих мероприятий осуществляют заместитель командира (начальника, командующего округом) по военно-политической работе и командира (начальники) в зависимости от подчиненности. Первым уровнем управления является Главное военно-политическое управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, отвечающее за координацию всех мероприятий в федеральном органе исполнительной власти — Росгвардии. Оно выполняет комплекс руководящих, методических, организационных, правотворческих, контрольных и обобщающе-статистических функций. Второй уровень управления профессиональным психологическим отбором составляют округа войск национальной гвардии и военные образовательные организации высшего образования войск. Третий уровень управления составляют воинские части и подразделения территориальных органов войск национальной гвардии, непосредственно отвечающие за практическую реализацию мероприятий профессионального психологического отбора. Субъекты второго и третьего уровней выполняют реализационные, обеспечительные, информационные и организационно-плановые функции. Они осуществляют на практике комплекс задач по проведению профессионального психологического отбора и оценке соответствия конкретных кандидатов определенным требованиям.

Система организации управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии включает в себя ряд этапов, которые характеризуются определенной цикличностью и согласованностью (организационно-плановый, деятельностно-реализационный, контрольный, рефлексивно-оценочный). Эффективное функционирование данной системы возможно лишь при наличии организованного взаимодействия ее субъектов и качественного контроля реализации управленческих решений на всех уровнях управления, а также осознании каждым специалистом, осуществляющим мероприятия профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии, важности и результативности своей профессиональной деятельности.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является сравнительно-правовое изучение нормативного регулирования профессионального психологического отбора в Росгвардии и иных федеральных органах, где законом предусмотрена военная служба (Минобороны России, МЧС России, ФСБ России, ФСО России, ГУСП России, ФСТЭК России), а также иных правоохранительных органов (МВД России, ФСИН России, ФССП России, ФТС России) познание общего и особенного в этом регулировании, раскрытие структурных и функциональных характеристик, как правовых актов, так и требований, предъявляемых к военнослужащим (сотрудникам) в зависимости от органа. Также не до конца разработанными остаются вопросы функциональной и нормативной взаимосвязи профессионального психологического отбора с иными мероприятиями, связанными с поступлением на военную службу (военно-врачебная экспертиза, проверка уровня квалификации и профессиональных знаний).

Актуальным для дальнейшего изучения видится и исследование психологических характеристик кандидатов, поступающих на военную службу в войска национальной гвардии с

психологическими характеристиками кандидатов на военную службу в иные федеральные органы исполнительной власти, а также при призыве граждан на военную службу по мобилизации или в качестве добровольцев.

Литература

1. Агафонова М.С., Берегович К.А. Управленческая деятельность: ее особенности, структура и характерные черты // Концепт. 2017. Том 2. С. 438–441.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Том 1. 1980. 232 с.
3. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2005. 432 с.
4. Анашкин О.А. К проблеме соотношения понятий «профессиональная пригодность» и «профессиональная психологическая пригодность» // Национальное здоровье. 2020. № 3. С. 67–69.
5. Асеев А.Г. Эксклюзивные полномочия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2019. № 5 (57). С. 48–51.
6. Бодров В.А. Перспективы диагностики профессиональной пригодности с позиций психологии профессионализации и психического развития // Теория и практика профориентации и профконсультирования. Выпуск 3. Калуга: ГКПИ, 1996. С. 277–294.
7. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
8. Большакова З.М., Карабанова О.Р. Модель формирования мотивации курсантов к военной профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6 (172). С. 47–63. doi:10.25588/5071.2022.44.11.003
9. Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Том 14. № 1. С. 103–127. doi:10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127
10. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб: Норинт. 1997. 1456 с.
11. Бурганова Л.А. Теория управления: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 153 с.
12. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб: Питер, 2018. 496 с.
13. Бухтияров И.В., Жбанкова О.В., Юшкова О.И., Гусев В.Б. Новые психофизиологические подходы, применяемые при профотборе кандидатов в опасные профессии [Электронный ресурс] // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Том 59. № 3. С. 132–141. doi:10.31089/1026-9428-2019-59-2-132-141
14. Бухтияров И.В., Ковалевский Е.В., Цхомария И.М. Оценка эффективности средств индивидуальной защиты и их влияние на здоровье медицинских работников [Электронный ресурс] // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Том 63. № 12. С. 817–825. doi:10.31089/1026-9428-2023-63-12-817-825
15. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.

16. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1984. 368 с.
17. *Гаврилов С.О., Гаврилова А.В.* Становление и развитие правозащитных органов в России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 3. С. 63–69.
18. *Гайдамашко И.В., Кроль В.М., Семчук И.В.* Психофизиологические обоснования соответствия обучения когнитивной структуре знаний // Педагогика. 2020. № 2. С. 29–39.
19. *Гарт В.А., Нгуен О.И., Потоцкий Е.П.* Системный подход к анализу структуры профессиональной пригодности [Электронный ресурс] // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 3 (84). С. 16–23. doi:10.23859/1994-0637-2018-3-84-2
20. *Головин Е.Г.* Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? [Электронный ресурс] // Власть. 2018. Том 26. № 9. С. 84–90. doi:10.31171/vlast.v26i9.6161
21. *Гуревич К.М.* Дифференцированная психология и психодиагностика. Избранные труды. СПб: Питер, 2008. 336 с.
22. *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., 1970. 271 с.
23. *Иванов Е.А., Сивак А.Н.* Социально-психологическая детерминация эмоционального выгорания выпускников вуза войск национальной гвардии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 342–350.
24. *Краснов И.В.* К вопросу педагогического проектирования технологии профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии РФ [Электронный ресурс] // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2021. № 1 (55). С. 223–225. doi:10.46845/2071-5331-2021-1-55-223-225
25. *Кушнарев А.П.* Изучение психогенетических особенностей индивидуума в системе профессионального отбора для деятельности в экстремальных условиях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 1. С. 7–15.
26. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 352 с.
27. *Лисник Ю.С.* К вопросу формирования психологической пригодности к службе в правоохранительных структурах // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 28–29.
28. *Лисник Ю.С., Горностаев С.В.* Индивидуально-психологические факторы пригодности к деятельности младшего командира подразделения курсантов вузов ФСИН [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Том 26. № 2 (85). С. 156–163. doi:10.24412/1999-6241-2021-2-156-163
29. *Лисник Ю.С., Горностаев С.В.* Психологические критерии пригодности личности к деятельности [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 6 (34). С. 220–229. doi:10.23951/2307-6127-2020-6-220-229
30. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 424 с.
31. *Маздогова З.З.* Профессиональный психологический отбор на службу в Органы Внутренних дел Российской Федерации: порядок и трудности // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 202–204.

32. Макарова Л.Н. Профессиональная пригодность преподавателя вуза [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Том 23. № 171. С. 7–13. doi:10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-7-13
33. Маклаков А.Г. Профессиональный психологический отбор персонала: теория и практика: роль и место отбора в жизни современного общества, методологические и организационные основы отбора, технология разработки системы профессионального психологического отбора. СПб: Питер, 2008. 479 с.
34. Маклаков А.Г., Саунин Е.В. Ассертивность как условие достижения вершин профессионального мастерства сотрудниками ОВД [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. № 4. С. 107–116. doi:10.35231/18186653_2021_4_107
35. Наумова Л.Ю. Концептуализация критериев оценки сформированности готовности будущих юристов к правотворческой деятельности [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Том 13. № 1. С. 101–112. doi:10.12731/2658-4034-2022-13-1-101-112
36. Наумова Л.Ю. Педагогическое стимулирование формирования готовности будущих юристов к правотворческой деятельности: подходы, этапы, средства [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2020. Том 8. № 3 (32). С. 4. doi:10.26795/2307-1281-2020-8-3-4
37. Наумова Л.Ю. Сущностное обобщение результатов эмпирического исследования по формированию готовности будущих юристов к правотворческой деятельности [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Том 14. № 3. С. 86–105. doi:10.12731/2658-4034-2023-14-3-86-105
38. Наумова Л.Ю., Повshedная Ф.В. Основания и структура готовности будущих юристов к правотворческой деятельности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 4 (64). С. 176–185. doi:10.37724/RSU.2022.64.4.019
39. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Определение критериев рекомендованности претендента при проведении профотбора [Электронный ресурс] // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Том 11. № 5А. С. 306–313. doi:10.34670/AR.2022.80.40.044
40. Подрезов Ю.В., Ермаков С.Г., Посохова С.Т., Башкина Ю.Д. Методический подход к реализации личностно-ориентированной концепции отбора поступающих в высшие учебные заведения МЧС России [Электронный ресурс] // Технологии гражданской безопасности. 2020. Том 17. № 4 (66). С. 65–68. doi:10.54234/CST.19968493.2020.17.4.66.12.65
41. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2019. 713 с.
42. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений // Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 82–98.
43. Скридулис Л.В. Тестирование как условие формирования компетенций и обоснование профессиональной пригодности: постановка проблемы // Приложение международного научного журнала «Вестник психофизиологии». 2020. № 3. С. 45–48.
44. Смирнов А.В. Самосознание российского общества [Электронный ресурс] // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 220–223. doi:10.31857/S0869587320030238
45. Смирнов А.В. Смысл и вариативность разума [Электронный ресурс] // Философский журнал. 2023. Том 16. № 2. С. 5–17. doi:10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17
46. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 35–57.

47. Смирнов А.В., Петросьян С.Н., Рябикина З.И., Макаревская И.Г. Личностные предикторы профессиональной успешности кадровых военнослужащих с учетом специфики профиля субъектной активности [Электронный ресурс] // Гуманизация образования. 2020. № 6. С. 48–65. doi:10.24411/1029-3388-2020-10139
48. Смирнов В.М., Семенова В.Н. Исследование профессиональной пригодности студентов-психологов // Прикладная психология на службе развивающейся личности: Сборник научных статей и материалов XVI научно-практической конференции с международным участием, Коломна, 14–15 февраля 2019 года. Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2019. С. 164–167.
49. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб: Речь, 2005. 621 с.
50. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология: Учебник. М.: ЮНИТИ, 2001. 639 с.
51. Терешонок Т.А. Профессиональный отбор курсантов высших военных учебных заведений: современное состояние и оптимизация функционирования [Электронный ресурс] // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 11. С. 33–37. doi:10.20339/AM.11-22.033
52. Тищенко Ю.Ю. Особенности профессионального отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 173–175. doi:10.47643/1815-1337_2022_9_173
53. Тищенко Ю.Ю. Особенности профессионального отбора сотрудников правоохранительных органов на руководящие должности [Электронный ресурс] // Журнал прикладных исследований. 2022. Том 2. № 7. С. 191–195. doi:10.47576/2712-7516_2022_7_2_191
54. Толочек В.А. Профессиональный отбор: парадигмы XX и XXI столетий. Часть вторая [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2022. Том 12. № 1. С. 228–247. doi:10.17323/2312-5942-2022-12-1-228-247
55. Хант Дж.У. Управление людьми в компаниях: руководство для менеджера. М.: Олимп-бизнес, 1999. 359 с.
56. Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) [Электронный ресурс] // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. doi:10.31857/S102694520021788-7
57. Холиков И.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М., Мамедова И.А., Савченко-Бельский В.Ю. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения [Электронный ресурс] // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66–71. doi:10.18796/0041-5790-2022-10-66-71
58. Чегринцова С.В. Профессиональные стандарты как инструмент формирования профессиональной пригодности работника [Электронный ресурс] // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1 (53). С. 104–112. doi:10.26456/2219-1453/2021.1.104-112
59. Швец Ю.В., Майдан, В.А. Организационно-правовые основы профессионального отбора и военной службы женщин в армиях ведущих стран мира // Известия Российской военно-медицинской академии. 2019. Том 38. № S1-2. С. 276–279

60. Щупаков В.Э. Нормативно-правовое регулирование психологического обеспечения военно-профессиональной деятельности (профессиональный психологический отбор) // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 76–81.

References

1. Agafonova M.S., Beregovich K.A. Upravlencheskaya deyatel'nost': ee osobennosti, struktura i kharakternye cherty. *Kontsept = Concept*, 2017. Vol. 2, pp. 438–441. (In Russ.).
2. Ananiev B.G. Izbrannye psikhologicheskie trudy. T. 1. 1980. 232 p. (In Russ.).
3. Ananiev B.G. Psikhologiya i problemy chelovekoznaneya: Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO "MODEK", 2005. 432 p. (In Russ.).
4. Anashkin O.A. K probleme sootnosheniya ponyatii "professional'naya prigodnost'" i "professional'naya psikhologicheskaya prigodnost'" [To the problem of correlation of the concepts "professional fitness" and "professional psychological fitness"]. *Natsional'noe zdorov'e = National Health*, 2020, no. 3, pp. 67–69. (In Russ.).
5. Aseev A.G. Eksklyuzivnye polnomochiya Federal'noi sluzhby voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii [Exclusive powers of the Federal service of the national guard of the Russian Federation]. *Voennoe parvo = Military Law*, 2019, no. 5 (57), pp. 48–51. (In Russ.).
6. Bodrov V.A. Perspektivy diagnostiki professional'noi prigodnosti s pozitsii psikhologii professionalizatsii i psikhicheskogo razvitiya. *Teoriya i praktika proforientatsii i profkonsul'tirovaniya. Vypusk 3*. Kaluga: GKPI Publ., 1996, pp. 277–294. (In Russ.).
7. Bodrov V.A. Psikhologiya professional'noi prigodnosti: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: PER SE, 2001. 511 p. (In Russ.).
8. Bolshakova Z.M., Karabanova O.R. Model' formirovaniya motivatsii kursantov k voennoi professional'noi deyatel'nosti [Model of formation of cadets' motivation for military professional activity] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 2022, no. 6 (172), pp. 47–63. doi:10.25588/5071.2022.44.11.003 (In Russ.).
9. Bolshakova V.M., Kholikov I.V., Naumov P.Yu. Meditsinskoe obespechenie sudebnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Medical Support of the Judicial System of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2022. Vol. 14, no. 1, pp. 103–127. doi:10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127 (In Russ.).
10. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; Saint Petersburg: Norint. 1997. 1456 p. (In Russ.).
11. Burganova L.A. Teoriya upravleniya: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2009. 153 p. (In Russ.).
12. Burlachuk L.F. Psikhodiagnostika. Saint Petersburg: Piter, 2018. 496 p. (In Russ.).
13. Bukhtiyarov I.V., Zhbankova O.V., Yushkova O.I., Gusev V.B. Novye psikhofiziologicheskie podkhody, primenyaemye pri profotbore kandidatov v opasnye professii [New psychophysiological approaches applied in occupational selection of candidates for dangerous professions] [Elektronnyi resurs]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya = Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, 2019. Vol. 59, no. 3, pp. 132–141. doi:10.31089/1026-9428-2019-59-2-132-141 (In Russ.).
14. Bukhtiyarov I.V., Kovalevsky E.V., Tskhomariya I.M. Otsenka effektivnosti sredstv individual'noi zashchity i ikh vliyanie na zdorov'e meditsinskikh rabotnikov [Evaluation of the effective-

- ness of personal protective equipment and their impact on the health of medical workers] [Elektronnyi resurs]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya = Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, 2023. Vol. 63, no. 12, pp. 817–825. doi:10.31089/1026-9428-2023-63-12-817-825 (In Russ.).
15. Vygotsky L.S. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 1: Voprosy teorii i istorii psikhologii*. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p. (In Russ.).
16. Vygotsky L.S. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3: Problemy razvitiya psikhiki*. Moscow: Pedagogika, 1984. 368 p. (In Russ.).
17. Gavrilov S.O., Gavrilova A.V. Stanovlenie i razvitie pravozashchitnykh organov v Rossii (istoriko-pravovoi aspekt) [The formation and development of human rights bodies in Russia (historical and legal aspect)]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Herald of the University of Russian Academy of Education*, 2018, no. 3, pp. 63–69. (In Russ.).
18. Gaidamashko I.V., Krol V.M., Semchuk I.V. Psikhofiziologicheskie obosnovaniya sootvetstviya obucheniya kognitivnoi strukture znaniya [Psychophysiological bases for agreement between teaching-learning and the cognitive structure of knowledge]. *Pedagogika = Pedagogics*, 2020, no. 2, pp. 29–39. (In Russ.).
19. Gart V.A., Nguen O.I., Pototskiy E.P. Sistemnyi podkhod k analizu struktury professional'noi prigodnosti [System approach to the analysis of the structure of the professional suitability] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 3 (84), pp. 16–23. doi:10.23859/1994-0637-2018-3-84-2 (In Russ.).
20. Golovin E.G. Dopuskaet li ravenstvo religioznykh ob"edinenii pered zakonom sushchestvovanie "traditsionnykh religii"? [Does the Equality of Religious Associations before the Law Allow the Existence of Traditional Religions? [Elektronnyi resurs]. *Vlast' = The Authority*, 2018. Vol. 26, no. 9, pp. 84–90. doi:10.31171/vlast.v26i9.6161 (In Russ.).
21. Gurevich K.M. *Differentsirovannaya psikhologiya i psikhodiagnostika. Izbrannye trudy*. Saint Petersburg: Piter, 2008. 336 p. (In Russ.).
22. Gurevich K.M. *Professional'naya prigodnost' i osnovnye svoistva nervnoi sistemy*. Moscow, 1970. 271 p. (In Russ.).
23. Ivanov E.A., Sivak A.N. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya emotsional'nogo vygoraniya vypusknikov vuza voisk natsional'noi gvardii. *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog = Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog*, 2020, no. 1 (39), pp. 342–350. (In Russ.).
24. Krasnov I.V. K voprosu pedagogicheskogo proektirovaniya tekhnologii professional'nogo psikhologicheskogo otbora v voiskakh natsional'noi gvardii RF [On the issue of pedagogical design of the technology of professional psychological selection in the National Guard of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki = The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, no. 1 (55), pp. 223–225. doi:10.46845/2071-5331-2021-1-55-223-225 (In Russ.).
25. Kushnarev A.P. Izuchenie psikhogeneticheskikh osobennostei individuuma v sisteme professional'nogo otbora dlya deyatelnosti v ekstremal'nykh usloviyakh [Study of the psychogenetic characteristics of an individual in the system of professional selection for activities in extreme conditions]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2021, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.).

26. Leontiev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow: Smysl; Akademiya, 2005. 352 p. (In Russ.).
27. Lisnik Yu.S. K voprosu formirovaniya psikhologicheskoi prigodnosti k sluzhbe v pravookhranitel'nykh strukturakh [Development of psychological fitness for service in law enforcement structures]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2019, no. 3, pp. 28–29. (In Russ.).
28. Lisnik Yu.S., Gornostaev S.V. Individual'no-psikhologicheskie faktory prigodnosti k deyatel'nosti mladshego komandira podrazdeleniya kursantov vuzov FSIN [Individual Psychological Factors of Suitability for the Activity of a Junior Commander of the Cadets' Unit at an Educational Organization of the Federal Penitentiary Service] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021. Vol. 26, no. 2 (85), pp. 156–163. doi:10.24412/1999-6241-2021-2-156-163 (In Russ.).
29. Lisnik Yu.S., Gornostaev S.V. Psikhologicheskie kriterii prigodnosti lichnosti k deyatel'nosti [Psychological criteria for personal suitability to activity] [Elektronnyi resurs]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*, 2020, no. 6 (34), pp. 220–229. doi:10.23951/2307-6127-2020-6-220-229 (In Russ.).
30. Lomov B.F. Sistemnost' v psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: NPO "MODEK", 2003. 424 p. (In Russ.).
31. Mazdogova Z.Z. Professional'nyi psikhologicheskii otbor na sluzhbu v Organy Vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: poryadok i trudnosti [Professional Psychological Selection at Receipt of Candidates for Service in Law-Enforcement Bodies of the Russian Federation - Order and Difficulties]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 3, pp. 202–204. (In Russ.).
32. Makarova L.N. Professional'naya prigodnost' prepodavatelya vuza [[Professional suitability of higher educational institution lecturer] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018. Vol. 23, no. 171, pp. 7–13. doi:10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-7-13 (In Russ.).
33. Maklakov A.G. Professional'nyi psikhologicheskii otbor personala: teoriya i praktika: rol' i mesto otbora v zhizni sovremennogo obshchestva, metodologicheskie i organizatsionnye osnovy otbora, tekhnologiya razrabotki sistemy professional'nogo psikhologicheskogo otbora. Saint Petersburg: Piter, 2008. 479 p. (In Russ.).
34. Maklakov A.G., Saunin E.V. Assertivnost' kak uslovie dostizheniya vershin professional'nogo masterstva sotrudnikami OVD [Psychological determinants of internal affairs officer's assertive behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2021, no. 4, pp. 107–116. doi:10.35231/18186653_2021_4_107 (In Russ.).
35. Naumova L.Yu. Kontseptualizatsiya kriteriev otsenki sformirovannosti gotovnosti budushchikh yuristov k pravotvorcheskoi deyatel'nosti [Conceptualization of criteria for assessing the level of readiness of future lawyers to law-making activities] [Elektronnyi resurs]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 101–112. doi:10.12731/2658-4034-2022-13-1-101-112 (In Russ.).
36. Naumova L.Yu. Pedagogicheskoe stimulirovanie formirovaniya gotovnosti budushchikh yuristov k pravotvorcheskoi deyatel'nosti: podkhody, etapy, sredstva [Pedagogical stimulation of forming the readiness of future lawyers for legal activities: problem aspects and ways of their solu-

- tion] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*, 2020. Vol. 8, no. 3 (32), pp. 4. doi:10.26795/2307-1281-2020-8-3-4 (In Russ.).
37. Naumova L.Yu. Sushchnostnoe obobshchenie rezul'tatov empiricheskogo issledovaniya po formirovaniyu gotovnosti budushchikh yuristov k pravotvorcheskoi deyatel'nosti [Essential generalization of the results of the empirical research on the formation of the readiness of future lawyers for law-making activities] [Elektronnyi resurs]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 86–105. doi:10.12731/2658-4034-2023-14-3-86-105 (In Russ.).
38. Naumova L.Yu., Povshednaya F.V. Osnovaniya i struktura gotovnosti budushchikh yuristov k pravotvorcheskoi deyatel'nosti [Novice Lawyers' Readiness for Legal Action] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal*, 2022, no. 4 (64), pp. 176–185. doi:10.37724/RSU.2022.64.4.019 (In Russ.).
39. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Opredelenie kriteriev rekomendovannosti pretendenta pri provedenii profotbora [Determining the criteria for recommending an applicant during professional selection] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 2022. Vol. 11, no. 5A, pp. 306–313. doi:10.34670/AR.2022.80.40.044 (In Russ.).
40. Podrezov Yu.V., Ermakov S.G., Posokhova S.T., Bashkina Yu.D. Metodicheskii podkhod k realizatsii lichnostno-orientovannoi kontseptsii otbora postupayushchikh v vysshie uchebnye zavedeniya MChS Rossii [Methodological Approach to the Personality-Oriented Concept Implementation for the Selection of Applicants to the EMERCOM of Russia Higher Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti = Civil Security Technology*, 2020. Vol. 17, no. 4 (66), pp. 65–68. doi:10.54234/CST.19968493.2020.17.4.66.12.65 (In Russ.).
41. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. Saint Petersburg: Piter, 2019. 713 p. (In Russ.).
42. Salnikov V.P., Tsmay V.V. Sovremennaya sistema zashchity prav cheloveka [The contemporary system of protection of human rights]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1999, no. 1 (224), pp. 82–98. (In Russ.).
43. Skridulis L.V. Testirovanie kak uslovie formirovaniya kompetentsii i obosnovanie professional'noi prigodnosti: postanovka problem [Testing as a condition for the formation of competencies and justification of professional aptitude: problem statement]. *Prilozhenie mezhdunarodnogo nauchnogo zhurnala "Vestnik psikhofiziologii" = Supplement International Scientific Journal "Psychophysiology News"*, 2020, no. 3, pp. 45–48. (In Russ.).
44. Smirnov A.V. Samosoznanie rossiiskogo obshchestva [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2020. Vol. 90, no. 3, pp. 220–223. doi:10.31857/S0869587320030238 (In Russ.).
45. Smirnov A.V. Soznanie kak smyslopolaganie. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2014, no. 1 (12), pp. 35–57. (In Russ.).
46. Smirnov A.V. Smysl i variativnost' razuma [Sense positing and plurality of reason] [Elektronnyi resurs]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2023. Vol. 16, no. 2, pp. 5–17. doi:10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17 (In Russ.).
47. Smirnov A.V., Petrosyan S.N., Ryabikina Z.I., Makarevskaya I.G. Lichnostnye prediktory professional'noi uspekhov kadrovyykh voennosluzhashchikh s uchetom spetsifiki profilya sub'ektnoi aktivnosti [Personal predictors of professional success of career military people considering the specific features of agency activity profile] [Elektronnyi resurs]. *Gumanizatsiya obrazovaniya =*

Humanization of Education, 2020, no. 6, pp. 48–65. doi:10.24411/1029-3388-2020-10139 (In Russ.).

48. Smirnov V.M., Semenova V.N. Issledovanie professional'noi prigodnosti studentov-psikhologov. *Prikladnaya psikhologiya na sluzhbe razvivayushcheisya lichnosti: Sbornik nauchnykh statei i materialov XVI nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Kolomna, 14–15 fevralya 2019 goda*. Kolomna: Gosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Moskovskoi oblasti "Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet" Publ., 2019, pp. 164–167. (In Russ.).

49. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki*. Saint Petersburg: Rech', 2005. 621 p. (In Russ.).

50. Stolyarenko A.M. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik*. Moscow: YuNITI, 2001. 639 p. (In Russ.).

51. Tereshonok T.A. Professional'nyi otbor kursantov vysshikh voennykh uchebnykh zavedenii: sovremennoe sostoyanie i optimizatsiya funktsionirovaniya [Professional Selection of Cadets of Higher Military Educational Institutions: Current Status and Optimization of Functioning] [Elektronnyi resurs]. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Higher School Herald)*, 2022, no. 11, pp. 33–37. doi:10.20339/AM.11-22.033 (In Russ.).

52. Tishchenko Yu.Yu. Osobennosti professional'nogo otbora kandidatov na sluzhbu v pravookhranitel'nye organy [Features of professional selection of candidates to serve in law enforcement agencies] [Elektronnyi resurs]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2022, no. 9 (213), pp. 173–175. doi:10.47643/1815-1337_2022_9_173 (In Russ.).

53. Tishchenko Yu.Yu. Osobennosti professional'nogo otbora sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov na rukovodyashchie dolzhnosti [Features of professional selection of employees law enforcement agencies to senior positions] [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2022. Vol. 2, no. 7, pp. 191–195. doi:10.47576/2712-7516_2022_7_2_191 (In Russ.).

54. Tolochek V.A. Professional'nyi otbor: paradigmy KhKh i KhKhI stoletii. Chast' vtoraya [Professional selection: paradigms of the 20th and 21st centuries. Second part] [Elektronnyi resurs]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 228–247. doi:10.17323/2312-5942-2022-12-1-228-247 (In Russ.).

55. Hunt J.W. *Upravlenie lyud'mi v kompaniyakh: rukovodstvo dlya menedzhera [Managing people at work: a manager's guide to behaviour in organizations]*. Moscow: Olimp-biznes, 1999. 359 p. (In Russ.).

56. Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P.Yu., Zelepukin R.V. Tsennosti i smysly glavnogo sudebnogo akta XX veka: aksiologicheskie kontsepty knigi A.N. Savenkova "Nyurnberg: Prigovor vo imya Mira" (Materialy diskussii) [Values and Meanings of the Main Judicial Act XX Century: Axiological Concepts of the Book A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for Name of Peace" (Discussion Materials)] [Elektronnyi resurs]. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*, 2022, no. 10, pp. 51–62. doi:10.31857/S102694520021788-7 (In Russ.).

57. Kholikov I.V., Naumov P.Yu., Bol'shakova V.M., Mamedova I.A., Savchenko-Bel'skii V.Yu. Federal'nyi gosudarstvennyi kontrol' (nadzor) za soblyudeniem zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya bezopasnosti ob'ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa: novyi etap regulirovaniya i pravoprimeneniya [Federal state control (supervision) over compliance with legislation in the field of ensuring the safety of fuel and energy complex facilities: a new stage regulation and en-

- forcement] [Elektronnyi resurs]. *Ugol' = Ugol' (Russian Coal Journal)*, 2022, no. 10 (1159), pp. 66–71. doi:10.18796/0041-5790-2022-10-66-71 (In Russ.).
58. Chegrintsova S.V. Professional'nye standarty kak instrument formirovaniya professional'noi prigodnosti rabotnika [Professional standarts as a tool for the formation of professional suitability of an employee] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Tver State University Bulletin. Series: Economics and Management*, 2021, no. 1 (53), pp. 104–112. doi:10.26456/2219-1453/2021.1.104-112 (In Russ.).
59. Shvets Yu.V., Maidan, V.A. Organizatsionno-pravovye osnovy professional'nogo otbora i voennoi sluzhby zhenshchin v armiyakh vedushchikh stran mira [Organizational and legal basis of the professional selection and military service of women in the army of leading countries of the world]. *Izvestiya Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii = Izvestia of the Russian Military Medical Academy*, 2019. Vol. 38, no. S1-2, pp. 276–279 (In Russ.).
60. Shchipakov V.E. Normativno-pravovoe regulirovanie psikhologicheskogo obespecheniya voenno-professional'noi deyatel'nosti (professional'nyi psikhologicheskii otbor) [Legal regulation of psychological support of military activities (professional psychological selection)]. *Vestnik voennogo prava = Vestnik Voennogo Prava*, 2019, no. 4, pp. 76–81. (In Russ.).

Информация об авторах

Смирнов Денис Викторович, кандидат психологических наук, начальник, кафедра общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (ФГКВБОУ ВО СПВИ войск национальной гвардии), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2520-4193>, e-mail: denis_smirnov@211.ru

Наумов Петр Юрьевич, кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе, начальник отделения правового обеспечения, Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации (ФГКУЗ ГВКГ войск национальной гвардии), г. Балашиха, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>, e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Information about the authors

Denis V. Smirnov, PhD in Psychology, Head, Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2520-4193>, e-mail: denis_smirnov@211.ru

Petr Yu. Naumov, PhD in Education, Assistant Head of the Hospital for Legal Affairs, Head of the Department of Legal Support, Main Military Clinical Hospital of the National Guard of the Russia, Balashikha, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-2322>, e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Получена 28.05.2023
Принята в печать 20.10.2023

Received 28.05.2023
Accepted 20.10.2023

Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers

Bulygina V.G.

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Ivashkevich N.T.

The Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Rashevskaya O.Yu.

Psychiatric Clinical Hospital No. 5 of the Moscow Department of Health, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Pronicheva M.M.

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

The article presents a review of psychophysiological and psychoendocrine approaches in foreign studies of stress response in police officers. The main vectors of psychophysiological response to stress in representatives of dangerous professions are identified. It has been determined that, in combination with the autonomic nervous and immune systems, the hypothalamic pituitary adrenal axis is involved in the formation of an individual response to chronic stress. The main emphasis of foreign works devoted to the study of the psychoendocrine component of the stress response in police officers is to study the influence of the dehydroepiandrosterone and cortisol. Modern technologies for recording stress indicators was also being studied. Further study of psychophysiological and psychoendocrine approaches in studies of stress response in police officers from the point of view of their integration seems promising.

Keywords: psychophysiological approach, psychoendocrine approach, stress response, police.

For citation: Bulygina V.G., Ivashkevich N.T., Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M. Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 235–247. DOI:10.17759/psylaw.2024140115

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проничева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

Психофизиологический и психоэндокринный подходы в зарубежных исследованиях стрессового реагирования у полицейских

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Ивашкевич Н.Т.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Рашевская О.Ю.

Психиатрическая клиническая больница № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУЗ ПКБ № 5 ДЗМ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Проничева М.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Статья представляет собой обзор психофизиологических и психоэндокринных подходов в зарубежных исследованиях стрессового реагирования у полицейских. Выделены основные векторы психофизиологического реагирования на стресс у представителей опасных профессий. Определено, что в сочетании с вегетативной нервной и иммунной системами гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось участвует в формировании индивидуальной реакции на хронический стресс. Основной акцент зарубежных работ, посвященных изучению психоэндокринной составляющей стрессового реагирования у полицейских, делается на изучении влияния гормонов ДГЭА и кортизола. Также изучаются современные технологии регистрации показателей стресса. Перспективным представляется дальнейшее изучение психофизиологического и психоэндокринного подходов в исследованиях стрессового реагирования у полицейских с точки зрения их интеграции.

Ключевые слова: психофизиологический подход, психоэндокринный подход, стрессовое реагирование, полицейские.

Для цитаты: Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т., Рашевская О.Ю., Проничева М.М. Психофизиологический и психоэндокринный подходы в зарубежных исследованиях стрессового реагирования у полицейских [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247. DOI:10.17759/psylaw.2024140115

Introduction

The incidence of mental disorders among police officers exceeds the incidence of the population of the Russian Federation by 1.3 times, while 75% of mental health disorders are neurotic, stress-related, and somatoform disorders, which can be fully compensated with timely diagnosis and comprehensive treatment [1]. It has been shown that professional stress of representatives of dangerous professions has a negative impact on self-regulation processes, leads to a decrease in labor efficiency, loss of productivity and making erroneous and risky decisions.

It has been proven that stress factors are associated with short-term impairments and long-term health consequences, the emergence of conflicts between work and family, maladaptive behavioral strategies, and burnout in police officers [10; 15]. The impact of stress on the organization as a whole reduces employee productivity [12; 38], emergence of counterproductive work behavior [56] and inappropriate interactions with citizens by using an excessive force [19; 32; 54].

The police profession in society, increased social responsibility for the results, submission to certain requirements and the development of a set of personal qualities and legal consciousness limit the possible discussion of mental health problems and support in this organizational environment [9].

In most studies related to the study of the impact of professional activity on the mental health of specialists, whose work is associated with intense emotional and physical stress, the attention of scientists was focused on a sample consisting exclusively of men. However, the number of female law enforcement officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia and abroad, recently, has been steadily growing. According to EUROSTAT (2022), female police officers constitute an average of 21.28% in European police forces [26]. In Russia, all police departments have female officers, their total number reaches 30-50% of the total number of employees: the largest number is in the preliminary investigation units (76.2%), the smallest number is noted in the criminal investigation department (9.5%) [6].

The stress response is an innate, stereotyped, adaptive response to stressors that develops during the process of restoring a non-stressful homeostatic level. It is encoded in specific neuroanatomical regions that activate a specific set of cognitive, behavioral and physiological phenomena. Adaptive reactions, although necessary for survival, can become unregulated and lead to disease [2]. Scientists come to the conclusion that psychovegetative syndrome may be an early initial phase of a psychosomatic or mental illness [3].

Psychophysiological Approach to the Study of Stress Response

It was revealed that stress plays an important role in the formation and maintenance of goal-directed behavior. The stress-induced relapse hypothesis [55] explains this by instrumental learning deficits and reduced goal-directed behavior, reinforcing the types of responses that are habitual for an individual: the choice of behavior is not determined by predictive validity, but by previous favorable experiences with a similar behavior tactics. Acute stress is associated with a shift in brain activation from the ventral (decreased goal-directed behavior) to the dorsal striatum (increased activation of areas responsible for habitual behavior), decreased activation of the right amygdala, infe-

rior/middle frontal gyrus, putamen, reducing the differentiation of judgments about a possible outcome, suppressing learned reactions and using familiar strategies.

It has been shown that the stress response vary across different types of environmental stressors, which are regulated by neuromodulator systems (orexin/hypocretin neuropeptides) that act through different receptors in pro- and anti-stress neurocircuits [48]. Thus, the presence of such a psychological element as control can change the nature of the reaction to stress.

The results of studying the influence of acute stress on the psychophysiology of representatives of dangerous professions showed that the reaction to stress includes a cascade of adaptive neurophysiological reactions initiated by the brain and periphery through the autonomic nervous system and the hypothalamic-pituitary-adrenal axis [58]. The two major components of the stress response have been shown to be the sympathoadrenal medullary system and hypothalamic pituitary-adrenal axis, with the sympathoadrenal medullary system primarily involved in the acute response and the hypothalamic pituitary-adrenal axis being responsible for long-term protection [45].

Besides it was shown that hippocampus is the brain region where glucocorticoid receptors are found [43; 58]. It was found that their activation leads to inhibition of the hypothalamic pituitary-adrenal axis [43] and this has an impact on modulating the adult response to stress and is the formation of learning skills and long-term memories. A sustained decrease in glucocorticoid receptors through epigenetic mechanisms leads to decreased sensitivity to stress hormones. This leads to a decrease in the process of inhibition of the hypothalamic pituitary-adrenal axis. In turn, this affects the increase in the severity of the endocrine response to stress in adulthood and there is deterioration in spatial memory and a decrease in mnemonic functions. Conventionally, the hippocampus is divided into dorsal and ventral parts, which differ in sensitivity to stress: the ventral part is responsible for angiogenesis (a complex behavioral process involving the neurotransmitter and hormonal systems), restoration of traumatic memories and defensive reactions [33], the dorsal part is responsible for on spatial memory and its modulation in connection with stress [48].

It was revealed that stressors are determined by both real and perceived (psychogenic) stimuli, activating adaptive systems. Internal and external stimuli activate the hypothalamic pituitary adrenal axis [35], which is responsible for organizing the effective use of the body's resources. Neurons of the paraventricular nucleus of the hypothalamus secrete corticotropin-releasing hormone and are transported into the blood vessels, as a result of which the anterior pituitary gland secretes adrenocorticotrophic hormone, which is responsible for regulating the secretion of cortisol. In addition to the hypothalamic pituitary adrenal axis, the sympathoadrenal medullary system plays a regulatory role, leading to a general change in the homeostasis of the body and releasing catecholamines (norepinephrine and adrenaline) into the blood, regulating the level of glucose, oxygen and blood supply, which ensures optimal muscle functionality. Although short-term activation of systems may be adaptive to maintain body homeostasis (allostasis), chronically elevated or dysregulated allostasis (allostatic load) can lead to metabolic dysfunction and disease development [16].

It should be noted that studies have shown that chronically elevated cortisol levels and dysfunction of the feedback system within the hypothalamic pituitary adrenal axis play an important role in stress responses, while hyporesponsiveness of this axis is associated with increased susceptibility to chronic diseases [20].

A recent study of an acceptability of a real-time notification of stress and access to self-help therapies among law enforcement officers [36] was conducted to study stress in real time using a specialized FitBits smartwatch that sends notifications when high levels of stress in the form of vi-

bration and visualization at high heart rates, as well as notifications about breathing exercises. The following factors caused an increased heart rate response in police officers: calling, using a weapon, following a suspect, reading dispatch notes on the way to their work. Thus, physiological markers of stress and personal technologies have increased police officers' awareness of stress. Also it has helped them start using stress reduction techniques in time and coordinate their actions more effectively [36].

Psychoendocrine Approach to the Study of Stress

Endocrine mechanisms of stress are an important component of studying psychoendocrine correlates of risky behavior and risky decision-making. The endocrine system plays one of the leading roles in the formation of the regulation of the compensation mechanism for various extreme factors affecting the body [5]. From a physiological point of view, each individual stimulus causes a complex neuroendocrine response aimed at overcoming extraordinary circumstances. It is now known that the sympathoadrenal and pituitary-adrenal axis form a nonspecific response to a wide range of stimuli. However, the nature of the stressor, the individual assessment of the stressful situation that has arisen, and the subject's behavior strategy during stress determine the presence of a specific component in the body's reaction.

In modern foreign works, potential diagnostic biomarkers of stress have been identified [47]:

1. metabolic biomarkers: glucose, glycosylated hemoglobin, cholesterol level, triglycerides;
2. endocrine hormones: prolactin, estradiol, oxytocin, growth factor and dehydroepiandrosterone sulfate (DHEAS), cortisol, dehydroepiandrosterone (DHEA);
3. enzymatic and non-enzymatic antioxidants: superoxide dismutase, catalase, glutathione peroxidase, malondialdehyde, ascorbic acid (it participates in the processes of the antioxidant defense system, which is one of the natural defense systems against the harmful effects of reactive oxygen species causing oxidative stress). Therefore the hypothalamic pituitary adrenal axis, the autonomic nervous system, and the immune system are involved in shaping the individual response to chronic stress.

A number of modern studies on the effects of stress on human health, including police officers, have shown a connection between the DHEA/cortisol ratio and the development of disorders in the cardiovascular, nervous and reproductive systems, as well as social adaptation [40; 60]. It was determined that the ratio of dehydroepiandrosterone (DHEA) to cortisol should be considered as a key marker of the body's resistance to any stress [23]. Moreover, to ensure adequate protection in the body, the level of DHEA must always prevail.

There is evidence of differentiation of the cortisol/DHEA ratio depending on the leading affect: anxious, mixed or apathetic [4]. It was found that the ratio of DHEA and cortisol concentrations decreases in proportion to the strength of stress exposure.

Cortisol has been shown to be an end product of the hypothalamic pituitary adrenal axis and helps the body adjust and adapt to internal and external demands [29]. The reliability of salivary cortisol measurements has been demonstrated in short-term stress assays, while hair cortisol assays have been used to measure allostatic load caused by chronic cortisol exposure over a long period of time [31]. Changes in cortisol levels follow a circadian rhythm, are subject to distortion by environmental factors [29] and involve three discrete components: 1) the cortisol awakening response, characterized by a sharp increase in cortisol levels immediately upon waking, followed by a sharp decrease over the next few hours; 2) a gradual decrease in cortisol levels throughout the rest of the

day, reaching its lowest point in the first half of the sleep period (around midnight); 3) an increase in cortisol levels in the second half of sleep (the period before awakening).

Disruption of circadian rhythm and cortisol signaling can affect the functioning of central and peripheral systems, leading to the development of negative health consequences. A systematic review and meta-analysis of diurnal cortisol slopes and mental health found that smoother diurnal cortisol rhythms throughout the day are associated with poorer mental and physical health (depression, internalizing disorder, externalizing disorder, fatigue, immune/inflammatory processes, obesity) [7].

Research findings have shown that chimeric antigen receptor is widely used as a biomarker of hypothalamic pituitary adrenal axis sensitivity to stress and is considered a reliable indicator of cumulative or allostatic load on the body, predicts mental health outcomes health, including dissociation, acute stress disorder and depression, morbidity and mortality rates in police officers and other populations.

In the work of Violanti J.M. (2016), a sharp “dulling” of the cortisol pattern — a damped or flat profile — after awakening was associated with events that police officers identified as stressful: contact with children on calls; murder in the line of duty; situations requiring the use of force; physical attack on a person. Those with low stress scores had a sharp and sustained increase in cortisol levels upon awakening compared to baseline, while officers with moderate to high stress scores had a less pronounced response. Wirth et al. studied the effect of shift work on cortisol levels in police officers: cortisol levels upon awakening were lower in police officers working a rotating schedule (night and day shifts) than in a group of police officers working only day shifts. Physical activity may act as a protective factor by regulating cortisol levels and improving sleep quality in officers [28]. Gender differences have also been reported in factors — sexual dimorphism in brain structures modulating hypothalamic pituitary adrenal axis activity, differences in gonadal steroid hormone secretion, and globulin levels — influencing basal and stress-related hypothalamic pituitary adrenal axis activation and, accordingly, on cortisol levels [29]. A study of hair cortisol concentrations showed an association between cortisol and emotion dysregulation, suggesting a sex-specific association between these measures. However, the perception of stress and regulation of emotions did not differ by gender. Elevated cortisol levels normalize more quickly in men [57] due to greater expression of glucocorticoid receptors, so there may be a link between emotional dysregulation and high hair cortisol levels — a sign of chronic elevation hormone in previous months is quite difficult to diagnose [34; 52].

The neurovisceral integration model [59] proposes that vagal activity indicates an individual’s ability to self-regulate: higher vagal activity allows for greater adaptability and greater behavioral flexibility in challenging environments. According to the reactivity hypothesis [17], exaggerated physiological reactivity to stress poses a health risk, and blunted physiological reactivity tends to be a more adaptive response. However, findings from a study of vagal activity in people with symptoms of depression and burnout support the notion that both exaggerated and blunted physiological responses to stress may be maladaptive and have adverse health consequences. Blunted cardiovascular reactivity is associated with depressive disorder [24; 25; 50] and neuroticism [37]. High levels of police stress (administrative and physical) are also associated with blunted diurnal declines in cortisol levels [8]. A similar point of view is considered by Bhatnagar [13]: a low and inhibited reaction after a stressful stimulus reflects not only stability, but also the absence of an initial reaction to stress, thereby confirming that the same result can indicate opposite qualities of the subjects [13]. Constant adaptation of the hypothalamic pituitary adrenal axis to various stressful stimuli ultimately

leads to its pathological functioning: the response will be exaggerated or minimal, which is reflected in the pattern of cortisol secretion or the amount of the hormone. Stress-related incidents cause a lower or blunted cortisol response [21]. Similar findings are reflected in a study of emergency operator stress levels: chronic exposure to stress can lead to cortisol hyporeactivity [11].

It was determined that according to attentional control theory [27], anxiety reduces the level of attentional control and influences the priority processing of external and internal information that is not related to the goal or threat. Under conditions of acute stress, elevated cortisol levels influence cognitive performance through a shift from goal-directed control to stimulus-driven behavior [35], leading to decreased performance on perceptual-motor tasks [18]. The opposite results were shown in the Regehr's et al. work [51]. It was found that greater cortisol release in response to a realistic police scenario is associated with high performance among police recruits. Thus, stress reactions may reduce efficiency of work but do not necessarily affect its productivity. Attentional control theory posits that decreased performance can potentially be overcome by engaging in additional mental effort.

It was shown that self-control has a positive effect on perceptual-motor performance under stress and can counteract attentional deficits [30]. A similar theory is supported by a study in which police officers with high levels of self-control, heart rate, and anxiety maintained accuracy during shootings [41]. Rather than expending extra effort to suppress their emotional reactions, officers with high self-control made extra mental effort to maintain focused attention. Self-monitoring helps police officers prevent the influence of psychophysiological stress reactions on behavior and attention, without reducing the emotional reaction itself. Attempting to suppress or change unwanted thoughts and emotions during a stressful situation can be counterproductive by reducing the focus of attention [30, 44].

Simultaneously with cortisol, the adrenal glands synthesize dehydroepiandrosterone (DHEA), providing an antagonistic effect and having neuroprotective, antioxidant, antiglucocorticoid and anti-inflammatory effects. Due to intracellular passive diffusion, DHEA enters saliva, which facilitates its collection for analysis. The level of this steroid hormone increases with the onset of puberty; with age, the amount of androgens (DHEA and DHEA-S) decreases; in older people, its gradual decline occurs [42].

However, according to the results of a study by Noser E. et al. [46], high levels of DHEA in men (40-75 years old) are associated with levels of exhaustion. DHEA has also been implicated as a biomarker for neuropsychiatric disorders and high levels of anxiety. The ratio of DHEA and cortisol levels may signal possible dysregulation of the hypothalamic pituitary adrenal axis activity and high/low levels of stress tolerance [34]. From a practical point of view, an increase in DHEA has a positive effect on professionals experiencing increased levels of stress at work (e.g. police officers, etc.), making them more capable and decisive in their actions [49]. At the same time it is noted that they have less pronounced signs of anxiety and emotional tension [14]. High concentrations of DHEA act as a protective factor in the development of depressive symptoms and adaptation to poor sleep quality [56]. Also, increased concentrations of DHEA in hair are characteristic of individuals exposed to trauma and may indicate an intense phase of confrontation with traumatic stress. There are also suggestions [52; 53] that stress in early life “tunes” the hypothalamic pituitary adrenal axis to greater secretion of the hormone DHEA, thereby influencing individual development and subsequent response to stress.

Conclusions

The present review made it possible to systematize the ideas of foreign scientists about the psychophysiological and psychoendocrine approaches to stress response in police officers. The main vectors of psychophysiological response to stress in representatives of dangerous professions are associated with the study of the hypothalamic pituitary adrenal axis and the sympathoadrenal medullary system, which play a regulatory role. Moreover, in combination with the autonomic nervous and immune systems, the hypothalamic pituitary adrenal axis is involved in the formation of an individual response to chronic stress. It should be noted that the bulk of the research of the psychoendocrine component of stress response in police officers is devoted to the influence of the dehydroepiandrosterone and cortisol.

As shown by the review foreign scientists consider the reaction to stress in police officers combining psychophysiological and psychoendocrine approaches, which complement and explain each other. In this regard, further research prospects lie in the integration of these two approaches.

Also, due to the specific nature of police work, the study of modern technologies of recording stress indicators deserves special attention. The use of such technologies will allow respond promptly to changes in the body and provide timely assistance in stressful situations of policemen.

References

1. Bogdasarov Yu.V., Ichitovkina E.G., Soloviev A.G. Obshchaya i pervichnaya zabolevayemost' psikhicheskimi rasstroystvami lits, nablyudayushchikhsya v meditsinskikh uchrezhdeniyakh organov vnutrennikh del [General and primary incidence of mental disorders and their structure in people referred for support to the medical facilities of internal affairs organizations]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2020. Vol. 6, no. 120, pp. 99–104. doi:10.17116/jnevro202012006199 (In Russ.).
2. Vorobyova O.V. Psikhogenno obuslovlennaya vegetativnaya disfunktsiya: diagnostika i lecheniye "trudnykh" simptomov [Psychogenic Vegetative Dysfunction: Diagnosis and Treatment of "Difficult" Symptoms]. *Nervnyye bolezni = Nervous Diseases*, 2017. Vol. 3, pp. 12–18. (In Russ.).
3. Kotova O.V., Akarachkova E.S., Belyaev A.A. Psikhovegetativnyi sindrom: trudnosti diagnostiki i effektivnogo lecheniya [Psychovegetative syndrome: challenges in diagnosis and effective treatment]. *Meditsinskii sovet = Medical Council*, 2018. Vol. 21, pp. 50–55. doi:10.21518/2079-701X-2018-21-50-55 (In Russ.).
4. Kochetkov Ya.A. Markery gormonal'nogo balansa pri depressivnykh rasstroystvakh. Avtoref. diss. kand. biol.nauk. Moscow, 2009. 23 p. (In Russ.).
5. Kubasov R.V. Gormonal'nye izmeneniya v otvet na ekstremal'nye faktory vneshnei sredy [Hormonal Changes in Response to Extreme Environment Factors]. *Vestnik Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk = Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*, 2014. Vol. 9–10, pp. 102–109. (In Russ.).
6. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2019 god: sbornik analiticheskikh i informatsionnykh materialov. Moscow, 2020. (In Russ.).
7. Adam E.K., Quinn M.E., Tavernier R., McQuillan M.T., Dahlke K.A., Gilbert K.E. Diurnal cortisol slopes and mental and physical health outcomes: A systematic review and meta-analysis. *Psychoneuroendocrinology*, 2017. Vol. 83, pp. 25–41. doi:10.1016/j.psyneuen.2017.05.018
8. Allison P., Mnatsakanova A., Fekedulegn D.B., Violanti J.M., Charles L.E., Hartley T.A., Andrew M.E., Miller D.B. Association of occupational stress with waking, diurnal, and bedtime corti-

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проничева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

sol response in police officers. *The American Journal of Human Biology*, 2019. Vol. 31, no. 6. doi:10.1002/ajhb.23296

9. Anders R., Willemin-Petignat L., Rolli Salathé C., Samson A.C., Putois B. Profiling Police Forces against Stress: Risk and Protective Factors for Post-Traumatic Stress Disorder and Burnout in Police Officers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 15, pp. 918. doi:10.3390/ijerph19159218

10. Baldwin S., Bennell C., Andersen J.P., Semple T., Jenkins B. Stress-Activity Mapping: Physiological Responses During General Duty Police Encounters. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.02216

11. Bedini S., Braun F., Weibel L., Aussedat M., Pereira B., Dutheil F. Stress and salivary cortisol in emergency medical dispatchers: A randomized shifts control trial. *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12. doi:10.1371/journal.pone.0177094

12. Bertilsson J., Niehorster D.C., Fredriksson P.J., Dahl M., Granér S., Fredriksson O., Mårtensson M.J., Magnusson M., Fransson P.-A., Nyström M. Stress Levels Escalate When Repeatedly Performing Tasks Involving Threats. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01562

13. Bhatnagar S. Rethinking stress resilience. *Trends in Neurosciences*, 2021. Vol. 44, no. 12, pp. 936–945. doi:10.1016/j.tins.2021.09.005

14. Boudarene M., Legros J.J., Timsit-Berthier M. Etude de la réponse de stress: rôle de l'anxiété, du cortisol et du DHEAs [Study of the stress response: role of anxiety, cortisol and DHEAs]. *Encephale*, 2002. Vol. 28, no. 2, pp. 139–146.

15. Castro M.C., Rocha R., Cruz R. Mental health of the Brazilian police policy: theoretical-methodological trends. *Psicologia, Saúde e Doenças*, 2019. Vol. 20, pp. 525–541. doi:10.15309/19psd200220.

16. Chaves T., Fazekas C.L., Horváth K., Correia P., Szabó A., Török B., Bánrévi K., Zelena D. Stress Adaptation and the Brainstem with Focus on Corticotropin-Releasing Hormone. *International Journal of Molecular Sciences*, 2021. Vol. 22, no. 16. doi:10.3390/ijms22169090

17. Chida Y., Steptoe A. Greater cardiovascular responses to laboratory mental stress are associated with poor subsequent cardiovascular risk status: a meta-analysis of prospective evidence. *Hypertension*, 2010. Vol. 55, no. 4, pp. 1026–1032. doi:10.1161/hypertensionaha.109.146621

18. Cook C.J., Crewther B.T. The effects of different pre-game motivational interventions on athlete free hormonal state and subsequent performance in professional rugby union matches. *Physiology & Behavior*, 2012. Vol. 106, no. 5, pp. 683–688. doi:10.1016/j.physbeh.2012.05.009

19. Costa T., Passos F., Queirós C. Suicides of male Portuguese police officers — 10 years of national data. *Crisis*, 2019. Vol. 40, pp. 360–364. doi:10.1027/0227-5910/a000570

20. Cozma S., Dima-Cozma L.C., Ghiciuc C.M., Pasquali V., Saponaro A., Patacchioli F.R. Salivary cortisol and α -amylase: subclinical indicators of stress as cardiometabolic risk. *Brazilian Journal of Medical and Biological Research*, 2017. Vol. 50, no. 2. doi:10.1590/1414-431X20165577

21. Dickerson S.S., Kemeny M.E. Acute stressors and cortisol responses: a theoretical integration and synthesis of laboratory research. *Psychological Bulletin*, 2004. Vol. 130, no. 3, pp. 355–391. doi:10.1037/0033-2909.130.3.355

22. Doan S.N., DeYoung G., Fuller-Rowell T.E., Liu C., Meyer J. Investigating relations among stress, sleep and nail cortisol and DHEA. *Stress*, 2018. Vol. 21, no. 2, pp. 188–193. doi:10.1080/10253890.2018.1429398

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проничева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

23. Dutheil F., de Saint Vincent S., Pereira B., Schmidt J., Moustafa F., Charkhabi M., Bouillon-Minois J.B., Clinchamps M. DHEA as a Biomarker of Stress: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychiatry*, 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsy.2021.688367
24. Ehrental J.C., Zimmermann J., Brenk-Franz K., Dinger U., Schauenburg H., Brähler E., Strauß B. Evaluation of a short version of the Experiences in Close Relationships-Revised questionnaire (ECR-RD8): results from a representative German sample. *BMC Psychology*, 2021. Vol. 9. doi:10.1186/s40359-021-00637-z
25. Ehrental J.C., Dinger U., Lamla A., Funken B., Schauenburg H. Evaluation der deutschsprachigen Version des Bindungsfragebogens “Experiences in Close Relationships–Revised” (ECR-RD). *Psychotherapie Psychosomatik Medizinische Psychologie*, 2009. Vol. 59, no. 6, pp. 215–223. doi:10.1055/S-2008-1067425
26. EUROSTAT. Personnel in the Criminal Justice System by Sex — Number and Rate for the Relevant Sex Group. Luxembourg City: EUROSTAT, 2022.
27. Eysenck M.W., Derakshan N., Santos R., Calvo M.G. Anxiety and cognitive performance: attentional control theory. *Emotion*, 2007. Vol. 7, no. 2, pp. 336–353. doi:10.1037/1528-3542.7.2.336
28. Fededulegn D., Innes K., Andrew M.E., Tinney-Zara C., Charles L.E., Allison P., Violanti J.M., Knox S.S. Sleep quality and the cortisol awakening response (CAR) among law enforcement officers: The moderating role of leisure time physical activity. *Psychoneuroendocrinology*, 2018. Vol. 95, pp. 158–169. doi:10.1016/j.psyneuen.2018.05.034
29. Fries E., Dettenborn L., Kirschbaum C. The cortisol awakening response (CAR): facts and future directions. *International Journal of Psychophysiology*, 2009. Vol. 72, no. 1, pp. 67–73. doi:10.1016/j.ijpsycho.2008.03.014
30. Giessing L., Frenkel M.O., Zinner C., Rummel J., Nieuwenhuys A., Kasperk C., Brune M., Engel F.A., Plessner H. Effects of Coping-Related Traits and Psychophysiological Stress Responses on Police Recruits’ Shooting Behavior in Reality-Based Scenarios. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01523
31. Golden S.H., Wand G.S., Malhotra S., Kamel I., Horton K. Reliability of hypothalamic-pituitary-adrenal axis assessment methods for use in population-based studies. *European Journal of Epidemiology*, 2011. Vol. 26, no. 7, pp. 511–525. doi:10.1007/s10654-011-9585-2
32. Grassi C., Del Casale A., Ferracuti S., Cucè P., Santorsa R., Pelliccione A., Marotta G., Tavella G., Tatarelli R., Girardi P., Rapinesi Ch., Kotzalidis G.D., Pompili M. How do recruits and superintendents perceive the problem of suicide in the Italian State Police? *Annali dell’Istituto superiore di sanita*, 2018. Vol. 54, no. 2, pp. 82–89. doi:10.4415/ANN_18_02_02
33. Haran U., Ritov I. Know who you’re up against: Counterpart identifiability enhances competitive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014. Vol. 54, pp. 115–121. doi:10.1016/j.jesp.2014.04.009
34. Hennessey E.-M.P., Kepinska O., Haft S.L., Chan M., Sunshine I., Jones C., Hancock R., Hoeft F. Hair cortisol and dehydroepiandrosterone concentrations: Associations with executive function in early childhood. *Biological Psychology*, 2020. Vol. 155. doi:10.1016/j.biopsycho.2020.107946
35. Herman J.P., McKlveen J.M., Ghosal S., Kopp B., Wulsin A., Makinson R., Scheimann J., Myers B. Regulation of the Hypothalamic-Pituitary-Adrenocortical Stress Response. *Comprehensive Physiology*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 603–621. doi:10.1002/cphy.c150015

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проничева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

36. Jetelina K.K., Molsberry R., Malthaner L., Beauchamp A., Cannell M.B., Hall T., Fowler E., Anderson L. Acceptability of a real-time notification of stress and access to self-help therapies among law enforcement officers. *BMC Public Health*, 2022. Vol. 22, no. 1. doi:10.1186/s12889-021-12423-y
37. Jonassaint C.R., Why Y.P., Bishop G.D., Tong E.M., Diong S.M., Enkelmann H.C., Khader M., Ang J. The effects of neuroticism and extraversion on cardiovascular reactivity during a mental and an emotional stress task. *International Journal of Psychophysiology*, 2009. Vol. 74, no. 3, pp. 274–279. doi:10.1016/j.ijpsycho.2009.09.012
38. Kelley D.C., Siegel E., Wormwood J.B. Understanding Police Performance Under Stress: Insights from the Biopsychosocial Model of Challenge and Threat. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.01800
39. Kim W.J., Park K.M., Park J.T., Seo E., An S.K., Park H.Y., Lee E. Sex-specific association of hair cortisol concentration with stress-related psychological factors in healthy young adults. *Biology of Sex Differences*, 2021. Vol. 12, no. 1. doi:10.1186/s13293-021-00399-8
40. Lam J.C.W., Shields G.S., Trainor B.C., Slavich G.M., Yonelinas A.P. Greater lifetime stress exposure predicts blunted cortisol but heightened DHEA responses to acute stress. *Stress Health*, 2019. Vol. 35, no. 1, pp. 15–26. doi:10.1002/smi.2835
41. Landman C., Quévrain E. Le microbiote intestinal: description, rôle et implication physiopathologique [Gut microbiota: Description, role and pathophysiologic implications]. *Revue de Médecine Interne*, 2016. Vol. 37, no. 6, pp. 418–423. doi:10.1016/j.revmed.2015.12.012
42. Le N.P., Varadhan R., Fried L.P., Cappola A.R. Cortisol and Dehydroepiandrosterone Response to Adrenocorticotrophic Hormone and Frailty in Older Women. *The Journals of Gerontology*, 2021. Vol. 76, no. 5, pp. 901–905. doi:10.1093/gerona/glaa134
43. McEwen B.S., Akil H. Revisiting the Stress Concept: Implications for Affective Disorders. *The Journal of Neuroscience*, 2020. Vol. 40, no. 1, pp. 12–21. doi:10.1523/jneurosci.0733-19.
44. Mosley, E., Laborde, S., Kavanagh, E.J. The Contribution of Coping-Related Variables and Cardiac Vagal Activity on Prone Rifle Shooting Performance Under Pressure. *Journal of Psychophysiology*, 2019. Vol. 33, no. 3, pp. 171–187. doi:10.1027/0269-8803/a000220
45. Mücke M., Ludyga S., Colledge F., Pühse U., Gerber M. Association of Exercise with Inhibitory Control and Prefrontal Brain Activity Under Acute Psychosocial Stress. *Behavioral and Brain Sciences*, 2020. Vol. 10, no. 7. doi:10.3390/brainsci10070439
46. Noser E., Fischer S., Ruppen J., Ehlert U. Psychobiological stress in vital exhaustion. Findings from the Men Stress 40+ study. *Journal of Psychosomatic Research*, 2018. Vol. 105, pp. 14–20. doi:10.1016/j.jpsychores.2017.11.019
47. Noushad S., Ahmed S., Ansari B., Mustafa U.H., Saleem Y., Hazrat H. Physiological biomarkers of chronic stress: A systematic review. *International Journal of Health Sciences*, 2021. Vol. 15, no. 5, pp. 46–59
48. Pang T.Y., Yaeger J.D.W., Summers C.H., Mitra R. Cardinal role of the environment in stress induced changes across life stages and generations. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2021. Vol. 124, pp. 137–150. doi:10.1016/j.neubiorev.2021.01.012
49. Pérez-Valdecantos D., Caballero-García A., Del Castillo-Sanz T., Bello H.J., Roche E., Córdova A. Stress Salivary Biomarkers Variation during the Work Day in Emergencies in Healthcare Professionals. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 8. doi:10.3390/ijerph18083937.

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проницева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

50. Phillips S.M., Van Loon L.J. Dietary protein for athletes: from requirements to optimum adaptation. *Journal of Sports Sciences*, 2011. Vol. 29, Suppl. 1, pp. S29–38. doi:10.1080/02640414.2011.619204
51. Regehr C., LeBlanc V.R., Jelley B.R., Barath I. Acute stress and performance in police recruits. *Stress Health*, 2008. Vol. 24, no. 4, pp. 295–303. doi:10.1002/smi.1182
52. Schindler L., Shaheen M., Saar-Ashkenazy R., Bani Odeh K., Sass S.H., Friedman A., Kirschbaum C. Victims of War: Dehydroepiandrosterone Concentrations in Hair and Their Associations with Trauma Sequelae in Palestinian Adolescents Living in the West Bank. *Behavioral and Brain Sciences*, 2019. Vol. 9, no. 2. doi:10.3390/brainsci9020020
53. Schury K., Koenig A.M., Isele D., Hulbert A.L., Krause S., Umlauft M., Kolassa S., Ziegenhain U., Karabatsiakakis A., Reister F., Guendel H., Fegert J.M., Kolassa I.-T. Alterations of hair cortisol and dehydroepiandrosterone in mother-infant-dyads with maternal childhood maltreatment. *BMC Psychiatry*, 2017 Vol. 17, no. 1. doi:10.1186/s12888-017-1367-2
54. Singo C., Shilubane H.N. How Do Police Officers Cope with Stress? A Qualitative Study. *Journal of police and criminal psychology*, 2022. Vol. 37, pp. 984–992. doi:10.1007/s11896-022-09556-0
55. Sinha R. The role of stress in addiction relapse. *Current Psychiatry Reports*, 2007. Vol. 9, no. 5, pp. 388–395. doi:10.1007/s11920-007-0050-6
56. Smoktunowicz E., Baka L., Cieslak R., Nichols C.F., Benight C.C., Luszczynska A. Explaining Counterproductive Work Behaviors Among Police Officers: The Indirect Effects of Job Demands Are Mediated by Job Burnout and Moderated by Job Control and Social Support. *Human Performance*, 2015. Vol. 28, no. 4. doi:10.1080/08959285.2015.1021045
57. Stephens M.A., Mahon P.B., McCaul M.E., Wand G.S. Hypothalamic-pituitary-adrenal axis response to acute psychosocial stress: Effects of biological sex and circulating sex hormones. *Psychoneuroendocrinology*, 2016. Vol. 66, pp. 47–55. doi:10.1016/j.psyneuen.2015.12.021
58. Stephenson M.D., Schram B., Canetti E.F.D., Orr R. Effects of Acute Stress on Psychophysiology in Armed Tactical Occupations: A Narrative Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 3. doi:10.3390/ijerph19031802
59. Thayer J.F., Hansen A.L., Saus-Rose E., Johnsen B.H. Heart rate variability, prefrontal neural function, and cognitive performance: the neurovisceral integration perspective on self-regulation, adaptation, and health. *Annals of Behavioral Medicine*, 2009. Vol. 37, no. 2, pp. 141–153. doi:10.1007/s12160-009-9101-z
60. Tramel W.; Schram B.; Canetti E.; Orr R. An Examination of Subjective and Objective Measures of Stress in Tactical Populations: A Scoping Review. *Healthcare*, 2023. Vol. 11, no. 18. doi:10.3390/healthcare11182515

Information about the authors

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Head, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Булыгина В.Г., Ивашкевич Н.Т.,
Рашевская О.Ю., Проничева М.М.
Психофизиологический и психоэндокринный
подходы в зарубежных исследованиях
стрессового реагирования у полицейских
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 235–247

Bulygina V.G., Ivashkevich N.T.,
Rashevskaya O.Yu., Pronicheva M.M.
Psychophysiological and Psychoendocrine Approaches
in Foreign Studies of Stress Response in Police Officers
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 235–247

Nadezhda T. Ivashkevich, Student, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Olga Yu. Rashevskaya, Medical Psychologist, Psychiatric Clinical Hospital No. 5 of the Moscow Department of Health, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Maria M. Pronicheva, PhD in Psychology, Senior Researcher Associate, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Информация об авторах

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Ивашкевич Надежда Тарасовна, студентка, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, e-mail: ivamilita95@gmail.com

Рашевская Ольга Юрьевна, медицинский психолог, Психиатрическая клиническая больница № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУЗ ПКБ № 5 ДЗМ), г. Москва, Российская Федерация; e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Проничева Мария Михайловна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Получена 07.10.2023
Принята в печать 10.01.2024

Received 07.10.2023
Accepted 10.01.2024

Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners

Oksana I. Mironova

HSE University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala

Independent Researcher, Gothenburg, Sweden

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

The work is devoted to the study of social and psychological adaptation of women who are married to foreigners. As a result of a theoretical study of the problem, a model of social and psychological adaptation of the social group under the study was firstly formulated and proposed. The model consists of four stages (“honeymoon stage”, stage of accumulation of contradictions, stage of depression, stage of integration), four levels (social level, collective level, personal level, level of close relationships), four types (assimilation, separation, marginalization, integration), four corresponding psychological difficulties (prevailing of the compelled contacts in the structure of communication; women’s expectations regarding interaction with society do not coincide with the expectations of society; ideas about oneself as a migrant before moving do not coincide with real ideas about oneself in the new country; the predominance of external motivation when moving to another country (following the husband), as a consequence — loss of work and familiar surroundings) and clinical manifestations (irritability; frustration, deprivation; depression, somatization; intrapersonal conflict). All of them are interconnected and form a single space of consistent changes in accordance with the tasks of adaptation. A distinctive feature of this model is the emphasis on the dynamic changes in the social and mental sphere of the lives of women-migrants in the process of integration into the host society.

Keywords: migrants adaptation, adaptation of women-migrants, model of social and psychological adaptation of migrants, stages of adaptation of migrants, levels of adaptation of migrants, types of adaptation of migrants.

For citation: Mironova O.I., Ruonala L.A. Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 248–265. DOI:10.17759/psylaw.2024140116

Модель социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образова-
ния «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый
университет), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Л.А.

независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Работа посвящена изучению социально-психологической адаптации женщин, заклю-
чивших брак с иностранцами. В результате теоретического исследования проблемы
впервые была сформулирована и предложена модель социально-психологической
адаптации изучаемой социальной группы. Модель состоит из четырех этапов (этап
«медовый месяц», этап накопления противоречий, этап депрессии, этап интеграции),
четырёх уровней (социальный уровень, коллективный уровень, личностный уровень,
уровень близких отношений), четырех типов (ассимиляция, сепарация, маргинализа-
ция, интеграция), соответствующих им четырех психологических трудностей (преоб-
ладание вынужденных контактов в структуре общения; ожидания женщин относи-
тельно взаимодействия с обществом не совпадают с ожиданиями общества; предст-
авления о себе как о мигранте до переезда не совпадают с реальными представлениями
о себе в новой стране; преобладание внешней мотивации при переезде в другую стра-
ну (за мужем), как следствие — потеря работы и привычного окружения) и клиниче-
ских проявлений (раздражительность; фрустрация, депривация; депрессия, соматиза-
ция; внутриличностный конфликт). Все они взаимосвязаны и образуют единое про-
странство последовательных изменений в соответствии с задачами адаптации. Отли-
чительной особенностью данной модели выступает акцент на динамических измене-
ниях, происходящих в социальной и психической сфере жизни мигранток в процессе
интеграции в принимающее общество.

Ключевые слова: адаптация мигрантов, адаптация женщин-мигрантов, модель соци-
ально-психологической адаптации мигрантов, этапы адаптации мигрантов, уровни
адаптации мигрантов, виды адаптации мигрантов.

Для цитаты: Миронова О.И., Руонала Л.А. Модель социально-психологической адаптации
женщин, заключивших брак с иностранцами [Электронный ресурс]. Психология и право.
2024. Том 14. № 1. С. 248–265. DOI:10.17759/psylaw.2024140116

Introduction

The problem of migration in modern conditions is of great interest to the scientific society. First-
ly, it is associated with the large number of migrants to Russia and other attractive regions. Second-
ly, modern migration has its own distinct characteristics in connection with internet development.
Global digitalization of daily life has brought migrant's adaptation to a completely different plane

of development. Thus, due to the internet and the media, a modern migrant has knowledge about the country of arrival.

In addition, the development of the internet and the transition of social life to smartphones (in 2016, internet access from smartphones became more often than from desktop computers) created a special communication situation, when to communicate with people around the world there is no need to buy expensive devices, but a wide usage of communication apps helps to communicate in real time from almost anywhere in the world.

Today the study of the problem of migrants is associated with such topics as labour migration, forced migration from places of hostilities and adaptation of the second generation of migrants. Interest in these groups is caused by, among other things, the social and economical consequences of migration, that have a significant impact on the state (including benefit payments, social tension, the formation of ghettos, the work of migration services, distribution, replenishment and expenditure of state tax assets).

Currently, migration as a phenomenon needs to be rethought and clarified, considering new realities associated with the digitalization of everyday life and post-non-classical scientific rationality. This will allow us to go beyond the instrumental approach to the study of migration and rethink the philosophical and social and psychological foundations of this phenomenon.

There is insufficient research on the adaptation of women who moved to a new country due to marriage. The focus of research on the adaptation of this social group is on reproductive choice, mental states after moving, exploitation and involvement in labour processes.

In addition, the focus of this study can be useful not only because of all migrant groups, the sample of women who moved to a new country due to marriage, is one of the least studied. Since, firstly, adaptation affects intimate relationships, and, secondly, the influence of economic factors (migrant workers) and the mental consequences of traumatic experiences (refugees) are reduced, the identified factors of successful adaptation are associated with the core of social and psychological adaptation of migrants.

State of the research problem

A.A. Endruyshko notes, that the history of the development of the concept of migrants' adaptation has undergone considerable changes from the ideas of a "melting pot", where a migrant completely adopts the culture of the host society to the ideas when a person can be included in different culture contexts and have different identities [11].

Development of ideas about adaptation correlates with classical science rationality. R. Park [26], R. Redfield, R. Linton, M. Herskovits [28], R. Teske and B. Nelson [30] studied adaptation within its frames. All migration theories considered at this historical time were associated with the idea of losing the identity of the country of origin, as it was assumed that migrants most often come from less developed culture and they need to "grow" up to the host society. Often people from colonies became migrants who for one reason or another were forced to move to a new country. The theories had a general character and didn't identify the levels, peculiarities and characteristics of the adaptation process.

The basic models of migrants' adaption both in the western and domestic psychology correlate with the non-classical stage of the science development. Among the scientists who contributed to the development of ideas about adaptation it should be mentioned J. Berry [12, 13], N. Glaser and D. Moynihan [17], Y. Kim [20], K. Oberg [25], V.V. Konstantinov [3], V.Yu. Ledeneva [4], T.G. Stefanenko [8] and others. According to the dominant paradigm, the scientists paid more attention to the philosophical component of the models, took into account the influence of the researcher

and the tools chosen by him on the obtained results. Thanks to the dialectic approach the early ideas of adaptation were complemented by more complex constructions such as identity and two-way orientation of the migrant's adaptation and the host society.

The evolution of the ideas goes from the classical to the non-classical type of scientific rationality. However, in modern migration theories we consider it important to consider a number of issues related to the features of the digital era and the criteria of the post-non-classical scientific rationality.

The post-non-classical scientific rationality is more adequate to the modern state of affairs. The multivariance and openness to the changes underlying the basis of modern science help to see and describe the complexity of the processes taking place in migrants' adaptation in the host society. Modern conditions present a few challenges previous generations did not face.

One of these conditions is widespread digitalization. It affects both communication and other social contexts such as daily lifestyle, working processes, social services from the state and even a doctor visit. The features of migration in the digital era have become interesting for modern scientists. For example, in the works of B.Z. Faizullaev [15], N. Foner [16], J. Peters [27], N.G. Schiller [29], M. McAuliffe [21; 22], such important contexts as transnationalism, transmigration, digitalization are highlighted. In accordance with the scientists, currently a migrant is in different social contexts and cannot fully immerse himself in the culture of the host society, a migrant himself chooses in what spheres of life and how much he wants to integrate. It is all about flexibility inherent to modern migration.

Another new condition for social and psychological migrant adaptation is globalization, i.e. process of general economic, political, cultural, and religious integration and unification. The culture of the migrant and the host society are in many ways similar and understandable. As a rule, a modern migrant is at the same cultural context, watches the same movies, listens to the same music, uses the same brands, uses the same products of scientific and technical progress.

It would be logical to assume that culture in this situation should become more universal and relieve the migrant from acculturation shock but in reality, although it is quite blurred, migrants still continue to experience difficulties with adaptation.

Thus, these two phenomena — digitalization and globalization significantly affect social and psychological migrants' adaptation, and the existing models developed earlier are not sufficient and there is a number of critical questions to them.

Firstly, the influence of global digitalization on migration has not been sufficiently studied. Despite the fact that in the last 20 years separate theories have arisen which reacted to the digitalization of social human life, at present there is no generally recognised model covering the accumulated knowledge in the studied field.

Remote work which has become widespread since the beginning of the pandemic, can completely exclude the migrant from local communication. A person can live in one country but “go to work” in another country and, at the same time, communicate with the family and friends and actively participate in their lives, even if they are in different geographical locations. Thus, a person can exist simultaneously in several cultures.

Culture shock or acculturation stress can, thus, be associated not only and not so much with the culture difference, traditions and habits. Acculturation stress and adaptation problems among modern migrants, even if they move to a fairly close cultural environment, make it possible to assume that there are hidden reasons associated with both the migrant's personality and the host society.

The second important point related to the insufficiency of existing theories is a large number of uncounted hidden bilateral processes affecting adaptation. The current dyadic discourse associated with influence of two “players”, the migrant and the host society, does not make it possible to iden-

tify and measure these hidden processes. Both assimilation, acculturation, multiculturalism and transculturalism distinguish a group of migrants and a group of the host society as objects.

The dyadic approach to social and psychological adaptation leads to difficulties in resolving a number of contradictions without which harmonious coexistence of different cultures within one state is impossible.

The authors of many theories for migration assume the equality of cultures and a personality experience, but practical researches reveal discrimination, social and economical injustice that migrants face and which are inherent in any society. A number of researchers [33] consider it as a point of growth of tolerance and development for the host society. However, this development is impossible if the differences existing between local population and migrants are not taken into consideration. These differences shall be comprehended both by the host society and the migrants themselves.

The process of adaptation is a so-called transient space (D. Winnicott) [32] or a game space (D.B. Elkonin) [10]. In some ways the migrant shall again go through the stages of childhood development but exclusively from the perspective of social experience. He is a “child” from the perspective of the cultural experience of living in a new country, but an “adult” psychologically.

This discourse has philosophical roots and is associated with the development by scientists of such categories as “Self”, “Other”, “Alien”, which reveal ideas about human similarity and differences in different philosophical schools.

Modern models of migrants’ adaptation do not indicate three possible roles, which can be taken on any person. Discrimination occurs in the dichotomy “Self — Alien” and does not arise in the triad “Self — Other — Alien” as “Other” — is an equal as a person from the personality’s perspective but in other respects he can be stronger or weaker, more or less experienced, more or less adaptive. Thus, the process of social and psychological adaptation itself is an acquaintance of the migrant with himself as to “Other” and the gradual transformation from “Alien” to “Self”.

Thus, going beyond the dyadic discourse helps to see the hidden factors affecting the success of the migrant’s adaptation. The development of a philosophical level of understanding of social and psychological migrant’s adaptation allows us to describe the dynamic space of an individual’s transformation and society in mutual adaptation.

There is a third important moment in understanding adaptation. The dichotomy of theories cannot spotlight a number of phenomena, which became noticeable in the digital era. These issues, likely, lie in the plane of a person’s unconscious motives which cannot always be investigated directly in traditions of evidence-based psychology as the answer to this question is not entirely obvious to the migrant himself. In addition, the assessment by actions does not always allow to reveal the level of the respondent’s self-actualization. The same behaviour can be both the result of a mature choice and a way to imitate socially approved norms and motives.

The logic of linearity and dichotomy also considers types of adaptation, where success is determined not by tasks resolved by the migrant’s psyche but on the basis of formal criteria. From our point of view, both assimilation, gettoisation, separation and integration can be considered not as fundamentally different from each other’s final points of the process but possible turning points associated with resolving specific conflicts inherent in migrants and resolving these contradictions can allow the migrant to explore other ways of behaviour in the host society.

The problem with the studied models can be a certain simplification of the description of the adaptation process (there are no elements of personality, values, transcendence, motives are studied separately from a person’s history), that doesn’t fully answer the question what specific instruments can help a migrant to successfully integrate.

Fourthly, modern theories of migration often focus on external reasons of moving (e.g., economic situation in a country, dissatisfaction of gender roles etc), but it is worth to consider the fact that even in the most complicated life situations, not everyone decides to migrate.

Modern concepts of migration mainly look at the migrant as a “product of moving”, i.e. simplified, reducing migration to just a border crossing in connection with cognitively understandable explanations which at the same time do not give the full picture of how a person came to such resolving contradictions which happened in his life or as a social object but not a psychological subject.

We assume that a “migrant’s path” starts not from the moment of moving to a new country but from the moment of the internal agreement with the idea that any contradiction can be resolved by migrating as well as with that picture of the future the migrant focuses on when moving.

Moving triggers specific processes in the migrant’s psyche associated with the need to encounter those internal contents that were not obvious in their home country. These contents may be related to self-image, fantasies about living in another culture, and one’s own limitations and strengths.

In addition, fifthly, at the moment a number of scientists note a crisis associated with the study of adaptation. Migrants influence local culture significantly and this criterion has been underestimated. Unfortunately, due to a false understanding of the phenomenon of political correctness, an open and deep dialogue associated with contradictions in the interaction of different ethnic groups and cultures is very difficult [31]. In addition, some critics of modern approaches to migration, as noted by A. Giddens, can turn to xenophobia [14]. At the moment, there is a danger for scientists to lose objectivity and neutrality by deviating either to the left (ignore ethnic and religious differences) or to the right (demonize migrants or sympathize with nationalists’ ideas).

These issues are associated with modern theories of migration in general. But their consideration also brings up to the question of how much they reflect the processes in the studied group of migrants, namely, the group of women who registered marriage with foreigners and moved to a new country as a result of the marriage.

It should be noted that many theories for migration generally focus on the social and economic difficulties of adaptation. However, the group of people, we are studying, when moving if they encounter these problems, then in a lesser version. In many countries when getting a residence permit upon reunification with the partner, the host party shall confirm his ability to support his wife, provide her adequate living conditions etc.

At the same time a woman finds herself in a specific communication situation. Cross-cultural communication with a spouse touches on a woman’s deepest, real, intimate experiences [23].

Finally, there are unspoken expectations to women in any culture. These requirements concern not only behavioural rules in society but also the roles of a man and a woman, romantic traditions, models of raising kids.

It can be concluded that the mentioned characteristics of the group are expressed in a number of contradictions which a woman has to resolve in the process of adaptation for successful integration into the host society. The model we propose for the social and psychological adaptation of the studied group is built around the determination and resolving these contradictions. The proposed model can be useful not only from the point of view of studying a specific group but can also clarify the idea of migration in general.

Components of the model of social and psychological adaptation of women married to foreigners

Based on the above, it has become obvious that it is necessary to create a model of social and psychological adaptation of women married to foreigners taking into consideration existing critical

issues. For this purpose, based on theoretical research the following generic concepts were identified: types of adaptation (J. Berry), stages of adaptation (A. Harris, H. Triandis, J. Berry, R. Lazarus, S. Folkman etc.), the dynamic component of the adaptation process and an individual approach (Y. Kim), and integration is being considered as the final stage of successful adaptation (V.Yu. Ledeneva).

All three theories consider the adaptation process through the prism of the joint activity of the migrant and the host society and study different elements of this process. Integration, thus, occurs due to transformation of the old identity into the new, mixed one and as a result the migrant's acceptance by society is possible. It can be correlated with the concept of the aggregate subject introduced by K.A. Abulkhanova-Slavskaya.

In addition, when describing the model based on an analysis of the literature for the topic it was for the first time formulated:

- levels of social-psychological adaptation of the studied group;
- psychological difficulties inherent in woman correlating with the identified levels of adaptation;
- clinical aspects of the identified psychological difficulties.

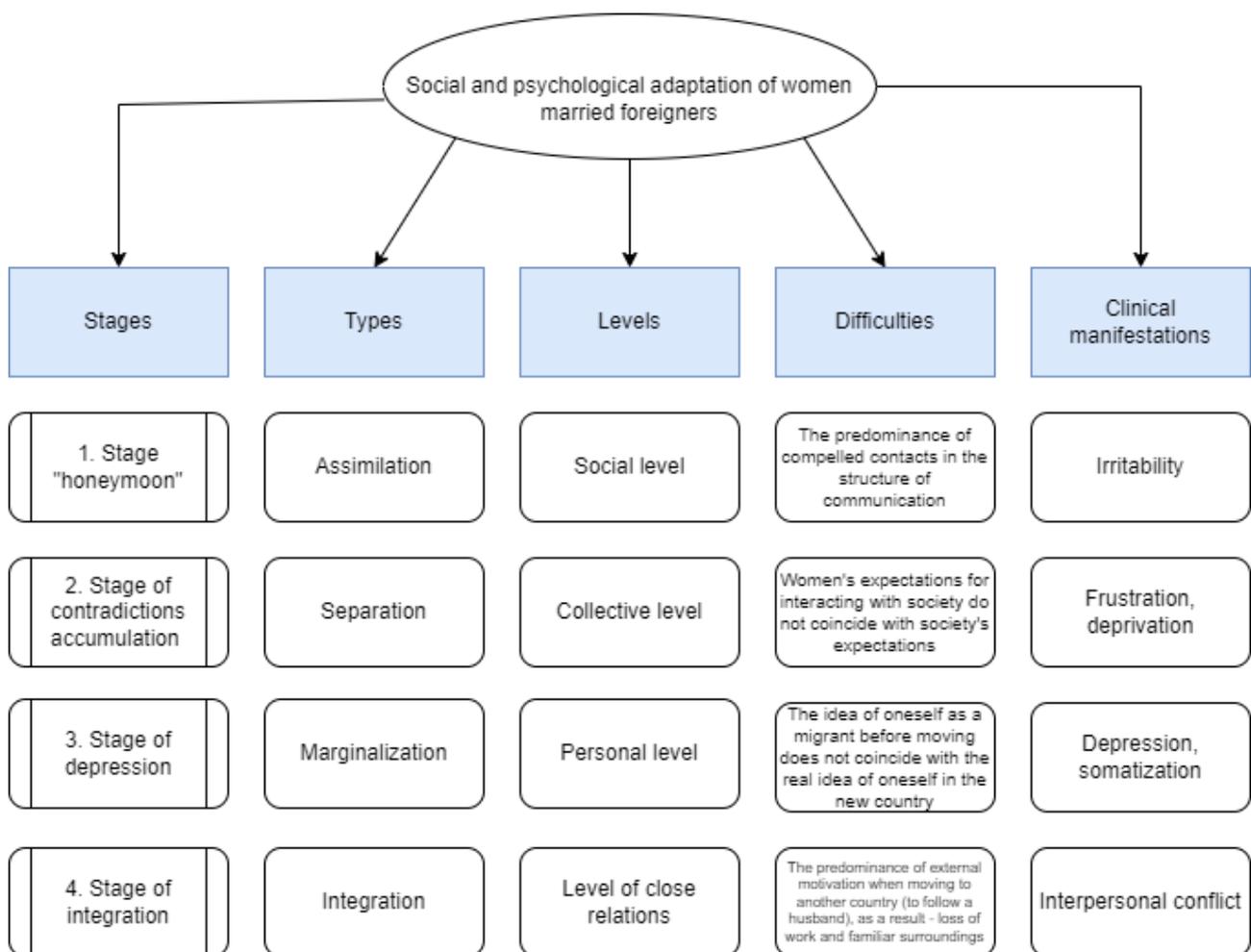

Figure. 1. Model of social and psychological adaptation of women married foreigners

It should be taken into account that the stages, types, levels and results of adaptation are similar for all migrants but the difficulties and clinical manifestations will differ in dependence of the reasons for moving and for each group of migrants they shall be considered separately.

Resolving key psychological difficulties associated with each stage of social and psychological adaptation, integration into the host society and the formation of a special form of ethnic identity, including components of both the identity of the country of origin and the new place of residence, indicate success of the studied process.

This model is clearly shown in Fig. 1

Our proposed model of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners continues the logic of the development of ideas about the adaptation of migrants and takes into account modern problems and challenges.

Let us take a closer look at each component of our presented model.

Component “Stages of social and psychological adaptation of women married to foreigners”

For description of the adaptation process after moving, we use the theory of 4 stages of adaptation in a new country, accepted in the modern. It seems interesting to consider this process not only from the perspective of acculturation stress. For example, the generally accepted four stages of adaptation can be correlated with the stages of grief as a process of adaptation to a new reality in the psychodynamic approach and the loss in this case will be the lost image of the “ideal Self”. Let us compare the stages of psychological migrant’s adaptation in the host society and the stages of grief V. Kast [19].

1. *Stage “honeymoon” — denial phase.* At the “honeymoon” phase, the migrant hasn’t fully realized yet how life in a new country differs from the fantasies and plans she made before moving.

At this stage the migrant pays attention to those advantages that she gained from moving focusing on everything she didn’t have in the country of origin that is associated with experiencing pleasant feelings and euphoria. The migrant experiences belonging to the new. The stage of accumulation of disappointment followed after can bring unwillingness to face unpleasant experiences and trigger a number of psychological defenses denying that disappointment. Further transformation is impossible without understanding that you cannot stay constantly in a stage of “falling in love”.

2. *The stage of accumulation of contradictions — the phase of breakthrough of emotions.* After a person starts to accept the fact of changes as a given, in psyche the leading emotions typical for oneself actualize and breakthrough. For example, if a person got used to react to stress with aggression, then this emotion will actualize; if he suffered from toxic shame, then namely shame will become the main emotion at this stage of adaptation.

The transition to the stage of accumulation of disappointment is associated with intense experience of loss connected with the lack of the usual valuable elements of daily life which in one’s native country he took for granted. For many migrants the lack of the usual level of service, the work of social and communal services, the traditions of celebrating holidays, the inaccessibility of significant social connections at motherland etc. becomes a real challenge.

In addition, the migrant can be disappointed in himself and his abilities to overcome difficulties that trigger such feeling as helplessness, anger, rage, guilt and shame. It is assumed that the task of this stage is the necessity to contain all these “nuclear” feelings of psyche which also connected with unresolved difficulties at earlier stages of the migrant’s life.

If these feelings are not processed and symbolically experienced, then the migrant can “get stuck” in the feeling of being an “alien” in this country and culture. Unresolved feelings, thus, can be reacted outwardly through discussion of dissatisfaction connected with a new country and its inhabitants.

3. *The stage of depression — a phase of searching and separation.* The task of this stage is the realization and appropriation of the important things that were given to the migrant by motherland, culture, values, ways of communication. At the same time, new identity begins to form; the most important things are taken from the past life and new ones are chosen that corresponds more to the ideas of oneself as a migrant — member of the host society.

The stage of depression occurs if a person finds the strength to face the necessity to form new ideas about himself and his place in the world. This stage corresponds with the stage of grief when loss is accepted, the effect is contained and it is necessary to carry out laborious work for “inventory” of all one’s motives, beliefs and ideas.

As noted by J. Hollis [18] there is confusion in definitions connected with using the “depression” in psychoanalysis and medicine. Here we use this term from the perspective of psychoanalytical theory implying a deep experience associated with the forming of a new picture of the world, capable to maintain the contradictions of the environment, putting up with its injustice and imperfection and at the same time to be happy and creatively active.

If to use the language of metaphors, we can say that the dichotomy “Self — Alien” correlates with a two-dimensional space where there are only abscissa and ordinate axes. A person feels himself in a trap, finding himself as a point in a square drawn around. However, integration of the depression stage gives a person the idea of the third — the concept of the “Other”. The Z axis is added to the abscissa and ordinate axes creating volume and helping to see instead of a trap a square drawn on the asphalt you can easily step over.

This task is uncommon and requires from the migrant mental maturity and courage and to abandon infantile beliefs and mechanisms, mental maturity and courage. For realization of this stage, one always needs “Other” — a therapist, a social worker, a friend, a partner. i.e. a person capable to “reflect” respectfully on person’s needs and problems showing blind spots, calling things like they are, offering alternatives.

4. *The integration stage — a phase of a new attitude to oneself and the world.* The transition to this stage represents the completion of adaptation to loss which is impossible to be changed and forms an attitude towards adaptation as to a valuable experience that allows to become a complete and self-actualized person who can be integrated into a new society. The “True Self” is formed which in the process of adaptation has been cleared of unrealistic expectations, unprocessed traumas and tragedies, untreated family neuroses that, in our opinion, means successful adaptation of the migrant into the host society.

From the point of view of V.Yu. Ledeneva [4] successful integration as the final stage of adaptation associates with the knowledge of the language of a new country, full participation in social and political life (including obtaining citizenship, the ability to vote), social status (having a job, getting an education), equal access with members of the host society to the public domain. The realization of these needs and strengthening one’s position in society become the tasks of the final stage of adaptation.

Component “Levels of social and psychological adaptation of women married to foreigners”

The analysis of the sources have shown that in science there is currently no consensus on the classification and the content of the levels of social and psychological adaptation of migrants and their study is of a general nature.

The level of adaptation is quite often understood in research as the level of adaptation: low, medium, high. These studies relate to the classical scientific paradigm, which considers adaptation as a linear movement from low to high and correlates with some reference scale in a two-dimensional space.

Another criterion for identifying levels of social and psychological adaptation found in the literature can be called the success of adaptation: false — genuine, full — partial, successful — unsuccessful [1; 6]. Such ideas about adaptation include not only a scale but also correlate with any characteristics of the success of social and psychological adaptation which corresponds to the non-classical paradigm.

From the point of view of post-non-classical rationality, adaptation should be considered as a complex three-dimensional figure in motion and the level is that disposition which can be fixed at a specific moment of time correlated with certain stages, difficulties, clinical manifestations and types of adaptation.

To solve this problem, based on the analysis of the sources the characteristics were identified which modern scientists associate with the success of social and psychological migrants' adaptation. Then, based on the categorization of these concepts it was revealed that four levels of social and psychological adaptation of women married to foreigners can be distinguished: collective, psychological, social and the level of close relations.

The collective level is associated with the mutual social expectations of the migrant and the host society, as well as with those categories which form these expectations: the image of the host party, the image of oneself as a migrant, prejudices, stereotypes regarding the host culture and the culture of origin, attitude to migrants in the host society as well as relations between these two categories.

The psychological level is associated with the personality of the migrant: his beliefs, values, motives, level of aspiration, coping strategies, active life position.

The social level (or the level of social context) is revealed through features of social status such as: gender, age, financial status, professional status, living in a big, small city or a village, presence of children, nuclear to extended family, access to resources (e.g., to medicine, education, labour market, equality etc.)

The fourth level will vary in different groups of migrants as it is relating to the motive for moving. In the situation of marriage migration, *the level of close relations* is revealed. This level includes: experience of romantic relations, type of attachment, characteristics of marriage choice, role expectations from husband and wife, marital satisfaction.

All the described levels are united around the anchor concept — identity. Each level relates to a specific aspect of identity of the migrant and consistently reveals its transformation during the entire adaptation process.

E. Erikson, H. Tajfel, J. Turner, E. Goffman, G. Breakwell separated personal and social identity and described two levels of individual's functioning: a) as a level of conformity in comparison with others b) as a category defining constancy in changes in the development process.

J. Turner [9] proposed the concept of self-categorization — correlation of oneself with a certain class of objects (humanity, social group, personal character features). He represented a correlation between social and personal types of identity in the form of bipolar continuum where the levels of self-categorization are in the relations of “functional antagonism”. Being in the position of the group identity, a person does not notice the individuality of the group members; in the position of personal identity the understanding of group similarity is lost.

According to T.G. Stefanenko, ethnic identity can be considered not only as ethnicity but also as an experience arisen within the interaction of individual's “Self” and surrounding ethnic environment through awareness of belonging and separateness [8]. Migrants face a special situation of increasing rupture with the environment of their native country at the lack of belonging in the new society.

Ethnic identity from G.U. Soldatova's point of view should be considered as a component of multiple identity, which relates to the structure of group self-actualization. Ethnic identity is a social and psychological result of emotional and cognitive, value processes [7].

In the understanding of J. Berry [12], successful adaptation is associated with the formation of a new, mixed identity, which contains both elements of the culture of the country of origin and the host country.

In this study, by identity we understand the process and result of identification with groups and their characteristics, which is revealed at all levels of human existence, and the elements of identity are in dynamic relationships with each other (they represent an open system).

The result of successful adaptation in modern research is considered to be integration which is characterized by the following features:

- both the migrant and his family, children (if any) are successfully integrated into the life of the host society;
- the migrant and his children (if any) speak the language of the country where they live;
- - the migrant understands values and cultural needs of the host country but keeps respecting values, history, tradition of migrant's own culture;
- the migrant himself seeks and creates a balance between the values and observance of the traditions of the country of origin and the host society;
- the migrant forms a new ethnic identity consisting of the elements of the identity of the country of origin and the host country;
- the migrant acts as a subject of his own life and is ready to resolve the contradictions that arise in his life based on the formed identity.

Each of the levels of social and psychological adaptation plays a role in one way or another in a migrant's adaptation, however, at each stage a specific level plays a key role. At the first stage, when meeting a new society, elements of the social level of adaptation come to the fore; at the second stage, with the accumulation of contradictions, the content of the collective level is of particular importance; on the third — personal, and on the final level, the level of close relationships becomes especially important.

The work we have done on highlighting the levels of social and psychological adaptation of women who married to foreigners gives an understanding of what “layers” of the migrant's personal and social life are affected by adaptation and what changes the individual's identity undergoes.

Component “Types of social and psychological adaptation of women married to foreigners”

J. Berry [13], based on empirical research, identified four types of adaptation of migrants: assimilation, separation, marginalization and integration. Later, this classification was confirmed by other researchers and it is widely used in modern science.

This classification is based on the idea of adaptation as a process of formation of a special type of the migrant's identity, including both the identity of the country of origin and the new country which is associated both with the activities of the migrant himself and the attitude of the host society.

If the environment is ready to accept migrants and promote their inclusion, while the migrant loses connection with his identity of the country of origin, then assimilation occurs. i.e. rejection by the migrant of his own culture and history and the attempt to use only traditions of the host society.

In the situation where the migrant rejects his identity and the society is not inclined to accept migrants, then the person is marginalized.

And finally, if the migrant values his culture and traditions but the society does not approve it, then so-called gettos, “a country within a country” may arise and separation takes place.

Integration, according to this model, is possible only in case the migrant accepts himself and his identity, and the external environment (citizens and the government in the host society) respects both its culture but is ready to be flexible when inclusion of migrants into social, economic, and political life of the country.

The topic of adaptation of migrants became especially actual after the migration crisis of 2014 and based on the conducted researches, a number of inconsistencies can be noted. The researches confirm distribution of migrants into these four types. However, despite the fact, that in many European countries great attention is paid to the adaptation of migrants at all levels, there is also marginalization and separation there.

It can be assumed that the conditions identified by J. Berry are not sufficient to explain the formation of adaptation for one type or another, and there are other factors affecting the type of adaptation. We consider these types in conjunction with the stages of adaptation. The inability of resolving these problems at the corresponding stages of adaptation, associated both with the personality of the migrant and with the behaviour of representatives of the host society, leads to “getting stuck” at this stage.

Taking into account the integrity, dynamism and direction of the process of the social and psychological adaptation, it is worth to consider the stages of adaptation proposed by J. Berry and correlate them with the corresponding adaptation stages, their tasks and properties.

At the first stage of adaptation the migrant studies the components of identity of a new country on a superficial level, responding to the new things he would like to appropriate. If the transition to the second stage of adaptation does not happen, then the migrant “gets stuck” in identification with a new country and tries in every possible way to devalue the significance of the country of origin that corresponds to the type of adaptation described by J. Berry — *assimilation*, i.e. rejection of the culture of his native country and the attempt to immediately become a “Self”, but not an “Alien”.

The second stage involves experiencing the differences between the native and new societies. There is a tendency to reject the new culture and idealize one’s own, lost one, that leads to the behaviour called *separation* by J. Berry. Here the migrant is very acutely aware of the fact that he is not a “Self”, that means an “Alien”, and tends not to notice the good that there is in a new country and can enrich him, including emotionally and spiritually.

The third stage is a kind of a “melting pot”, where a rethinking of both cultures takes place and the formation of that identity, which will best reveal the migrant as a genuine, self-actualized person. If it does not happen, the migrant can “get stuck” at that transitional stage, losing touch with both the native and the new culture that corresponds to *marginalization* according to J. Berry. Thus, the migrants cannot decide what group they actually belong to.

If the first three stages have been completed, then the migrant finds himself as “Other”, i.e. similar and different at the same time. He acquires the ability to be relevant in both cultures and moves on to solving the immediate problems of *integration*.

Considering the types of social and psychological adaptation not as disjoint sets, but as elements of one space in dynamics, allows us to see the process we are studying more fully.

Component “Psychological difficulties in adaptation of women married to foreigners”

At each level of the adaptation a woman can experience specific psychological difficulties in adaptation: women’s expectations regarding interaction with society do not coincide with the society’s expectations; prevailing of external motivation when moving to another country (to follow the husband), as a result — loss of work and familiar surrounding; the predominance of the compelled contacts in the structure of communication; ideas about oneself as a migrant before moving do not coincide with real ideas about oneself in the new country.

We consider in details the theoretical and empirical prerequisites for studying this component in a previous publication [24], and here we will focus on the content of a specific component of the model and its connection with other components.

So, firstly, it should be noted that at each stage of social and psychological adaptation, a specific psychological difficulty is actualized (i.e. “any internal barriers, violations, failures, etc., preventing optimal adaptation”), which shall be resolved within this stage [24, p. 163].

At the first stage, a woman finds herself in a situation where the majority of her contacts is her husband and his environment. The opportunity to fit into everyday reality the social connections familiar to this moment, which a woman has developed over the years: her own family, friends, acquaintances, colleagues, etc., is lost. If previously migrants found themselves in a social vacuum, which forced them to look for new contacts, now messengers and social networks in their lives help to maintain social connections in another country but slows them down in finding their own social life not connected with their husband [2].

At the same time a woman needs to constantly communicate with strangers in a new country in state organizations when obtaining local documents and registering with institutions, validating education, language courses, institutions for children, if any, and if they moved together with their mother etc. Thus, *the compelled contacts* prevail in a woman’s life [5].

On the one hand, this situation cannot be called simple. On the other hand, the emotions after the moving are still strong: the bureaucratic stage associated with the legalization of the moving and reunification with the partner completed; in the new country positive differences from the country of origin are noticed, there is strength and motivation to change something, integrate and learn the language. Affected by this emotional uplift it can be difficult to pay proper attention to problems and take care of yourself and your condition. Women can try with all their strength to maintain this experience of euphoria and deny any problems and their impact on life and mental state.

If the problem is not ignored and the woman sees reasons why communication that was easy before is not like that now, is capable to see and accept her specific position in the new society and in communication, different from her position in the native country, then there is a transition to the next stage of the adaptation associated with the fact that *the expectations of women regarding to interaction with the society do not coincide with the society’s expectations*.

At this stage, with the accumulation of contradictions regarding the new country, the woman discovers that she is not fully familiar with the rules, habits and unspoken requirements of society. What was taken for granted in her home country (from the set of the service sector, medicine and education to the way how properly communicate with neighbors and sellers) here can have its own subtle nuances. In fact, all three aspects of communication are affected and in particular the understanding of non-verbal language, the ability to find a common foundation for interaction and the ability to correctly perceive and understand another person.

In such situations for reducing anxiety the mechanism of polarization is activated. The complexity of this stage is in maintaining an ambivalent position where there are no good and bad cultures or traditions but there are familiar and unfamiliar. Keeping a position of respect for both cultures, the woman can move on to the next stage, which is associated with a deep experience of her own identity — *the idea of herself as a migrant before moving does not coincide with a real idea of herself in the new country*.

Resolving of this problem cannot be called trivial. On the one hand, this is the experience of otherness, dissimilarity, difference from those who surround the woman. We can say that at the stage the woman-migrant experiences existential loneliness and learns to know herself, her humanity and uniqueness. This stage is more difficult and labour-consuming. Often a woman needs the help of a

specialist in order to work through those life stories and acquire new personal qualities that will allow to realize and build her identity keeping contacts with her native culture and integrating the culture of the new country.

If this stage is passed, we can talk about the resolving the last difficulty associated with the moving — prevailing of external motivation when moving to another country (to follow the husband), as a result — the loss of job and familiar surroundings. Here, those consequences of moving that cannot be resolved without rethinking her motives, aims and values come to fore. Despite the fact that this difficulty showed up at the very beginning of the moving, resolving its consequences and formation of internal motivation at the previous stages was irrelevant and impossible.

At this stage, external motivation is exchanged into internal motivation, and the tasks of the life path cease to be fundamentally different from the tasks of the local population.

These psychological difficulties can be correlated with the levels of adaptation and represent external or internal barriers that a woman faces after moving.

Social level — the predominance of the compelled contacts in the structure of communication;

Collective level — women's expectations regarding interaction with society do not coincide with society's expectations;

Personal level — ideas about herself as a migrant before moving do not coincide with real ideas about herself in the new country;

Relationships in a couple — the predominance of external motivation when moving to another country (to follow the husband), as a result — loss of work and familiar surroundings.

The resolving these psychological difficulties acts as a driver of adaptation. By overcoming the frustration associated with the negative consequences of these difficulties, a woman gains valuable experience of personal transformation, which allows her to reveal her psychological potential and become the true author of her life.

Component “Clinical manifestations of psychological difficulties in the social and psychological adaptation of women married to foreigners”

At each stage of social and psychological adaptation, specific clinical manifestations are indicators of certain difficulties. On the one hand, they can act as markers for passing the corresponding stages. On the other hand, if the symptoms last a long time and their intensity increases, then we should talk about pathological “getting stuck” at the corresponding stages. In this case, the woman needs specialized help to resolve psychological difficulties.

Irritation becomes an indicator that, due to the predominance of the compelled contacts, a woman is not satisfied with everyday communication; she needs to pay the closest attention to this symptom. Both the woman herself and her surrounding can misclassify this condition without taking into account the context and ignore the seriousness of her condition.

More and more immersed in everyday life, a woman faces the fact that she has lost all her social roles, except for the role of wife. Her professional achievements, friendship, family relationships and associated habits and aspirations cannot be exhibited in the new society in the same way as in her native country. Due to contradictions in realizing her social needs, a woman faces *frustration* and even *deprivation*. It is frustration that can help a woman to understand and evaluate the level of her aspirations and build a “road map” that helps her to understand how she would like to develop in a new country.

To resolve this issue requires a deep immersion into one's own mental life. This process is associated with a so-called “internal reassembly”, the natural consequence of which may be a subdepressive state. But if this work does not happen, then *depression* can become real or turn into *somatization*.

Only by building a new identity a woman can get the point where problems related to how exactly a woman will realize herself in a new society are solved. This topic is associated with bridging the gap between the “Ideal Self” and the “Real Self” and can lead to *intrapersonal conflicts*. Their solution becomes the final task, helping to truly integrate into a new society.

The identified clinical manifestations of psychological difficulties in the process of social and psychological adaptation are an integral part of the path that a woman goes through when integrating into a new society.

Conclusions

The model of social and psychological adaptation of women married to foreigners considered in the article, reveals social and psychological adaptation from different sides, highlighting the complexity and multifactorial nature of the studied process, taking into account the non-obvious tasks of this process, which affect not only superficial and easily measurable parameters.

We analyzed the shortcomings of the concepts of migrants’ adaptation available in modern science. It can be noted that there is a certain paradox associated with understanding the social and psychological adaptation of migrants. On the one hand, the existing models indeed describe an important part of reality, but on the other hand, due to 1) the limitations of the tools and research methods offered by non-classical rationality, 2) fundamentally new modern conditions in which the process of social and psychological adaptation of migrants takes place, 3) the hidden processes affecting adaptation, 4) the focus on studying the external side of the migration process, 5) difficulties in keeping research neutrality to the studied process — it is obvious that there is a number of blind spots that significantly influence scientists’ understanding of how exactly both migrants and the host society can be helped in the process of adaptation.

A distinctive feature of this model is the emphasis on dynamic changes in the adaptation process taking place in the social and mental sphere of women-migrants’ lives. The introduction of a dynamic component into the model allows us to combine incomplete knowledge on the topic and discover the relationship between the levels, types and stages of adaptation, psychological difficulties typical for the studied group and their clinical symptoms.

The model consists of four stages (“honeymoon stage”, stage of accumulation of contradictions, stage of depression, stage of integration), four levels (social level, collective level, personal level, level of close relationships), four types (assimilation, separation, marginalization, integration), four corresponding psychological difficulties (the predominance of the compelled contacts in the structure of communication; women’s expectations regarding interaction with society do not coincide with the expectations of society; ideas about themselves as a migrant before moving do not coincide with real ideas about themselves in the new country; the predominance of external motivation when moving to another country (following her husband), as a consequence — loss of work and familiar surroundings) and clinical manifestations (irritability; frustration, deprivation; depression, somatization; intrapersonal conflict). All of them are interconnected and form a single space of consistent changes in accordance with the tasks of adaptation.

It should be noted that three of the four levels of social and psychological adaptation are universal and reveal processes in all groups of migrants, and the level of close relationships is specific to the social group under study and reveals the characteristics inherent specifically in women who married to foreigners. They are revealed in the difficulties and clinical manifestations unique to this group.

With the existing limitations associated with the fact that the obtained model is the result of theoretical research, an important difference is going beyond the primacy of quantitative indicators and the transition to post-classical scientific rationality.

The prospect for further research is an empirical study of the characteristics of social and psychological adaptation of women who are married to foreigners, clarifying the content of specific factors that influence her success.

References

1. Barteneva A. K. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya russkoyazychnykh immigrantov v Finlyandii. *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike: materialy III Vserossiiskoi. nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheboksary, 22 iyulya 2022)*. Cheboksary: Sreda, 2022, pp. 238–242. (In Russ.)
2. Brazevich S.S. Sotsial'nye seti migrantov kak novaya kommunikativnaya lokal'nost', kvazi-instituty etnichnosti i logika virtualizatsii sotsial'nogo kapitala [Social networks of migrants as a new communication locality, quasi-institutions of ethnicity and the logic of virtualization of social capital]. *Teleskop = Telescope*, 2023, no. 1, pp. 38–47. doi:10.24412/1994-3776-2023-1-38-47 (In Russ., Abstr. in Engl.)
3. Konstantinov V.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v prinimayushchem polikul'turnom obshchestve: Diss. dokt. psikholog. nauk. Saratov, 2018, 535 p. (In Russ.)
4. Ledeneva V.Yu., Kononov L.A. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoi Rossii: Monografiya. Moscow: RUDN Publ., 2021. 296 p. (In Russ.)
5. Mironova O.I. Vynuzhdennye kontakty v mezhlichnostnom vzaimodeistvii: Uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'skii dom "Belyi veter", 2020. 113 p. (In Russ.)
6. Neganov V.V., Vedyakov M.I. Nekotorye aktual'nye aspekty migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Some actual aspects of the migration policy of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022. Vol. 12, no. 7A, pp. 83–91. doi:10.34670/AR.2022.80.14.013 (In Russ., Abstr. in Engl.)
7. Soldatova G.U., Panteleev A.B. Mezhkul'turnaya kompetentnost' i adaptatsiya v inokul'turnoi srede: podkhody i tekhnologii [Intercultural competence and adaptation in foreigncultural environment: approaches and technologies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, 2007, no. 1, pp. 12–22. (In Russ., Abstr. in Engl.)
8. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
9. Turner J.C. Sotsial'noe vliyanie [Social Influence]. Saint Petersburg: Piter, 2003. 256 p. (In Russ.)
10. Elkonin D. B. Psikhologiya igry. Moscow: Rugram, 2022. 228 p. (In Russ.)
11. Endryushko A.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu adaptatsii migrantov v prinimayushchem obshchestve: zarubezhnyi opyt [Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017. Vol. 8, no. 4, pp. 45–70. doi:10.19181/vis.2017.23.4.480 (In Russ., Abstr. in Engl.)
12. Berry J.W. Migrant acculturation and adaptation. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 311–318.

13. Berry J.W. Theories and models of acculturation. In S.J. Schwartz, J. Unger (eds.). *The Oxford Handbook of Acculturation and Health*. 2017, pp. 15–28.
14. Dennison J., Geddes A. Why COVID-19 does not necessarily mean that attitudes toward immigration will become more negative. IOM Policy Paper. International Organization for Migration, 2020. 8 p.
15. Fayzullayev B.Z. Khalid S. Navigating the digital divide: analysing the impact of technology and connectivity on modern trends in international labor migration. *American Journal of Interdisciplinary Research and Development*, 2023. Vol. 20, pp. 80–92.
16. Foner N. Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*, 2000. Vol. 1, no. 34, pp. 255–262. doi:10.1177/019791830003400113
17. Glazer, N., Moynihan, D. P. Beyond the melting pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1963. 360 p.
18. Hollis J. The Middle Passage: From Misery to Meaning in Mid-Life. Toronto: Inner City Books, 1993. 128 p.
19. Kast V. Time to Mourn: Growing Through the Grief Process. Einsiedeln: Daimon Verlag, 1993. 156 p.
20. Kim Y.Y. Beyond cultural categories: Communication, adaptation and transformation // The Routledge handbook of language and intercultural communication. Routledge, 2012. pp. 241–255.
21. McAuliffe M. International migration and digital technology: An overview. *Research Handbook on International Migration and Digital Technology*. Edward Elgar Publishing, 2021, pp. 1–13. doi:10.4337/9781839100611.00008
22. McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) World Migration Report. Geneva: International Organization for migrants (IOM), 2022. 540 p.
23. Mironova O.I., Ruonala L.A. Type of attachment as a factor of socio-psychological adaptation of women married to foreigners. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2022, no. 4, pp. 101–112. doi:10.18384/2310-7235-2022-4-101-112
24. Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S. Digitalization of Social Contacts – Risks for Women Seeking a Spouse through Dating Sites and Apps. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63. doi:10.17759/psylaw.2021110404
25. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*, 1960. Vol. 4, no. 7, pp. 177–182. doi:10.1177/009182966000700405
26. Park P. Race and Culture. Glencoe: Free Press, 1950. 456 p.
27. Pieterse J.N. Global Multiculture, Flexible Acculturation. *Globalizations*, 2007. Vol. 1, no. 4, pp. 65–79. doi:10.1080/14747730701245616
28. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, 1936. Vol. 1, no. 38, pp. 149–152. doi:10.1525/aa.1936.38.1.02A00330
29. Schiller N.G., Basch L., Szanton B.C. From immigrant to transmigrant: Theorizing transnational migration. *Anthropological Quarterly*, 1995, no. 68, pp. 48–63. doi:10.2307/3317464
30. Teske R.H., Nelson B.H. Acculturation and assimilation: A clarification. *American Ethnologist*, 1974, Vol. 1, no. 2, pp. 351–367. doi:10.1525/ae.1974.1.2.02a00090
31. Vertovec S., Wessendorf S. Migration and Cultural, Religious and Linguistic Diversity in Europe: An overview of issues and trends. University of Oxford, 2005.

Миронова О.И., Руонала Л.А.
Модель социально-психологической адаптации
женщин, заключивших брак с иностранцами
Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 248–265

Mironova O.I., Ruonala L.A.
Model of Social and Psychological Adaptation
of Women Married to Foreigners
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 248–265

32. Winnicott D.W. Transitional Objects and Transitional Phenomena: A Study of the First Not-Me Possession. *The Collected Works of D.W. Winnicott*: Vol. 4. New York: Oxford Academic, 2016, pp. 159–174.

33. Wyszynski M.A., Guerra R., Bierwiazzonek K. Good refugees, bad migrants? Intergroup helping orientations toward refugees, migrants, and economic migrants in Germany. *Journal of Applied Social Psychology*, 2020. Vol. 50, no. 5, pp. 607–618. doi:10.1111/jasp.12699

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala, MA in Psychology, Independent Researcher, Gothenburg, Sweden, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, доцент, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); профессор, кафедра психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Лидия Александра, магистр психологии, независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Получена 20.12.2023
Принята в печать 20.01.2024

Received 20.12.2023
Accepted 20.01.2024